

Роберт Бернс

Роберт
Бернс
Стихотворения

Robert Burns

The Poetical Works

MOSCOW
RADUGA PUBLISHERS
1982

Роберт
Бернс
Стихотворения

МОСКВА
«РАДУГА»
1982

Составление И. М. ЛЕВИДОВОЙ
Послесловие Ю. Д. ЛЕВИНА
Комментарии и глоссарий Л. М. АРИНШТЕЙНА
Художник В. Б. СОЛОВЬЕВ
Редактор К. Н. АТАРОВА

Роберт Бернс. СТИХОТВОРЕНИЯ. Сборник. Сост. И. М. Левидова. На англ. и русск. яз. — М.: Радуга. — 1982. — 705 с.

Имя великого шотландского поэта Роберта Бернса (1759—1796) хорошо известно советскому читателю. Настоящий сборник дает возможность оценить творчество поэта в оригинале и познакомиться с переводами стихотворений и песен Бернса, сделанными русскими и советскими поэтами-переводчиками.

Издание сопровождается послесловием и комментариями к тексту и предназначено для широкого круга любителей поэзии.

© Составление, послесловие и комментарии — издательство «Радуга», 1982.

Б $\frac{60602-084}{031(01)-82}$ 846-82

4703000000

Contents

Содержание

THE POEMS AND SONGS

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПЕСНИ

Song, composed in August	16	580
Конец лета. <i>Перевод С. Маршака</i>	17	
Song (Behind yon hills where Lugar flows)	20	582
Нэнни. <i>Перевод В. Рогова</i>	21	
Song—(Tibby I hae seen the day)	24	583
К Тибби. <i>Перевод С. Маршака</i>	25	
Extempore	26	585
Пойду-ка я в солдаты. <i>Перевод С. Маршака</i>	27	
Song (From thee, Eliza, I must go)	28	584
Перед разлукой. <i>Перевод С. Маршака</i>	29	
Song (My father was a farmer upon the Carrick border O)	30	585
Был честный фермер мой отец. <i>Перевод С. Маршака</i>	31	
John Barleycorn. <i>A Ballad</i>	36	585
Джон Ячменное Зерно. <i>Перевод С. Маршака</i>	37	
Иван Ерофеич Хлебное-зернышко. <i>Баллада. Перевод О. Сенковского (?)</i>	449	
Джон ячменное зерно. <i>Перевод М. Михайлова</i>	452	
Джон Ячменное Зерно. <i>Перевод Э. Багрицкого</i>	455	
Roog Mailie's Elegy	42	586
Элегия на смерть моей овцы, которую звали Мейли. <i>Перевод С. Маршака</i>	43	
The Ronalds of the Bennals	46	588
Девушки из Тарболтона. <i>Перевод С. Маршака</i>	47	
Green grow the Rashes. <i>A Fragment</i>	52	589
Песня. <i>Перевод С. Маршака</i>	53	
O raging Fortune's withering blast	54	584
Злая судьба. <i>Перевод М. Михайлова</i>	55	
Epistle to Davie, A Brother Poet	56	590
Послание к собрату-поэту. <i>Перевод С. Маршака</i>	57	
My love she's but a lassie yet—	68	624
Любовь моя еще дитя. <i>Перевод В. Федотова</i>	69	

6 Contents

Holy Willie's Prayer—	70	591
Молитва святоши Вилли. <i>Перевод С. Маршака</i>	71	
Молитва святого Вилли. <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	458	
Epitaph on Holy Willie	78	592
Надгробное слово ему же. <i>Перевод С. Маршака</i>	79	
Death and Doctor Hornbook. <i>A True Story</i>	80	593
Смерть и доктор Горнбук. <i>Перевод С. Маршака</i>	81	
Смерть и доктор Горнбук. <i>Перевод Н. Новича</i>	462	
A Poet's Welcome to his love-begotten Daughter	92	594
Моему незаконнорожденному ребенку. <i>Перевод С. Маршака</i>	93	
Привет поэта своему незаконному ребенку. <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	470	
To a Mouse, On turning her up in her Nest, with the Plough, November, 1785	96	594
Полевой мыши, гнездо которой разорено моим плугом. <i>Перевод С. Маршака</i>	97	
К полевой мыши, разоренной моим плугом (В ноябре 1785). <i>Перевод М. Михайлова</i>	472	
From The Holy Fair	100	596
Из поэмы «Святая ярмарка». <i>Перевод С. Маршака</i>	101	
The Twa Dogs. <i>A Tale</i>	110	596
Две собаки. <i>Перевод С. Маршака</i>	111	
Две собаки. <i>Перевод Д. Минаева</i>	474	
Две собаки. <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	482	
The Cotter's Saturday Night	130	598
Субботний вечер поселянина. <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	131	
Сельский субботний вечер в Шотландии. <i>Перевод И. Козлова</i>	490	
The Auld Farmer's New-year-morning Salutation to his Auld Mare, Maggie	144	599
Новогодний привет старого фермера его старой лошади. <i>Перевод С. Маршака</i>	145	
Lines written in the Kirk of Lamington	150	618
Проповеднику Лемингтонской церкви. <i>Перевод С. Маршака</i>	151	
To J.S****.	152	600
Послание к другу. <i>Перевод С. Маршака</i>	153	
Extempore, in the Court of S—— (Lord A——te)	162	611
Лорд-адвокат. <i>Перевод С. Маршака</i>	163	
To a Louse, On Seeing one on a Lady's Bonnet at Church	164	601
Насекомому, которое поэт увидел на шляпе нарядной да-		

7 Содержание

мы во время церковной службы. <i>Перевод С. Маршака</i>	165	
The Inventory	168	601
Инвентарь (<i>Ответ на мандат податного инспектора</i>). <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	169	
Song. On Miss W. A.	174	603
Красавица из Баллохмэля. <i>Перевод С. Маршака</i>	175	
On a Schoolmaster in Cleish Parish, Fiveshire	176	611
Надпись на могиле школьного педанта. <i>Перевод С. Маршака</i>	177	
To a Mountain-Daisy, On turning one down, with the Plough, in April—1786	178	604
Горной маргаритке, которую я примял своим плугом. <i>Перевод С. Маршака</i>	179	
К полевой маргаритке, которую Роберт Бернс, обрабатывая свое поле, нечаянно срезал железом сохи в апреле 1786 года. <i>Перевод И. Козлова</i>	500	
К срезанной плугом маргаритке (В апреле 1786). <i>Перевод М. Михайлова</i>	502	
К маргаритке, которую сам Поэт в 1786 году срезал плугом. <i>Перевод З.</i>	504	
Lines written on a Bank-note	182	605
Надпись на банковом билете. <i>Перевод С. Маршака</i>	183	
From A Dream	184	605
Сон (<i>Отрывок</i>). <i>Перевод С. Маршака</i>	185	
The Farewell	190	607
Прощание. <i>Перевод С. Маршака</i>	191	
On Johnson's Opinion of Hampden	192	612
Джонсону. <i>Перевод С. Маршака</i>	193	
To a Haggis	194	607
Ода шотландскому пудингу «Хэггис». <i>Перевод С. Маршака</i>	195	
There was a lad	198	608
Робин. <i>Перевод С. Маршака</i>	199	
Робин. <i>Перевод Н. Новича</i>	506	
Elegy on Peg Nicholson	200	623
Элегия на смерть Пэг Никольсон, лошади священника. <i>Перевод С. Маршака</i>	201	
Epitaph. Here lies Robert Fergusson, Poet	202	608
О памятнике, воздвигнутом Бернсом на могиле поэта Роберта Фергюссона. <i>Перевод С. Маршака</i>	203	
On Fergusson	202	609
К портрету Роберта Фергюссона, шотландского поэта. <i>Перевод С. Маршака</i>	203	
The Answer	204	610

Ответ на письмо. Перевод С. Маршака	205	
Хозяйшке Уочеп-Хауза (М-сс Скотт из Уочеп). Перевод Т. Щепкиной-Куперник	508	
You wild mossy mountains—	210	611
«Скальные горы, где спят облака». Перевод С. Маршака	211	
The Birks of Aberfeldy. — Composed on the spot	212	612
Верезы Эберфельди. Перевод С. Маршака	213	
Sonnet — On hearing a thrush sing on a morning walk in January	214	637
О песне дрозда, которую поэт услышал в день своего рождения — на рассвете 25 января. Перевод С. Маршака	215	
I'm o'er young to Marry Yet	216	613
«У мамы тихо я росла». Перевод С. Маршака	217	
Мне слишком рано замуж. Перевод Т. Щепкиной- Куперник	512	
У мамы я росла одна. Перевод В. Федотова	513	
McPherson's Farewell	218	613
Макферсон перед казнью. Перевод С. Маршака	219	
Epitaph on a Wag in Mauchline	220	605
Надпись на могиле сельского волокиты. Перевод С. Маршака	221	
Dusty Miller	222	614
Мельник. Перевод С. Маршака	223	
The Ploughman	224	614
Мой парень. Перевод С. Маршака	225	
Крестьянский парень. Перевод Игн. Ивановского	514	
Scroggam	226	654
Песенка. Перевод С. Маршака	227	
Rattlin, roarin Willie	228	614
Беспутный, буйный Вилли. Перевод С. Маршака	229	
The Banks o' Doon	230	629
Как можешь течь ты, вольный Дун? Перевод Т. Сикорской	231	
The lazy mist	232	615
Ленивый туман. Перевод В. Федотова	233	
The Epitaph	234	615
Эпятафия. Перевод Игн. Ивановского	235	
John Anderson my Jo	236	625
Джон Андерсон. Перевод С. Маршака	237	
«Джон Андерсон, сердечный друг!» Перевод М. Михайлова	510	

9 Содержание

Джон Андерсен. Перевод С. Болотина и Т. Сикорской	511	
Auld lang syne	238	616
Старая дружба. Перевод С. Маршака	239	
Burns grace at Kirkudbright	240	649
Заздравный тост. Перевод С. Маршака	241	
My bonny Mary	242	617
«Вина мне пинту раздобудь». Перевод С. Маршака	243	
Afton Water	244	619
Над рекой Афтон. Перевод С. Маршака	245	
On Seeing a Wounded Hare limp by me, which a Fellow had just shot at	246	620
О подбитом зайце, проковылявшем мимо меня. Перевод С. Маршака	247	
Willie brew'd a peck o' maut	248	621
«Наш Вилли пива наварил». Перевод С. Маршака	249	
To a Gentleman who had sent him a News-paper, and offered to continue it free of expense	250	621
Послание (к джентльмену, который прислал ему бесплатно газету с предложением и дальше делать это). Перевод Т. Щепкиной-Куперник	251	
Young Jockey was the blythest lad	252	627
«Мой Джоки — славный молодец». Перевод С. Маршака	253	
My heart's in the Highlands	254	624
В горах мое сердце. Перевод С. Маршака	255	
На чужбине. Перевод О. Чуминой	517	
В горах мое сердце. Перевод Д. Баянова	518	
From The Battle of Sherra-moor	256	625
〈Шерамурский бой〉 (Отрывок). Перевод С. Маршака	257	
A waukrife Minnie	260	627
Домик у ручья. Перевод С. Маршака	261	
Song — (Yestreen I had a pint o' wine)	262	628
Золотокошая Анна. Перевод В. Федотова	263	
O ay my wife she dang me	264	653
Песня о злой жене. Перевод С. Маршака	265	
My Tochers the Jewel	266	629
«Дружок мой пленен моим взором и станом». Перевод С. Маршака	267	
Расчетливый жених. Перевод В. Федотова	519	
What can a young lassie do wi' an auld man	268	630
Что делать девчонке? Перевод С. Маршака	269	
Wha is that at my Bower-door?	270	630

10 Contents

Финдлей. <i>Перевод С. Маршака</i>	271	
My Collier laddie—	272	631
Подруга угольщика. <i>Перевод С. Маршака</i>	273	
Country Lassie—	276	632
Когда кончался сенокос. <i>Перевод С. Маршака</i>	277	
Ye Jacobites by name—	280	632
«Якобиты на словах». <i>Перевод С. Маршака</i>	281	
Song (Had I a cave on some wild, distant shore)	282	639
«Где-то в пещере, в прибрежном краю». <i>Перевод С. Маршака</i>	283	
Such a parcel of rogues in a nation—	284	633
Шотландская слава. <i>Перевод С. Маршака</i>	285	
The Slave's Lament—	286	633
Песня раба-негра. <i>Перевод С. Маршака</i>	287	
The De'il's awa wi' th' Exciseman	288	633
«Со скрипкой черт пустился в пляс». <i>Перевод С. Маршака</i>	289	
Duncan Gray	290	634
Сватовство Дункана Грэя. <i>Перевод С. Маршака</i>	291	
Here awa', there awa'	294	635
Песня. <i>Перевод С. Маршака</i>	295	
Lord Gregory—	296	636
Лорд Грегори. <i>Перевод С. Маршака</i>	297	
When wild War's deadly Blast was blawn	298	637
Возвращение солдата. <i>Перевод С. Маршака</i>	299	
O ken ye what Meg o' the mill has gotten	304	638
Мэгги с мельницы. <i>Перевод С. Маршака</i>	305	
Ken ye what Meg o' the mill has gotten—	306	639
Свадьба Мэгги. <i>Перевод С. Маршака</i>	307	
Мэг с мельницы. <i>Перевод В. Федотова</i>	524	
Song — (O whistle, and I'll come to ye, my lad)	308	639
Песня. <i>Перевод С. Маршака</i>	309	
О, свистни... <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	525	
Robert Bruce's March to Bannockburn—	310	640
Брюс — шотландцам. <i>Перевод С. Маршака</i>	311	
Thou hast left me ever	312	641
«Ты меня оставил, Джеми». <i>Перевод С. Маршака</i>	313	
English Song	314	642
Нэнси. <i>Перевод С. Маршака</i>	315	
In answer to one who affirmed of a well-known Character here, Dr В—, that there was Falsehood in his very looks—	316	642
К портрету духовного лица. <i>Перевод С. Маршака</i>	317	

11 Содержание

A red red Rose	318	642
Любовь. <i>Перевод С. Маршака</i>	319	
Любовь — как роза красная... <i>Перевод Игн. Иванского</i>	526	
Song — (Contented wi' little, and cantie wi' mair)	320	643
Мое счастье. <i>Перевод С. Маршака</i>	321	
Довольство судьбой. <i>Перевод О. Чуминой</i>	527	
The Tree of Liberty	322	643
Дерево свободы. <i>Перевод С. Маршака</i>	323	
Song — For a' that and a' that—	328	645
Честная бедность. <i>Перевод С. Маршака</i>	329	
Прежде всего. <i>Перевод В. Костомарова</i>	528	
Let me in this ae night—	332	646
Ночной разговор. <i>Перевод С. Маршака</i>	333	
From The Heron Ballads, 1795	336	647
Предвыборная баллада. <i>Перевод С. Маршака</i>	337	
To Mr E— on his translation of and commentaries on Martial	340	609
Переводчику Марциала. <i>Перевод С. Маршака</i>	341	
Address to the Tooth-Ache	342	648
Ода к зубной боли. <i>Перевод С. Маршака</i>	343	
Epitaph on D— C—	344	650
Эпитафия самоубийце. <i>Перевод С. Маршака</i>	345	
Oh wert thou in the cauld blast	346	648
«В полях, под снегом и дождем». <i>Перевод С. Маршака</i>	347	
(In politics if thou would'st mix)	348	649
Надпись на официальной бумаге, которая предписывала поэту «служить, а не думать». <i>Перевод С. Маршака</i>	349	
On W— Gr-h-m Esq: of M-sskn-w	348	650
Эпитафия Вильяму Грэхему, Эсквайру. <i>Перевод С. Маршака</i>	349	
Comin thro' the gye	350	651
«Пробираясь до калитки». <i>Перевод С. Маршака</i>	351	
В поле. <i>Перевод О. Чуминой</i>	530	
Пробираясь через рожь... <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	531	
The Lass of Ecclefechan	352	651
Объяснение. <i>Перевод С. Маршака</i>	353	
The bonie lass made the bed to me—	354	652
Ночлег в пути. <i>Перевод С. Маршака</i>	355	
Altered from an old English song—	358	647
Песня. <i>Перевод С. Маршака</i>	359	

Highland laddie—	360	653
Лучший парень. <i>Перевод С. Маршака</i>	361	
I hae a wife o' my ain	362	631
«Жена верна мне одному». <i>Перевод С. Маршака</i>	363	
Песнь бедняка. <i>Перевод В. Курочкина</i>	520	
На чердаке. <i>Перевод Д. Свяжского (Минаева)</i>	521	
Песня. <i>Перевод О. Чюминой</i>	522	
У меня есть жена... <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	523	
Here's to thy Health, my bonie lass	364	653
Япью твое здоровье! <i>Перевод С. Маршака</i>	365	
The Toadeater	366	650
Поклоннику знати. <i>Перевод С. Маршака</i>	367	
The Highland widow's lament	368	653
Жалоба шотландской вдовы. <i>Перевод Игн. Ивановского</i>	369	
On Wee Johnie	370	594
Эпитафия бездушному дельцу. <i>Перевод С. Маршака</i>	371	
My Lady's gown there's gais upon 't	372	654
«Роскошен, леди, ваш убор». <i>Перевод С. Маршака</i>	373	
O that I had ne'er been Married	374	654
Овсянка. <i>Перевод С. Маршака</i>	375	
Кабы не был я женатым. <i>Перевод В. Федотова</i>	515	
O wat ey what my minnie did	376	655
«Что сделала со мною мать». <i>Перевод С. Маршака</i>	377	
Versicles on Sign-posts	378	618
Три вывески. <i>Перевод С. Маршака</i>	379	
Ye hae lien wrang, lassie	380	656
«Ты не там спала, где надо». <i>Перевод С. Маршака</i>	381	
Не там ты, девушка, легла. <i>Перевод В. Федотова</i>	516	
The Joyful Widower	382	656
Счастливым вдовец. <i>Перевод С. Маршака</i>	383	
Веселый вдовец. <i>Перевод Т. Щепкиной-Куперник</i>	532	
THE JOLLY BEGGARS. A SANTATA	384	657
ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ. КАНТАТА. <i>Перевод С. Маршака</i>	385	
ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ. КАНТАТА. (Отрывки). <i>Перевод П. Вейнберга</i>	430	
ВЕСЕЛЫЕ НИЩИЕ. (Отрывки). <i>Перевод</i> <i>Э. Багрицкого</i>	436	
ГОЛЬ ГУЛЯЩАЯ. КАНТАТА. (Отрывки). <i>Перевод С. Петрова</i>	441	

13 Содержание

ТАМ О'ШАНТЕР. <i>A TALE</i>	410	661
ТЭМ О'ШЕНТЕР. <i>ПОВЕСТЬ В СТИХАХ. Перевод С. Маршака</i>	411	
Ю. Д. ЛЕВИН. БЕРНС НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ .	533	
КОММЕНТАРИИ	559	
ГЛОССАРИЙ	671	
БИБЛИОГРАФИЯ	698	

*The Poems
and Songs*

*Стихотворения
и песни*

Song, composed in August

I

Now westlin winds, and slaught'ring guns
 Bring Autumn's pleasant weather;
The moorcock springs, on whirring wings,
 Among the blooming heather:
Now waving grain, wide o'er the plain,
 Delights the weary Farmer;
The moon shines bright, as I rove at night,
 To muse upon my Charmer.

II

The Pairtrick lo'es the fruitfu' fells;
 The Plover lo'es the mountains;
The Woodcock haunts the lanely dells;
 The soaring Hern the fountains:
Thro' lofty groves, the Cushat roves,
 The path o' man to shun it;
The hazel bush o'erhangs the Thrush,
 The spreading thorn the Linnet.

III

Thus ev'ry kind their pleasure find,
 The savage and the tender;
Some social join, and leagues combine;
 Some solitary wander:

Конец лета

Пророчат осени приход
И выстрел в отдаленье,
И птицы взлет среди болот,
И вереска цветенье,
И рожь, бегущая волной, —
Предвестье урожая,
И лес ночной, где под луной
Я о тебе скучаю.

Вальдшнепы любят тихий лес,
Вьюрки — кустарник горный.
А цапли с вышины небес
Стремятся в край озерный.
Дрозды в орешнике живут,
В тиши лесной полянки.
Густой боярышник — приют
Веселой коноплянки.

У каждого обычай свой,
Свой путь, свои стремленья.
Один живет с большой семьей,
Другой — в уединенье.

Avaunt, away! the cruel sway,
 Tyrannic man's dominion;
The Sportsman's joy, the murd'ring cry,
 The flutt'ring, gory pinion!

IV

But PEGGY dear, the ev'ning's clear,
 Thick flies the skimming Swallow;
The sky is blue, the fields in view,
 All fading-green and yellow:
Come let us stray our gladsome way,
 And view the charms o' Nature;
The rustling corn, the fruited thorn,
 And ilka happy creature.

V

We'll gently walk, and sweetly talk,
 While the silent moon shines clearly;
I'll clasp thy waist, and fondly prest,
 Swear how I lo'e thee dearly:
Not vernal show'rs to budding flow'rs,
 Not Autumn to the Farmer,
So dear can be, as thou to me,
 My fair, my lovely Charmer!

Но всюду злой тиран проник:
В немых лесных просторах
Ты слышишь гром, и жалкий крик,
И смятых перьев шорох...

А ведь такой кругом покой.
Стрижей кружится стая.
И нива никнет за рекой
Зелено-золотая.
Давай пойдем бродить вдвоем
И насладимся вволю
Красой плодов в глуши садов
И спелой рожью в поле.

Так хорошо идти-брести
По скошенному лугу
И встретить месяц на пути,
Тесней прильнув друг к другу,
Как дождь весной — листве лесной,
Как осень — урожаю,
Так мне нужна лишь ты одна,
Подруга дорогая!

Перевод С. Маршака.

 Song

I

Behind yon hills where Lugar flows,
'Mang moors an' mosses many, O,
The wintry sun the day has clos'd,
And I'll awa to Nanie, O.

II

The westlin wind blows loud an' shill;
The night's baith mirk and rainy, O;
But I'll get my plaid an' out I'll steal,
An' owre the hill to Nanie, O.

III

My Nanie's charming, sweet an' young;
Nae artfu' wiles to win ye, O:
May ill befa' the flattering tongue
That wad beguile my Nanie, O.

IV

Her face is fair, her heart is true,
As spotless as she's bonie, O;
The op'ning gowan, wat wi' dew,
Nac purer is than Nanie, O.

Нэнни

Холмы над Лугаром стоят,
В болотах запустенье, о;
Окончен день, горит закат,
Пора идти мне к Нэнни, о.

Пусть ливню лить и ветру дуть
И потемнели тени, о;
Накину плед и живо в путь —
Отправлюсь к милой Нэнни, о.

Ум Нэнни к лести не привык,
Не знает ухищрений, о;
Да будет проклят тот язык,
Что лгать захочет Нэнни, о!

Ее застенчивой красы
Что в мире драгоценней, о?
Ромашка в капельках росы
Не чище милой Нэнни, о.

V

A country lad is my degree,
An' few there be that ken me, O;
But what care I how few they be,
I'm welcome ay to Nanie, O.

VI

My riches a's my penny-fee,
An' I maun guide it cannie, O;
But warl's gear ne'er troubles me,
My thoughts are a', my Nanie, O.

VII

Our auld Guidman delights to view
His sheep an' kye thrive bonie, O;
But I'm as blythe that hauds his pleugh,
An' has nae care but Nanie, O.

VIII

Come weel come woe, I care na by,
I'll tak what Heav'n will sen' me, O;
Nae ither care in life have I,
But live, an' love my Nanie, O.

Я деревенский парень — что ж!
Мне ни к чему почтенье, о:
Хоть свет меня не ставит в грош,
Всегда мне рада Нэнни, о.

Не страшно мне, что мой доход —
Немного стертых пенни, о:
Чураюсь я земных забот,
Мечтаю лишь о Нэнни, о.

Кряхти, богач-старик, стада
Считай среди владений, о;
За плугом весел я всегда —
Забочусь лишь о Нэнни, о.

Довольство, горе — все приму,
Что даст мне провиденье, о;
Стремлюсь я в жизни к одному —
В любви прожить бы с Нэнни, о!

Перевод В. Рогова.

C h o r u s

Tibby I hae seen the day
 Ye wadna been sae shy
 For laik o' gear ye lightly me
 But trowth I care na by—

Yestreen I met you on the Moor
 Ye spak'na but gaed by like stoor
 Ye geck at me because I'm poor
 But fien' a hair care I.—

I doubt na lass, but ye may think
 Because ye hae the name o' clink
 That ye can please me at a wink
 Whene'er ye like to try—

But sorrow tak' him that's sae mean
 Altho' his pouch o' coin were clean
 Wha follows ony saucy Quean
 That looks sae proud and high—

К Тибби

О Тибби, ты была горда
И важный свой поклон
Тем не дарила никогда,
Кто в бедности рожден.

Вчера же, встретившись со мной,
Ты чуть кивнула головой.
Но мне на черта нужен твой
Презрительный поклон!

Ты думала наверняка
Пленить мгновенно бедняка,
Прельщая звоном кошелька...
На что мне этот звон!

Пускай меня гнетет нужда,
Но я сгорел бы со стыда,
Когда тобой, что так горда,
Я был бы побежден.

Как ни остер будь паренек,
Ты думаешь, — какой в нем прок,
Коль желтой грязью кошелек
Набить не может он!

Altho' a lad were e'er sae smart
 If that he want the yellow dirt
 Ye'll cast your head anither airt
 An' answer him fu' dry—

But if he hae the name o' gear
 Ye'll fasten to him like a breer
 Tho' hardly he for sense or lear
 Be better than the ky—

But Tibby lass tak' my advice
 Your daddie's gear mak's you sae nice
 The de'il a ane wad speir your price
 Were ye as poor as I—

Extempore

O why the deuce should I repine,
 And be an ill foreboder;
 I'm twenty-three, and five feet nine,
 I'll go and be a sodger.

I gat some gear wi' meikle care,
 I held it weel thegither;
 But now its gane, and something mair,
 I'll go and be a sodger.

Зато тебе по нраву тот,
Кто состоятельным слывет,
Хотя и вежлив он, как скот,
И столько же умен.

Скажу я прямо, не греша,
Что ты не стоишь ни гроша,
А тем достатком хороша,
Что дома припасен.

С одной я девушкой знаком.
Ее и в платьице простом
Я не отдам за весь твой дом,
Сули хоть миллион!

Перевод С. Маршака.

Пойду-ка я в солдаты

На черта вздохи — ах да ох!
Зачем считать утраты?
Мне двадцать три, и рост неплох —
Шесть футов, помнится, без трех.
Пойду-ка я в солдаты!

Своим горбом
Я нажил дом,
Хотя и небогатый.
Но что сберег, пошло не впрок...
И вот иду в солдаты.

Перевод С. Маршака.

Song

I

From thee, ELIZA, I must go,
 And from my native shore:
The cruel fates between us throw
 A boundless ocean's roar;
But boundless oceans, roaring wide,
 Between my Love and me,
They never, never can divide
 My heart and soul from thee.

II

Farewell, farewell, ELIZA dear,
 The maid that I adore!
A boding voice is in mine ear,
 We part to meet no more!
But the latest throb that leaves my heart,
 While Death stands victor by,
That throb, ELIZA, is thy part,
 And thine that latest sigh!

Перед разлукой

Прощусь, Элиза, я с тобой
Для дальних, чуждых стран.
Мою судьбу с твоей судьбой
Разделит океан.

Пусть нам в разлуке до конца
Томиться суждено, —
Не разлучаются сердца,
Что спаяны в одно!

Оставлю я в родной стране:
Тебя, мой лучший клад.
И тайный голос шепчет мне:
Я не вернусь назад.

Последнее пожатье рук
Я унесу с собой.
Тебе — последний сердца стук
И вздох последний мой.

Перевод С. Маршака.

My father was a farmer upon the Carrick border O
 And carefully he bred me, in decency and order O
 He bade me act a manly part, though I had ne'er a farthing O
 For without an honest manly heart, no man was worth

regarding. O

Chorus Row de dow &c.

Then out into the world my course I did determine. O
 Tho' to be rich was not my wish, yet to be great was
 charming. O
 My talents they were not the worst; nor yet my education; O
 Resolv'd was I, at least to try, to mend my situation. O

In many a way, and vain essay, I courted fortune's favor; O
 Some cause unseen, still stept between, and frustrate each
 endeavor; O
 Some times by foes I was o'erpower'd; sometimes by
 friends forsaken; O
 And when my hope was at the top, I still was worst mis-
 taken. O

Then sore harass'd, and tir'd at last, with fortune's vain
 delusion; O

Был честный фермер мой отец

Был честный фермер мой отец.
Он не имел достатка,
Но от наследников своих
Он требовал порядка.
Учил достоинство хранить,
Хоть нет гроша в карманах.
Страшнее — чести изменить,
Чем быть в отрепьях рваных!

Я в свет пустился без гроша,
Но был беспечный малый.
Богатым быть я не желал,
Великим быть — пожалуй!
Таланта не был я лишен,
Был грамотен немножко
И вот решил по мере сил
Пробить себе дорожку.

И так и сяк пытался я
Понравиться фортуне,
Но все усилья и труды
Мои остались втуне.
То был врагами я побит,
То предан был друзьями
И вновь, достигнув высоты,
Оказывался в яме.

В конце концов я был готов
Оставить попеченье.

I dropt my schemes, like idle dreams; and came to this
conclusion; O
 The past was bad, and the future hid; its good or ill
untried; O
 But the present hour was in my pow'r, and so I would
enjoy it, O

No help, nor hope, nor view had I; nor person to befriend me; O
 So I must toil, and sweat and moil, and labor to sustain me, O
 To plough and sow, to reap and mow, my father bred me
early, O
 For one, he said, to labor bred, was a match for fortune
fairly, O

Thus all obscure, unknown, and poor, thro' life I'm
doom'd to wander, O
 Till down my weary bones I lay in everlasting slumber; O
 No view nor care, but shun whate'er might breed me
pain or sorrow; O
 I live today as well's I may, regardless of tomorrow, O

But chearful still, I am as well as a Monarch in a palace; O
 Tho' fortune's frown still hunts me down with all her
wonted malice: O
 I make indeed, my daily bread, but ne'er can make it
farther; O
 But as daily bread is all I heed, I do not much regard
her. O

И по примеру мудрецов
Я вывел заключение:
В былом не знали мы добра,
Не видим в предстоящем,
А этот час — в руках у нас.
Владей же настоящим!

Надежды нет, просвета нет,
А есть нужда, забота.
Ну что ж, покуда ты живешь,
Без устали работай.
Косить, пахать и боронить
Я научился с детства.
И это всё, что мой отец
Оставил мне в наследство.

Так и живу — в нужде, в труде,
Доволен передышкой.
А хорошенько отдохну
Когда-нибудь под крышкой.
Заботы завтрашнего дня
Мне сердца не тревожат.
Мне дорог нынешний мой день,
Покуда он не прожит!

Я так же весел, как монарх
В наследственном чертоге,
Хоть и становится судьба
Мне поперек дороги.
На завтра хлеба не дает
Мне эта злая скряга.
Но нынче есть чего поесть, —
И то уж это благо!

Беда, нужда крадут всегда
Мой заработок скудный.
Мой промах этому виной
Иль нрав мой безрассудный?
И всё же сердцу своему
Вовеки не позволю я
Впадать от временных невзгод
В тоску и меланхолию!

О ты, кто властен и богат,
Намного ль ты счастливей?
Стремится твой голодный взгляд
Вперед — к двойной наживе.
Пусть денег куры не клюют
У баловня удачи, —
Простой, веселый, честный люд
Тебя стократ богаче!

Перевод С. Маршака.

John Barleycorn

A BALLAD

I

There was three kings into the east,
Three kings both great and high,
And they hae sworn a solemn oath
John Barleycorn should die.

II

They took a plough and plough'd him down,
Put clods upon his head,
And they hae sworn a solemn oath
John Barleycorn was dead.

III

But the chearful Spring came kindly on,
And show'rs began to fall;
John Barleycorn got up again,
And sore surpris'd them all.

IV

The sultry suns of Summer came,
And he grew thick and strong,
His head weel arm'd wi' pointed spears,
That no one should him wrong.

V

The sober Autumn enter'd mild,
When he grew wan and pale;
His bending joints and drooping head
Show'd he began to fail.

Джон Ячменное Зерно

Трех королей разгневал он,
И было решено,
Что навсегда погибнет Джон
Ячменное Зерно.

Велели выкопать сохой
Могилу короли,
Чтоб славный Джон, боец лихой,
Не вышел из земли.

Травой покрылся горный склон,
В ручьях воды полно,
А из земли выходит Джон
Ячменное Зерно.

Все так же буен и упрям,
С пригорка в летний зной
Грозит он копьями врагам,
Качая головой.

Но осень трезвая идет.
И, тяжело нагружен,
Поник под бременем забот,
Согнулся старый Джон.

VI

His colour sicken'd more and more,
He faded into age;
And then his enemies began
To show their deadly rage.

VII

They've taen a weapon, long and sharp.
And cut him by the knee;
Then ty'd him fast upon a cart,
Like a rogue for forgerie.

VIII

They laid him down upon his back,
And cudgell'd him full sore:
They hung him up before the storm,
And turn'd him o'er and o'er.

IX

They filled up a darksome pit
With water to the brim,
They heaved in John Barleycorn,
There let him sink or swim.

X

They laid him out upon the floor,
To work him farther woe,
And still, as signs of life appear'd,
They toss'd him to and fro.

XI

They wasted, o'er a scorching flame,
The marrow of his bones;

Настало время помирать —
Зима недалеко.
И тут-то недруги опять
Взялись за старика.

Его свалил горбатый нож
Одним ударом с ног,
И, как бродягу на правёж,
Везут его на ток.

Дубасить Джона принялись
Злодеи поутру.
Потом, подбрасывая ввысь,
Кружили на ветру.

Он был в колодец погружен,
На сумрачное дно.
Но и в воде не тонет Джон
Ячменное Зерно.

Не пощадив его костей,
Швырнули их в костер,
А сердце мельник меж камней
Безжалостно растер.

Бушует кровь его в котле,
Под обручем бурлит,

But a Miller us'd him worst of all.
For he crush'd him between two stones.

XII

And they hae taen his very heart's blood,
And drank it round and round;
And still the more and more they drank,
Their joy did more abound.

XIII

John Barleycorn was a hero bold,
Of noble enterprise.
For if you do but taste his blood,
'Twill make your courage rise.

XIV

'Twill make a man forget his woe;
'Twill heighten all his joy:
'Twill make the widow's heart to sing,
Tho' the tear were in her eye.

XV

Then let us toast John Barleycorn,
Each man a glass in hand;
And may his great posterity
Ne'er fail in old Scotland!

Вскипает в кружках на столе
И души веселит.

Недаром был покойный Джон
При жизни молодец, —
Отвагу подымает он
Со дна людских сердец.

Он гонит вон из головы
Докучный рой забот.
За кружкой сердце у вдовы
От радости поет...

Так пусть же до конца времен
Не высыхает дно
В бочонке, где клокочет Джон
Ячменное Зерно!

Перевод С. Маршака.

Poor Mailie's Elegy

Lament in rhyme, lament in prose,
 Wi' saut tears trickling down your nose;
 Our *Bardie's* fate is at a close,
 Past a' remead!
 The last, sad cape-stane of his woes;
 Poor Mailie's dead!

It's no the loss o' warl's gear,
 That could sae bitter draw the tear,
 Or make our *Bardie*, dowie, wear
 The mourning weed:
 He's lost a friend and neebor dear,
 In *Mailie* dead.

Thro' a' the town she trotted by him;
 A lang half-mile she could descry him;
 Wi' kindly bleat, when she did spy him,
 She ran wi' speed:
 A friend mair faithfu' ne'er came nigh him,
 Than *Mailie* dead.

I wat she was a *sheep* o' sense,
 An' could behave hersel wi' mense:
 I'll say 't, she never brak a fence,
 Thro' thievish greed.
 Our *Bardie*, lanely, keeps the spence
 Sin' *Mailie's* dead.

**Элегия на смерть моей овцы,
которую звали Мэйли**

Пишу стихами или прозой,
А по щекам струятся слезы.
Судьбы исполнились угрозы:
 Погас мой свет.
Живут на свете овцы, козы,
 А Мэйли нет!

Моя душа тоской объята.
Я потерял не клад богатый, —
Иная, тяжкая, утрата
 Гнетет певца.
Меня любила, точно брата,
 Моя овца.

Таких друзей на свете мало.
Меня узнав за два квартала,
Она по городу бежала
 За мной вослед
И так сердечно отвечала
 На мой привет.

Она была овцою кроткой,
Ходила чинною походкой
И не валила загородки
 В чужом саду.
Грехов за век ее короткий
 Я не найду.

Or, if he wanders up the howe,
Her living image in *her yowe*,
Comes bleating to him, owre the knowe,
 For bits o' bread;
An' down the briny pearls rowe
 For *Mailie* dead.

She was nae get o' moorlan tips,
Wi' tauted ket, an' hairy hips;
For her forbears were brought in ships,
 Frae 'yont the TWEED:
A bonier *fleesh* ne'er cross'd the clips
 Than *Mailie's* dead.

Wae worth that man wha first did shape,
That vile, wanchancie thing—a *raep!*
It maks guid fellows girn an' gape,
 Wi' chokin dread;
An' *Robin's* bonnet wave wi' crape
 For *Mailie* dead.

O, a' ye *Bards* on bonie DOON!
An' wha on AIRE your chanters tune!
Come, join the melancholious croon
 O' *Robin's* reed!
His heart will never get aboon!
 His *Mailie's* dead!

Ее кудрявого барашка
Кормлю я хлебом или кашкой.
Увы, он так похож, бедняжка,
На мать свою,
Что я над ним вздыхаю тяжело
И слезы лью.

Она была не нашей местной
Овцой породы неизвестной:
Приплыл ее прапрадед честный,
Большой баран —
С ее прабабушкой совместно —
Из дальних стран.

Никто не снял с нее овчины.
Увы, единственной причиной
Ее безвременной кончины
Была петля...
И так же душишь люд невинный
Ты, конопля!

Пускай же все поэты Дуна
Настроят дудки или струны.
Пусть соберутся ночью лунной
Ко мне певцы
Прославить память Мэйли юной,
Моей овцы!

Перевод С. Маршака

The Ronalds of the Bennals

In Tarbolton, ye ken, there are proper young men,
 And proper young lasses and a', man:
 But ken ye the Ronalds that live in the Bennals,
 They carry the gree frae them a', man.

Their father's a laird, and weel he can spare't,
 Braid money to tocher them a', man,
 To proper young men, he'll clink in the hand
 Gowd guineas a hunder or twa, man.

There's ane they ca' Jean, I'll warrant ye've seen
 As bonie a lass or as braw, man,
 But for sense and guid taste she'll vie wi' the best,
 And a conduct that beautifies a', man.

The charms o' the min', the langer they shine,
 The mair admiration they draw, man;
 While peaches and cherries, and roses and lilies,
 They fade and they wither awa, man.

Девушки из Тарболтона

В Тарболтоне, право,
Есть парни на славу,
Девицы имеют успех, брат.
Но барышни Роналдс,
Живущие в Бенналс,
Милей и прекраснее всех, брат.

Отец у них гордый.
Живет он, как лорды.
И каждый приличный жених, брат,
В придачу к невесте
Получит от тестя
По двести монет золотых, брат.

Нет в этой долине
Прекраснее Джинни.
Она хороша и мила, брат.
А вкусом и нравом
И разумом здоровым
Ровесниц своих превзошла, брат.

Фиалка увянет,
И розы не станет
В каких-нибудь несколько дней, брат.
А правды сиянье,
Добра обаянье
С годами сильней и прочней, брат.

If ye be for Miss Jean, tak this frae a frien',
A hint o' a rival or twa, man,
The Laird o' Blackbyre wad gang through the fire,
If that wad entice her awa, man.

The Laird o' Braehead has been on his speed,
For mair than a towmond or twa, man;
The Laird o' the Ford will straught on a board,
If he canna get her at a', man.

Then Anna comes in, the pride o' her kin,
The boast of our bachelors a', man:
Sae sonsy and sweet, sae fully complete,
She steals our affections awa, man.

If I should detail the pick and the wale
O' lassés that live here awa, man,
The faut wad be mine, if she didna shine
The sweetest and best o' them a', man.

I lo'e her myself, but darena weel tell,
My poverty keeps me in awe, man,
For making o' rhymes, and working at times
Does little or naething at a', man.

Yet I wadna choose to let her refuse,
Nor hae't in her power to say na, man,
For though I be poor, unnoticed, obscure,
My stomach's as proud as them a', man.

Though I canna ride in weel-booted pride,
And flee o'er the hills like a craw, man,

Но ты не один
Мечтаешь о Джин.
Найдется соперников тьма, брат.
Богатый эсквайр,
Владелец Блекбайр, —
И тот от нее без ума, брат.

Помещик Брейхед
Глядит ей вослед
И чахнет давно от тоски, брат.
И, кажется, Форд
Махнет через борт,
Ее не добившись руки, брат.

Сестра ее Анна
Свежа и румяна.
Вздыхает о ней молодежь, брат.
Нежнее, скромнее,
Прекрасней, стройнее
Ты вряд ли девицу найдешь, брат.

В нее я влюблен,
Но молчать осужден.
Робеть заставляет нужда, брат.
От сельских трудов
Да рифмованных строф
Не будешь богат никогда, брат.

А если в ответ
Услышу я «нет» —
Мне будет еще тяжелей, брат.
Хоть мал мой доход
И безвестен мой род,
Но горд я не меньше людей, брат.

Как важная знать,
Не могу я скакать,
По моде обутый, верхом, брат.

I can haud up my head wi' the best o' the breed,
Though fluttering ever so braw, man.

My coat and my vest, they are Scotch o' the best,
O' pairs o' guid breeks I hae twa, man:
And stockings and pumps to put on my stumps,
And ne'er a wrang steek in them a', man.

My sarks they are few, but five o' them new.
Twal'-hundred, as white as the snaw, man,
A ten-shillings hat, a Holland cravat;
There are no mony poets sae braw, man.

I never had freens weel stockit in means,
To leave me a hundred or twa, man,
Nae weel-tocher'd aunts, to wait on their drants
And wish them in hell for it a', man.

I never was cannie for hoarding o'money,
Or claughtin't together at a', man,
I've little to spend and naething to lend,
But devil a shilling I awe, man.

Но в светском кругу
Я держаться могу
И в грязь не ударю лицом, брат.

Я чисто одет.
К лицу мне жилет,
Сюртук мой опрятен и нов, брат.
Чулки без заплатки,
И галстук в порядке,
И сшил я две пары штанов, брат.

На полочке шкапа
Есть новая шляпа.
Ей шиллингов десять цена, брат.
В рубашках — нехватка,
Но есть полдесятка
Белейшего полотна, брат.

От дядюшек с детства
Не ждал я наследства
И тетушек вдовых не знал, брат.
Не слушал их бредней
И в час их последний
Не чаял, чтоб черт их побрал, брат.

Не плут, не мошенник,
Не нажил я денег.
Свой хлеб добываю я сам, брат.
Немного я трачу,
Нисколько не прячу,
Но пенса не должен чертям, брат!

Перевод С. Маршака.

Green grow the Rashes*A Fragment*

C H O R U S

*Green grow the rashes, O;
 Green grow the rashes, O;
 The sweetest hours that e'er I spend,
 Are spent among the lasses, O.*

I

There's nought but care on ev'ry han',
 In ev'ry hour that passes, O:
 What signifies the life o' man,
 An' 'twere na for the lasses, O.
Green grow, &c.

II

The warly race may riches chase,
 An' riches still may fly them, O;
 An' tho' at last they catch them fast,
 Their hearts can ne'er enjoy them, O.
Green grow, &c.

III

But gie me a canny hour at e'en,
 My arms about my Dearie, O;
 An' warly cares, an' warly men,
 May a' gae tapsalteerie, O!
Green grow, &c.

IV

For you sae douse, ye sneer at this,
 Ye're nought but senseless asses, O:

Песня

Растет камыш среди реки,
Он зелен, прям и тонок.
Я в жизни лучшие деньки
Провел среди девчонок.

Часы заботу нам несут,
Мелькая в быстрой гонке.
А счастья несколько минут
Приносят нам девчонки.

Богатство, слава и почет
Волнуют наши страсти.
Но даже тот, кто их найдет,
Найдет в них мало счастья.

Мне дай свободный вечерок
Да крепкие объятья —
И тяжкий груз мирских тревог
Готов к чертям послать я!

Пускай я буду осужден
Судьей в ослиной коже,

The wisest Man the warl' saw,
 He dearly lov'd the lasses, O
Green grow, &c.

V

Auld Nature swears, the lovely Dears
 Her noblest work she classes, O:
 Her prentice han' she try'd on man,
 An' then she made the lasses, O.
Green grow, &c.

[O raging Fortune's withering blast]

O Raging Fortune's withering blast
 Has laid my leaf full low! O
 O raging Fortune's withering biast
 Has laid my leaf full low! O
 My stem was fair my bud was green
 My blossom sweet did blow; O
 The dew fell fresh, the sun rose mild,
 And made my branches grow; O
 But luckless Fortune's northern storms
 Laid a' my blossoms low, O
 But luckless Fortune's northern storms
 Laid a' my blossoms low, O.

Но старый, мудрый Соломон
Любил девчонок тоже!

Сперва мужской был создан пол.
Потом, окончив школу,
Творец вселенной перешел
К прекраснейшему полу!

Перевод С. Маршака.

Злая судьба

Под знойным вихрем злой судьбы
Мой свежий лист опал;
Под знойным вихрем злой судьбы
Мой свежий лист опал!

Мой стан был прям, побег могуч,
Мой цвет благоухал;
В росе ночей, в блистаньи дня
Я бодро возрастал.

Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвет мой оборвал;
Но буйный вихорь злой судьбы
Весь цвет мой оборвал!

Перевод М. Михайлова.

Epistle to Davie, A Brother Poet*January—*

I

While winds frae off BEN-LOMOND blaw,
 And bar the doors wi' driving snaw,
 And hing us owre the ingle,
 I set me down, to pass the time,
 And spin a verse or twa o' rhyme,
 In hamely, *westlin* jingle.
 While frosty winds blaw in the drift,
 Ben to the chimla lug,
 I grudge a wee the *Great-folk's* gift,
 That live sae bien an' snug:
 I tent less, and want less
 Their roomy fire-side;
 But hanker, and canker,
 To see their cursed pride.

II

It's hardly in a body's pow'r,
 To keep, at times, frae being sour,
 To see how things are shar'd;
 How *best o' chieles* are whyles in want,
 While *Coofs* on countless thousands rant,
 And ken na how to wair't:

Послание к собрату-поэту

I

Пусть ветер, воя, точно зверь,
Завалит снегом нашу дверь, —
 Я, сидя перед печью,
Примусь, чтоб время провести,
Стихи досужие плести
 На дедовском наречье.

Пусть вьюга в щели будет дуть
 И громоздить сугробы,
Я не завидую ничуть
 Вам, знатные особы.

 Ни дому
 Большому,
Ни жару очагов.
 Проклятья
 Послать я
Вам, гордецы, готов.

II

Когда глядишь со стороны,
Как все дары поделены,
 Нельзя не рассердиться.
Тех, кто получше, гнет нужда,
А богатеют без труда
 Невежда и тупица.

But DAVIE lad, ne'er fash your head,
 Tho' we hae little gear,
 We're fit to win our daily bread,
 As lang's we're hale and fier:
 'Mair spier na, nor fear na,'
 Auld age ne'er mind a feg;
 The last o't, the warst o't,
 Is only but to beg.

III

To lye in kilns and barns at e'en,
 When banes are craz'd, and bluid is thin,
 Is, doubtless, great distress!
 Yet then *content* could make us blest;
 Ev'n then, sometimes we'd snatch a taste
 Of truest happiness.
 The honest heart that's free frae a'
 Intended fraud or guile,
 However Fortune kick the ba',
 Has ay some cause to smile:
 And mind still, you'll find still,
 A comfort this nae sma';
 Nae mair then, we'll care then,
 Nae *farther* we can *fa'*.

IV

What tho', like Commoners of air,
 We wander out, we know nòt where,
 But either house or hal'?
 Yet *Nature's* charms, the hills and woods,

Но, Дэви, парень, что роптать
На жребий наш суровый!
Нам не придется голодать,
Покуда мы здоровы.

Мы с горем
Поспорим.
Нам старость — нипочем!
Да и нужда —
Нам не беда.
И с ней мы проживем.

III

Ночлег в амбаре на земле,
Когда нуждается в тепле
Скудеющая кровь, —
Конечно, горькая беда,
Но все же радость и тогда
Нас посещает вновь.

Кто сердцем чист, душою прям
И прожил так, как надо,
К тому в беде по временам
Приходит и отрада.

Смотри же,
Найди же
В себе над страхом власть,
Беду забудь
И счастлив будь,
Что некуда упасть!

IV

Пускай, лишённые жилья,
Как птиц пролетная семья,
С тобой скитаться будем,
Но ширь полей, и листьев свод,

The sweeping vales, and foaming floods,
Are free alike to all.
In days when Daisies deck the ground,
And Blackbirds whistle clear,
With honest joy, our hearts will bound,
To see the *coming* year:
On braes when we please then,
We'll sit and *sowth* a tune;
Syne *rhyme* till't, we'll time till't,
And sing't when we hae done.

V

It's no in titles nor in rank;
It's no in wealth like *Lon'on Bank*,
To purchase peace and rest;
It's no in makin muckle, *mair*:
It's no in books; it's no in Lear,
To make us truly blest:
If Happiness hae not her seat
And center in the breast.
We may be *wise*, or *rich*, or *great*,
But never can be *blest*:
Nae treasures, nor pleasures
Could make us happy lang;
The *heart* ay's the part ay,
That makes us right or wrang.

VI

Think ye, that sic as *you* and *I*,
Wha drudge and drive thro' wet and dry,
Wi' never-ceasing toil;

И даль долин, и ясность вод
Открыты вольным людям.

Когда цветут луга весны
И трель выводит дрозд,
Мы честной радости полны,
Бродя с утра до звезд.

На склонах
Зеленых
Случайно подберем
Мотив мы,
А рифмы
Придут к нему потом.

V

Ни громкий чин, ни важный ранг,
Ни лондонский богатый банк
Блаженства не дают,
Ни многолистые тома,
Ни эти парки и дома,
Ни слава, ни уют.

Когда для счастья места нет,
Простора нет в груди,
Объехать можешь целый свет,
Но радости не жди.

Успехи,
Утехи
Не стоят ни гроша.
Ты прав иль нет, —
Пусть даст ответ
Тебе твоя душа.

VI

Неужто, Дэви, я и ты,
Трудясь с утра до темноты,
Несчастней тех господ,

Think ye, are we less blest than they,
Wha scarcely tent us in their way,
 As hardly worth their while?
Alas! how aft, in haughty mood,
 GOD's creatures they oppress!
Or else, neglecting a' that's guid,
 They riot in excess!
 Baith careless, and fearless,
 Of either Heaven or Hell:
 Esteeming, and deeming,
 It a' an idle tale!

VII

Then let us chearfu' acquiesce;
Nor make our scanty Pleasures less,
 By pining at our state:
And, ev'n should Misfortunes come
I, here wha sit, hae met wi' some,
 An's thankfu' for them yet.
They gie the wit of *Age* to *Youth*;
 They let us ken oursel;
They make us see the naked truth,
 The *real* guid and ill.
 Tho' losses, and crosses,
 Be lessons right severe,
 There's *wit* there, ye'll get there,
 Ye'll find nae other where.

Одетых в шелк или в атлас,
Что еле замечают нас —
Простой, честной народ?

Людей людьми не признают
Хозяева палат.
Удел одних — тяжелый труд,
Удел других — разврат.

В безделье,
В похмелье
Они проводят дни.
Ни в райский сад,
Ни в чертов ад
Не веруют они.

VII

Зачем же, Дэви, милый друг,
Нам скорбью омрачать досуг,
Покоя краткий час?
А коль в беду мы попадем,
И в ней мы доброе найдем,
Как видел я не раз.

Пускай беда нам тяжела,
Но в ней ты узнаешь,
Как отличать добро от зла,
Где правда и где ложь.

Напасти,
Несчастья —
Суровый нам урок,
Но годы
Невзгоды
Порой идут нам впрок.

VIII

But tent me, DAVIE, *Ace o' Hearts!*
(To say aught less wad wrang the *cartes*,
 And flatt'ry I detest)
This life has joys for you and I;
And joys that riches ne'er could buy;
 And joys the very best.
There's a' the *Pleasures o' the Heart*,
 The *Lover* and the *Frien'*;
Ye hae your MEG, your dearest part,
And I my darling JEAN!
 It warms me, it charms me,
 To mention but her *name*:
 It heats me, it beets me,
 And sets me a' on flame!

IX

O, all ye *Pow'rs* who rule above!
O THOU, whose very self art *love!*
 THOU know'st my words sincere!
The *life blood* streaming thro' my heart,
Or my more dear *Immortal part*,
 Is not more fondly dear!
When heart-corroding care and grief
 Deprive my soul of rest,
Her dear idea brings relief,
 And solace to my breast.
 THOU BEING, Allseeing,
 O hear my fervent pray'r!

VIII

Собрат мой милый по судьбе,
Послушай, что скажу тебе.
 (Чужда мне ложь и лесть!)
С тобой мы радости нашли.
За все сокровища земли
 Таких не приобрести.

Они дают покой, уют,
 Какого нет в раю.
Твою отраду «Мэг» зовут,
 А «Джин» зовут мою.

Довольно
Невольно
Мне вспомнить имя Джин, —
 Тепло мне,
 Светло мне,
И я уж не один.

IX

Того, кто создал плоть и кровь,
Того, кто есть сама любовь,
 В свидетели зову,
Что эта радость мне милей
Всех благ земных, души моей,
 Всего, чем я живу.

Когда тревоги терпкий яд
 Мою сжигают грудь,
Довольно вспомнить милый взгляд,
 Чтоб силы мне вернуть.

В несчастье,
В ненастье

Still take her, and make her,
THY most peculiar care!

X

All hail! ye tender feelings dear!
The smile of love, the friendly tear,
The sympathetic glow!
Long since, this world's thorny ways
Had number'd out my weary days,
Had it not been for you!
Fate still has blest me with a friend,
In ev'ry care and ill;
And oft a more *endearing* band,
A *tye* more tender still.
It lightens, it brightens,
The tenebrific scene,
To meet with, and greet with,
MY DAVIE or my JEAN!

XI

O, how that *name* inspires my style!
The words come skelpan, rank and file,
Amaist before I ken!
The ready measure rins as fine,
As *Phæbus* and the famous *Nine*
Were glowran owre my pen.
My spavet *Pegasus* will limp,
Till ance he's fairly het;
And then he'll hilch, and stilt, and jimp,
And rin an unco fit:

И в солнечные дни
Ее ты
Заботой
Своею осени!

X

Моя награда из наград —
Слеза любви, участия взгляд,
Улыбка добрых глаз!
Давно бы где-нибудь в пути
Я свой конец успел найти,
Не будь на свете вас.

Делю я с другом юных дней
Невзгод тяжелый груз.
Но узы есть еще нежней,
Чем дружеский союз.

Милее,
Светлее
Теперь мне этот свет,
Где ты, моя
Любимая,
И Дэви, друг-поэт.

XI

Назвал я Джин — и вот ко мне
Несутся строчки в тишине,
Жужжат, сбегаясь в строй,
Как будто Феб и девять муз,
Со мной вступившие в союз,
Ведут их за собой.

И пусть хромает мой Пегас,
Слегка его пришпорь, —
Пойдет он рысью, вскачь и в пляс,
Забыв и лень и хворь.

But least then, the beast then,
 Should rue this hasty ride,
 I'll light now, and dight now,
 His sweaty, wizen'd hide.

My love she's but a lassie yet—

My love she's but a lassie yet,
 My love she's but a lassie yet;
 We'll let her stand a year or twa,
 She'll no be half sae saucy yet.—

I rue the day I sought her O,
 I rue the day I sought her O,
 Wha gets her needs na say he's woo'd,
 But he may say he's bought her O.—

Come draw a drap o' the best o't yet,
 Come draw a drap o' the best o't yet:
 Gae seek for Pleasure whare ye will,
 But here I never misst it yet.—

We're a' dry wi' drinking o't,
 We're a' dry wi' drinking o't:
 The minister kisst the fidler's wife,
 He could na preach for thinkin o't.—

Но потное
Животное
Я должен пожалеть.
Пора в пути
С коня сойти
И пот с него стереть.

Перевод С. Маршака.

Любовь моя еще дитя

Любовь моя еще дитя,
Любовь моя еще дитя,
Пусть подрастет, пусть расцветет,
Приду к ней год-другой спустя.
Зачем о ней я не забыл,
Зачем о ней я не забыл?
Тот, кто ей мил, не полонил,
А попросту ее купил.

Еще стаканчик нацеди,
Еще стаканчик нацеди;
Иди у тех ищи утех,
А здесь утешиться не жди.
Не лучше ль выпить сгоряча,
Не лучше ль выпить сгоряча?
Всю святость враз наш поп растряс,
Обняв подружку скрипача.

Перевод В. Федотова.

Holy Willie's Prayer—

And send the Godly in a pet to pray—
P o p e.

O Thou that in the heavens does dwell!
Wha, as it pleases best thysel,
Sends ane to heaven and ten to h—ll,
A' for thy glory!
And no for ony gude or ill
They've done before thee.—

I bless and praise thy matchless might,
When thousands thou has left in night,
That I am here before thy sight,
For gifts and grace,
A burning and a shining light
To a' this place.—

What was I, or my generation,
That I should get such exaltation?
I, wha deserv'd most just damnation,
For broken laws
Sax thousand years ere my creation,
Thro' Adam's cause!

When from my mother's womb I fell,
Thou might hae plunged me deep in hell,
To gnash my gooms, and weep, and wail,
In burning lakes,
Where damned devils roar and yell
Chain'd to their stakes.—

Молитва святоши Вилли

О ты, не знающий преград!
Ты шлешь своих любезных чад —
В рай одного, а десять в ад,
Отнюдь не глядя
На то, кто прав, кто виноват,
А славы ради.

Ты столько душ во тьме оставил.
Меня же, грешного, избавил,
Чтоб я твою премудрость славил
И мощь твою.
Ты маяком меня поставил
В родном краю.

Щедрот подобных ожидать я
Не мог, как и мои собратья.
Мы все отмечены печатью
Шесть тысяч лет —
С тех пор как заслужил проклятье
Наш грешный дед.

Я твоего достоин гнева
Со дня, когда покинул чрево.
Ты мог послать меня налево —
В кромешный ад,
Где нет из огненного зева
Пути назад.

Yet I am here, a chosen sample,
To shew thy grace is great and ample:
I'm here, a pillar o' thy temple
 Strong as a rock,
A guide, a ruler and example
 To a' thy flock.—

[O L—d thou kens what zeal I bear,
When drinkers drink, and swearers swear,
And singin' there, and dancin' here,
 Wi' great an' sma';
For I am keepet by thy fear,
 Free frae them a'.—]

But yet—O L—d—confess I must—
At times I'm fash'd wi' fleshly lust;
And sometimes too, in worldly trust
 Vile Self gets in;
But thou remembers we are dust,
 Defil'd wi' sin.—

O L—d—yestreen—thou kens—wi' Meg—
Thy pardon I sincerely beg!
O may't ne'er be a living plague,
 To my dishonor!
And I'll ne'er lift a lawless leg
 Again upon her.—

Besides, I farther maun avow,
Wi' Leezie's lass, three times—I throw—
But L—d, that friday I was fou
 When I cam near her;

Но милосердию нет меры.
Я избежал огня и серы
И стал столпом, защитой веры,
 Караю грех
И благочестия примером
 Служу для всех.

Изобличаю я сурово
Ругателя и сквернословия,
И потребителя хмельного,
 И молодежь,
Что в праздник в пляс пойти готова.
 Подняв галдеж.

Но умоляю провиденье
Простить мои мне прегрешенья.
Подчас мне бесы вожделенья
 Терзают плоть.
Ведь нас из праха в день творенья
 Создал господь!

Вчера я вышел на дорогу
И встретил Мэгги-недотрогу.
Клянусь всевидящему богу,
 Обет приму,
Что на нее я больше ногу
 Не подниму!

Еще я должен повиниться,
Что в постный день я у девицы,
У этой Лиззи смуглолицей,
 Гостил тайком.

Or else, thou kens, thy servant true
Wad never steer her.—

Maybe thou lets this fleshly thorn
Buffet thy servant e'en and morn,
Lest he o'er proud and high should turn,
That he's a sae gifted;
If sae, thy hand maun e'en be borne
Untill thou lift it.—

L—d bless thy Chosen in this place,
For here thou has a chosen race:
But G—d, confound their stubborn face,
And blast their name,
Wha bring thy rulers to disgrace
And open shame.—

L—d mind Gaun Hamilton's deserts!
He drinks, and swears, and plays at cartes,
Yet has sae mony taking arts
Wi' Great and Sma',
Fra G—d's ain priest the people's hearts
He steals awa.—

And when we chasten'd him therefore,
Thou kens how he bred sic a splore,
And set the warld in a roar
O' laughin at us:
Curse thou his basket and his store,
Kail and potatoes.—

L—d hear my earnest cry and prayer
Against that Presbytry of Ayr!
The strong right hand, L—d, make it bare
Upon their heads!
L—d visit them, and dinna spare,
For their misdeeds!

O L—d my G—d, that glib-tongu'd Aiken!
My very heart and flesh are quaking
To think how I sat, sweating, shaking,

Но я в тот день, как говорится,
 Был под хмельком.

Но, может, страсти плоти бренной
Во мне бушуют неизменно,
Чтоб не мечтал я дерзновенно
 Жить без грехов.
О, если так, я их смиренно
 Терпеть готов!

Храни рабов твоих, о боже,
Но покарай как можно строже
Того из буйной молодежи,
 Кто без конца
Дает нам клички, строит рожи,
 Забыв творца.

К таким причислить многих можно.
Вот Гамильтон — шутник безбожный.
Пристрастен он к игре картежной,
 Но всем так мил,
Что много душ на путь свой ложный
 Он совратил.

Когда ж пытались понемножку
Мы указать ему дорожку,
Над нами он смеялся в лежку
 С толпой друзей, —
Господь, сгнои его картошку
 И сельдерей!

Еще казни, о царь небесный,
Пресвитеров из церкви местной.
(Их имена тебе известны.)

And p—ss'd wi' dread,
While Auld wi' hingin lip gaed sneaking
And hid his head!

L—d, in thy day o' vengeance try him!
L—d visit him that did employ him!
And pass not in thy mercy by them,
Nor hear their prayer;
But for thy people's sake destroy them,
And dinna spare!

But L—d, remember me and mine
Wi' mercies temporal and divine!
That I for grace and gear may shine,
Excell'd by nane!
And a' the glory shall be thine!
AMEN! AMEN!

Рассыпь во прах
Тех, кто судил о нас нелестно
В своих речах!

Вот Эйкен. Он — речистый малый.
Ты и начни с него, пожалуй.
Он так рабов твоих, бывало,
Нешадно бьет,
Что в жар и в холод нас бросало,
Вгоняло в пот.

Для нас же — чад твоих смиренных —
Ты не жалея своих бесценных
Даров — и тленных и нетленных,
Нас не покинь,
А после смерти в сонм блаженных
Прими. Аминь!

Перевод С. Маршака.

E**Epitaph on Holy Willie**

Here Holy Willie's sair worn clay
Taks up its last abode;
His saul has ta'en some other way.
I fear, the left-hand road.

Stop! there he is as sure's a gun,
Poor silly body see him;
Nae wonder he's as black's the grun,
Observe wha's standing wi' him.

Your brunstane devilship I see
Has got him there before ye;
But ha'd your nine-tail cat a wee,
Till ance you've heard my story.

Your pity I will not implore,
For pity ye have nane;
Justice, alas! has gi'en him o'er,
And mercy's day is gaen.

But hear me, Sir, de'il as ye are,
Look something to your credit;
A coof like him wou'd stain your name,
If it were kent ye did it.

Надгробное слово ему же

Святого Вилли жалкий прах
Покоится в могиле.
Но дух его не в небесах.
Пошел налево Вилли.

Постойте! Мы его нашли
Между землей и адом.
Его лицо черней земли.
Но кто идет с ним рядом?

А, понимаю, это черт
С девятихвостой плеткой.
— Не согласитесь ли, милорд,
На разговор короткий?

Я знаю, жалость вам чужда,
В аду свои законы.
Нет снисхожденья у суда,
И минул день прощенный...

Но для чего тащить во мрак
Вам эту жертву смерти?
Покойник был такой дурак,
Что засмеют вас черти!

Перевод С. Маршака.

Death and Doctor Hornbook*A TRUE STORY*

Some books are lies frae end to end,
 And some great lies were never penn'd:
 Ev'n Ministers they hae been kenn'd,
 In holy rapture,
 A rousing whid, at times, to vend,
 And nail't wi' Scripture.

But this that I am gaun to tell,
 Which lately on a night befel,
 Is just as true's the Deil's in h—ll,
 Or Dublin city:
 That e'er he neqrer comes oursel
 'S a muckle pity.

The Clachan yill had made me canty,
 I was na fou, but just had plenty;
 I stacher'd whyles, but yet took tent ay
 To free the ditches;
 An' hillocks, stanes, an' bushes kenn'd ay
 Frae ghaists an' witches.

The rising Moon began to glow'r
 The distant *Cumnock* hills out-owre;
 To count her horns, wi' a' my pow'r,
 I set mysel,
 But whether she had three or four,
 I cou'd na tell.

Смерть и доктор Горнбук

Иные книги лгут нам сплошь.
А есть неписаная ложь.
Ты и священников найдешь,
 Что правду божью,
Впадая от восторга в дрожь,
 Мешают с ложью.

Но в том, о чем я речь веду,
От правды я не отойду.
Как в том, что черт живет в аду
 Иль в недрах Дублина.
(Ах, много — людям на беду —
 Им душ загублено!)

Хлебнул я браги вечером,
Но не был пьян, а под хмельком.
Я обходил, бредя пешком,
 Бугры, канавы
И знал, что куст манит кивком,
 А не лукавый.

Холмистый Кáмнюк я узнал,
Едва лишь месяц заблистал.
Его рога считать я стал,
 Шагая шире.
Сначала три я насчитал,
 Потом — четыре...

I was come round about the hill,
 And todlin down on *Willie's mill*,
 Setting my staff wi' a' my skill,
 To keep me sicker;
 Tho' leeward whyles, against my will,
 I took a bicker.

I there wi' *Something* does forgather,
 That pat me in an eerie swither;
 An awfu' scythe, out-owre ae shouter,
 Clear-dangling, hang;
 A three-tae'd leister on the ither
 Lay, large an' lang.

Its stature seem'd lang Scotch ells twa,
 The queerest shape that e'er I saw,
 For fient a wame it had ava,
 And then its shanks,
 They were as thin, as sharp an' sma'
 As cheeks o' branks.

'Guid-een,' quo' I; 'Friend! hae ye been mawin,
 'When ither folk are busy sawin?'
 It seem'd to mak a kind o' stan',
 But naething spak;
 At length, says I, Friend, whare ye gaun,
 'Will ye go back?'

It spak right howe— 'My name is *Death*,
 'But be na' fley'd.'—Quoth I, 'Guid faith,
 'Ye're maybe come to stap my breath;
 'But, tent me, billie;
 'I red ye weel, tak care o' skaith,
 'See, there's a gully!'

'Gudeman,' quo' he, 'put up your whittle,
 'I'm no design'd to try its mettle;

Вослед за верным посошком
По склону я трусил шажком —
Мне путь был издавна знаком
К запруде Вилли.
Но вдруг, сорвавшись, я бегом
Бежал полмили.

Тут нечто предо мной предстало
С косою острою, чье жало
С плеча костлявого свисало,
И с острогбй,
Что сталью под луной сверкала,
В руке другой.

С косою сажень вышиною
Оно стояло предо мною,
Без брюха, страшное, худое,
Горбом спина,
А что за ноги! Тоньше вдвое
Веретена.

Спросил я: — Друг! Узнать нельзя ли,
Должно быть, вы сегодня жали?
А мы ведь только сеять стали.
Я с вами рад
Вернуться в дом, где выпивали
Мы час назад!

— Я — Смерть! — чудовище сказало. —
Но ты пока не бойся, малый!..
— Я не боюсь, хоть ты, пожалуй,
Меня убьешь.
Но я прошу: взгляни сначала
На этот нож!

Смерть отвечала мне: — Сынок,
Ты спрячь подальше свой клинок.

‘But if I did, I wad be kittle
‘To be mislear’d,
‘I wad na’ mind it, no that spittle
‘Out-owre my beard.’

‘Weel, weel!’ says I, ‘a bargain be’t;
‘Come, gies your hand, an’ sae we’re gree’t;
‘We’ll ease our shanks an’ tak a seat,
‘Come, gies your news!
‘This while ye hae been mony a gate,
‘At mony a house.’

‘Ay, ay!’ quo’ he, an’ shook his head,
‘It’s en a lang, lang time indeed
‘Sin’ I began to nick the thread,
‘An’ choke the breath:
‘Folk maun do something for their bread,
‘An’ sae maun *Death*.

‘Sax thousand years are near hand fled
‘Sin’ I was to the butching bred,
‘And mony a scheme in vain’s been laid,
‘To stap or scar me;
‘Till ane Hornbook’s ta’en up the trade,
‘And faith, he’ll waur me.

‘Ye ken *Jock Hornbook* i’ the Clachan,
‘Deil mak his king’s-hood in a spleuchan!
‘He’s grown sae weel acquaint wi’ *Buchan*,
‘And ither chaps,
‘The weans haud out their fingers laughin,
‘And pouk my hips.

‘See, here’s a scythe, and there’s a dart,
‘They hae pierc’d mony a gallant heart;
‘But Doctor *Hornbook*, wi’ his art
‘And cursed skill,

Подумай сам, какой в нем прок.
Его удары
Страшны не больше, чем плевок,
Для Смерти старой!

— Что ж, уговор — так уговор! —
Сказал я. — Бросим этот спор.
Присядь со мной на косогор —
Ведь ты устала —
И расскажи, что с давних пор
Перевидала.

— О да! — сказала Смерть, садясь, —
Почти что вечность пронеслась
С тех пор, как жать я принялась
По воле божьей.
Всем в мире надо жить, трудясь.
И Смерти — тоже.

Но у меня не жизнь, а мұка.
Ты слышал имя Горнбука?
Уж так хитра его наука,
Что стар и млад —
От деда дряхлого до внука —
Меня стыдят.

Бывало, под косою длинной,
Подобно травам луговины,
Народ, не знавший медицины,
Ложится сплошь...
Теперь меня с косою старинной
Не ставят в грош!

Вчера я жертву поразила
Своим копьём — с такою силой,
Что семерых бы уложила,
Пронзив, как гвоздь,

'Has made them baith no worth a f—t,
'D—n'd haet they'll kill!

'Twas but yestreen, nae farther gaen,
'I threw a noble throw at ane;
'Wi' less, I'm sure, I've hundreds slain;
'But deil-ma-care!
'It just play'd dirl on the bane,
'But did nae mair.

'*Hornbook* was by, wi' ready art,
'And had sae fortify'd the part,
'That when I looked to my dart,
'It was sae blunt,
'Fient haet o't wad hae pierc'd the heart
'Of a kail-runt.

'I drew my scythe in sic a fury,
'I nearhand cowpit wi' my hurry,
'But yet the bauld *Apothecary*
'Withstood the shock;
'I might as weel hae try'd a quarry
'O' hard whin-rock.

'Ev'n them he canna get attended,
'Altho' their face he ne'er had kend it,
'Just sh— in a kail-blade and send it,
'As soon's he smells 't,
'Baith their disease, and what will mend it,
'At once he tells 't.

'And then a' doctor's saws and whittles,
'Of a' dimensions, shapes, an' mettles,
'A' kinds o' boxes, mugs, an' bottles,
'He's sure to hae;
'Their Latin names as fast he rattles
'As A B C.

Но острие лишь притупила,
Задев о кость.

Что это, думаю, за штука?
А это — дело Горнбука!
Тут помогла его наука
Или искусство:
Копье в ребро вошло без стука —
Как бы в капусту.

Больной остался бы калекой,
Не помоги ему аптекой
Или ланцетом лысый лекарь —
Ваш Горнбук.
Не раз он вырвал человека
Из цепких рук.

Он изгонял из тех заразу,
Кого и не видал ни разу,
Натужься по его приказу,
Заклей пакет,
А он понюхает и сразу
Пришлет ответ.

Есть у него, как в магазине,
Все то, что нужно медицине:
Набор ножей, spiritus vini¹,
Касторка, йод.
Он все лекарства по-латыни
Вам назовет.

Есть sal marinum — соль морская, —
Все кальции, какие знаю...
А разных трав любого края
Не перечеть.
И aqua (иль вода простая)
Там тоже есть.

¹ Винный спирт (лат.).

‘Calces o’ fossils, earths, and trees;
 ‘True Sal-marinum o’ the seas;
 ‘The Farina of beans and pease,
 ‘He has’t in plenty;
 ‘Aqua-fontis, what you please,
 ‘He can content ye.

‘Forbye some new, uncommon weapons,
 ‘Urinus Spiritus of capons;
 ‘Or Mite-horn shavings, filings, scrapings,
 ‘Distill’d *per se*;
 ‘Sal-alkali o’ Midge-tail clippings,
 ‘And mony mae.’

‘Waes me for *Johnny Ged’s Hole* now,’
 Quoth I, ‘if that thae news be true!
 ‘His braw calf-ward whare gowans grew,
 ‘Sae white an’ bonie,
 ‘Nae doubt they’ll rive it wi’ the plew;
 ‘They’ll ruin *Johnie!*’

The creature grain’d an eldritch laugh,
 And says, ‘Ye needna yoke the pleugh,
 ‘Kirk-yards will soon be till’d eneugh,
 ‘Tak ye nae fear:
 ‘They’ll a’ be trench’d wi’ mony a sheugh,
 ‘In twa-three year.

‘Whare I kill’d ane, a fair strae-death,
 ‘By loss o’ blood, or want o’ breath,
 ‘This night I’m free to tak my aith,
 ‘That *Hornbook’s* skill
 ‘Has clad a score i’ their last claiht,
 ‘By drap and pill.

‘An honest Wabster to his trade,
 ‘Whase wife’s twa nieves were scarce weel-bred,
 ‘Gat tippence-worth to mend her head,
 ‘When it was sair;

Есть и опилки, срезы, крошки
Клешни клеща, блошиной ножки
И усиков какой-то мошки,
 Яд комара,
Настой желёз сороконожки
 Et cetera...¹

Тут я воскликнул: — Бедный Джон!
Какой доход теряет он!
Коль вправду будет побежден
 Любой недуг,
Кладбищенский зеленый склон
 Изрежет плуг.

Смерть засмеялась: — Нет, не плуг
Изрежет этот мирный луг,
Которым твой владеет друг,
 А сто лопат
Все ваши кладбища вокруг
 Избороздят.

Где одного так любо-мило
В постели жизни я лишила,
Пустила кровь иль придушила
 Без долгих мук, —
Там двадцать душ загнал в могилу
 Ваш Горнбук.

Наш местный ткач — хороший малый —
Свою жену, что бредить стала,
Когда немножко захворала,
 Отвез к врачу,

¹ И так далее (лат.).

'The wife slade cannie to her bed,
'But ne'er spak mair.

'A countra Laird had ta'en the batts,
'Or some curmurring in his guts,
'His only son for *Hornbook* sets,
'And pays him well,
'The lad, for twa guid gimmer-pets,
'Was Laird himsel.

'A bonie lass, ye kend her name,
'Some ill-brewn drink had hov'd her wame,
'She trusts hersel, to hide the shame,
'In *Hornbook's* care;
'*Horn* sent her aff to her lang hame,
'To hide it there.

'That's just a swatch o' *Hornbook's* way,
'Thus goes he on from day to day,
'Thus does he poison, kill, an' slay,
'An' s weel pay'd for 't;
'Yet stops me o' lawful' prey,
'Wi' his d—mn'd dirt!

'But hark! I'll tell you of a plot,
'Tho' dinna ye be speakin o't,
'I'll nail the self-conceited Sot,
'As dead's a herrin:
'Niest time we meet, I'll wad a groat,
'He gets his fairin!'

But just as he began to tell,
The auld kirk-hammer strak the bell
Some wee, short hour ayont the *twal*,
Which rais'd us baith:
I took the way that pleas'd mysel,
And sae did *Death*.

И больше слова не сказала
Она ткачу...

У парня заболел отец —
Богатый лэрд, и молодец
Послал отборных двух овец
Врачу за средство,
Что принесет отцу конец,
Ему — наследство.

Должно быть, от ночной простуды
Одной девчонке стало худо.
Врач сотворил над нею чудо:
Его совет
Туда послал ее, откуда
Возврата нет!

Таков у лекаря обычай.
За грош, не ведая приличий,
Морит людей он без различья
День изо дня
И норовит моей добычи
Лишить меня.

Пока терплю я поневоле.
Но разве он бессмертен, что ли?
Не избежит он общей доли.
Придет какую —
И будет мертв, как сельдь в рассоле,
Ваш Горнбук!..

Еще бы Смерть сказала много,
Но вдруг, наполнив мир тревогой,
Часы пробили полночь строго
Из-за ветвей...
И я побрел своей дорогой,
А Смерть — своей.

Перевод С. Маршака

**A Poet's Welcome to his love-begotten
Daughter; the first instance that entitled
him to the venerable appellation
of Father—**

Thou's welcome, Wean! Mischanter fa' me,
If thoughts o' thee, or yet thy Mamie,
Shall ever daunt me or awe me,
 My bonie lady;
Or if I blush when thou shalt ca' me
 Tyta, or Daddie.—

Tho' now they ca' me. Fornicator,
And tease my name in kintra clatter,
The mair they talk, I'm kend the better;
 E'en let them clash!
An auld wife's tongue's a feckless matter
 To gie ane fash.—

Welcome! My bonie, sweet, wee Dochter!
Tho' ye come here a wee unsought for;
And tho' your comin I nae fought for,
 Baith Kirk and Queir;
Yet by my faith, ye're no unwrought for,
 That I shall swear!

Wee image o' my bonie Betty,
As fatherly I kiss and daut thee,
As dear and near my heart I set thee,
 Wi' as gude will,
As a' the Priests had seen me get thee
 That's out o' h——.—

**Моему
незаконнорожденному ребенку**

Дочурка, пусть со мной беда
Случится, ежели когда
Я покраснею от стыда,
 Боясь упрёка
Или неправого суда
 Молвы жестокой.

Дитя моих счастливых дней,
Подобье матери своей,
Ты с каждым часом мне милей,
 Любви награда,
Хоть ты, по мненью всех церквей, —
 Исчадьё ада.

Пускай открыто и тайком
Меня зовут еретиком.
Пусть ходят обо мне кругом
 Дурные слухи, —
Должны от скуки языком
 Молоть старухи!

И все же дочери я рад,
Хоть родилась ты невпопад
И за тебя грозит мне ад
 И суд церковный, —
В твоём рожденье виноват
 Я безусловно.

Sweet fruit o' monie a merry dint,
 My funny toil is no a' tint;
 Tho' ye come to the warld asklent,
 Which fools may scoff at,
 In my last plack your part's be in't,
 The better half o't.—

Tho' I should be the waur bestead,
 Thou's be as braw and bienly clad,
 And thy young years as nicely bred
 Wi' education,
 As ony brat o' Wedlock's bed,
 In a' thy station.—

[Lord grant that thou may ay inherit
 Thy Mither's looks an' gracefu' merit;
 An' thy poor, worthless Daddie's spirit,
 Without his failins!
 'Twad please me mair to see thee heir it
 Than stocked mailins!]

For if thou be, what I wad hae thee,
 And tak the counsel I shall gie thee,
 I'll never rue my trouble wi' thee,
 The cost nor shame o't,
 But be a loving Father to thee,
 And brag the name o't.—

Ты — память счастья юных лет.
Увы, к нему потерян след.
Не так явилась ты на свет,
 Как нужно людям,
Но мы делить с тобой обед
 И ужин будем.

Я с матерью твоей кольцом
Не обменялся под венцом,
Но буду нежным я отцом
 Тебе, родная.
Расти веселым деревцом,
 Забот не зная.

Пусть я нуждаться буду сам,
Но я последнее отдам,
Чтоб ты могла учиться там,
 Где все ребята,
Чьих матерей водили в храм
 Отцы когда-то

Тебе могу я пожелать
Лицом похожей быть на мать,
А от меня ты можешь взять
 Мой нрав беспечный,
Хотя в грехах мне подражать
 Нельзя, конечно!

Перевод С. Маршака.

**To a Mouse, On turning her
up in her Nest, with the Plough,
November, 1785.**

Wee, sleeket, cowran, tim'rous *beastie*,
O, what a panic's in thy breastie!
Thou need na start awa sae hasty,
 Wi' bickering brattle!
I wad be laith to rin an' chase thee,
 Wi' murd'ring *pattle!*

I'm truly sorry Man's dominion
Has broken Nature's social union,
An' justifies that ill opinion,
 Which makes thee startle,
At me, thy poor, earth-born companion,
 An' *fellow-mortal!*

I doubt na, whyles, but thou may *thieve*;
What then? poor *beastie*, thou maun live!
A *daimen-icker* in a *thrave*
 'S a sma' request:
I'll get a blessin wi' the lave,
 An' never miss't!

Thy wee-bit *housie*, too, in ruin!
It's silly wa's the win's are strewin!
An' naething, now, to big a new ane,
 O' foggage green!
An' bleak *December's winds* ensuin,
 Baith snell an' keen!

Thou saw the fields laid bare an' wast,
An' weary *Winter* comin fast,

**Полевой мыши, гнездо которой
разорено моим плугом**

Зверек проворный, юркий, гладкий,
Куда бежишь ты без оглядки,
Зачем дрожишь, как в лихорадке,
 За жизнь свою?
Не трусь — тебя своей лопаткой
 Я не убью.

Я понимаю и не спору,
Что человек с природой в ссоре,
И всем живым несет он горе,
 Внушает страх,
Хоть все мы смертные и вскоре
 Вернемся в прах.

Пусть говорят: ты жнешь, не сея.
Но я винить тебя не смею.
Ведь надо жить!.. И ты скромнее,
 Чем все, крадешь.
А я ничуть не обеднею —
 Была бы рожь!

Тебя оставил я без крова
Порой ненастной и суровой,
Когда уж не́ из чего снова
 Построить дом,
Чтобы от ветра ледяного
 Укрыться в нем...

Все голо, все мертво вокруг.
Пустынно поле, скошен луг.

An' cozie here, beneath the blast,
Thou thought to dwell,
Till crash! the cruel *coulter* past
Out thro' thy cell.

That wee-bit heap o' leaves an' stibble,
Has cost thee monie a weary nibble!
Now thou's turn'd out, for a' thy trouble,
But house or hald,
To thole the Winter's *sleety dribble*,
An' *cranreuch* cauld!

But Mousie, thou art no thy-lane,
In proving *foresight* may be vain:
The best laid schemes o' *Mice* an' *Men*,
Gang aft apley,
An' lea'e us nought but grief an' pain,
For promis'd joy!

Still, thou art blest, compar'd wi' *me!*
The *present* only toucheth thee:
But Och! I *backward* cast my e'e,
On prospects drear!
An' *forward*, tho' I canna see,
I *guess* an' *fear!*

И ты убежище от вьюг
Найти мечтал,
Когда вломился тяжкий плуг
К тебе в подвал.

Травы, листвы увядшей ком —
Вот чем он стал, твой теплый дом,
Тобой построенный с трудом.

А дни идут...
Где ты в полях, покрытых льдом,
Найдешь приют?

Ах, милый, ты не одинок:
И нас обманывает рок,
И рушится сквозь потолок
На нас нужда.
Мы счастья ждем, а на порог
Валит беда...

Но ты, дружок, счастливей нас...
Ты видишь то, что есть сейчас.
А мы не сводим скорбных глаз
С былых невзгод
И в тайном страхе каждый раз
Глядим вперед.

Перевод С. Маршака.

From The Holy Fair

I

Upon a simmer *Sunday morn*,
 When Nature's face is fair,
 I walked forth to view the corn,
 An' snuff the callor air:
 The rising sun, owre GALSTON muirs,
 Wi' glorious light was glintan;
 The hares were hirplan down the furs,
 The lav'rocks they were chantan
 Fu' sweet that day.

II

As lightsomely I glowr'd abroad,
 To see a scene sae gay,
 Three *hizzies*, early at the road,
 Cam skelpan up the way.
Twa had manteeles o' dolefu' black,
 But ane wi' lyart lining;
 The *third*, that gaed a wee aback,
 Was in the fashion shining
 Fu' gay that day.

III

The *twa* appear'd like sisters twin,
 In feature, form an' claes;
 Their visage—wither'd, lang an' thin,
 An' sour as onie slaes:

Из поэмы «Святая ярмарка»

Был день воскресный так хорош.
Все было лету радо:
Я шел в поля взглянуть на рожь
И подышать прохладой.

Большое солнце в этот миг
Вставало, как с постели.
Резвились зайцы — прыг да прыг, —
И жаворонки пели
 В тот ясный день.

Бродил я, радостью дыша
И вглядываясь в дали,
Как вдруг три женщины, спеша,
Мне путь перебежали.

На двух был черный шерстяной
Наряд — назло природе.
На третьей был наряд цветной
По моде, по погоде
 В тот летний день.

Две первых были меж собой,
Как близнецы, похожи
Унылым видом, худобой
И мрачною одежей.

The *third* cam up, hap-step-an'-loup,
 As light as onie lambie,—
 An' wi' a curchie low did stoop,
 As soon as e'er she saw me,
 Fu' kind that day.

IV

Wi' bonnet aff, quoth I, 'Sweet lass,
 'I think ye seem to ken me;
 'I'm sure I've seen that bonie face,
 'But yet I canna name ye.—'
 Quo' she, an' laughan as she spak,
 An' taks me by the hands,
 'Ye, for my sake, hae gien the feck
 'Of a' the *ten commands*
 A screed some day.

V

'My name is FUN—your cronie dear,
 'The nearest friend ye hae;
 'An' this is SUPERSTITION here,
 'An' that's HYPOCRISY:
 'I'm gaun to***** *holy fair*,
 'To spend an hour in daffin;
 'Gin ye'll go there, yon runkl'd pair,
 'We will get famous laughin
 At them this day.'

VI

Quoth I, 'With a' my heart, I'll do 't;
 'I'll get my Sunday's sark on,
 'An' meet you on the holy spot;
 'Faith we'se hae fine remarkin!'

А третья козочкой шальной
Попрыгивала весело
И вдруг присела предо мной
И мне поклон отвесила
 В тот яркий день.

Я шляпу снял и произнес:
— Я вас припоминаю,
Но извините за вопрос, —
Как звать вас, я не знаю.

С кивком задорной головы,
Смеясь, она сказала:
— Со мною заповедей вы
Нарушили немало
 В досужий день!

Я — ваша Радость, я — Игра,
А это — Лицемерье,
И рядом с ней — ее сестра,
Глухое Суеверье.

Давайте в Мобхлин мы пойдем
И, если две сестрицы
Идут на ярмарку, найдем
Предлог повеселиться
 Мы в этот день.

— Нет, я пойду сперва домой
И праздничную смену —
Сюртук и новый галстук мой —
Для ярмарки надену.

Then I gaed hame, at crowdie-time,
 An' soon I made me ready;
 For roads were clad, frae side to side,
 Wi' monie a weary body,
 In droves that day.

VII

Here, farmers gash, in ridin graith,
 Gaed hoddan by their cotters;
 There, swankies young, in braw braid-claith,
 Are springan owre the gutters.
 The lasses, skelpan barefit, thrang,
 In silks an' scarlets glitter;
 Wi' *sweet-milk cheese*, in mony a whang,
 An' *farls*, bak'd wi' butter,
 Fu' crump that day.

VIII

When by the *plate* we set our nose,
 Weel heaped up wi' ha'pence,
 A greedy glowr *Black-bonnet* throws,
 An' we maun draw our tippence.
 Then in we go to see the show,
 On ev'ry side they're gath'ran;
 Some carryan dails, some chairs an' stools,
 An' some are busy bleth'ran
 Right loud that day.

IX

Here, stands a shed to fend the show'rs,
 An' screen our countra Gentry;
 There, *Racer-Jess*, an' twathree wh—res,
 Are blinkan at the entry:
 Here sits a raw o' tittlan jads,
 Wi' heaving breasts an' bare neck;

Поспел я к завтраку как раз,
Надел костюм воскресный.
А уж на праздник в этот час
Спешил народ окрестный
 В тот шумный день.

Трусилы фермеры верхом,
Шли батраки оравой.
И молодежь одним прыжком
Брала в пути канавы.

Бежали в праздничных шелках
Девицы-босоножки,
Несли сыры они в руках
И сдобные лепешки
 В тот добрый день.

Монетку бросить был я рад
В тарелку с медью мелкою,
Но, уловив святоши взгляд,
Бросаю две в тарелку я.

Я в загородку заглянул.
Народ шумит, хлопочет,
Несет скамейку, доску, стул,
А кто и лясы точит
 В свободный день.

Для знати выстроен навес
(Изменчива погода!),
А вот стоит вертушка Джесс,
Мигая всем у входа.

Ее подружки сели в ряд, —
Без них какая ярмарка!

An' there, a batch o' *Wabster lads*,
 Blackguarding frae K*****ck
 For *fun* this day.

X

Here, some are thinkan on their sins,
 An' some upo' their claes;
 Ane curses feet that fyl'd his shins,
 Anither sighs an' pray's:
 On this hand sits a Chosen swatch,
 Wi' screw'd-up, grace-proud faces;
 On that, a set o' chaps, at watch,
 Thrang winkan on the lasses
 To *chairs* that day.

XI

O happy is that man, an' blest!
 Nae wonder that it pride him!
 Whase ain dear lass, that he likes best,
 Comes clinkan down beside him!
 Wi' arm repos'd on the *chair back*,
 He sweetly does compose him;
 Which, by degrees, slips round her *neck*,
 An' 's loof upon her *bosom*
 Unkend that day.

XII

Now a' the congregation o'er,
 Is silent expectation;
 For ***** speels the holy door,
 Wi' tidings o' d—mn—t—n:

А там ткачи сидят, галдят
(Из города Кильмáрнока).
Пришел их день!

Здесь кто вздыхает о грехах,
Кто в гневе шлет проклятья
Тем, кто измазал впопыхах
Их праздничные платья.

Кто сверху смотрит на других
Высокомерным взглядом,
А кто веселых щеголих
Зовет усесться рядом
В привольный день.

Но бесконечно счастлив тот,
Кто, отыскав два места,
Местечко рядышком займет
С подругой иль невестой.

Глядишь, рука его легла
За ней — на спинку стула,
Потом ей шею обняла,
А там на грудь скользнула
В тот чудный день.

Уселась публика и ждет.
Ни суеты, ни шума.
Вот Мóди речь держать идет,
Унылый и угрюмый.

Should *Hornie*, as in ancient days,
 'Mang sons o' G—Present him,
 The vera sight o' *****'s face,
 To's ain *het hame* had sent him
 Wi' fright that day.

XIII

Hear how he clears the points o' Faith
 Wi' rattlin an' thumpin!
 Now meekly calm, now wild in wrath,
 He's stampan, an' he's jumpan!
 His lengthen'd chin, his turn'd up snout,
 His eldritch squeel an' gestures,
 O how they fire the heart devout,
 Like cantharidian plaisters
 On sic a day!

XIV

But hark! the *tent* has chang'd it's voice;
 There's peace an' rest nae langer;
 For a' the *real judges* rise,
 They canna sit for anger.
 ***** opens out his cauld harangues,
 On *practice* and on *morals*;
 An' aff the godly pour in thrangs,
 To gie the jars an' barrels
 A lift that day.

Он целый час пугает нас
Десницею господнею.
Сам дьявол от его гримас
Сбежал бы в преисподнюю
В столь грозный день.

Толкуя нам один, другой
И третий тезис веры,
Он гневно топает ногой,
Волнуясь свыше меры.

Распутника и гордеца
Громит курносый пастырь
И жжет отступников сердца,
Как самый жгучий пластырь,
В тот страшный день.

Но вот встают сердито с мест
Земные наши судьи.
И впрямь, — кому не надоест
Такое словоблудье!

Речь произносит мистер Смит
Но люд благочестивый,
Уже не слушая, спешит
К холодным бочкам пива
В столь жаркий день...

 Перевод С. Маршака.

The Twa Dogs*A TALE*

'T was in that place o' *Scotland's* isle,
 That bears the name o' auld king COIL,
 Upon a bonie day in June,
 When wearing thro' the afternoon,
Twa Dogs, that were na thrang at hame,
 Forgather'd ance upon a time.

The first I'll name, they ca'd him *Cesar*,
 Was keepet for his Honor's pleasure;
 His hair, his size, his mouth, his lugs,
 Show'd he was nane o' *Scotland's* dogs;
 But whalpet some place far abroad,
 Whare sailors gang to fish for Cod.

His locked, letter'd, braw brass-collar,
 Show'd him the *gentleman* an' *scholar*;
 But tho' he was o' high degree,
 The fient a pride na pride had he,
 But wad hae spent an hour caressan,
 Ev'n wi' a Tinkler-gipsey's *messan*:
 At *Kirk* or *Market*, *Mill* or *Smiddie*,
 Nae tawtied *tyke*, tho' e'er sae *duddie*,

Две собаки

Где в память Койла-короля
Зовется исстари земля,
В безоблачный июньский день,
Когда собакам лаять лень,
Сошлись однажды в час досуга
Два добрых пса, два верных друга.

Один был Цезарь. Этот пес
В усадьбе лорда службу нес.
И шерсть и уши выдавали,
Что был шотландцем он едва ли,
А привезен издалека,
Из мест, где ловится треска.
Он отличался ростом, лаем
От всех собак, что мы встречаем.

Ошейник именной, с замком,
Проходим говорил о том,
Что Цезарь был весьма почтенным
И просвещенным джентльменом.

Он родовит был, словно лорд,
Но — к черту спесь! — он не был горд
И целоваться лез со всякой
Лохматой грязною собакой,
Каких немало у шатров
Цыган — бродячих мастеров.

У кузниц, мельниц и лавчонок,
Встречая шустрых собачонок,

But he wad stan't, as glad to see him,
An' stroan't on stanes an' hillocks wi' him.

The tither was a *ploughman's collie*,
A rhyming, ranting, raving billie,
Wha for his friend an' comrade had him,
And in his freaks had *Luath* ca'd him;
After some dog in *Highlan Sang*,
Was made lang syne, lord knows how lang.

He was a gash an' faithfu' *tyke*,
As ever lap a sheugh, or dyke!
His honest, sonsie, baws'nt *face*,
Ay gat him friends in ilka place;
His *breast* was white, his towzie *back*,
Weel clad wi' coat o' glossy black;
His gawsie tail, wi' upward curl,
Hung owre his hurdies wi' a swirl.

Nae doubt but they were fain o' ither,
An' unco pack an' thick the gither;
Wi' social *nose* whyles snuff'd an' snowcket;
Whyles mice an' modewurks they howcket;
Whyles scour'd awa in lang excursion,
An' worry'd ither in *diversion*;
Untill wi' daffin weary grown,
Upon a knowe they sat them down,
An' there began a lang digression
About the *lords o' the creation*.

Вступал он с ними в разговор,
Мочился с ними на забор.

А пес другой был сельский колли,
Веселый дома, шумный в поле,
Товарищ пахаря и друг
И самый преданный из слуг.

Его хозяин — резвый малый,
Чудак, рифмач, затейник шалый —
Решил — кто знает, почему! —
Присвоить колли своему
Прозванье «Лю́ат». Имя это
Носил какой-то пес, воспетый
В одной из песен иль баллад
Так много лет тому назад.

Был этот Лю́ат всем по нраву.
В лихом прыжке через канаву
Не уступал любому псу.
Полоской белой на носу
Самой природою отмечен,
Он был доверчив и беспечен.

Черна спина его была,
А грудь, как первый снег, бела.
И пышный хвост, блестящий, черный,
Кольцом закручен был задорно.

Как братья, жили эти псы.
Они в свободные часы
Мышей, кротов ловили в поле,
Резвились, бегали на воле
И, завершив свой долгий путь,
Присаживались отдохнуть
В тени ветвей над косогором.
Чтобы развлечься разговором.
А разговор они вели
О людях — о царях земли.

CEASAR

I've aften wonder'd, honest *Luath*,
 What sort o' life poor dogs like you have;
 An' when the *gentry's* life I saw,
 What way *poor bodies* liv'd ava.

Our *Laird* gets in his racked rents,
 His coals, his kane, an' a' his stents;
 He rises when he likes himsel;
 His flunkies answer at the bell;
 He ca's his coach; he ca's his horse;
 He draws a bonie, silken purse
 As lang's my *tail*, whare thro' the steeks,
 The yellow, letter'd *Geordie* keeks.

Frae morn to een it's nought but toiling,
 At baking, roasting, frying, boiling:
 An' tho' the *gentry* first are steghan,
 Yet ev'n the *ha' folk* fill their peghan
 Wi' sauce, ragouts, an' sic like trashtrie,
 That's little short o' downright wastrie.
 Our *Whipper-in*, wee, blastiet wonner,
 Poor, worthless elf, it eats a dinner,
 Better than ony *Tenant-man*
 His Honor has in a' the lan':
 An' what poor *Cot-folk* pit their painch in,
 I own it's past my comprehension.—

Цезарь

Мой честный Люат! Верно, тяжкий
Удел достался вам, бедняжки.
Я знаю только высший круг,
Которому жильцы лачуг
Должны платить за землю птицей,
Углем, и шерстью, и пшеницей.

Наш лорд живет не по часам,
Встает, когда захочет сам.
Открыв глаза, звонит лакею,
И тот бежит, сгибая шею.
Потом карету лорд зовет —
И конь с каретой у ворот.
Уходит лорд, монеты пряча
В кошель, длинней, чем хвост собачий,
И смотрит с каждой из монет
Георга Третьего портрет.

До ночи повар наш хлопочет,
Печет и жарит, варит, мочит,
Сперва попотчует господ,
Потом и слугам раздает
Супы, жаркие и варенья, —
Что ни обед, то разоренье!
Не только первого слугу
Здесь кормят соусом, рагу,
Но и последний доезжачий,
Тщедушный шут, живет богаче,
Чем тот, кто в поле водит плуг,
А что едят жильцы лачуг, —
При всем моем воображенье
Я не имею представленья!

LUATH

Trowth, *Cesar*, whyles they're fash'd enough;
A *Cotter* howckan in a sheugh,
Wi' dirty stanes biggan a dyke,
Bairan a quarry, an' sic like,
Himsel, a wife, he thus sustains,
A smytrie o' wee, duddie weans,
An' nought but his han'-daurk, to keep
Them right an' tight in *thack an' raep*.

An' when they meet wi' sair disasters,
Like loss o' health, or want o' masters,
Ye maist wad think, a wee touch langer,
An' they maun starve o' cauld an' hunger:
But how it comes, I never kent yet,
They're maistly wonderfu' contented;
An' buirdly chiels, an' clever hizzies,
Are bred in sic a way as this is.

CEASAR

But then, to see how ye're negleket,
How huff'd, an' cuff'd, an' disrespek!
L—d man, our gentry care as little
For *delvers*, *ditchers*, an' sic cattle;
They gang as saucy by poor folk,
As I wad by a stinkan brock.

Люат

Ах, Цезарь, я у тех живу,
Кто дни проводит в грязном рву,
Копается в земле и в глине
На мостовой и на плотине,
Кто от зари до первых звезд
Дробит булыжник, строит мост,
Чтоб прокормить себя, хозяйку
Да малышей лохматых стайку.

Пока работник жив-здоров,
Есть у ребят и хлеб и кров,
Но если в нищенский приют
Подчас болезни забредут,
Придет пора неурожаев
Иль не найдет бедняк хозяев, —
Нужда, недуги, холода
Семью рассеют навсегда...

А все ж, пока не грянет буря,
Они живут, бровей не хмуря.
И поглядишь, — в конце концов
Немало статных молодцов
И прехорошеньких подружек
Выходит из таких лачужек.

Цезарь

Однако, Люат, вы живете
В обиде, в нищете, в заботе.
А ваши беды замечать
Не хочет чопорная знать.
Все эти лорды на холопов —
На землеробов, землекопов —
Глядят с презреньем, свысока,
Как мы с тобой на барсука!

I've notic'd, on our Laird's *court-day*,
 An' mony a time my heart's been wae,
 Poor *tenant-bodies*, scant o' cash,
 How they maun thole a *factor's* snash;
 He'll stamp an' threaten, curse an' swear,
 He'll *apprehend* them, *poind* their gear,
 While they maun stand, wi' aspect humble,
 An' hear it a', an' fear an' tremble!

I see how folk live that hae riches,
 But surely poor-folk maun be *wretches!*

LUATH

They're no sae wretched's ane wad think;
 Tho' constantly on poortith's brink,
 They're sae accustom'd wi' the sight,
 The view o't gies them little fright.

Then chance an' fortune are sae guided,
 They're ay in less or mair provided;
 An' tho' fatigu'd wi' close employment,
 A blink o' rest's a sweet enjoyment.

The dearest comfort o' their lives,
 Their grushie weans, an' faithfu' wives;
 The *prattling things* are just their pride,
 That sweetens a' their fire-side.

An' whyles, twalpennie-worth o' *nappy*
 Can mak the bodies unco happy;
 They lay aside their private cares,
 To mind the Kirk an' State affairs;
 They'll talk o' *patronage* an' *priests*,
 Wi' kindling fury i' their breasts,
 Or tell what new taxation's comin,
 An' ferlie at the folk in LON'ON.

Не раз, не два я видел дома,
Как управитель в день приема
Встречает тех, кто в точный срок
За землю уплатить не мог.
Грозит отнять у них пожитки,
А их самих раздеть до нитки.
Ногами топает, кричит,
А бедный терпит и молчит.
Он с малых лет привык бояться
Мошенника и тунеядца...

Не знает счастья нищий люд.
Его удел — нужда и труд!

Люат

Нет, несмотря на все напасти,
И бедняку знакомо счастье.
Знавал он голод и мороз —
И не боится их угроз.
Он не пугается соседства
Нужды, знакомой с малолетства.
Богатый, бедный, старый, юный —
Все ждут подарка от фортуны.
А кто работал свыше сил,
Тем без подарка отдых мил.

Нет лучшей радости на свете,
Чем свой очаг, жена и дети,
Малюток резвых болтовня
В свободный вечер у огня.
А кружка пенсовая с пивом
Любого сделает счастливым.
Забыв нужду на пять минут,
Беседу бедняки ведут
О судьбах церкви и державы
И судят лондонские нравы.

As bleak-fac'd Hallowmass returns,
 They get the jovial, rantan *Kirns*,
 When *rural life*, of ev'ry station,
 Unite in common recreation;
 Love blinks, Wit slaps, an' social Mirth
 Forgets there's *care* upo' the earth.

That *merry day* the year begins,
 They bar the door on frosty win's;
 The nappy reeks wi' mantling ream,
 An' sheds a heart-inspiring steam;
 The luntan pipe, an' sneeshin mill,
 Are handed round wi' right guid will;
 The cantie, auld folks, crackan crouse,
 The young anes rantan thro' the house—
 My heart has been sae fain to see them,
 That I for joy hae *barket* wi' them.

Still it's owre true that ye hae said,
 Sic game is now owre aften pay'd;
 There's monie a creditable *stock*
 O' decent, honest, fawsont folk,
 Are riven out baith root an' branch,
 Some rascal's pridefu' greed to quench,
 Wha thinks to knit himsel the faster
 In favor wi' some *gentle Master*,
 Wha, aiblins, thrang a *parliamentin*,
 For *Britain's guid* his saul indentin—

CEASAR

Haith lad, ye little ken about it;
 For *Britain's guid!* guid faith! I doubt it.

А сколько радостей простых
В осенний праздник всех святых!
Так много в городах и селах
Затей невинных и веселых.
Людей в любой из деревень
Роднит веселье в этот день.
Любовь мигает, ум играет,
А смех заботы разгоняет.

Как ни нуждается народ,
А Новый год есть Новый год.
Пылает уголь. Эль мятежный
Клубится пеной белоснежной.
Отцы усядутся кружком
И чинно трубку с табаком
Передают один другому.
А юность носится по дому.
Я от нее не отстаю
И лаю, — так сказать, пою.

Но, впрочем, прав и ты отчасти.
Нередко плут, добившись власти,
Рвет, как побеги сорняков
Из почвы, семьи бедняков,
Стремясь прибавить грош к доходу,
А более всего — в угоду
Особе знатной, чтобы с ней
Себя связать еще тесней.
А знатный лорд идет в парламент
И, проявляя темперамент,
Клянется — искренне вполне —
Служить народу и стране.

Цезарь

Служить стране?.. Ах ты, дворняжка!
Ты мало знаешь свет, бедняжка.
В палате досточтимый сэ

Say rather, gaun as PREMIERS lead him,
 An' saying *aye* or *no* 's they bid him:
 At Operas an' Plays parading,
 Mortgaging, gambling, masquerading:
 Or maybe, in a frolic daft,
 To HAGUE or CALAIS takes a waft,
 To make a *tour* an' take a whirl,
 To learn *bon ton* an' see the worl'.

There, at VIENNA or VERSAILLES,
 He rives his father's auld entails;
 Or by MADRID he takes the rout,
 To thrum *guittarres* an' fecht wi' *nowt*;
 Or down *Italian Vista* startles,
 Wh—re-hunting amang groves o' myrtles:
 Then bowses drumlie *German-water*,
 To make himsel look fair an' fatter,
 An' clear the consequential sorrows,
 Love-gifts of Carnival Signioras.
For Britain's guid! for her destruction!
 Wi' dissipation, feud an' faction!

LUATH

Hech man! dear sirs! is that the gate,
 They waste sae mony a brow estate!

Повторит, что велит премьер.
Ответит «да» иль скажет «нет»,
Как пожелает кабинет.

Зато он будет вечерами
Блестать и в опере и в драме,
На скачках, в клубе, в маскараде,
А то возьмет и скуки ради
На быстрокрылом корабле
Махнет в Гаагу и в Кале,
Чтобы развлечься за границей,
Повеселиться, покружиться
Да изучить, увидев свет,
Хороший тон и этикет.

Растратит в Вене и Версале
Фунты, что деды наживали,
Заглянет по пути в Мадрид,
И на гитаре побренчит,
Да полюбуется картиной
Боев испанцев со скотиной.

Неаполь быстро оглядев,
Ловить он будет смуглых дев.
А после на немецких водах
В тиши устроится на отдых
Пред тем, как вновь пуститься в путь,
Чтоб свежий вид себе вернуть
Да смыть нескромный след, который
Оставлен смуглою синьорой...

Стране он служит?.. Что за вздор!
Несет он родине позор,
Разврат, раздор и унижение.
Вот каково его служенье!

Люат

Я вижу, эти господа
Растратят скоро без следа

Are we sae foughten an' harass'd
For gear to gang that gate at last!

O would they stay aback frae courts,
An' please themsels wi' countra sports,
It wad for ev'ry ane be better,
The *Laird*, the *Tenant*, an' the *Cotter*!
For thae frank, rantan, ramblan billies,
Fient haet o' them 's illhearted fellows;
Except for breakin o' their timmer,
Or speakin lightly o' their *Limmer*;
Or shootin of a hare or moorcock,
The ne'er-a-bit they're ill to poor folk.

But will ye tell me, master *Cesar*,
Sure *great folk*'s life's a life o' pleasure?
Nae cauld nor hunger e'er can steer them,
The vera thought o't need na fear them.

CEASAR

L—d man, were ye but whyles where I am,
The *gentles* ye wad ne'er envy them!

It's true, they needna starve or sweat,
Thro' Winter's cauld, or Summer's heat;
They've nae sair-wark to craze their bames,
An' fill *auld-age* wi' grips an' grames:

Свои поля, свои дубравы...
Порой и нас мутит лукавый.
— Эх, черт возьми! — внушает черт. —
Пожить бы так, как этот лорд!..

Но, Цезарь, если б наша знать
Была согласна променять
И двор и свет с его отравой
На мир и сельские забавы, —
Могли прожить бы кое-как
И лорд, и фермер, и батрак.

Не знаешь ты простого люда.
Он прям и честен, хоть с причудой.
Какого черта говорят,
Что он и зол и плутоват!
Ну, срубит в роще деревцо,
Ну, скажет лишнее словцо
Иль два по поводу зазнобы
Одной сязательной особы.
Ну, принесет к обеду дичь,
Коль удалось ее настичь,
Подстрелит зайца на охоте
Иль куропатку на болоте.
Но честным людям никогда
Не причиняет он вреда.

Теперь скажи: твой высший свет
Вполне ли счастлив или нет?

Цезарь

Нет, братец, поживи в палатах —
Иное скажешь о богатых!
Не страшен холод им зимой,
И не томит их летний зной,
И непосильная работа

But *human-bodies* are sic fools,
For a' their Colledges an' Schools.
That when nae *real* ills perplex them,
They *mak* enow themsels to vex them;
An' ay the less they hae to sturt them,
In like proportion, less will hurt them.

A country fellow at the pleugh,
His *acre's* till'd, he's right enough:
A country girl at her wheel,
Her *dizzen's* done, she's unco weel;
But Gentlemen, an' Ladies warst,
Wi' ev'n down *want o' wark* they're curst.
They loiter, lounging, lank an' lazy;
Tho' deil-haet ails them, yet uneasy;
Their days, insipid, dull an' tasteless,
Their nights, unquiet, lang an' restless.

An' ev'n their sports, their balls an' races,
Their galloping thro' public places,
There's sic parade, sic pomp an' art,
The joy can scarcely reach the heart.

The *Men* cast out in *party-matches*,
Then sowther a' in deep debauches.
Ae night, they're mad wi' drink an' wh—ring,
Niest day their life is past enduring.

The *Ladies* arm-in-arm in clusters,
As great an' gracious a' as sisters;
But hear their *absent thoughts* o' ither,
They're a' run-deils an' jads the gither.

Не изнуряет их до пота,
И сырость шахт или канав
Не гложет каждый их сустав.

Но так уж человек устроен:
Он и в покое беспокоен.
Где нет печалей и забот,
Он сам беду себе найдет.
Крестьянский парень вспашет поле —
И отдохнет себе на воле.

Девчонка рада, если в срок
За прялкой выполнит урок.
Но люди избранного круга
Не терпят тихого досуга.

Томит их немочь, вялость, лень.
Бесцветным кажется им день,
А ночь — томительной и длинной,
Хоть для тревоги нет причины.

Не веселит их светский бал,
Ни маскарад, ни карнавал,
Ни скачка бешеным галопом
По людным улицам и тропам...
Все напоказ, чтоб видел свет,
А для души отрады нет!

Кто проиграл в турнире партий,
Находит вкус в другом азарте —
В ночной разнузданной гульбе.
А днем им всем не по себе.

А наши леди!.. Сбившись в кучку,
Они, друг дружку взяв под ручку,
Ведут душевный разговор...
Принять их можно за сестер.

Whyles, owre the wee bit cup an' platie,
They sip the *scandal-potion* pretty;
Or lee-lang nights, wi' crabbet leuks,
Pore owre the devil's *pictur'd beuks*;
Stake on a chance a farmer's stackyard,
An' cheat like ony *unhang'd blackguard*.

There's some exceptions, man an' woman;
But this is Gentry's life in common.

By this, the sun was out o' sight,
An' darker gloamin brought the night:
The *bum-clock* humm'd wi' lazy drone,
The kye stood rowtan i' the loan;
When up they gat, an' shook their lugs,
Rejoic'd they were na *men* but *dogs*;
An' each took off his several way,
Resolv'd to meet some ither day.

Но эти милые особы
Полны такой взаимной злобы,
Что, если б высказались вслух,
Затмить могли чертей и шлюх.

За чайной чашечкой в гостиной
Они глотают яд змеиный.
Потом, усевшись за столы,
Играют до рассветной мглы
В картишки — в чертовы картинки.
Плутуют нагло, как на рынке,
На карту ставят весь доход
Крестьянина за целый год,
Чтобы спустить в одно мгновенье...

Бывают, правда, исключения —
Без исключений правил нет, —
Но так устроен высший свет...

Давно уж солнце скрылось прочь,
Пришла за сумерками ночь...
Мычали на лугу коровы,
И жук гудел струной басовой,
И вышел месяц в небеса,
Когда простились оба пса.
Ушами длинными трягнули,
Хвостами дружески махнули,
Пролаяв: — Славно, черт возьми,
Что бог не создал нас людьми!

И, потрепав один другого,
Решили повстречаться снова.

Перевод С. Маршака.

**The Cotter's Saturday Night
Inscribed to R. A****, Esq.**

*Let not Ambition mock their useful toil,
Their homely joys, and destiny obscure;
Nor Grandeur hear, with a disdainful smile,
The short and simple annals of the Poor.*

I

Gray.

My lov'd, my honor'd, much respected friend,
No mercenary Bard his homage pays;
With honest pride, I scorn each selfish end,
My dearest meed, a friend's esteem and praise:
To you I sing, in simple Scottish lays,
The *lowly train* in life's sequester'd scene;
The native feelings strong, the guileless ways,
What A**** in a *Cottage* would have been;
Ah! tho' his worth unknown, far happier there I ween!

II

November chill blows loud wi' angry sugh;
The short'ning winter-day is near a close;
The miry beasts retreating frae the plough;
The black'ning trains o' craws to their repose:
The toil-worn COTTER frae his labor goes,
This night his weekly moil is at an end,
Collects his *spades*, his *mattocks* and his *hoes*,
Hoping the *morn* in ease and rest to spend,
And weary, o'er the muir, his course does hameward bend.

III

At length his lonely *Cot* appears in view,
Beneath the shelter of an aged tree;
Th' expectant wee-things, toddlan, stacher thro'
To meet their *Dad*, wi' flichterin noise and glee.

**Субботний вечер
поселянина**

Ноябрьская сердито воет выюга,
Короткий зимний день сменился тьмой.
Волы в грязи отпряжены от плуга.
Летят вороньи стаи на покой.
Крестьянин, проработав день-деньской,
Кончает всю недельную работу.
Собрал мотыку с заступом, с киркой...
Назавтра отдых: с плеч долой заботу.
Усталый, он домой шагает по болоту.

Вот одинокий виден уж приют,
Укрыт надежно липой вековой...
К отцу навстречу малыши бегут
Шумливою и радостной гурьбою.
Блестит приветный огонек звездую...
Очаг уютный, добрый смех жены,
Сынишка младший с детской болтовнею, —
И все заботы разом сметены:
Усталость, тяжкий труд — исчезли, точно сны.

His wee-bit ingle, blinkan bonilie,
 His clean hearth-stane, his thrifty *Wifie's* smile,
 The *lispin infant*, prattling on his knee,
 Does a' his weary kiahugh and care beguile,
 And makes him quite forget his labor and his toil.

IV

Belyve, the *elder bairns* come drapping in,
 At *Service* out, amang the Farmers roun';
 Some ca' the pleugh, some herd, some tentie rin
 A cannie errand to a neebor toun:
 Their eldest hope, their *Jenny*, woman-grown,
 In youthfu' bloom, Love sparkling in her e'e,
 Comes hame, perhaps to show a braw new gown,
 Or deposite her sair-won penny-fee,
 To help her *Parents* dear, if they in hardship be.

V

With joy unfeign'd, *brothers* and *sisters* meet,
 And each for other's weelfare kindly spiers:
 The social hours, swift-wing'd, unnotic'd, fleet;
 Each tells the uncos that he sees or hears.
 The *Parents partial* eye their hopeful years;
Anticipation forward points the view;
 The *Mother* wi' her needle and her sheers
 Gars auld claes look amaist as weel's the new;
 The *Father* mixes a', wi' admonition due.

VI

Their Master's and their Mistress's command,
 The *youngkers* a' are warn'd to obey;
 And mind their labors wi' an eydent hand,
 And ne'er, tho' out o' sight, to jauk or play:
 'And O! be sure to fear the LORD alway!
 'And mind your *duty*, duely, morn and night!

Тут старшие подходят друг за другом:
С окрестных ферм, из ближнего села.
Все — в людях: кто при стаде, кто за плугом,
А кто справляет в городке дела.
Вот Джэн, семьи надежда: как мила!..
С улыбкой нежной, с юной красотой:
Домой обновку показать пришла
Иль поделиться лептой трудовой,
Коль в чем-нибудь нужда, с семьей своей родною.

Орадна встреча братьев и сестер.
Справляются с любовью друг о дружке,
Кто что видал, заводят разговор:
И весело летят часы в лачужке.
Родителей не наглядится взор...
О будущем гадают втихомолку.
Мать из старья шьет заново убор,
Не выпуская ни на миг иголку,
Отец внимателен к веселому их толку.

Вставляет мудрый свой совет порой:
Хозяев слушать, честно делать дело,
Не увлекаться пьянством и игрой,
Работать так, чтоб все в руках кипело.
О!.. И на бога уповать всецело,
Свой помнить долг, свершая день забот,
Чтобы в соблазн не впали дух и тело,
Просить его защиты и щедрот.
— Кто ищет к богу путь, всегда его найдет.

Но вдруг тихонько в двери стукнул кто-то...
Кто постучал, известно Джэн одной:

'Lest in temptation's path ye gang astray,
 'Implore His counsel and assisting might:
 'They never sought in vain, that sought the LORD aright.'

VII

But hark! a rap comes gently to the door;
Jenny, wha kens the meaning o' the same,
 Tells how a neebor lad came o'er the muir,
 To do some errands, and convoy her hame.
 The wily Mother sees the *conscious flame*
 Sparkle in *Jenny's* e'e, and flush her cheek,
 With heart-struck, anxious care enquired his name,
 While *Jenny* hafflins is afraid to speak;
 Weel-pleas'd the Mother hears, it's nae wild, worthless
Rake.

VIII

With kindly welcome, *Jenny* brings him ben;
 A *strappan youth*, he takes the Mother's eye;
 Blythe *Jenny* sees the *visit's* no ill-taen;
 The Father cracks of horses, pleughs and key.
 The *youngster's* artless heart o'erflows wi' joy,
 But blate and laithfu', scarce can weel behave;
 The Mother, wi' a woman's wiles, can spy
 What makes the *youth*, sae bashfu' and sae grave;
 Weel-pleas'd to think her *bairn's* respected like the lave.

IX

O happy love! where love like this is found!
 O heart-felt raptures! bliss beyond compare!
 I've paced much this weary, *mortal round*,
 And sage EXPERIENCE bids me this declare—
 'If Heaven a draught of heavenly pleasure spare,
 'One *cordial* in this melancholly *Vale*,

— Сосед, мол, с нею шел через болото...
Ее проводит, кстати, он домой.
Ох, Джэн, не скрывать от матери родной
Сиянье глаз, предательский румянец!..
С заботой мать пытается, кто такой,
И рада знать, что парень не из пьяниц,
Степенный человек, не нищий оборванец.

С приветом Дженни вводит гостя в дом.
На славу парень! Джэн в душе ликует.
Родным по сердцу: так хорош прием.
Отец о пашне, о скоте толкует...
Гость с радости ног под собой не чувствует,
Но оробел, смущен: ни статья, ни сесть.
Мать поняла, что юношу волнует,
И для нее отрада в мысли есть,
Что детищу ее не хуже прочих честь.

Любовь! Всю жизнь ты озаряешь светом!
Что радостней, чем сердца юный пыл?..
Бродил я долго в скучном мире этом
И наконец признаться должен был:
Чтоб мир печальный не был так уныл,
Творец нам дал мир счастья быстротечный,
Когда чета в разгаре юных сил
Друг другу шепчет сказку страсти вечной...
И сладкий аромат струит терновник млечный.

Найдется ль кто-нибудь среди людей,
Чтоб без пощады и без угрызений,
Глухой к любви и к истине злодей,
Сердечко соблазнил невинной Дженни?

'Tis when a youthful, loving, *modest* Pair,
 'In other's arms, breathe out the tender tale,
 'Beneath the milk-white thorn that scents the ev'ning gale.'

X

Is there, in human-form, that bears a heart—
 A wretch! a villain! lost to love and truth!
 That can, with studied, sly, ensnaring art,
 Betray sweet *Jenny's* unsuspecting youth?
 Curse on his perjur'd arts! dissembling smoothe!
 Are *Honor, Virtue, Conscience*, all exil'd?
 Is there no Pity, no relenting Ruth,
 Points to the Parents fondling o'er their Child?
 Then paints the *ruin'd Maid*, and *their* distraction wild!

XI

But now the Supper crowns their simple board,
 The healsome *Porritch*, chief of SCOTIA's food:
 The soupe their *only Hawkie* does afford,
 That 'yont the hallan snugly chows her cood:
 The *Dame* brings forth, in complimentary mood,
 To grace the lad, her weel-hain'd kebbuck, fell;
 And aft he's prest, and aft he ca's it guid;
 The frugal *Wifie*, garrulous, will tell,
 How 'twas a townmond auld, sin' Lint was i' the bell.

XII

The chearfu' Supper done, wi' serious face,
 They, round the ingle, form a circle wide;
 The Sire turns o'er, with patriarchal grace,
 The big ha'-*Bible*, ance his *Father's* pride:
 His bonnet rev'rently is laid aside,
 His *lyart haffets* wearing thin and bare;
 Those strains that once did sweet in ZION glide,
 He wales a portion with judicious care;
And let us worship GOD! he says with solemn air.

Проклятье козням адских ухищрений.
Иль честь и совесть в нем найти нельзя?
Или судьба не знает сожалений,
Чтобы родных предупредить, грозя,
Как Дженни их близка погибели стезя?..

Но вот и ужин: скромный, но здоровый:
Тут каша — всей Шотландии оплот,
Похлебка от единственной коровы,
Жующей мирно жвачку у ворот.
Раздобрившись, хозяйка подает
В честь гостя сыр, хранившийся любовно.
Неволит кушать: очень хвалит тот;
Она же сообщает многословно,
Что сварен сыр, как лен зацвел, год будет ровно.

Покончен ужин; смех и говор стих.
Садятся все в кружок, очаг пылает...
Тут библию — завет отцов своих —
Как патриарх, хозяин вынимает.
Он голову с почтеньем обнажает
(Лоб у висков уж тоже обнажен)
И тщательно псалом он выбирает,
Которому внимал еще Сион:
— Теперь помолимся, — провозглашает он.

XIII

They chant their artless notes in simple guise;
 They tune their hearts, by far the noblest aim:
 Perhaps *Dundee's* wild-warbling measures rise,
 Or plaintive *Martyrs*, worthy of the name;
 Or noble *Elgin* beets the heaven-ward flame,
 The sweetest far of SCOTIA's holy lays:
 Compar'd with these, *Italian trills* are tame;
 The tickl'd ears no heart-felt raptures raise;
 Nae unison hae they, with our CREATOR's praise.

XIV

The priest-like Father reads the sacred page,
 How *Abram* was the Friend of GOD on high;
 Or, *Moses* bade eternal warfare wage,
 With *Amalek's* ungracious progeny;
 Or how the *royal Bard* did groaning lye,
 Beneath the stroke of Heaven's avenging ire;
 Or *Job's* pathetic plaint, and wailing cry;
 Or rapt *Isiah's* wild, seraphic fire;
 Or other *Holy Seers* that tune the *sacred lyre*.

XV

Perhaps the *Christian Volume* is the theme;
 How *guiltless blood* for *guilty man* was shed;
 How HE, who bore in Heaven the second name,
 Had not on Earth whereon to lay His head;
 How His first *followers* and *servants* sped;
 The *Precepts sage* they wrote to many a land:
 How *he*, who lone in *Patmos*, banished,
 Saw in the sun a mighty angel stand;
 And heard great *Bab'lon's* doom pronounc'd by Heaven's
 command.

Поют... и безыскусствен строй напева;
Но высоко возносятся душой.
Поют, быть может, «Дунди» — песню гнева,
Иль «Мучеников» грустный стих простой,
Иль «Эльгин»: лучший гимн страны родной!
Италии прекрасной песнь любая
Бесцветна по сравнению с тобой:
Она щебечет, нежно слух лаская,
Но с нею не слита хвала творцу святая.

Священнику подобно, тут отец
Читает им священные страницы,
Как Авраама возлюбил творец,
Как царь-певец рыдал под звук цевницы,
Сраженный гневом божией десницы...
Плач Иова и трогательный зов
Из ужаса прижизненной гробницы...
Небесный пыл Исаяи страстных слов
Или иных святых пророков и певцов.

В сравненьи с этим как бедна у нас
Религия для блеска, для карьеры,
Где в гордых храмах все есть напоказ,
За исключением настоящей веры.

XVI

Then kneeling down to HEAVEN's ETERNAL KING,
 The *Saint*, the *Father*, and the *Husband* prays:
 Hope 'springs exulting on triumphant wing,'
 That *thus* they all shall meet in future days:
 There, ever bask in *uncreated rays*,
 No more to sigh, or shed the bitter tear,
Together hymning their CREATOR's praise
 In *such society*, yet still more dear;
 While circling Time moves round in an eternal sphere.

XVII

Compar'd with this, how poor Religion's pride,
 In all the pomp of *method*, and of *art*,
 When men display to congregations wide,
 Devotion's ev'ry grace, except the *heart!*
 The POWER, incens'd the Pageant will desert,
 The pompous strain, the sacerdotal stole;
 But haply, in some *Cottage* far apart,
 May hear, well pleas'd, the language of the *Soul*;
 And in His *Book of Life* the Inmates poor enroll.

XVIII

Then homeward all take off their sev'ral way;
 The youngling *Cottagers* retire to rest:
 The Parent-pair their *secret homage* pay,
 And proffer up to Heaven the warm request,
 That 'HE who stills the *raven's* clam'rous nest,
 'And decks the *lily* fair in flow'ry pride,
 'Would, in the way His *Wisdom* sees the best,
 'For *them* and for their *little ones* provide;
 'But chiefly, in their hearts with *Grace divine* preside.'

XIX

From Scenes like these, old SCOTIA's grandeur springs,
 That makes her lov'd at home, rever'd abroad:

Там молятся ханжи и лицемеры:
Обрядов их не примет всеблагой,
Но в хижине, вдали от пышной сферы,
Услыша вдруг язык души живой,
Внесет он бедняков в великий список свой.

Но старшим уж пора и по домам:
Ложится детвора и засыпает...
Мать и отец тихонько к небесам
Горячие молитвы воссылают:
Пусть тот, кто воронов лесных питает
И одевает лилии в полях,
Их милостью своей не оставляет:
Заботится о милых их птенцах,
А главное — всегда живет у них в сердцах.

Вот в чем родной Шотландии величье —
Любовь своих и чуждых стран почит.
Власть королей дает чинов различье,
Но благородство только бог дает.
Лачуги, не дворцы, ведут вперед
Стезю добродетели в смиреньи:
Мирская роскошь — часто тяжкий гнет,
Под ней — нередко гнусное творенье,
Коварство адское, пороков изощренье.

Princes and lords are but the breath of kings,
 'An honest man's the noble work of GOD:'
 And *certes*, in fair Virtue's heavenly road,
 The *Cottage* leaves the *Palace* far behind:
 What is a lordling's pomp? a cumbrous load,
 Disguising oft the *wretch* of human kind,
 Studied in arts of Hell, in wickedness refin'd!

XX

O SCOTIA! my dear, my native soil!
 For whom my warmest wish to Heaven is sent!
 Long may thy hardy sons of *rustic toil*
 Be blest with health and peace and sweet content!
 And O may Heaven their simple lives prevent
 From *Luxury's* contagion, weak and vile!
 Then how'er *crowns* and *coronets* be rent,
 A *virtuous Populace* may rise the while,
 And stand a wall of fire, around their much-lov'd ISLE.

XXI

O THOU! who pour'd the *patriotic tide*,
 That stream'd thro' great, unhappy WALLACE' heart;
 Who dar'd to, nobly, stem tyrannic pride,
 Or *nobly die*, the second glorious part:
 (The Patriot's GOD, peculiarly thou art,
 His *friend, inspirer, guardian* and *reward!*)
 O never, never SCOTIA's realm desert,
 But still the *Patriot*, and the *Patriot-bard*,
 In bright succession raise, her *Ornament* and *Guard!*

Шотландия! Родной, любимый край!
За сыновей твоих мои моленья!
Здоровый дух, довольство, мир — пускай
Всегда хранят их мирные селенья!
Да не коснется их зараза тленья,
Яд роскоши, пороков гнусных гной.
Пусть мир тогда торгует без стеснения
Коронами, но остров свой родной
Народ весь окружит, как пламенной стеной!

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

**The Auld Farmer's New-year-morning
Salutation to his Auld Mare, Maggie,
on giving her the accustomed ripp
of corn to hansel in the New-year**

A *Guid New-year* I wish thee, Maggie!
Hae, there's a ripp to thy auld baggie:
Tho' thou's howe-backet, now, an' knaggie,
I've seen the day,
Thou could hae gaen like only staggie
Out-owre the lay.

Tho' now thou's dowie, stiff an' crazy,
An' thy auld hide as white's a daisie,
I've aseen thee dappl't, sleek an' glaizie,
A bonie gray:
He should been tight that daur't to *raize* thee,
Ance in a day.

Thou ance was i' the foremost rank,
A *filly* buirdly, steeve an' swank,
An' set weel down a shapely shank,
As e'er tread yird;
An' could hae flown out-owre a stank,
Like onie bird.

It's now some nine-an'-twenty year,
Sin' thou was my *Guidfather's Meere*;
He gied me thee, o' tocher clear,
An' fifty mark;
Tho' it was sma', 'twas *weel-won* gear,
An' thou was stark.

When first I gaed to woo my *Jenny*,
Ye then was trottan wi' your *Minnie*:

Новогодний привет старого фермера его старой лошади

Привет тебе, старуха-кляча,
И горсть овса к нему в придачу.
Хоть ты теперь скелет ходячий,
Но ты была
Когда-то лошадью горячей
И рысью шла.

Ты глуховата, слеповата.
Седая шерсть твоя примята.
А серой в яблоках когда-то
Была она.
И твой ездок был тоже хватом
В те времена!

Лошадкой ты была на славу.
Хозяин был тебе по нраву.
И я гордиться мог по праву,
Когда с тобой
Любую брали мы канаву,
Подъем любой.

Тебя с полсотней марок вместе
Родитель дал моей невесте.
Хоть капитал — скажу по чести —
Был очень мал,
Не раз добром подарок тестя
Я поминал.

Когда я стал встречаться с милой,
Тебе всего полгода было,

Tho' ye was trickie, slee an' funnie,
 Ye ne'er was donsie;
 But hamely, tawie, quiet an' cannie,
 An' unco sonsie.

That *day*, ye pranc'd wi' muckle pride,
 When ye bure hame my bonie *Bride*:
 An' sweet an' gracefu' she did ride
 Wi' maiden air!
 Kyle-Stewart I could bragged wide,
 For sic a *pair*.

Tho' now ye dow but hoyte and hoble,
 An' wintle like a saumont-coble,
 That *day*, ye was a jinker noble,
 For heels an' win'!
 An' ran them till they a' did wauble,
 Far, far behin'!

When thou an' I were young an' skiegh,
 An' *Stable-meals* at Fairs were driegh,
 How thou wad prance, an' snore, an' scriegh,
 An' tak the road!
Towns-bodies ran, an' stood abiegh,
 An' ca't thee mad.

When thou was corn't, an' I was mellow,
 We took the road ay like a Swallow:
 At *Brooses* thou had ne'er a fellow,
 For pith an' speed;
 But ev'ry tail thou pay't them hollow,
 Whare'er thou gaed.

The sma', droop-rumpl't, hunter cattle,
 Might aiblins waur't thee for a brattle;
 But *sax Scotch mile*, thou try't their mettle,
 An' gart them whaizle:
 Nae whip nor spur, but just a wattle
 O' saugh or hazle.

И ты за матерью-кобылой
Трусилა вслед.
Ключом в тебе кипела сила
Весенних лет.

Я помню день, когда, танцую
И щеголяя новой сбруей,
Везла со свадьбы молодую
Ты к нам домой.
Как любовался я, ликуя,
В тот день тобой!

Перевалив за три десятка,
Ты ходишь медленно и шатко.
С каким трудом дорогой краткой
Ты возишь кладь,
А прежде — чья могла лошадка
Тебя догнать?

Тебя на ярмарках, бывало,
Трактирщики кормили мало,
И все ж домой меня ты мчала,
Летя стрелой.
А вслед вся улица кричала:
— Куда ты? Стой!

Когда ж с тобой мы были сыты
И горло у меня промыто, —
В те дни дорогою открытой
Мы так неслись,
Как будто от земли копыта
Оторвались.

Ты, верно, помнишь эти гонки.
С обвислым крупом лошаденки
Теснились жалобно к сторонке,
Давая путь,
Хоть я не смел лозою тонкой
Тебя стегнуть.

Thou was a noble *Fittie-lan'*,
 As e'er in tug or tow was drawn!
 Aft thee an' I, in aught hours gaun,
 On guid March-weather,
 Hae turn'd *sax rood* beside our han',
 For days thegither.

Thou never braing't, an' fetch't, an' flisket,
 But thy *auld tail* thou wad hae whisket,
 An' spread abreed thy weel-fill'd *brisket*,
 Wi' pith an' pow'r,
 Till sprittie knowes wad rair't an' rasket,
 An' slypet owre.

When frosts lay lang, an' snaws were deep,
 An' threaten'd *labor* back to keep,
 I gied thy *cog* a wee-bit heap
 Aboon the timmer;
 I ken'd my *Maggie* wad na sleep
 For that, or Simmer.

In *cart* or *car* thou never reestet;
 The steyst brae thou wad hae fac't it;
 Thou never lap, an' sten't, an' breasted,
 Then stood to blaw;
 But just thy step a wee thing hastet,
 Thou snoov't awa.

My Pleugh is now thy *bairn-time* a';
 Four gallant brutes, as e'er did draw;
 Forby sax mae, I've sell't awa,
 That thou hast nurst:
 They drew me thretteen pund an' twa,
 The vera warst.

Monie a sair daurk we twa hae wrought,
 An' wi' the weary warl' fought!

Всегда была ты верным другом,
И нет конца твоим заслугам.
Напрягшись телом всем упругим,
Ты шла весной
Перед моим тяжелым плугом
И бороной.

Когда глубокий снег зимою
Мешал работать нам с тобою,
Я отмерял тебе с лихвою
Овес, ячмень
И знал, что ты заплатишь вдвое
Мне в летний день.

Твои два сына плуг мой тянут,
А двое кладь возить мне станут.
И, верно, не был я обманут,
Продав троих:
По десять фунтов чистоганом
Я взял за них.

Утомлены мы, друг, борьбою.
Мы всё на свете брали с бою.
Казалось, ниц перед судьбою
Мы упадем.
Но вот состарились с тобою,
А всё живем!

An' monie an *anxious day*, I thought
 We wad be beat!
 Yet here to *crazy Age* we're brought,
 Wi' something yet.

An' think na, my auld, trusty *Servan'*,
 That now perhaps thou's less deserving,
 An' thy *auld days* may end in starvin',
 For my last fow,
 A heapet *Stimpart*, I'll reserve ane
 Laid by for you.

We've worn to crazy years thegither;
 We'll toyte about wi' ane anither;
 Wi' tentie care I'll flit thy tether,
 To some hain'd rig,
 Whare ye may nobly rax your leather,
 Wi' sma' fatigue.

**[Lines written in the Kirk
 of Lamington]**

As cauld a wind as ever blew;
 A caulder kirk, and in 't but few;
 As cauld a minister's ever spark;
 Ye'se a' be het or I come back.

Не думай по ночам в тревоге,
Что с голоду протянешь ноги.
Пусть от тебя мне нет подмоги,
Но я в долгу —
И для тебя овса немного
Приберегу.

С тобой состарился я тоже.
Пора сменить нас молодежи
И дать костям и дряхлой коже
Передохнуть
Пред тем, как тронемся мы лёжа
В последний путь.

Перевод С. Маршака.

**Проповеднику
Лемингтонской церкви**

Нет злее ветра этих дней,
Нет церкви — этой холодней.
Не церковь, а какой-то лёдник,
А в ней холодный проповедник.

Пусть он согреется в аду,
Пока я вновь сюда приду!

Перевод С. Маршака.

To J. S****

*Friendship, mysterious cement of the soul!
Sweet'ner of Life, and solder of Society!
I owe thee much—*

B l a i r.

Dear S****, the sleest, pawkie thief,
That e'er attempted stealth or rief,
Ye surely hae some warlock-breef
Owre human hearts;
For ne'er a bosom yet was prief
Against your arts.

For me, I swear by sun an' moon,
And ev'ry star that blinks aboon,
Ye've cost me twenty pair o' shoon
Just gaun to see you;
And ev'ry ither pair that's done,
Mair taen I'm wi' you.

That auld, capricious carlin, *Nature*,
To mak amends for scrimpet stature,
She's turn'd you off, a human-creature
On her *first* plan,
And in her freaks, on ev'ry feature,
She's wrote, *the Man*.

Just now I've taen the fit o' rhyme,
My barmie noddle's working prime,
My fancy yerket up sublime
Wi' hasty summon:
Hae ye a leisure-moment's time
To hear what's comin'?

Some rhyme a neebor's name to lash;
Some rhyme, (vain thought!) for needfu' cash;

Послание к другу

Мой друг — лукавый, ловкий вор,
Не воровал ты до сих пор.
Зато сердца твой быстрый взор
 Умеет красть.
Перед тобой любой затвор
 Готов упасть.

И сам я устоять не мог.
Не раз к тебе, не чуя ног,
Шагал я по камням дорог
 И грязь месил,
И ровно двадцать пар сапог
 Я износил.

Ты создан был природой шалой
Из дорогого матерьяла.
Она тобою увенчала
 Наш скудный век
И каждой черточкой сказала:
 — Вот человек!

Сейчас я в творческом припадке,
Башка варит, и все в порядке.
Строчу стихи, как в лихорадке,
 А ты, мой друг,
Прочти их бегло, если краткий
 Найдешь досуг.

Одни рифмуют из расчета,
Другие, чтоб задеть кого-то,

Some rhyme to court the countra clash,
 An' raise a din;
 For me, an *aim* I never fash;
 I rhyme for *fun*.

The star that rules my luckless lot,
 Has fated me the russet coat,
 An' damn'd my fortune to the groat;
 But, in requit,
 Has blest me with a *random-shot*
 O' countra wit.

This while my notion's taen a sklent,
 To try my fate in guid, black *prent*;
 But still the mair I'm that way bent,
 Something cried, 'Hoolie!
 'I red you, honest man, tak tent!
 Ye'll shaw your folly.

'There's ither Poets, much your betters,
 'Far seen in *Greek*, deep men o' *letters*,
 'Hae thought they had ensur'd their debtors,
 'A future ages;
 'Now moths deform in shapeless tatters,
 'Their unknown pages.'

Then farewel hopes of Laurel-boughs,
 To garland my poetic brows!
 Henceforth, I'll rove where busy ploughs
 Are whistling thrang,
 An' teach the lanely heights an' howes
 My rustic sang.

I'll wander on with tentless heed,
 How never-halting moments speed,
 Till fate shall snap the brittle thread;
 Then, all unknown,
 I'll lay me with th' *inglorious dead*,
 Forgot and gone!

А третьи тщетно ждут почета
И громкой славы,
Но мне писать пришла охота
Так, для забавы.

Я обойден судьбой суровой,
Кафтан достался мне дешевый,
Убогий дом, доход грошовый,
Я весь в долгу,
Зато игрой ума простого
Блеснуть могу.

Поставил ставку я задорно
На четкий, черный шрифт наборный,
Но разум мне твердит упорно:
— Куда спешишь?
Ты этой страстью стихотворной
Всех насмешишь!

Поэты, — где такие ныне?
Собаку съевшие в латыни,
Мечтали, полные гордыни,
Жить сотни лет,
Но их давно уж нет в помине, —
Простыл и след.

Итак, пора мечту оставить
Себя поэзией прославить.
Косу и серп я буду править,
Налажу плуг
И буду петь, чтоб позабавить
Поля вокруг.

Я проживу безвестной тенью,
Не слыша, как бегут мгновенья.
Когда ж порвутся жизни звенья, —
Покину свет,
Как и другие поколения,
Которых нет.

But why, o' Death, begin a tale?
 Just now we're living sound an' hale;
 Then top and maintop croud the sail,
 Heave *Care* o'er-side!
 And large, before Enjoyment's gale,
 Let's tak the tide.

This life, sae far's I understand,
 Is a' enchanted fairy-land,
 Where Pleasure is the Magic-wand,
 That, wielded right,
 Maks Hours like Minutes, hand in hand,
 Dance by fu' light.

The *magic-wand* then let us wield;
 For, ance that five an' forty's speel'd,
 See, crazy, weary, joyless Eild,
 Wi' wrinkl'd face,
 Comes hostan, hirplan owre the field,
 Wi' creeping pace.

When ance *life's day* draws near the gloamin,
 Then fareweel vacant, careless roamin;
 An' fareweel chearfu' tankards foamin,
 An' social noise;
 An' fareweel dear, deluding woman,
 The joy of joys!

O *Life!* how pleasant in thy morning,
 Young Fancy's rays the hills adorning!
 Cold-pausing Caution's lesson scorning,
 We frisk away,
 Like school-boys, at th' expected warning,
 To joy and play.

We wander there, we wander here,
 We eye the *rose* upon the brier,

Но говорить о смерти рано.
Полны мы жизнью неустанной.
Давай поднимем парус рваный,
 Возьмем штурвал,
Чтоб ветер счастья пеной пьяной
 Нас обдавал.

Мой друг, живем мы в царстве феи,
Где смех — оружие чародея.
Коль, этой палочкой владея,
 Отдашь приказ,
Часы бегут минут быстрее,
 Пускаясь в пляс.

Не трать же время жизни краткой!
Примерно с пятого десятка
Мы вниз с горы походкой шаткой
 Трусить должны,
Одышкой, кашлем, лихорадкой
 Изнурены.

Когда достигли мы заката,
Бродить, мечтать нам скучновато.
Вино слабее, чем когда-то,
 Бьет через край.
И то, чем жизнь была богата, —
 Любовь, — прощай!

Но жизнь безоблачна вначале,
Мечта лучами красит дали.
Летим, не слушая морали,
 Мы на простор,
Как мальчишки, что побежали
 На школьный двор.

Мы на ходу срываем розы,
Не замечая в них угрозы.

Unmindful that the *thorn* is near,
 Among the leaves;
 And tho' the puny wound appear,
 Short while it grieves.

Some, lucky, find a flow'ry spot,
 For which they never toil'd nor swat;
 They drink the *sweet* and eat the *fat*,
 But care or pain;
 And haply, eye the barren hut,
 With high disdain.

With steady aim, some Fortune chase;
 Keen hope does ev'ry sinew brace;
 Thro' fair, thro' foul, they urge the race,
 And sieze the prey:
 Then canie, in some cozie place,
 They close the *day*.

And others, like your humble servan',
Poor wights! nae rules nor roads observin';
 To right or left, eternal swervin,
 They zig-zag on;
 Till curst with Age, obscure an' starvin,
 They aften groan.

Alas! what bitter toil an' straining—
 But truce with peevish, poor complaining!
 Is Fortune's fickle *Luna* waning?
 E'en let her gang!
 Beneath what light she has remaining,
 Let's sing our Sang.

My pen I here fling to the door,
 And kneel, ye *Pow'rs*, and warm implore,
 'Tho' I should wander *Terra* o'er,
 'In all her climes,
 'Grant me but this, I ask no more,
 'Ay rowth o' rhymes.

И даже первые занозы
Нам не страшны.
Мгновенно солнце сушит слезы
Во дни весны.

Одни идут дорогой гладкой
И, не трудясь в поту над грядкой,
Едят обильно, жирно, сладко
И свысока
Глядят на дом с оградой шаткой —
Дом бедняка.

Другие борются за счастье,
Полны надежды, воли, страсти,
Стремясь достичь богатства, власти
Любой ценой,
Чтобы потом, забыв ненастье,
Вкушать покой.

А третьи, путь покинув торный
(Как, скажем, ваш слуга покорный),
Сбиваются с тропинки горной
Туда-сюда.
Таким на склоне лет бесспорно
Грозит нужда.

Но лучше труд до изнуренья,
Чем с жалкой жизнью примиренье.
Пусть смотрит с неба бледной тенью
Фортуны серп,
Не помешает вдохновенью
Ее ущерб.

Но здесь перо я оставляю
И провиденье умоляю,
Пред ним колени преклоняя:
Пускай со мной
Кочует вместе в край из края
Созвучий рой.

‘Gie dreeping roasts to *countra Lairds*,
 ‘Till icicles hing frae their beards;
 ‘Gie fine braw claes to fine *Life-guards*,
 ‘And *Maids of Honor*;
 ‘And yill an’ whisky gie to *Cairds*,
 ‘Until they sconner.

‘A *Title*, DEMPSTER merits it;
 ‘A *Garter* gie to WILLIE PIT;
 ‘Gie Wealth to some be-ledger’d Cit,
 ‘In cent per cent;
 ‘But give me real, sterling Wit,
 ‘And I’m content.

‘While ye are pleas’d to keep me hale,
 ‘I’ll sit down o’er my scanty meal,
 ‘Be’t *water-brose*, or *muslin-kail*,
 ‘Wi’ chearfu’ face,
 ‘As lang’s the Muses dinna fail
 ‘To say the grace.’

An anxious e’e I never throws
 Behint my lug, or by my nose;
 I jouk beneath Misfortune’s blows
 As weel’s I may;
 Sworn foe to *sorrow*, *care*, and *prose*,
 I rhyme away.

O ye, douse folk, that live by rule,
 Grave, tideless-blooded, calm and cool,
 Compar’d wi’ you—O fool! fool! fool!
 How much unlike!
 Your hearts are just a standing pool,
 Your lives, a dyke!

Nae hare-brain’d, sentimental traces,
 In your unletter’d, nameless faces!
 In *arioso* trills and graces

Дай сочный ростбиф местным лордам,
Чтоб жир по их струился мордам,
Дай галуны гвардейцам гордым
И боевым,
А виски — на ногах нетвердым
Мастеровым.

Дай Демпстеру желанный титул,
Подвязку дай премьеру Питту...
Стремится к прибыли, кредиту
Негоциант.
А мне лишь разум сохрани ты,
Да и талант.

Мне для покоя нужно мало:
Чтобы здоровье не хромало.
Ну и обед какой попало,
Простой на вкус,
Но чтоб молитву прочитала
Одна из муз.

Мне не страшны судьбы угрозы,
Ненастье, стужа и морозы.
Гоню я рифмой вздохи, слезы,
Пою, шучу
И, враг заботы, скуки, прозы,
Стихи строчу.

Вы, что по правилам живете
В тиши, в довольстве и в почете,
Пускай безумным вы зовете
Меня подчас,
Вода стоячая в болоте —
Душа у вас.

На ваших лицах деревянных,
Таких безличных, безымянных,
Нет и следа восторгов пьяных.

Ye never stray,
 But *gravissimo*, solemn basses
 Ye hum away.

Ye are sae *grave*, nae doubt ye're *wise*;
 Nae ferly tho' ye do despise
 The hairum-scairum, ram-stam boys,
 The rattling squad:
 I see ye upward cast your eyes—
 —Ye ken the road—

Whilst I—but I shall haud me there—
 Wi' you I'll scarce gang *ony where*—
 Then *Jamie*, I shall say nae mair,
 But quat my sang,
 Content *with YOU* to make a *pair*,
 Whare'er I gang.

Extempore, in the Court of S——

Lord A——te

He clench'd his pamphlets in his fist,
 He quoted and he hinted,
 Till in a declamation-mist,
 His argument he tint it:
 He gaped for 't, he gaped for 't,
 He fand it was awa, man;
 And what his common sense came short,
 He eked out wi' law, man.

Ваш голос глух.
Он, как басы в плохих органах,
Томит наш слух.

Ступая важно и степенно,
На тех вы смотрите надменно,
Которым море по колено, —
На грешный люд, —
И ввысь взираете блаженно.
Там — ваш приют!

А я куда пойду — не знаю,
К воротам ада или рая.
Но, эту песню обрывая,
Скажу я, брат,
Что буду я любому краю
С тобою рад!

Перевод С. Маршака.

Лорд-адвокат

Слова он сыпал, обуян
Ораторским экстазом,
И красноречия туман
Ему окутал разум.

Он стал затылок свой скрести,
Нуждаясь в смысле здравом,
И где не мог его найти,
Заткнул прорехи правом...

Перевод С. Маршака

To a Louse, On Seeing one on a Lady's Bonnet at Church

Ha! whare ye gaun, ye crowlan ferlie!
Your impudence protects you sairly:
I canna say but ye strunt rarely,
 Owre *gawze* and *lace*;
Tho' faith, I fear ye dine but sparely,
 On sic a place.

Ye ugly, creepan, blastet wonner,
Detested, shunn'd, by saunt an' sinner,
How daur ye set your fit upon her,
 Sae fine a *Lady!*
Gae somewhere else and seek your dinner,
 On some poor body.

Swith, in some beggar's haffet squattle;
There ye may creep, and sprawl, and sprattle,
Wi' ither kindred, jumping cattle,
 In shoals and nations;
Whare *horn* nor *bane* ne'er daur unsettle,
 Your thick plantations.

Now haud you there, ye're out o' sight,
Below the fatt'rels, snug and tight,
Na faith ye yet! ye'll no be right,
 Till ye've got on it,
The vera tapmost, towrin height
 O'*Miss's bonnet.*

My sooth! right bauld ye set your nose out,
As plump an' gray as onie grozet:

**Насекомому, которое поэт увидел
на шляпе нарядной дамы
во время церковной службы**

Куда ты, низкое созданье?
Как ты проникло в это зданье?
Ты водишься под грубой тканью,
 А высший свет —
Тебе не место: пропитанья
 Тебе здесь нет.

Средь шелка, бархата и газа
Ты не укроешься от глаза.
Несдобровать тебе, пролаза!
 Беги туда,
Где голод, холод и зараза
 Царят всегда.

Иди знакомою дорогой
В жилища братии убогой,
Где вас, кусающихся, много,
 Где борона
Из гладкой кости или рога
 Вам не страшна!

А ежели тебе угодно
Бродить по шляпе благородной, —
Тебе бы спрятаться, негодной,
 В шелка, в цветы...
Но нет, на купол шляпки модной
 Залезла ты!

На всех вокруг ты смотришь смело,
Как будто ты — крыжовник спелый,

O for some rank, mercurial rozet,
 Or fell, red smeddum,
 I'd gie you sic a hearty dose o't,
 Wad dress your droddum!

I wad na been surpriz'd to spy
 You on an auld wife's *flainen toy*;
 Or aiblins some bit duddie boy,
 On 's *wylecoat*;
 But Miss's fine *Lunardi*, fye!
 How daur ye do 't?

O *Jenny* dinna toss your head,
 An' set your beauties a' abroad!
 Ye little ken what cursed speed
 The blastie's makin!
 Thae *winks* and *finger-ends*, I dread,
 Arc notice takin!

O wad some Pow'r the giftie gie us
To see oursels as others see us!
 It wad frae monie a blunder free us
 An' foolish notion:
 What airs in dress an' gait wad lea'e us,
 And ev'n Devotion!

Уже слегка порозовелый.
Как жаль, что нет
Здесь порошка, чтоб околела
Ты в цвете лет!

И пусть не встряхивает дама
Головкой гордой и упрямой.
О, как должна она от срама
Потупить взгляд,
Узнав, что прихожане храма
За ней следят...

Ах, если б у себя могли мы
Увидеть все, что ближним зримо,
Что видит взор идущих мимо
Со стороны, —
О, как мы стали бы терпимы
И как скромны!

Перевод С. Маршака.

The Inventory

To Mr Robert Aiken in Ayr, in answer to his mandate requiring an account of servants, carriages, carriage-horses, riding horses, wives, children, &c.

Sir, as your mandate did request,
I send you here a faithfu' list,
O' gudes an' gear, an' a' my graith,
To which I'm clear to gi'e my aith.

Imprimis then, for carriage cattle,
I have four brutes o' gallant mettle,
As ever drew afore a pettle.
My *Lan' afore's* a gude auld *has been*,
An' wight an' wilfu' a' his days been.
My *Lan' ahin's* a weel gaun fillie,
That aft has borne me hame frae Killie,
An' your auld burrough mony a time,
In days when riding was nae crime—
But ance whan in my wooing pride
I like a blockhead boost to ride,
The wilfu' creature sae I pat to,
(L—d pardon a' my sins an' that too!)
I play'd my fillie sic a shavie,
She's a' bedevil'd wi' the spavie.
My *Furr ahin's* a wordy beast,
As e'er in tug or tow was trac'd.—
The fourth's a Highland Donald hastie,
A d—n'd red wud Kilburnie blastie;
Foreby a *Cowt*, o' *Cowt's* the wale,
As ever ran afore a tail.
If he be spar'd to be a beast,

Инвентарь

(Ответ на мандат податного инспектора)

Мой милостивый государь,
Шлю вам подробный инвентарь,
Как предлагает ваш мандат, —
Что я имею, чем богат.
Итак, *imprimis*¹, у меня
Есть удалая четверня,
Какая редко перед плугом
Когда-либо ходила цугом.
Хоть норовист мой коренник,
Зато выносливый старик.
Вторая — добрая кобыла...
Она не раз меня носила
В ваш городишко в дни, когда
Была дозволена езда.
Но раз — как был я женихом
(Бог, сжался над моим грехом!) —
Я, чтоб похвастаться ездой,
Загнал ее, болван такой,
И искалечил так беднягу,
Что ей теперь не сделать шагу.
О третьей я сказать могу,
Что лучшей к дышлу не впрягу.
Четвертая — породы горной,
Горячка, сущий дьявол черный.
К ним — жеребенок-сосунок:
Из жеребенка выйдет прок,
Когда б до жеребца дорос,

¹ Во-первых (*лат.*).

He'll draw me fifteen pun' at least.—
 Wheel carriages I ha'e but few,
 Three carts, an' twa are feckly new;
 Ae auld wheelbarrow, mair for token,
 Ae leg an' baith the trams are broken;
 I made a poker o' the spin'le,
 An' my auld mither brunt the trin'le.—
 For men, I've three mischievous boys,
Run de'ilds for rantin' an' for noise;
 A gaudsman ane, a thrasher t'other,
 Wee Davock hauds the nowt in fother.
 I rule them as I ought, discreetly,
 An' aften labour them compleatly.
 An' ay on Sundays duly nightly,
 I on the questions *targe* them tightly;
 Till faith, wee Davock's turn'd sae gleg,
 Tho' scarcely langer than your leg,
 He'll screed you aff Effectual Calling,
 As fast as ony in the dwelling.—
 I've nane in female servan' station,
 (L—d keep me ay frae a' temptation!)
 I ha'e nae wife; and that my bliss is,
 An' ye have laid nae tax on-misses;
 An' then if kirk folks dinna clutch me,
 I ken the devils dare na touch me.
 Wi' weans I'm mair than weel contented,
 Heav'n sent me ane mae than I wanted.
 My sonsie smirking dear-bought Bess,
 She stares the daddy in her face,
 Enough of ought ye like but grace;
 But her, my bonny sweet wee lady,
 I've paid enough for her already,
 An' gin ye tax her or her mither,
 B' the L—d! ye'se get them a' thegither.

And now, remember Mr. A—k—n,
 Nae kind of licence out I'm takin';

Мне фунтов двадцать бы принес.
Телеги три — вот экипажи
(Две так почти что новых даже).
Есть тачка — это старый лом:
Ее как память бережем:
Ось кочергу нам заменила,
Мать в печке колесо спалила.
Есть у меня три молодца,
Три шальных, буйных сорванца:
Работник, конюх и потом
Малец, что ходит за скотом.
Я мягко их держу в руках
И разношу частенько в прах.
А каждым вечером воскресным
Допросом прижимаю тесным,
Так что малец-Давид и тот,
Хоть до колен мне достает,
А так и чешет из писанья,
Не хуже, чем и вся компанья.
Служанок я не стал держать,
Чтобы соблазна избежать.
Я не женат — и слава богу:
Нет на девиц еще налогу...
Коль в лапы не попасть к попам,
Так мне и чорт не страшен сам.
А что до малых ребятишек,
Так есть одна, и то излишек,
Бесс — мой ребенок дорогой
С мордашкой славной и живой,
Хоть и не блещет красотой.
Но за малютку дорогую
Я цену заплатил большую:
Облóжите дитя и мать,
Так можете себе их взять!
Затем примите заявленье:
Я брать не стану разрешенья,

Frae this time forth, I do declare,
I'se ne'er ride horse nor hizzie mair;
Thro' dirt and dub for life I'll paidle,
Ere I sae dear pay for a saddle;
My travel a' on foot I'll shank it,
I've sturdy bearers, Gude be thankit.—
The Kirk an' you may tak' you that,
It puts but little in your pat;
Sae dinna put me in your buke,
Nor for my ten white shillings luke.

This list wi' my ain han' I wrote it,
Day an' date as under notit,
Then know all ye whom it concerns,
Subscripsi huic,

ROBERT BURNS.

И с этих пор — порукой честь —
Мне больше на лошадь не сесть.
Я в грязь не пожалею ног,
Но за седло не дам налог.
Пешком проделаю дорогу:
Ходить здоров я, слава богу.
Минует вас с попом мой грош:
С меня не густо наживешь.
Меня в реестр вы не вносите
И шиллингов моих не ждите.

С тем заключаю: список мой
Собственноручно писан мной.
Чье это дело, пусть прочтет.
Subscripsit¹... подпись, день и год.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

¹ Подпись (лат.).

Song. On Miss W. A.

'Twas ev'n, the dewy fields were green,
 On ev'ry blade the pearls hang,
 The Zephyr wanton'd round the bean,
 And bore its fragrant sweets along;
 In ev'ry glen the Mavis sang,
 All nature list'ning seem'd the while;
 Except where greenwood ECHOS rang
 Among the braes o' Ballochmyle.

With careless step I onward stray'd,
 My heart rejoic'd in Nature's joy,
 When, musing in a lonely glade,
 A Maiden fair I chanc'd to spy:
 Her look was like the Morning's eye,
 Her air like Nature's vernal smile,
 The lilies' hue and roses' die
 Bespoke the Lass o' Ballochmyle.

Fair is a morn in flow'ry May,
 And sweet an ev'n in Autumn mild;
 When roving through the garden gay,
 Or wand'ring in the lonely wild;
 But Woman, Nature's darling child,
 There all her charms she does compile,
 And all her other works are foil'd
 By th' bony Lass o' Ballochmyle.

O if she were a country Maid,
 And I the happy country Swain!

Красавица из Баллохмэля

Был вечер. Жемчугом росы
Блестели травы в час заката.
Неслась с бобовой полосы
По ветру сладость аромата.
Внимая песенке дрозда,
Кругом долины присмирели,
И только эхо иногда
Звучало в склонах Баллохмэля.

Я шел беспечно наугад,
Сам радостью природы светел,
И вдруг в лесной тени мой взгляд
Красотку-девушку заметил.
Как май была она ясна,
Как вешний луч глаза блестели.
Восторг шепнул мне: — Вот она —
Красавица из Баллохмэля.

Как майских утр рассвет хорош,
Как осени мягка прохлада,
Когда один в степи бредешь
Иль выйдешь в мир веселый сада!
Но женщина — природы дар,
Непревзойденный ей доселе:
И все затмила прелесть чар
Красавицы из Баллохмэля.

О, будь крестьянин я простой,
Она ж крестьянкой, мне подружкой,

Though shelt'red in the lowest shed
 That ever rose on Scotia's plain:
 Through weary Winter's wind and rain,
 With joy, with rapture I would toil,
 And nightly to my bosom strain
 The bony Lass o' Ballochmyle.

Then Pride might climb the slipp'ry steep
 Where fame and honors lofty shine:
 And Thirst of gold might tempt the deep
 Or downward seek the Indian mine:
 Give me the Cot below the pine,
 To tend the flocks or till the soil,
 And ev'ry day has joys divine
 With th' bony Lass o' Ballochmyle.

**On a Schoolmaster in Cleish Parish,
 Fifeshire**

Here lie Willie M—hie's banes,
 O Satan, when ye tak him,
 Gie him the schulin' o' your weans;
 For clever Deils he'll mak 'em!

Я счастлив был бы ницетой
И самой бедною лачужкой!
Зимою, в стужу и дожди,
Трудясь с восторгом дни, недели,
Чтоб ночью прижимать к груди
Красавицу из Баллохмэля.

И пусть себе кто хочет — тот
Пусть скользкий к славе ставит целью,
Пусть жажда золота влечет
К индийской шахты подземелью, —
А мне — пахать, пасти стада,
Чтоб сосны надо мной шумели
И чтоб со мной была всегда
Красавица из Баллохмэля!

Перевод С. Маршака.

**Надпись на могиле
школьного педанта**

В кромешный ад сегодня взят
Тот, кто учил детей...
Он может там из чертенят
Воспитывать чертей.

Перевод С. Маршака.

**To a Mountain-Daisy, On turning
one down, with the Plough, in
April — 1786**

Wee, modest, crimson-tipped flow'r,
Thou's met me in an evil hour;
For I maun crush among the stoure
 Thy slender stem:
To spare thee now is past my pow'r,
 Thou bonie gem.

Alas! it's no thy neebor sweet,
The bonie *Lark*, companion meet!
Bending thee 'mang the dewy weat!
 Wi's spreckl'd breast,
When upward-springing, blythe, to greet
 The purpling East.

Cauld blew the bitter-biting *North*
Upon thy early, humble birth;
Yet chearfully thou glinted fo'rth
 Amid the storm,
Scarce rear'd above the *Parent-earth*
 Thy tender form.

The flaunting *flow'rs* our Gardens yield,
High-shelt'ring woods and wa's maun shield,
But thou, beneath the random bield
 O' clod or stane,
Adorns the histie *stibble-field*,
 Unseen, alane.

There, in thy scanty mantle clad,
Thy snawie bosom sun-ward spread,

**Горной маргаритке,
которую я примял своим плугом**

О скромный, маленький цветок,
Твой час последний недалек.
Сметет твой тонкий стебелек
Мой тяжкий плуг.
Перепахать я должен в срок
Зеленый луг.

Не жаворонок полевой —
Сосед, земляк, приятель твой —
Пригнет твой стебель над травой,
Готовясь в путь
И первой утренней росой
Обрызгав грудь.

Ты вырос между горных скал
И был беспомощен и мал,
Чуть над землей приподымал
Свой огонек,
Но храбро с ветром воевал
Твой стебелек.

В садах ограда и кусты
Хранят высокие цветы.
А ты рожден средь нищеты
Суровых гор.
Но как собой украсил ты
Нагой простор!

Одетый в будничный наряд,
Ты к солнцу обращал свой взгляд.

Thou lifts thy unassuming head
In humble guise;
But now the *share* uptears thy bed,
And low thou lies!

Such is the fate of artless Maid,
Sweet *flow'ret* of the rural shade!
By Love's simplicity betray'd,
And guileless trust,
Till she, like thee, all soil'd, is laid
Low i' the dust.

Such is the fate of simple Bard,
On Life's rough ocean luckless starr'd!
Unskilful he to note the card
Of *prudent Lore*,
Till billows rage, and gales blow hard,
And whelm him o'er!

Such fate to *suffering worth* is giv'n,
Who long with wants and woes has striv'n,
By human pride or cunning driv'n
To Mis'ry's brink,
Till wrench'd of ev'ry stay but HEAV'N,
He, ruin'd, sink!

Ev'n thou who mourn'st the *Daisy's* fate,
That fate is thine—no distant date;
Stern Ruin's *plough-share* drives, elate,
Full on thy bloom,
Till crush'd beneath the *furrow's* weight,
Shall be thy doom!

Его теплу и свету рад,
Глядел на юг,
Не думая, что разорят
Твой мирный луг.

Так девушка во цвете лет
Глядит доверчиво на свет
И всем живущим шлет привет,
В глуши таясь,
Пока ее, как этот цвет,
Не втопчут в грязь.

Так и бесхитростный певец,
Страстей неопытный пловец,
Не знает низменных сердец —
Подводных скал —
И там находит свой конец,
Где счастья ждал.

Такая участь многих ждет...
Кого томит гордыни гнет,
Кто изнурен ярмом забот, —
Тем свет не мил.
И человек на дно идет,
Лишенный сил.

И ты, виновник этих строк,
Держись, — конец твой недалек.
Тебя настигнет грозный рок —
Нужда, недуг, —
Как на весенний стебелек
Наехал плуг.

Перевод С. Маршака.

[Lines written on a Bank-note]

Wae worth thy pow'r, thou cursed leaf!
Fell source of all my woe and grief!
For lake o' thee I've lost my lass;
For lake o' thee I scrimp my glass;
I see the children of Affliction
Unaided, thro' thy curst restriction;
I've seen th' Oppressor's cruel smile
Amid his hapless victim's spoil;
And for thy potence vainly wish'd
To crush the Villain in the dust:
For lake o' thee I leave this much-lov'd shore,
Never perhaps to greet old Scotland more!

Надпись на банковом билете

Будь проклят, дьявольский листок!
Ты был всегда ко мне жесток.
Ты разлучил меня с подружкой
И за столом обносишь кружкой.
Ты обрекаешь честный люд
На голод, рабство, тяжкий труд
И шлешь искать земли и крова
Вдали от берега родного.

Не раз я видел, как злодей
Над жертвой тешился своей.
Давным-давно единым махом
Я гордеца смешал бы с прахом,
И только твой надежный щит
Его от мщенья хранит.
А без тебя, нуждой гонимый,
Я покидаю край родимый.

Перевод С. Маршака.

From A Dream

*Thoughts, words and deeds,
the Statute blames with reason;
But surely Dreams
were ne'er indicted Treason.*

On reading, in the public papers, the Laureate's Ode, with the other parade of June 4th, 1786, the Author was no sooner dropt asleep, than he imagined himself transported to the Birth-day Levee; and, in his dreaming fancy, made the following Address.

I

GUID-MORNIN to your MAJESTY!

May heaven augment your blisses,
On ev'ry new *Birth-day* ye see,
A humble Poet wishes!
My Bardship here, at your Levee,
On sic a day as this is,
Is sure an uncouth sight to see,
Amang thae Birth-day dresses
Sae fine this day.

II

I see ye're complimented thrang,
By many a *lord an' lady*;
'God save the King' 's a cuckoo sang
That's unco easy said ay:
The *Poets* too, a venal gang,
Wi' rhymes weel-turn'd an' ready,

Сон*(Отрывок)*

*За речи, мысли и дела карает нас закон,
Но не карает никого за вольнодумный сон.*

Прочитав в газетах оду поэта-лауреата и описание торжественного приема во дворце по случаю дня рождения короля 4 июня 1786 года, автор заснул и увидел во сне, будто он присутствует на этом приеме и читает следующее приветствие:

Прошу, примите, государь,
Привет ко дню рожденья,
Как принимали вы и встарь
Поэтов поздравленья.
В кругу вельмож поэт-плугарь —
Престранное явление.
Но, заглянув в свой календарь,
Спешу к вам в этот день я,
В столь славный день.

Сияют яркие огни.
Теснится знать в приемной.
И «Боже, короля храни!»
Твердят кукушки томно.
Стихами славит ваши дни
Поэтов хор наемный,

Wad gar you trow ye ne'er do wrang,
But ay unerring steady,
On sic a day.

III

For-me! before a Monarch's face,
Ev'n *there* I winna flatter;
For neither Pension, Post, nor Place,
Am I your humble debtor:
So, nae reflection on YOUR GRACE,
Your Kingship to bespatter;
There's monie *waur* been o' the Race,
And aiblins *ane* been better
Than You this day.

IV

'Tis very true, my sovereign King,
My skill may weel be doubted;
But *Facts* are cheels that winna ding,
An' downa be disputed:
Your *royal nest*, beneath *Your* wing,
Is e'en right reft an' clouted,
And now the third part o' the string,
An' less, will gang about it
Than did ae day.

V

Far be't frae me that I aspire
To blame your Legislation,
Or say, ye wisdom want, or fire,
To rule this mighty nation;
But faith! I muckle doubt, my SIRE,
Ye've trusted 'Ministration,
To chaps, wha, in a *barn* or *byre*,
Wad better fill'd their station
Than *courts* yon day.

Припомнив доблести одни,
Не видя тени темной
В столь светлый день.

Но льстивых од я не припас,
Обычных в этом зале.
К тому ж я не в долгу зас, —
Мне пенсий не давали.
Сказать могу я без прикрас
И ошибусь едва ли,
Что были хуже вас у нас
И лучшие бывали
В минувший день.

Пускай не звучно, не красно
Мое простое слово,
Но с правдой спорить мудрено.
Она всегда сурова.
Гнездо у вас разорено,
Его мы чиним снова,
А что в гнезде сохранено,
Есть только треть былого
На этот день.

Законодателя страны
Я не хочу бесславить,
Сказав, что вы не так умны,
Чтоб наш народ возглавить.
Но вы изволили чины
И званья предоставить
Шутам, что хлев мести должны,
А не строною править
В столь трудный день!

VI

And now Ye've gien auld *Britain* peace,
 Her broken shins to plaister;
 Your sair taxation does her fleece,
 Till she has scarce a tester:
 For me, thank God, my life's a *lease*,
 Nae *bargain* wearing faster,
 Or faith! I fear, that, wi' the geese,
 I shortly boost to pasture
 I' the craft some day.

VII

I'm no mistrusting *Willie Pit*,
 When taxes he enlarges,
 (An' *Will*'s a true guid fallow's get,
 A Name not Envy spairges)
 That he intends to pay your *debt*,
 An' lessen a' your *charges*;
 But, G—d-sake! let nae *saving-fit*
 Abridge your bonie *Barges*
 An' *Boats* this day.

VIII

Adieu, my LIEGE! may Freedom geck
 Beneath your high protection;
 An' may Ye rax Corruption's neck,
 And gie her for dissection!
 But since I'm here, I'll no neglect,
 In loyal, true affection,
 To pay your QUEEN, with due respect,
 My fealty an' subjection
 This great Birth-day.

Вы дали мир нам наконец.
Мы чиним руки, ноги.
Зато стригут нас, как овец,
Жестокие налоги.
Меня пахать учил отец,
Но я живу в тревоге,
Что я найду такой конец,
Как мой баран безрогий
В печальный день.

Подозревать я не могу
Ни в чем Вильяма Питта.
С баранов шерсть я сам стригу,
Он нас стрижет сердито.
Я знаю, вы кругом в долгу,
Расходы не покрыты.
Но черт возьми! Пусть сберегут
Хоть флот наш знаменитый
В столь грозный день.

Итак, прощайте. Долгих лет!
Пускай под вашей сенью
Мы видим вольности расцвет,
Конец растрат, хищенья.
Хотя на празднества поэт
Пришел без приглашенья, —
Он королеве шлет привет,
А также поздравленья
В столь славный день!..

Перевод С. Маршака.

The Farewell

*The valiant, in himself, what can he suffer?
 Or what does he regard his single woes?
 But when, alas! he multiplies himself,
 To dearer selves, to the lov'd tender fair,
 To those whose bliss, whose beings hang upon him,
 To helpless children,—then, Oh then he feels
 The point of misery festering in his heart,
 And weakly weeps his fortunes like a coward:
 Such, such am I!—undone!*

T h o m s o n ' s *Edward and Eleanora.*

Farewell, old Scotia's bleak domains,
 Far dearer than the torrid plains.

Where rich ananas blow!

Farewell, a mother's blessing dear!

A brother's sigh! a sister's tear!

My Jean's heart-rending throe!

Farewell, my Bess! tho' thou'rt bereft

Of my paternal care,

A faithful brother I have left,

My part in him thou'lt share!

Adieu too, to you too,

My Smith, my bosom frien';

When kindly you mind me,

O then befriend my Jean!

Прощание

*Кто доблестен, тот может ли страдать,
Или, вернее, замечать страданья?
Но если он умножит жизнь свою,
Включив другие дорогие жизни —
Судьбу любимой хрупкой красоты,
Судьбу детей беспомощных, чье счастье
Зависит от него, — увы, тогда
Почувствовать он должен неизбежно
Занозу, разрывающую сердце.
Его судьба испуганно заплачет...
Так и со мной случилось. Я погиб.*

Томсон. Эдвард и Элеонора.

Моя Шотландия, прощай!
Милей мне твой туманный край
Садов богатых юга.
Прощай, родимая семья —
Сестра, и брат, и мать моя,
И скорбная подруга!

С тоской тебя я обниму,
Малютка дорогая.
Тебя я брату своему
С надеждой поручаю.

И ты, мой
Любимый
Товарищ юных дней,
Участьем
В ненастье
Семью мою согрей!

What bursting anguish tears my heart;
 From thee, my Jeany, must I part!
 Thou, weeping, answ'rst—'No!
 Alas! misfortune stares my face,
 And points to ruin and disgrace,
 I for thy sake must go!
 Thee, Hamilton, and Aiken dear,
 A grateful, warm adieu:
 I, with a much-indebted tear,
 Shall still remember you!
 All-hail then, the gale then,
 Wafts me from thee, dear shore!
 It rustles, and whistles
 I'll never see thee more!

[On Johnson's Opinion of Hampden]

For shame!
 Let Folly and Knavery
 Freedom oppose:
 'Tis suicide, Genius,
 To mix with her foes.

А ты, подруга, не грусти.
Чтобы тебя и честь спасти,
Бегу я в край далекий.
Нужда стучится к нам во двор,
Грозят нам голод, и позор,
И суд молвы жестокий.

Друзья, на дальнем берегу
В томительном изгнанье
Я благодарно сберегу
О вас воспоминанье.

Грохочет,
Пророчит
Бушующий простор:
Мне крова
Родного
Не видеть с этих пор!

Перевод С. Маршака.

Джонсону

Мошенники, ханжи и сумасброды,
Свободу невзлюбив, шипят со всех сторон.
Но если гений стал врагом свободы, —
Самоубийца он.

Перевод С. Маршака.

To a Haggis

Fair fa' your honest, sonsie face,
 Great Chieftan o' the Puddin-race!
 Aboon them a' ye tak your place,
 Painch, tripe, or thairm:
 Weel are ye wordy of a *grace*
 As lang's my arm.

The groaning trencher there ye fill,
 Your hurdies like a distant hill,
 Your *pin* wad help to mend a mill
 In time o' need,
 While thro' your pores the dews distil
 Like amber bead.

His knife see Rustic-labour dight,
 An' cut you up wi' ready slight,
 Trenching your gushing entrails bright
 Like onie ditch;
 And then, O what a glorious sight,
 Warm-reekin, rich!

Then, horn for horn they stretch an' strive,
 Deil tak the hindmost, on they drive,
 Till a' their weel-swallow'd kytes belyve
 Are bent like drums;
 Then auld Guidman, maist like to rive,
 Bethankit hums.

Is there that owre his French *ragout*,
 Or *olio* that wad staw a sow,

Ода шотландскому пудингу
«Хаггис»

В тебе я славлю командира
Всех пудингов горячих мира, —
Могучий Хаггис, полный жира
И требухи.
Строчу, пока мне служит лира,
Тебе стихи.

Дородный, плотный, крутобокий,
Ты высишься, как холм далекий,
А под тобой поднос широкий
Чуть не трещит.
Но как твои ласкают соки
Наш аппетит!

С полей вернувшись, землеробы,
Сойдясь вокруг твоей особы,
Тебя проворно режут, чтобы
Весь жар и пыл
Твоей дымящейся утробы
На миг не стыл.

Теперь доносится до слуха
Стук ложек, звякающих глухо.
Когда ж плотнее станет брюхо,
Чем барабан,
Старик, молясь, гудит, как муха,
От пищи пьян.

Кто обожает стол французский —
Рагу и всякие закуски

Or *fricassee* wad mak her spew
 Wi' perfect sconner,
Looks down wi' sneering, scornfu' view
 On sic a dinner?

Poor devil! see him owre his trash,
As feckless as a wither'd rash,
His spindle shank a guid whip-lash,
 His nieve a nit;
Thro' bluidy flood or field to dash,
 O how unfit!

But mark the Rustic, *haggis-fed*,
The trembling earth resounds his tread,
Clap in his walie nieve a blade,
 He'll mak it whistle;
An' legs, an' arms, an' heads will sned,
 Like taps o' thrissle.

Ye Pow'rs wha mak mankind your care,
And dish them out their bill o' fare,
Auld Scotland wants nae skinking ware
 That jaups in luggies;
But, if ye wish her gratefu' pray'r,
 Gie her a *Haggis!*

(Хотя от этакой нагрузки
И свиньям вред),
С презреньем щурит глаз свой узкий
На наш обед.

Но — бедный шут! — от пищи жалкой
Его нога не толще палки,
А вместо мускулов — мочалки,
Кулак — орех.
В бою, в горячей перепалке
Он сзади всех.

А тот, кому ты служишь пищей,
Согнет подкову в кулачище.
Когда ж в такой руке засвищет
Стальной клинок, —
Врага уносят на кладбище
Без рук, без ног.

Молю я Промысел небесный:
И в будний день и в день воскресный
Нам не давай похлебки пресной,
Яви нам благодать
И ниспошли родной, чудесный,
Горячий Хяггис!

Перевод С. Маршака.

[There was a lad]

There was a lad was born in Kyle,
 But what na day o' what na style,
 I doubt it's hardly worth the while
 To be sae nice wi' Robin.

Robin was a rovin' Boy,
 Rantin' röv'in', rantin' rovin';
 Robin was a rovin' Boy,
 Rantin' rovin' Robin.

Our monarch's hindmost year but ane
 Was five-and-twenty days begun,
 'Twas then a blast o' Janwar' Win'
 Blew hanel in on Robin.

The Gossip keekit in his loof,
 Quo' scho wha lives will see the proof,
 This waly boy will be nae coof,
 I think we'll ca' him Robin.

He'll hae misfortunes great and sma',
 But ay a heart aboon them a';
 He'll be a credit till us a',
 We'll a' be proud o' Robin.

But sure as three times three mak nine,
 I see by ilka score and line,
 This chap will dearly like our kin',
 So leeze me on thee, Robin.

Робин

В деревне парень был рожден,
Но день, когда родился он,
В календари не занесен.
Кому был нужен Робин?

Был он резвый паренек,
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

Зато отметил календарь,
Что был такой-то государь,
И в щели дома дул январь,
Когда родился Робин.

Разжав младенческий кулак,
Гадалка говорила так:
— Мальчишка будет не дурак.
Пускай зовется Робин!

Немало ждет его обид,
Но сердцем всё он победит.
Парнишка будет знаменит,
Семью прославит Робин.

Он будет весел и остер,
И наших дочек и сестер
Полюбит с самых ранних пор
Неугомонный Робин.

Guid faith quo' scho I doubt you Stir,
 Ye'll gar the lasses lie aspar;
 But twenty fauts ye may hae waur—
 So blessins on thee, Robin.

Elegy on Peg Nicholson—

Peg Nicholson was a good bay mare,
 As ever trode on airn;
 But now she's floating down the Nith,
 And past the Mouth o'Cairn.

Peg Nicholson was a good bay mare,
 And rode thro' thick and thin;
 But now she's floating down the Nith,
 And wanting even the skin.

Peg Nicholson was a good bay mare,
 And ance she bore a priest;
 But now she's floating down the Nith,
 For Solway fish a feast.

Peg Nicholson was a good bay mare,
 And the priest he rode her sair:
 And much oppressed and bruised she was—
 As priest-rid cattle are, &c. &c.

Девчонкам — бог его прости! —
Уснуть не даст он взаперти,
Но знать не будет двадцати
Других пороков Робин.

Был он резвый паренек —
Резвый Робин, шустрый Робин,
Беспокойный паренек —
Резвый, шустрый Робин!

Перевод С. Маршака.

**Элегия на смерть Пэг Никольсон,
лошади священника**

Ты славной клячею была,
И вот узнал я с грустью,
Что по реке ты поплыла
И доплыла до устья.

Кобылой доброй ты слыла,
Когда была моложе.
А нынче к морю уплыла,
Оставив людям кожу.

Ты от хозяина-попа
Не слышала «спасибо».
Стара ты стала и слепа
И угодила к рыбам.

Давно, покорная судьбе,
Лишилась ты здоровья,
Как все, кто возит на себе
Духовное сословье!

Перевод С. Маршака.

**Epitaph. Here lies Robert Fergusson,
Poet**

**Born, September 5th, 1751 — Died 16th October,
1774**

No sculptur'd marble here, nor pompous lay,
'No story'd urn nor animated bust;'
This simple stone directs pale SCOTIA's way
To pour her sorrows o'er her POET's dust.

[On Fergusson]

Curse on ungrateful man, that can be pleas'd,
And yet can starve the author of the pleasure!

O thou, my elder brother in Misfortune,
By far my elder Brother in the muse,
With tears I pity thy unhappy fate!
Why is the Bard unfitted for the world,
Yet has so keen a relish of its Pleasures?

**О памятнике,
воздвигнутом Бернсом на могиле
поэта Роберта Фергюссона**

Ни урны, ни торжественного слова,
Ни статуи в его ограде нет.
Лишь голый камень говорит сурово:
— Шотландия! Под камнем — твой поэт!

Перевод С. Маршака.

**К портрету Роберта Фергюссона,
шотландского поэта**

Проклятье тем, кто, наслаждаясь песней,
Дал с голоду поэту умереть.
О старший брат мой по судьбе суро́зой,
Намного старший по служенью музам,
Я горько плачу, вспомнив твой удел.

Зачем певец, лишенный в жизни места,
Так чувствует всю прелесть этой жизни?

Перевод С. Маршака.

The Answer

GUIDWIFE,

I mind it weel in early date,
When I was beardless, young and blate,
 An' first cou'd thresh the barn,
Or haud a yokin at the pleugh,
An' tho' fu' foughten sair eneugh,
 Yet unco proud to learn.

When first amang the yellow corn
 A man I reckon'd was;
An' with the lave ilk merry morn
 Could rank my rig and lass;
 Still shearing and clearing
 The tither stoked raw;
 With clavers and haivers
 Wearing the time awa':

Ev'n then a wish (I mind its power)
A wish, that to my latest hour
 Shall strongly heave my breast;
That I for poor auld Scotland's sake
Some useful plan, or book could make,
 Or sing a sang at least.

The rough bur-thistle spreading wide
 Amang the bearded bear,
I turn'd my weeding heuk aside,
 An' spar'd the symbol dear.

Ответ на письмо

Сударыня,

Как этот год от нас далек,
Когда, безусый паренек,
Я молотить ходил на ток,
Пахал впервые поле
И хоть порой бывал без ног,
Но рад был этой школе.

В одном со взрослыми строю,
Товарищ их по плугу,
Я знал и полосу свою
И юную подругу.

И шуткой,
Прибауткой
Под мерный звон косы
Я скрадывал минутки
И коротал часы.

Одной мечтой с тех пор я жил:
Служить стране по мере сил
(Пускай они и слабы!),
Народу пользу принести —
Ну, что-нибудь изобрести
Иль песню спеть хотя бы!

Я при уборке ячменя
Щадил татарник в поле.
Он был эмблемой для меня
Шотландской древней воли.

No nation, no station
My envy e'er could raise:
A Scot still, but blot still,
I knew no higher praise.

But still the elements o' sang
In formless jumble, right an' wrang,
Wild floated in my brain;
Till on that hairst I said before,
My partner in the merry core,
She rous'd the forming strain.

I see her yet, the sonsy quean,
That lighted up my jingle;
Her pauky smile, her kittle een,
That gar't my heart-strains tingle.
So tiched, bewitched,
I rav'd ay to myself;
But bashing and dashing,
I kend na how to tell.

Hale to the sex, ilk guid chiel says,
Wi' merry dance in winter-days,
An' we to share in common:
The gust o' joy, the balm of woe,
The saul o' life, the heav'n below,
Is rapture-giving woman.

Ye surly sumphs, who hate the name,
Be mindfu' o' your mither:
She, honest woman, may think shame
That ye're connected with her.

Пусть родом,
Доходом
Гордится знатный лорд, —
Шотландской
Крестьянской
Породой был я горд.

Я был юнцом, но и тогда
Обрывки строк в часы труда
Твердил я непрестанно,
Пока подруга юных дней
Не придала строфе моей
И склад и лад неожиданный.

Не позабыл я до сих пор
Моей подруги юной,
Чей звонкий смех и быстрый взор
Тревожил в сердце струны.

Краснея,
Не смея
Поднять влюбленный взгляд,
Срезал я,
Вязал я
Колосьев спелых ряд.

Да здравствует стыдливый пол!
Когда мороз ревнивый зол,
Обняв подругу в танце,
Мы забываем боль невзгод,
Нам сердце жаром обдает
Огонь ее румянца.

Любви не знавший дуралей
Достоин сожаленья.
Во взоре матери своей
Увидит он презренье.

Ye're wae men, ye're nae men,
That slight the lovely dears:
To shame ye, disclaim ye,
Ilk honest birkie swears.

For you, na bred to barn and byre.
Wha sweetly tune the Scottish lyre.
Thanks to you for your line.
The marled plaid ye kindly spare,
By me should gratefully be ware;
'Twad please me to the Nine.

I'd be mair vauntie o' my hap,
Douse hingin o'er my curple,
Than ony ermine ever lap,
Or proud imperial purple.
Farewell then, lang hale then,
An' plenty be your fa':
May losses and crosses
Ne'er at your hallan ca'.

R. BURNS.

Укором,
Позором
Мы заклеим того,
Кто не любил
В расцвете сил
На свете никого!

Пусть вы, сударыня, росли
Под кровом дедовским — вдали
От наших изб крестьянских,
Вам незнаком амбар и хлев,
Зато вам по сердцу напев
Старинных лир шотландских.

Спасибо вам за ваш привет.
Горжусь таким союзом.
Благодарю за пестрый плед.
Я в нем приятней музам.

Простой наряд страны моей,
Он для меня дороже
Всех горностаев королей
И бархата вельможи.

Прощайте!
Не знайте
Ни горя, ни потерь.
Пусть ссоры,
Раздоры
Минуют вашу дверь!

Перевод С. Маршака.

Yon wild mossy mountains—

Yon wild, mossy mountains sae lofty and wide,
 That nurse in their bosom the youth o' the Clyde;
 Where the grous lead their coveys thro' the heather to feed,
 And the shepherd tents his flock as he pipes on his reed.

Not Gowrie's rich valley, nor Forth's sunny shores,
 To me hae the charms o' yon wild, mossy moors:
 For there, by a lanely, sequestered stream,
 Resides a sweet Lassie, my thought and my dream.—

Amang thae wild mountains shall still be my path,
 Ilk stream foaming down its ain green, narrow strath;
 For there, wi' my Lassie, the day-lang I rove,
 While o'er us, unheeded, flee the swift hours o' Love.—

She is not the fairest, altho' she is fair;
 O' nice education but sma' is her skair;
 Her parentage humble as humble can be;
 But I loe the dear Lassie because she loes me.—

To Beauty what man but maun yield him a prize,
 In her armour of glances, and blushes, and sighs;
 And when Wit and Refinement hae polish'd her darts,
 They dazzle our een, as they flie to our hearts.—

But Kindness, sweet Kindness, in the fond-sparkling e'e,
 Has lustre outshining the diamond to me;
 And the heart beating love as I'm clasp'd in her arms,
 O, these are my Lassie's all-conquering charms.—

* * *

Скалистые горы, где спят облака,
Где в юности ранней резвится река,
Где в поисках корма сквозь вереск густой
Птенцов перепелка ведет за собой.

Милее мне склоны и трещины гор,
Чем берег морской и зеленый простор,
Милей оттого, что в горах у ручья
Живет моя радость, забота моя.

Люблю я прозрачный и гулкий ручей,
Бегущий тропинкой зеленой своей.
Под говор воды, не считая часов,
С любимой подругой бродить я готов.

Она не прекрасна, но многих милей.
Я знаю, приданого мало за ней,
Но я полюбил ее с первого дня
За то, что она полюбила меня!

Встречая красавицу, кто устоит
Пред блеском очей и румянцем ланит?
А если ума ей прибавить чуть-чуть,
Она, ослепляя, пронзает нам грудь.

Но добрая прелесть внимательных глаз
Стократ мне дороже, чем лучший алмаз.
И в крепких объятьях волнует мне кровь
Открытая, с бьющимся сердцем, любовь!

Перевод С. Маршака.

The birks of Aberfeldey.
—Composed on the spot

C h o r u s

Bony lassie will ye go, will ye go, will ye go;
 Bony lassie will ye go to the birks of Aberfeldey.—

1

Now Simmer blinks on flowery braes,
 And o'er the chrystal streamlets plays;
 Come let us spend the lightsome days
 In the birks of Aberfeldey.—

2

The little birdies blythely sing
 While o'er their heads the hazels hing,
 Or lightly flit on wanton wing
 In the birks of Aberfeldey.—

3

The braes ascend like lofty wà's,
 The foamy stream deep-roaring fa's
 O'erhung wi' fragrant-spreading shaws,
 The birks of Aberfeldey.—

4

The hoary cliffs are crown'd wi' flowers,
 White o'er the linns the burnie pours
 And rising weets wi' misty showers
 The birks of Aberfeldey.—

Березы Эберфельди

Не пойдешь ли, милый друг,
Милый друг, милый друг,
Не пойдешь ли, милый друг,
К березам Эберфельди?

Холмы, смеясь, уходят в даль.
Ручей играет, как хрусталь.
Забудем горе и печаль
В зеленом Эберфельди.

Там птицы пестрые поют,
Найдя в орешнике приют,
Или на крыльшках снуют
В зеленом Эберфельди.

Струясь вдоль каменной стены,
Вода несется с вышины,
И рощи свежести полны
В зеленом Эберфельди.

Цветут цветы над крутизной,
Поток сверкает белизной,
Кропя, как дождь, в полдневный зной
Березы Эберфельди.

5

Let Fortune's gifts at random flee,
 They ne'er shall draw a wish frae me;
 Supremely blest wi' love and thee
 In the birks of Aberfeldey.—

**Sonnet—On hearing a thrush sing
 on a morning walk in January**

Sing on, sweet thrush, upon the leafless bough,
 Sing on, sweet bird, I'll listen to thy strain;
 See aged Winter 'mid his surly reign
 At thy blythe carol clears his furrowed brow.—

Thus in bleak Poverty's dominion drear
 Sits meek Content, with light, unanxious heart,
 Welcomes the rapid moments, bids them part,
 Nor asks if they bring aught to hope, or fear.—

I thank thee, Author of this opening day,
 Thou whose bright sun now gilds yon orient skies.
 Riches denied, thy boon was purer joys,
 What Wealth could never give, nor take away!—

But come, thou child of Poverty and Care,
 The mite high Heaven bestowed, that mite with thee
 I'll share.

Пускай судьба дарит свой клад
Кому захочет — наугад,
Тебе одной я буду рад
В зеленом Эберфельди!

Перевод С. Маршака.

**О песне дрозда, которую поэт
услышал в день своего рождения —
на рассвете 25 января**

Пой, милый дрозд, в глухой морозной мгле.
Пой, добрый друг, среди нагих ветвей.
Смотри: зима от песенки твоей
Разгладила морщины на челе.

Так в одинокой бедности, впотьмах
Найдешь беспечной радости приют,
Она легко встречает бег минут, —
Несут они надежду или страх.

Благодарю тебя, создатель дня,
Седых полей позолотивший гладь.
Ты, золота лишив, даришь меня
Всем, что оно не в силах дать и взять.

Приди ж, дитя забот и нищеты.
Что бог пошлет, со мной поделишь ты!

Перевод С. Маршака,

I'm o'er young to Marry Yet

I am my mammy's ae bairn,
 Wi' unco folk I weary, Sir,
 And lying in a man's bed,
 I'm fley'd it make me irie, Sir.
 I'm o'er young, I'm o'er young,
 I'm o'er young to marry yet;
 I'm o'er young, 'twad be a sin
 To tak me frae my mammy yet.

Hallowmass is come and gane,
 The nights are lang in winter, Sir;
 And you an' I in ae bed,
 In trowth, I dare na venture, Sir.
 I'm o'er young &c.

Fu' loud and shill the frosty wind
 Blaws thro' the leafless timmer, Sir;
 But if ye come this gate again,
 I'll aulder be gin simmer, Sir.
 I'm o'er young &c.

У мамы тихо я росла
И так боюсь людей чужих.
О сэр, с ума бы я сошла
Наедине с одним из них!

П р и п е в:

Я так мала, я так мала.
Еще так рано стать мне дамой,
И я бы, право, не могла
На долгий срок расстаться с мамой.

Мне накануне рождества
Ночной наряд купила мать,
Но я боюсь, что кружева
Мне после свадьбы могут смять.

Побыть на свадьбе я не прочь,
Чтобы потом уйти домой.
Но так долга зимою ночь,
Что не пойду за вас зимой.

Вам лучше лета подождать,
Когда все яблони в цвету.
Вы приходите к нам опять,
Когда чуть-чуть я подрасту!

Перевод С. Маршака.

McPherson's Farewell

Farewell, ye dungeons dark and strong,
The wretch's destinie!
McPherson's time will not be long,
On yonder gallows-tree.

C h o r u s

Sae rantingly, sae wantonly,
Sae dauntingly gae'd he:
He play'd a spring, and danc'd it round
Below the gallows-tree.

O what is death but parting breath?
On many a bloody plain
I've dar'd his face, and in this place
I scorn him yet again!
Sae rantingly, &c.

Untie these bands from off my hands,
And bring to me my sword;

Макферсон перед казнью

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

— Привет вам, тюрьмы короля
Где жизнь влачат рабы!
Меня сегодня ждет петля
И гладкие столбы.

В полях войны среди мечей
Встречал я смерть не раз,
Но не дрожал я перед ней —
Не дрогну и сейчас!

Разбейте сталь моих оков,
Верните мой доспех.
Пусть выйдет десять смельчаков,
Я одолею всех.

Я жизнь свою провел в бою,
Умру не от меча.
Изменник предал жизнь мою
Веревке палача.

И перед смертью об одном
Душа моя грустит,

And there's no a man in all Scotland,
 But I'll brave him at a word.
 Sae rantingly, &c.

I've liv'd a life of sturt and strife;
 I die by treacherie:
 It burns my heart I must depart
 And not avenged be.
 Sae rantingly, &c.

Now farewell, light, thou sunshine bright,
 And all beneath the sky!
 May coward shame distain his name,
 The wretch that dares not die!
 Sae rantingly, &c.

Epitaph on a Wag in Mauchline

Lament im Mauchline husbands a',
 He aften did assist ye;
 For had ye staid whole weeks awa'
 Your wives they ne'er had miss'd ye.

Ye Mauchline bairns as on ye pass,
 To school in bands thegither,
 O tread ye lightly on his grass,
 Perhaps he was your father.

Что за меня в краю родном
Никто не отомстит.

Прости, мой край! Весь мир, прощай!
Меня поймали в сеть.
Но жалок тот, кто смерти ждет,
Не смея умереть!

Так весело,
Отчаянно
Шел к виселице он.
В последний час
В последний пляс
Пустился Макферсон.

Перевод С. Маршака.

Надпись на могиле сельского волокиты

Рыдайте, добрые мужья,
На этой скорбной тризне.
Сосед покойный, — слышал я, —
Вам помогал при жизни.

Пусть школьников шумливый рой
Могилы не тревожит...
Тот, кто лежит в земле сырой,
Был им отцом, быть может!

Перевод С. Маршака.

Dusty Miller

Hey the dusty Miller,
And his dusty coat;
He will win a shilling
Or he spend a groat:
Dusty was the coat,
Dusty was the colour;
Dusty was the kiss
That I got frae the Miller.—

Hey the dusty Miller,
And his dusty sack;
Leeze me on the calling
Fills the dusty peck:
Fills the dusty peck,
Brings the dusty siller;
I wad gie my coatie
For the dusty Miller.

Мельник

Мельник, пыльный мельник
Мелет нашу рожь.
Он истратил шиллинг,
Заработал грош.

Пыльный, пыльный он насквозь,
Пыльный он и белый.
Целоваться с ним пришлось —
Вся я поседела!

Мельник, пыльный мельник,
Белый от муки,
Носит белый мельник
Пыльные мешки.

Достает из кошелька
Мельник деньги белые.
Я для мельника-друга
Все, что хочешь, сделаю!

Перевод С. Маршака.

The Ploughman

The Ploughman he's a bony lad,
 His mind is ever true, jo,
 His garters knit below his knee,
 His bonnet it is blue, jo.

C h o r u s

Then up wi't a', my Ploughman lad,
 And hey, my merry Ploughman;
 Of a' the trades that I do ken,
 Commend me to the Ploughman.

My Ploughman he comes hame at e'en,
 He's aften wat and weary:
 Cast off the wat, put on the dry,
 And gae to bed, my Dearie.
 Up wi't a' &c.

I will wash my Ploughman's hose,
 And I will dress his o'erlay;
 I will mak my Ploughman's bed,
 And chear him late and early.
 Up wi't a' &c.

I hae been east, I hae been west,
 I hae been at Saint Johnston,
 The boniest sight that e'er I saw
 Was th' Ploughman laddie dancin.
 Up wi't a' &c.

Мой парень

Он чист душой, хорош собой,
Такого нет и в сказках.
Он ходит в шляпе голубой
И вышитых подвязках.

Ему я сердце отдала, —
Он будет верным другом.
Нет в мире лучше ремесла,
Чем резать землю плугом.

Придет он вечером домой,
Промокший и усталый.
— Переоденься, милый мой,
И ужинать пожалуй!

Я накормить его спешу.
Постель ему готова.
Сырую обувь посушу
Для друга дорогого.

Я много ездила вокруг,
Видала местных франтов.
Но лучше всех плясал мой друг
Под скрипки музыкантов.

Snaw-white stockings on his legs,
 And siller buckles glancin;
 A gude blue bannet on his head,
 And O þut he was handsome!
 Up wi't a' &c.

Commend me to the Bárn yard,
 And the Corn-mou, man;
 I never gat my Coggie fou
 Till I met wi' the Ploughman.
 Up wi't a' &c.

Scroggam

There was a wife wonn'd in Cockpen,
 Scroggam;
 She brew'd gude ale for gentlemen,
 Sing auld Cowl, lay you down by me,
 Scroggam, my Dearie, ruffum.

The gudewife's dochter fell in a fever,
 Scroggam;
 The priest o' the parish fell in anither,
 Sing auld Cowl, lay you down by me,
 Scroggam, my Dearie, ruffum.

They laid the twa i' the bed thegither,
 Scroggam:
 That the heat o' the tane might cool the tither,
 Sing auld Cowl, lay you down by me,
 Scroggam, my Dearie, ruffum.

Как снег, сияли белизной
Чулки из шерсти тонкой.
Вскружил башку он не одной
Плясавшей с ним девчонке.

Уж с ним-то буду я сыта, —
Ведь я неприхотлива.
Была бы миска не пуста
Да в кружке было пиво!

Перевод С. Маршака.

Песенка

Жила-была тетка под старую ивой,
Она джентльменам готовила пиво.
Скрóгам.

У теткиной дочки была лихорадка.
Священник дрожал от того же припадка.
Ра́ффам.

И тетка, желая прогнать лихорадку,
Обоих в одну уложила кроватьку.
Скрóгам.

Больного согрел лихорадочный пыл,
И жар у больной понемногу остыл.
Ра́ффам.

Перевод С. Маршака.

Rattlin, roarin Willie

O Rattlin, roarin Willie,
 O he held to the fair,
An' for to sell his fiddle
 And buy some other ware;
But parting wi' his fiddle,
 The saut tear blin't his e'e;
And Rattlin, roarin Willie,
 Ye're welcome hame to me.

O Willie, come sell your fiddle,
 O sell your fiddle sae fine;
O Willie, come sell your fiddle,
 And buy a pint o' wine;
If I should sell my fiddle,
 The warl' would think I was mad,
For mony a rantin day
 My fiddle and I hae had.

As I cam by Crochallan
 I cannily keekit ben,
Rattlin, roarin Willie
 Was sitting at yon board-en',

Беспутный, буйный Вилли

Беспутный, буйный Вилли
Поехал на базар.
Продать хотел он скрипку,
Купить другой товар.

Но, скрипку продавая,
Заплакал он над ней.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись домой скорей!

— Продай свою скрипку, Вилли.
Продай и смычок, старина.
Продай свою скрипку, Вилли,
И выставь нам пинту вина.

— Ах, если бы продал я скрипку,
Безумным меня бы сочли.
Не раз мы счастливое время
Со скрипкой моей провели!

Вот еду через город,
Гляжу — трактир открыт.
Беспутный, буйный Вилли
За стойкою сидит.

Sitting at yon boord-en',
 And amang guid companie;
 Rattlin, roarin Willie,
 Ye're welcome hame to me!

The Banks o' Doon

Ye banks and braes o' bonie Doon,
 How can ye bloom sae fresh and fair;
 How can ye chant, ye little birds,
 And I saw weary, fu' o' care!
 Thou'll break my heart, thou warbling bird,
 That wantons thro' the flowering thorn:
 Thou minds me o' departed joys,
 Departed, never to return.—

Oft hae I rov'd by bonie Doon,
 To see the rose and woodbine twince;
 And ilka bird sang o' its Luve,
 And fondly sae did I o' mine.—
 Wi' lightsome heart I pu'd a rose,
 Fu' sweet upon its thorny tree;
 And my fause Luver staw my rose,
 But, ah! he left the thorn we' me.—

Сидит за стойкой Вилли
В компании друзей.
Беспутный, буйный Вилли,
Вернись ко мне скорей!

Перевод С. Маршака

**Как можешь течь ты,
вольный Дун?**

Как можешь течь ты, вольный Дун,
Как можешь цвести ты, пышный луг,
Когда полна я горьких дум,
Когда больна от тяжких мук?

Мне ранит сердце песнь щегла,
Терновый куст мне колет грудь.
Мне все твердит, что жизнь прошла,
Что дней минувших не вернуть...

Я помню, Дун, струи твои,
Зеленый холм и тень ветвей,
Где птицы пели о любви,
Как я когда-то о своей.

Но если дом покинул друг,
Но если смолкло пенье струн —
Как можешь цвести ты, пышный луг,
Как можешь течь ты, вольный Дун?

Перевод Т. Сикорской.

The lazy mist

The lazy mist hangs from the brow of the hill,
Concealing the course of the dark winding rill;
How languid the scenes, late so sprightly, appear,
As Autumn to Winter resigns the pale year.
The forests are leafless, the meadows are brown,
And all the gay foppery of Summer is flown:
Apart let me wander, apart let me muse,
How quick Time is flying, how keen Fate pursues.
How long I have liv'd—but how much liv'd in vain;
How little of life's scanty span may remain:
What aspects, old Time, in his progress, has worn;
What ties, cruel Fate, in my bosom has torn.
How foolish, or worse, till our summit is gain'd!
And downward, how weaken'd, how darken'd, how pain'd!
Life is not worth having with all it can give,
For something beyond it poor man sure must live.

Ленивый туман

Ленивый туман лег у горных вершин,
Прикрыв низверженье ручьев со стремнин;
Как жалок былого цветенья исход —
Сдается зиме умирающий год!
Луга почернели, листву сбросил лес,
Весь блеск летних красок бесследно исчез;
Брожу и грущу в этот час одинок.
Как время летит, как безжалостен рок!

Как долго я жил, сколько было потерь!
Как мало осталось шагать мне теперь!
Как много изношено временем чувств,
Как много сердечных оборвано уз!
Как глуп, коль не хуже, к вершине подъем.
Как трудно, как больно спускаться потом!
Не стоит заботы все бремя забот;
Где цель, для которой люд бедный живет?

Перевод В. Федотова.

The Epitaph

Stop, passenger! my story's brief,
 And truth I shall relate, man;
 I tell nae common tale o' grief,
 For Matthew was a great man.

If thou uncommon merit hast,
 Yet spurn'd at Fortune's door, man;
 A look of pity hither cast,
 For Matthew was a poor man.

If thou a noble sodger art,
 That passest by this grave, man;
 There moulders here a gallant heart,
 For Matthew was a brave man.

If thou on men, their works and ways,
 Canst throw uncommon light, man;
 Here lies wha weel had won thy praise,
 For Matthew was a bright man.

If thou at Friendship's sacred ca'
 Wad life itself resign, man;
 Thy sympathetic tear maun fa',
 For Matthew was a kind man.

If thou art staunch without a stain,
 Like the unchanging blue, man;
 This was a kinsman o' thy ain,
 For Matthew was a true man.

Эпитафия

Прочти короткий мой рассказ.
Правдив его язык, брат.
Великих много ли среди нас?
А Метью был велик, брат.

Коль ты имеешь тьму заслуг,
А награжден пинком, брат,
То здесь лежит твой лучший друг:
Был Метью бедняком, брат.

Коль твой удел — солдатский хлеб
И дым пороховой, брат,
Пусть нам построят общий склеп:
Наш Метью был герой, брат.

Коль ты соседа невзначай
На ум наставить мог, брат,
Хвалу покойному воздай:
Наш Метью был пророк, брат.

Коль ты друзей спасал не раз
От разных передряг, брат,
Такой же светоч здесь угас:
Наш Метью был добряк, брат.

Коль нет на совести твоей
И тучки небольшой, брат,
Ты с ним сошелся бы, ей-ей:
Был Метью чист душой, брат.

If thou hast wit, and fun, and fire,
 And ne'er gude wine did fear, man;
 This was thy billie, dam, and sire,
 For Matthew was a queer man.

If ony whiggish whingin sot,
 To blame poor Matthew dare, man;
 May dool and sorrow be his lot,
 For Matthew was a rare man.

John Anderson my Jo

John Anderson my jo, John,
 When we were first acquent;
 Your locks were like the raven,
 Your bony brow was brent;
 But now your brow is beld, John,
 Your locks are like the snaw;
 But blessings on your frosty pow,
 John Anderson my Jo.

John Anderson my jo, John,
 We clamb the hill the'gither;
 And mony a canty day, John,
 We've had wi' ane anither:
 Now we maun totter down, John,
 And hand in hand we'll go;
 And sleep the gither at the foot,
 John Anderson my Jo.

Коль ты породюю из тех,
 Кто любит винный дух, брат,
 За ним водился тот же грех:
 Наш Метью был питух, брат.

А если Метью кто-нибудь
 Не ставит ни во грош, брат,
 Тому бы голову свернуть!
 Был Метью всем хорош, брат!

Перевод Игн. Ивановского.

Джон Андерсон

Джон Андерсон, мой старый друг,
 Подумай-ка, давно ль
 Густой, крутой твой локон
 Был черен, точно смоль.

Теперь ты снегом убелён, —
 Ты знал немало вьюг.
 Но будь ты счастлив, лысый Джон,
 Джон Андерсон, мой друг!

Джон Андерсон, мой старый друг,
 Мы шли с тобою в гору,
 И столько радости вокруг
 Мы видели в ту пору.

Теперь мы под гору бредем,
 Не разнимая рук,
 И в землю ляжем мы вдвоем,
 Джон Андерсон, мой друг!

Перевод С. Маршака.

Auld lang syne

Should auld acquaintance be forgot
And never brought to mind?
Should auld acquaintance be forgot,
And auld lang syne!

C h o r u s

For auld lang syne, my jo,
For auld lang syne,
We'll tak a cup o' kindness yet
For auld lang syne.

And surely ye'll be your pint stowp!
And surely I'll be mine!
And we'll tak a cup o' kindness yet,
For auld lang syne.
For auld, &c.

We twa hae run about the braes,
And pou'd the gowans fine;
But we've wander'd mony a weary fitt,
Sin auld lang syne.
For auld, &c.

We twa hae paidl'd in the burn,
Frae morning sun till dine;

Старая дружба

Забывать ли старую любовь
И не грустить о ней?
Забывать ли старую любовь
И дружбу прежних дней?

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Побольше кружки приготовь
И доверху налей.
Мы пьем за старую любовь,
За дружбу прежних дней.

За дружбу старую —
До дна!
За счастье юных дней!
По кружке старого вина —
За счастье юных дней.

С тобой топтали мы вдвоем
Траву родных полей,
Но не один крутой подъем
Мы взяли с юных дней.

Переплывали мы не раз
С тобой через ручей.

But seas between us braid hae roar'd,
Sin auld lang sync.
For auld, &c.

And there's a hand, my trusty fiere!
And gie's a hand o' thine!
And we'll tak a right gude-willie-waught,
For auld lang syne.
For auld, &c.

Burns grace at Kirkudbright

Some have meat and cannot eat,
Some can not eat that want it:
But we have meat and we can eat,
Sae let the Lord be thankit.

Но море разделило нас,
Товарищ юных дней...

И вот с тобой сошлись мы вновь.
Твоя рука — в моей.
Я пью за старую любовь,
За дружбу прежних дней!

За дружбу старую —
До дна!
За счастье прежних дней!
С тобой мы выпьем, старина,
За счастье прежних дней.

Перевод С. Маршака.

Заздравный тост

У которых есть, что есть, — те подчас не могут
есть,
А другие могут есть, да сидят без хлеба.
А у нас тут есть, что есть, да при этом есть,
чем есть, —
Значит, нам благодарить остается небо!

Перевод С. Маршака.

My bony Mary

Go fetch to me a pint o' wine,
 And fill it in a silver tassie;
That I may drink, before I go,
 A service to my bonie lassie:
The boat rocks at the Pier o' Lieth,
 Fu' loud the wind blows frae the Ferry,
The ship rides by the Berwick-law,
 And I maun leave my bony Mary.

The trumpets sound, the banners fly,
 The glittering spears are ranked ready,
The shouts o' war are heard afar,
 The battle closes deep and bloody.
It's not the roar o' sea or shore,
 Wad make me langer wish to tarry;
Nor shouts o' war that's heard afar—
 It's leaving thee, my bony Mary!

* * *

Вина мне пинту раздобудь,
Налей в серебряную кружку.
В последний раз, готовясь в путь,
Я пью за милую подружку.

Трепещут мачты корабля,
Как будто силу ветра меря...
Пред тем, как скроется земля,
Пью за тебя, малютка Мэри!

Нас ждет и буря и борьба.
Играя с ветром, вьется знамя.
Поет военная труба,
И копыа движутся рядами.

Не страшен мне грядущий бой,
Невзгоды, жертвы и потери!
Но как расстаться мне с тобой,
Моя единственная Мэри?

Перевод С. Маршака.

Afton Water

Flow gently, sweet Afton, among thy green braes,
Flow gently, I'll sing thee a song in thy praise;
My Mary's asleep by thy murmuring stream,
Flow gently, sweet Afton, disturb not her dream.

Thou stock dove whose echo resounds thro' the glen,
Ye wild whistling blackbirds in yon thorny den,
Thou green crested lapwing thy screaming forbear,
I charge you disturb not my slumbering Fair.

How lofty, sweet Afton, thy neighbouring hills,
Far mark'd with the courses of clear, winding rills;
There daily I wander as noon rises high,
My flocks and my Mary's sweet Cot in my eye.

How pleasant thy banks and green vallies below,
Where wild in the woodlands the primroses blow;
There oft as mild ev'ning weeps over the lea,
The sweet scented birk shades my Mary and me.

Thy chrystal stream, Afton, how lovely it glides,
And winds by the cot where my Mary resides;
How wanton thy waters her snowy feet lave,
As gathering sweet flowerets she stems thy clear wave.

Flow gently, sweet Afton, among thy green braes,
Flow gently, sweet River, the theme of my lays;
My Mary's asleep by thy murmuring stream,
Flow gently, sweet Afton, disturb not her dream.

Над рекой Афтон

Утихни, мой Афтон, в зеленом краю,
Утихни, а я тебе песню спою.
Пусть милую Мэри не будит волна
На склоне, где сладко уснула она.

Пусть голубя стон из лесного гнезда,
Пусть звонкая, чистая флейта дрозда,
Зеленоголового чибиса крик
Покоя ее не встревожат на миг.

Прекрасны окрестные склоны твои,
Где змейками путь проложили ручьи.
Бродя по холмам, не свожу я очей
С веселого домика Мэри моей.

Свежи и душисты твои берега,
Весной от цветов золотятся луга.
А в час, когда вечер заплачет дождем,
Приют под березой найдем мы вдвоем.

Поток твой петлю серебристую вьет
У тихого дома, где Мэри живет.
Идет она в лес, собирая цветы, —
К ногам ее белым бросаешься ты.

Утихни, мой Афтон, меж склонов крутых,
Умолкни, прославленный в песнях моих.
Пусть милую Мэри не будит волна —
Над берегом тихо уснула она.

Перевод С. Маршака.

**On Seeing a Wounded Hare limp by
me, which a Fellow had just shot at**

Inhuman man! curse on thy barb'rous art,
 And blasted be thy murder-aiming eye;
 May never pity soothe thee with a sigh,
Nor ever pleasure glad thy cruel heart!

Go live, poor wanderer of the wood and field,
 The bitter little that of life remains;
 No more the thickening brakes and verdant plains
To thee shall home, or food, or pastime yield.

Seek, mangled wretch, some place of wonted rest,
 No more of rest, but now thy dying bed!
 The sheltering rushes whistling o'er thy head,
The cold earth with thy bloody bosom prest.

Oft as by winding Nith I, musing, wait
 The sober eve, or hail the chearful dawn,
 I'll miss thee sporting o'er the dewy lawn,
And curse the ruffian's aim, and mourn thy hapless fate.

**О подбитом зайце,
проковылявшем мимо меня**

Стыдись, бесчеловечный человек!
Долой твое разбойничье искусство!
Пусть твоей душе, лишенной чувства,
Не будет утешения вовек.

А ты, кочевник рощ, полей, лугов,
Где проведешь ты дней своих остаток?
Конец твой будет горестен и краток.
Тебя не ждет родной зеленый кров.

Калека жалкий, где-нибудь в тиши,
Среди заросшей вереском поляны
Иль у реки, где свищут камыши,
Ты припадешь к земле кровавой раной.

Не раз, встречая над рекою Нит
Рассвет веселый или вечер трезвый,
Я вспомню о тебе, приятель резвый,
И прокляну того, кем ты убит!

Перевод С. Маршака.

Willie brew'd a peck o' maut

O Willie brew'd a peck o' maut,
 And Rob and Allan cam to see;
 Three blyther hearts, that lee lang night,
 Ye wad na found in Christendie.

C h o r u s

We are na fou, we're nae that fou,
 But just a drappie in our e'e;
 The cock may craw, the day may daw,
 And ay we'll taste the barley bree.

Here are we met, three merry boys,
 Three merry boys I trow are we;
 And mony a night we've merry been,
 And mony mae we hope to be!
 (Chorus) We are na fou, &c.

It is the moon, I ken her horn,
 That's blinkin in the lift sae hie;
 She shines sae bright to wyle us hame,
 But by my sooth she'll wait a wee!
 (Chorus) We are nā fou, &c.

Wha first shall rise to gang awa,
 A cuckold, coward loun is he!
 Wha first beside his chair shall fa',
 He is the king amang us three!
 (Chorus) We are na fou, &c.

Наш Вилли пива наварил
И нас двоих позвал на пир.
Таких счастливых молодцов
Еще не знал крещеный мир!

Никто не пьян, никто не пьян,
А так, под мухою, чуть-чуть.
Пусть день встает, петух поет,
А мы не прочь еще хлебнуть!

Три молодца, мы дружно пьем.
Один бочонок — трое нас.
Не раз встречались мы втроем
И встретимся еще не раз.

Что это — старая луна
Мигает нам из-за ветвей?
Она плывет, домой зовет...
Нет, подождать придется ей!

Последний тот из нас, друзья,
Кто первым ступит за порог.
А первый тот, кого струя
Из нас последним свалит с ног!

Перевод С. Маршака.

**[To a Gentleman who had sent him
a News-paper, and offered to continue
it free of expense]**

Kind Sir, I've read your paper through,
 And faith, to me, 'twas really new!
 How guessed ye, Sir, what maist I wanted?
 This mony a day I've grain'd and gaunted,
 To ken what French mischief was brewin;
 Or what the drumlie Dutch were doin;
 That vile doup-skelper, Emperor Joseph,
 If Venus yet had got his nose off;
 Or how the collieshangie works
 Atween the Russians and the Turks;
 Or if the Swede, before he halt,
 Would play anither Charles the twalt:
 If Denmark, any body spak o't;
 Or Poland, wha had now the tack o't;
 How cut-throat Prussian blades were hingin;
 How libbet Italy was singin;
 If Spaniard, Portuguese, or Swiss,
 Were sayin or takin aught amiss:
 Or how our merry lads at hame,
 In Britain's court kept up the game:
 How royal George, the Lord leuk o'er him!
 Was managing St. Stephen's quorum;
 If sleekit Chatham Will was livin,
 Or glaikit Charlie got his nieve in;
 How daddie Burke the plea was cookin,
 If Warren Hastings' neck was yeukin;
 How cesses, stents, and fees were rax'd,
 Or if bare a— yet were tax'd;

Послание

(к джентльмену, который прислал
ему бесплатно газету с предложением
и дальше делать это)

Я проглотил газету разом:
Читал все новости с экстазом.
Как вы узнали, чародей,
О чем мечтал я много дней?..
Узнать политику всю нашу:
Француз какую варит кашу,
Как пляшет гнусный Франц-Иосиф,
Венере в нос добычу бросив?
Что турки с русскими, и как
Одна из их обычных драк?
И все ль итти мечтает швед
Двенадцатому Карлу вслед?
О Дании не пишут больше.
Кто вертит всем хозяйством в Польше?
Чем шпаги русские грозят?
Что итальянский спел кастрат?
На что испанцы, португальцы
Шипят, на что глядят сквозь пальцы?
А как британская палата
И наши милые ребята?
Хранимый богом наш король
Как в кворуме играет роль?
Все жив ли хитрый Чатам-Вилли?
И все ли Чарльз ленивый в силе?
Как с тяжбой дядя Бёрк своей?
У Гастингса свербит ли шея?
Растет ли рента, а налоги
На что особо стали строги?

The news o' princes, dukes, and earls,
 Pimps, sharpers, bawds, and opera-girls;
 If that daft buckie, Geordie W***s,
 Was threshin still at hizzies' tails,
 Or if he was grown oughtlins douser,
 And no a perfect kintra cooser,
 A' this and mair I never heard of;
 And but for you I might despair'd of.
 So gratefu', back your news I send you,
 And pray, a' gude things may attend you!

Young Jockey was the blythest lad

Young Jockey was the blythest lad
 In a' our town or here awa;
 Fu' blythe he whistled at the gaud,
 Fu' lightly danc'd he in the ha'.
 He roos'd my een sae bonie blue,
 He roos'd my waist sae genty sma;
 An ay my heart came to my mou,
 When ne'er a body heard or saw.

My Jockey toils upon the plain
 Thro' wind and weet, thro' frost and snaw;
 And o'er the lee I leuk fu' fain
 When Jockey's owsen hameward ca'.
 An ay the night comes round again
 When in his arms he taks me a';
 An ay he vows he'll be my ain
 As lang's he has a breath to draw.

Что в свете делают сегодня
 Танцорки, воры, принцы, сводни?
 Все ль полоумный принц Георг
 Приходит от девиц в восторг,
 Иль все же стал в конце концов
 Умней крестьянских жеребцов?
 Без вас не знать бы мне об этом:
 Узнал — благодаря газетам!
 Вам возвращаю весь пакет.
 Всех благ, — примите мой привет!
Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

* * *
 Мой Джоки — славный молодец.
 Никто в окрестности у нас
 Так не зовет рожком овец,
 Так не ведет девчонку в пляс.

Сказал он: нет синее глаз,
 Нет стана тоньше моего.
 О, как блажен короткий час,
 Когда кругом нет никого.

Он целый день пасет овец
 В грозу и ливень, в снег и зной.
 Я жду: когда же наконец
 Погонит стадо он домой!

И только вечером я с ним.
 Меня в объятия заключив,
 Клянется Джоки быть моим
 И быть со мной, покуда жив.

Перевод С. Маршаки.

My heart's in the Highlands

My heart's in the Highlands, my heart is not here;
My heart's in the Highlands a chasing the deer;
Chasing the wild deer, and following the roe;
My heart's in the Highlands, wherever I go.—

Farewell to the Highlands, farewell to the North;
The birth-place of Valour, the country of Worth:
Wherever I wander, wherever I rove,
The hills of the Highlands for ever I love.—

Farewell to the mountains high cover'd with snow;
Farewell to the Straths and green vallies below:
Farewell to the forests and wild-hanging woods;
Farewell to the torrents and loud-pouring floods.—

My heart's in the Highlands, my heart is not here,
My heart's in the Highlands a chasing the deer:
Chasing the wild deer, and following the roe;
My heart's in the Highlands, wherever I go.—

В горах мое сердце

В горах мое сердце... Доньше я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу.

Прощай, моя родина! Север, прощай, —
Отечество славы и доблести край.
По белому свету судьбою гоним,
Навеки останусь я сыном твоим!

Прощайте, вершины под кровлей снегов,
Прощайте, долины и скаты лугов,
Прощайте, поникшие в бездну леса,
Прощайте, потоков лесных голоса.

В горах мое сердце... Доньше я там.
По следу оленя лечу по скалам.
Гоню я оленя, пугаю козу.
В горах мое сердце, а сам я внизу!

Перевод С. Маршака.

From **The Battle of Sherra-moor**

O cam ye here the fight to shun,
 Or herd the sheep wi' me, man,
 Or were ye at the Sherra-moor,
 Or did the battle see, man.
 I saw the battle sair and teugh,
 And reekin-red ran mony a sheugh,
 My heart for fear gae sough for sough,
 To hear the thuds, and see the cluds
 O' Clans frae woods, in tartan duds,
 Wha glaum'd at kingdoms three, man.
 (Chorus) La la la, &c.

The red-coat lads wi' black cockauds
 To meet them were na slaw, man,
 They rush'd, and push'd, and blude outgush'd,
 And mony a bouk did fa', man:
 The great Argyle led on his files,
 I wat they glanc'd for twenty miles,
 They hough'd the Clans like nine-pin kyles,
 They hack'd and hash'd while braid swords clash'd,
 And thro' they dash'd, and hew'd and smash'd,
 Till fey men di'd awa, man.
 (Chorus) La la la, &c.

But had ye seen the philibegs
 And skyrin tartan trews, man,
 When in the teeth they dar'd out Whigs,
 And covenant Trueblues, man;

〈Шерамурский бой〉*(Отрывок)*

— Пришел ли ты пасти овец
Со мной в тиши лесной, брат,
Иль с поля битвы ты беглец
И видел страшный бой, брат?
— Бой Шерамурский был жесток.
Кровавый пенился поток,
Нам страх сердца сжимал в комок.
Такой был гром. И напролом
В лохмотье клетчатом своем
Шотландцы мчались в бой с врагом,
Что шел из трех краев, брат.

Мундиров ярко-красных рать
Не стала наших ждать, брат.
Пустилась жать да напирать,
Стволы в лесу ломать, брат.
Аргайль великий вел солдат.
Оружья сталь слепила взгляд,
Круша людей за рядом ряд.
Враги неслись, как саранча,
Рубили, резали с плеча
И тех топтали сгоряча,
Кто медлил умирать, брат.

Но парни в юбочках, плащах
И клетчатых штанах, брат,
Сомкнули строй, посеяв страх
Во вражеских рядах, брат.

In lines extended lang and large,
When baiginets o'erpower'd the targe,
And thousands hasten'd to the charge;
Wi' Highland wrath they frae the sheath
Drew blades o' death, till out o' breath
They fled like frightened dows, man.

(Chorus) La la la, &c.

O how deil Tam can that be true,
The chace gaed frae the north, man;
I saw mysel, they did pursue
The horse-men back to Forth, man;
And at Dunblane in my ain sight
They took the brig wi' a' their might,
And straught to Stirling wing'd their flight,
But, cursed lot! the gates were shut
And mony a huntit, poor Red-coat
For fear amaist did swarf, man.

(Chorus) La la la, &c.

Хоть силы вражьи велики,
Но задрожали их полки,
Когда послышалось: «В штыки!»,
Когда клинок был обнажен
И с гневом вырван из ножен,
И дерзкий враг был поражен,
Бежал он впопыхах, брат.

Он показал такую рысь,
Какой не знал сам черт, брат.
Мы по пятам за ним гнались —
Сперва загнали в Форт, брат.
В Данблейне, поджимая хвост,
Он перебрался через мост
И полетел стремглав, как дрозд.
Но запер Стерлинг-городок
Свои ворота на замок.
Любой солдат от страха взмок,
Хоть был недавно горд, брат...

Перевод С. Маршака.

A waukrife Minnie

Whare are you gaun, my bony lass,
 Whare are you gaun, my hiney.
 She answer'd me right saucilie,
 An errand for my minnie.

O whare live ye, my bony lass,
 O whare live ye, my hiney.
 By yon burn-side, gin ye maun kerr,
 In a wee house wi' my minnie.

But I foor up the glen at e'en,
 To see my bony lassie;
 And lang before the grey morn cam,
 She was na hauf sae saucey.

O weary fa' the waukrife cock,
 And the fougart lay his crawin!
 He wauken'd the auld wife frae her sleep,
 A wee blink or the dawin.

An angry wife I wat she raise,
 And o'er the bed she brought her;
 And wi' a meikle hazel rung
 She made her a weel pay'd dochter.

O fare thee weel, my bony lass!
 O fare thee weel, my hinnie!
 Thou art a gay and a bony lass,
 But thou has a waukrife minnie.

Домик у ручья

— Куда торопишься чуть свет —
Направо или прямо? —
Она надменно мне в ответ:
— Куда послала мама!

— Где ты живешь, душа моя? —
Я продолжал упрямо.
Она сказала: — У ручья
Живу с моею мамой.

Нашел я домик у ручья,
И ночь прошла мгновенно.
А утром девушка моя
Была не столь надменна.

Пусть петуха заест хорек!
Заря еще не встала, —
Старуха-мать с постели — скок!
И нас вдвоем застала.

Она меня прогнала прочь,
Послав мне град проклятий,
И ну стегать бедняжку-дочь,
Стащив ее с кровати.

В твой тихий домик у ручья
Пришел бы я, малютка,
Когда бы матушка твоя
Спала не слишком чутко!

Перевод С. Маршака.

Song—

1

Yestreen I had a pint o' wine,
 A place where body saw na;
 Yestreen lay on this breast o' mine
 The gowden locks of Anna.—
 The hungry Jew in wilderness
 Rejoicing o'er his manna,
 Was naething to my hiney bliss
 Upon the lips of Anna.—

2

Ye Monarchs take the East and West,
 Frae Indus to Savannah!
 Gie me within my straining grasp
 The melting form of Anna.—
 There I'll despise Imperial charms,
 An Empress or Sultana,
 While dying raptures in her arms
 I give and take with Anna!!!

3

Awa, thou flaunting god o' day!
 Awa, thou pale Diana!
 Ilk star, gae hide thy twinkling ray!
 When I'm to meet my Anna.—
 Come, in thy raven plumage, Night;
 Sun, moon and stars withdrawn a';
 And bring an angel pen to write
 My transports wi' my Anna.—

Золотокосая Анна

От глаз досужих в стороне
Вчера я выпил славно,
Вчера я был наедине
С золотокосой Анной.
Не ликовал голодный так,
Найдя в пустыне манну,
Как я, вкусив медвяных благ,
От поцелуев Анны.

Возьми, монарх, восток и юг
От Инда до саванны,
А мне б не выпускать из рук
Горячей плоти Анны.
Что мне великосветский блеск,
Принцесс очарованье,
Когда, от ласк сгорая весь,
Дарю я ласки Анне!

Уйди, надменный светоч дня,
Сгинь, бледная Диана,
Прочь, блески звездного огня,
Когда со мною Анна!
Ты, ночь, укрой своим шатром
Небесных тел сиянье
И дай мне ангела перо,
Чтоб рассказать об Анне.

[P o s t s c r i p t

The kirk and state may join and tell;
 To do sic things I manna:
 The kirk and state may go to h—ll,
 And I shall gae to Anna.
 She is the sunshine o' my e'e,
 To live but her I canna:
 Had I on earth but wishes three
 The first should be my Anna.]

 O ay my wife she dang me

C h o r u s

O ay my wife she dang me,
 An' aft my wife she bang'd me,
 If ye gie a woman a' her will
 Gude faith she'll soon oergang ye.

On peace and rest my mind was bent,
 And fool I was I marry'd;
 But never honest man's intent
 As cursedly miscarry'd.

Some sairie comfort still at last,
 When a' thir days are done, man,
 My pains o' hell on earth is past,
 I'm sure o' bliss aboon, man.
 O ay my wife she &c.

Постскриптум.

Пусть суд и церковь по пятам
Грозят мне наказаньем —
Пускай идут они к чертям,
А я отправлюсь к Анне.
Свет глаз моих лишь в ней одной.
Жить без нее не стану:
Будь три желанья мне дано,
Назвал бы первым Анну.

Перевод В. Федотова.

Песня о злой жене

Со мной жена не ладит,
Колотит, а не гладит.
Тому, кто волю даст жене,
Она на шею сядет.

Я в ней мечтал найти покой,
Но, видно, дал я маху.
Ах, никогда порыв благой
Не вел к такому краху.

Одну надежду я таю, —
Что ждет меня награда,
И, верно, буду я в раю,
Отбыв все муки ада!

Перевод С. Маршака.

My Tochers the Jewel

O meikle thinks my Luve o' my beauty,
 And meikle thinks my Luve o' my kin;
 But little thinks my Luve, I ken brawlie,
 My tocher's the jewel has charms for him.
 It's a' for the apple he'll nourish the tree;
 It's a' for the hiney he'll cherish the bee;
 My laddie's sae meikle in love wi' the siller,
 He canna hae luve to spare for me.

-Your proffer o' luve's an airle-penny,
 My tocher's the bargain ye wad buy;
 But an ye be crafty, I am cunnin,
 Sae ye wi' anither your fortune maun try.
 Ye're like to the timmer o' yon rotten wood,
 Ye're like to the bark o' yon rotten tree,
 Ye'll slip frae me like a knotless thread,
 And ye'll crack your credit wi' mae nor me.

* * *

Дружок мой пленен моим взором и станом,
Ему полюбились мой дом и родня.
Но, кажется, больше прельщен он приданым
И любит червонцы нежней, чем меня.

За яблочко яблоню любит мой милый,
Пчелу свою любит за будущий мед.
И так серебро его душу пленило,
Что в сердце местечка он мне не найдет.

Ему дорога не жена, а приплата.
Любовь для него — не любовь, а базар.
Хитер он, — и я уж не так простовата:
Пускай он попроще присмотрит товар!

Побегов не жди от прогнившего корня,
Зеленых ветвей — от сухого ствола.
Такая любовь ускользает проворней,
Чем тонкая, скользкая нить без узла!

Перевод С. Маршака.

**What can a young lassie do wi' an
auld man**

What can a young lassie, what shall a young lassie,
 What can a young lassie do wi' an auld man?
 Bad luck on the pennie, that tempted my Minnie
 To sell her poor Jenny for siller and lan'!

He's always compleenin frae mornin to e'enin,
 He hosts and he hirpls the weary day lang:
 He's doyl't and he's dozin, his blude it is frozen,
 O, dreary's the night wi' a crazy auld man!

He hums and he hankers, he frets and he cankers,
 I never can please him, do a' that I can;
 He's peevish, and jealous of a' the young fallows,
 O, dool on the day I met wi' an auld man!

My auld auntie Katie upon me taks pity,
 I'll do my endeavour to follow her plan;
 I'll cross him, and wrack him untill I heartbreak him,
 And then his auld brass will buy me a new pan.—

Что делать девчонке?

Что делать девчонке? Как быть мне, девчонке?
Как жить мне, девчонке, с моим муженьком?
За шиллинги, пенни загублена Дженни,
Обвенчана Дженни с глухим стариком.

Ворчлив он и болен, всегда недоволен.
В груди его холод, в руках его лед.
Кряхтит он, бормочет, уснуть он не хочет.
Как тяжело пробыть с ним всю ночь напролет!

Брюзжит он и злится, знакомых боится,
Друзей сторонится — такой нелюдим!
Ко всем он ревнует жену молодую.
В худую минуту я встретила с ним.

Спасибо, на свете есть тетушка Кэтти —
Она мне дала драгоценный совет.
Во всем старикану перечить я стану,
Пока он не лопнет на старости лет!

Перевод С. Маршака.

Wha is that at my Bower-door?

Wha is that at my bower-door?
 O wha is it but Findlay;
 Then gae your gate, ye'se nae be here!
 Indeed maun I, quo' Findlay.—

What mak ye, sae like a thief?
 O come and see, quo' Findlay;
 Before the morn ye'll work mischief;
 Indeed will I, quo' Findlay.—

Gif I rise and let you in,
 Let me in, quo' Findlay;
 Ye'll keep me waukin wi' your din;
 Indeed will I, quo' Findlay.—

In my bower if ye should stay,
 Let me stay, quo' Findlay;
 I fear ye'll bide till break o' day;
 Indeed will I, quo' Findlay.—

Here this night if ye remain,
 I'll remain, quo' Findlay;
 I dread ye'll learn the gate again;
 Indeed will I, quo' Findlay.—

What may pass within this bower,
 Let it pass, quo' Findlay;
 Ye maun conceal till your last hour;
 Indeed will I, quo' Findlay.—

Финдлей

— Кто там стучится в поздний час?

«Конечно, я — Финдлей!»

— Ступай домой. Все спят у нас!

«Не все!» — сказал Финдлей.

— Как ты прийти ко мне посмел?

«Посмел!» — сказал Финдлей.

— Небось наделаешь ты дел...

«Могу!» — сказал Финдлей.

— Тебе калитку отвори...

«А ну!» — сказал Финдлей.

— Ты спать не дашь мне до зари!

«Не дам!» — сказал Финдлей.

— Попробуй в дом тебя впустить...

«Впусти!» — сказал Финдлей.

— Всю ночь ты можешь прогостить.

«Всю ночь!» — сказал Финдлей.

— С тобою ночь одну побудь...

«Побудь!» — сказал Финдлей.

— Ко мне опять найдешь ты путь.

«Найду!» — сказал Финдлей.

— О том, что буду я с тобой...

«Со мной!» — сказал Финдлей.

— Молчи до крышки гробовой!

«Идет!» — сказал Финдлей.

Перевод С. Маршака.

My Collier laddie—

Whare live ye, my bonie lass
 And tell me how they ca' ye?
 My name, she says, is Mistress Jean,
 And I follow my Collier laddie.
 My name, she says, is Mistress Jean,
 And I follow my Collier laddie.

See you not yon hills and dales
 The sun shines on sae brawlie?
 They a' are mine and they shall be thine,
 Gin ye'll leave your Collier laddie.
 They a' are &c.

Ye shall gang in gay attire,
 Weel buskit up sae gaudy;
 And ane to wait on every hand,
 Gin ye'll leave your Collier laddie.
 And ane to wait on every &c.

Tho' ye had a' the sun shines on,
 And the earth conceals sae lowly;
 I wad turn my back on you and it a',
 And embrace my Collier laddie.
 I wad turn &c.

Подруга угольщика

— Не знаю, как тебя зовут,
Где ты живешь, не ведаю.
— Живу везде — и там и тут,
За угольщиком следую!

— Вот эти нивы и леса
И все, чего попросишь ты,
Я дам тебе, моя краса,
Коль угольщика бросишь ты!

Одену в шелк тебя, мой друг.
Зачем отрепья носишь ты?
Я дам тебе коней и слуг,
Коль угольщика бросишь ты!

— Хоть горы золота мне дай
И жемчуга отборного,
Но не уйду я — так и знай! —
От угольщика черного.

I can win my five pennies in a day
And spen't at night fu' brawlie;
And make my bed in the Collier's neuk,
And lie down wi' my Collier laddie.
And make my bed &c.

Loove for loove is the bargain for me,
Tho' the wec Cot-house should haud me;
And the warld before me to win my bread,
And fair fa' my Collier laddie!
And the warld before me to win my bread,
And fair fa' my Collier laddie!

Мы днем развозим уголек.
Зато порой ночью
Я заберусь в свой уголок.
Мой угольщик — со мною.

У нас любовь — любви цена.
А дом наш — мир просторный.
И платит верностью сполна
Мне угольщик мой черный!

Перевод С. Маршака.

Country Lassie—

In simmer when the hay was mawn,
 And corn wav'd green in ilka field,
 While claver blooms white o'er the lea,
 And roses blaw in ilka bield;
 Blythe Bessie, in the milkin-shiel,
 Says, I'll be wed come o't what will;
 Outspak a dame in wrinkled eild,
 O' gude advisement comes nae ill.—

Its ye hae woers mony ane,
 And lassie ye're but young ye ken;
 Then wait a wee, and canie wale,
 A routhie butt, a routhie ben:
 There's Johnie o' the Buskieglen,
 Fu' is his barn, fu' is his byre;
 Tak this frae me, my bonie hen,
 It's plenty beets the luver's fire.—

For Johnie o' the Buskieglen,
 I dinna care a single flie;
 He loes sae weel his craps and kye,
 He has nae loove to spare for me:

Когда кончался сенокос

Когда кончался сенокос,
И колыхалась рожь волной,
И запах клевера и роз
Струей вливался в летний зной,

Когда в саду среди кустов
Жужжала сонная пчела, —
В тени, в загоне для коров
Беседа медленная шла.

Сказала Бесси, наклонясь
К своей соседке древних лет:
— Идти я замуж собралась.
— Ну что ж, худого в этом нет.

Твоих поклонников не счесть,
А ты, голубка, молода.
Ты можешь выбрать — время есть —
Себе усадьбу ходь куда!

Взяла бы Джона ты в мужья
Из Баски-Глена. Парень — клад.
А знаешь, курочка моя,
Где есть достаток, там и лад.

— Ну что мне Джон! На что мне он!
Я на него и не взгляну.
Свои амбары любит Джон, —
Зачем любить ему жену!

But blythe's the blink o' Robie's eye,
And weel I wat he loes me dear;
Ae blink o' him I wad na gie
For Buskieglen and a' his gear.—

O thoughtless lassie, life's a faught,
The canniest gate, the strife is sair;
But ay fu'-han't is fechtin best,
A hungry care's an unco care:
But some will spend, and some will spare,
An' wilfu' folk maun hae their will;
Syne as ye brew, my maiden fair,
Keep mind that ye maun drink the yill.—

O gear will buy me rigs o' land,
And gear will buy me sheep and kye;
But the tender heart o' leesome loove,
The gowd and siller canna buy:
We may be poor, Robie and I,
Light is the burden Loove lays on;
Content and Loove brings peace and joy,
What mair hae queens upon a throne.—

Мне Робин по сердцу давно,
И знаю, — я ему мила.
Я за словцо его одно
Весь Баски-Глен бы отдала!

— Но жизнь, малютка, не легка.
К богатству, к счастью — путь крутой.
И верь мне, полная рука
Куда сильней руки пустой.

Кто поумней, тот бережет.
У тех, кто тратит, нет ума.
И уж какой ты сваришь мед,
Такой и будешь пить сама!

— О да, за деньги не хитро
Купить поля, луга, стада,
Но золото и серебро
Не купят сердца никогда!

Пусть мой удел — убогий дом,
Пустой амбар и тесный хлев, —
Вдвоем мы лучше заживем
Всех королей и королев.

Перевод С. Маршака.

Ye Jacobites by name—

Je Jacobites by name, give an ear, give an ear;
Ye Jacobites by name, give an ear;
Ye Jacobites by name
Your fautes I will proclaim,
Your doctrines I maun blame,
You shall hear.—

What is Right, and what is Wrang, by the law, by the law?
What is Right, and what is Wrang, by the law?
What is Right, and what is Wrang?
A short Sword, and a lang,
A weak arm, and a strang
For to draw.—

What makes heroic strife, fam'd afar, fam'd afar?
What makes heroic strife, fam'd afar?
What makes heroic strife?
To whet th' Assassin's knife,
Or hunt a Parent's life
Wi' bludie war.—

Якобиты на словах,
Вам пою, вам пою.
Якобиты на словах,
Вам пою.
Якобиты на словах,
Обличу я вас в грехах
И ученье ваше в прах
Разобью.

Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон? Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Где закон?
Что есть правда? Что есть ложь?
Длинный меч ли изберешь
Иль короткий вырвешь нож
Из ножен?

Героической борьбой
Что назвать? Что назвать?
Героической борьбой
Что назвать?
Героической борьбой
Звать ли распри и разбой,
Где в отца готов любой
Нож вогнать?

Then let your schemes alone, in the State, in the State,
Then let your schemes alone in the State,
Then let your schemes alone,
Adore the rising sun,
And leave a Man undone
To his fate.—

 Song

Had I a cave on some wild, distant shore,
Where the winds howl to the waves' dashing roar:
There would I weep my woes,
There seek my lost repose,
Till Grief my eyes should close,
Ne'er to wake more.

Falsest of womankind, canst thou declare,
All thy fond plighted vows—fleeting as air!
To thy new lover hie,
Laugh o'er thy perjury—
Then in thy bosom try,
What peace is there!

Хватит происков, ей-ей!
В этот век, в этот век.
Хватит происков, ей-ей,
В этот век.
Хватит происков, ей-ей.
Без непрошенных друзей
Пусть идет к судьбе своей
Человек!

Перевод С. Маршака.

* * *

Где-то в пещере, в прибрежном краю,
Горе свое от людей утаю.
Там я обдумаю
Злую судьбу мою,
Злую, угрюмую участь мою.

Лживая женщина, клятвам твоим
Время пришло разлететься как дым.
Смейся с возлюбленным
Ты над загубленным,
Над обесславленным счастьем моим!

Перевод С. Маршака.

Such a parcel of rogues in a nation—

Fareweel to a' our Scottish fame,
 Fareweel our ancient glory;
 Fareweel even to the Scottish name,
 Sae fam'd in martial story!
 Now Sark rins o'er the Solway sands,
 And Tweed rins to the ocean,
 To mark whare England's province stands,
 Such a parcel of rogues in a nation!

What force or guile could not subdue,
 Thro' many warlike ages,
 Is wrought now by a coward few,
 For hierling traitors' wages.
 The English steel we could disdain,
 Secure in valor's station;
 But English gold has been our bane,
 Such a parcel of rogues in a nation!

O would, or I had seen the day
 That treason thus could sell us,
 My auld grey head had lien in clay,
 Wi' BRUCE and loyal WALLACE!
 But pith and power, till my last hour,
 I'll mak this declaration;
 We're bought and sold for English gold,
 Such a parcel of rogues in a nation!

Шотландская слава

Навек простись, Шотландский край,
С твоею древней славой.
Название самое, прощай,
Отчизны величавой!

Где Твид несется в океан
И Сарк в песках струится, —
Теперь владенья англичан,
Провинции граница.

Века сломить нас не могли,
Но продал нас изменник
Противникам родной земли
За горсть презренных денег.

Мы сталь английскую не раз
В сраженьях притупили,
Но золотом английским нас
На торжище купили.

Как жаль, что я не пал в бою,
Когда с врагом боролись
За честь и родину свою
Наш горный Брюс, Уоллес.

Но десять раз в последний час
Скажу я без утайки:
Проклятие предавшей нас
Мошеннической шайке!

Перевод С. Маршака.

The Slave's Lament—

It was in sweet Senegal that my foes did me enthrall
For the lands of Virginia-ginia O;
Torn from that lovely shore, and must never see it more,
And alas! I am weary, weary O!
Torn from &c.

All on that charming coast is no bitter snow and frost,
Like the lands of Virginia-ginia O;
There streams for ever flow, and there flowers for ever blow,
And alas! I am weary, weary O!
There streams &c.

The burden I must bear, while the cruel scourge I fear,
In the lands of Virginia-ginia O;
And I think on friends most dear with the bitter, bitter tear,
And Alas! I am weary, weary O!
And I think &c.

Песня раба-негра

В милом знойном Сенегале
В плен враги меня забрали
 И отправили сюда — за море синее.
И тоскую я вдали
От родной моей земли
 На плантациях Виргинии — гинии.

На моем родимом юге
Не бывает зимней вьюги,
 Ни морозов, ни снегов, ни инея.
Там шумят потоки вод
И цветы цветут весь год,
 Неизвестные Виргинии — гинии.

Под ударами бича,
Иго рабское влача,
 Провожу я дни в печали и унынии.
Горько вспомнить мне друзей
Вольной юности моей
 На плантациях Виргинии — гинии!

Перевод С. Маршака.

The De'il's awa wi' th' Exciseman

The deil cam fiddlin thro' the town,
 And danc'd awa wi' th' Exciseman;
 And ilka wife cries, auld Mahoun,
 I wish you luck o' the prize, man.

C h o r u s

The deil's awa the deil's awa
 The deil's awa wi' th' Exciseman,
 He's danc'd awa he's danc'd awa
 He's danc'd awa wi' th' Exciseman.

We'll mak our maut and we'll brew our drink,
 We'll laugh, sing, and rejoice, man;
 And mony braw thanks to the meikle black deil,
 That danc'd awa wi' th' Exciseman.
 The deil's awa &c.

There's threesome reels, there's foursome reels,
 There's hornpipes and strathspeys, man,
 But the ae best dance e'er cam to the Land
 Was, the deil's awa wi' th' Exciseman.
 The deil's awa &c.

Со скрипкой черт пустился в пляс
И в ад умчал акцизного,
И все кричали: — В добрый час!
Он не вернется сызнова!

Мы варим пива лучший сорт
И пьем, справляя тризну.
Спасибо, черт, любезный черт, —
К нам не придет акцизный!

Есть пляски разные у нас
В горах моей отчизны,
Но лучший пляс, чертовский пляс
Сплясал в аду акцизный!

Перевод С. Маршака.

Duncan Gray

Duncan Gray cam here to woo,
 Ha, ha, the wooing o't,
On blythe Yule night when we were fu',
 Ha, ha, the wooing o't.
Maggie coost her head fu' high,
Look'd asklent and unco skiegh,
Gart poor Duncan stand abiegh;
 Ha, ha, the wooing o't.

Duncan fleech'd, and Duncan pray'd;
 Ha, ha, the wooing o't.
Meg was deaf as Ailsa craig,
 Ha, ha, the wooing o't.
Duncan sigh'd baith out and in,
Grat his een baith bleer't an' blin',
Spak o' lowpin o'er a linn;
 Ha, ha, the wooing o't.

Time and Chance are but a tide,
 Ha, ha, the wooing o't.
Slighted love is sair to bide,
 Ha, ha, the wooing o't.
Shall I, like a fool, quoth he,
For a haughty hizzie die?
She may gae to——France for me!
 Ha, ha, the wooing o't.

Сватовство Дункана Грэя

Дункан Грэй давно влюблен,
И в ночь под рождество
К нам свататься приехал он...
Вот это сватовство!

Приехал в праздничную ночь
Хозяйскую посватать дочь,
Но был с позором прогнан прочь.
Ха-ха! Вот сватовство!

Затылок взмок у жениха,
Ха-ха! Вот сватовство!
А Мэгги будто бы глуха —
Не слышит ничего.

Он заводил с ней разговор,
Глаза и нос ладонью тер,
Топиться бегал через двор.
Вот это сватовство!

Любовь отвергнутая зла.
Вот это сватовство!
У парня рана зажила —
Вот это сватовство!

— Я, — говорит, — не так уж глуп,
Чтоб превратиться в жалкий труп
Из-за того, что ей не люб! —
Ха-ха! Вот сватовство!

How it comes let Doctors tell,
 Ha, ha, the wooing o't.
Meg grew sick as he grew heal,
 Ha, ha, the wooing o't.
Something in her bosom wrings,
For relief a sigh she brings;
And O her een, they spak sic things!
 Ha, ha, the wooing o't.

Duncan was a lad o' grace,
 Ha, ha, the wooing o't.
Maggie's was a piteous case,
 Ha, ha, the wooing o't.
Duncan could na be her death,
Swelling Pity smoor'd his Wrath;
Now they're crouse and canty baith,
 Ha, ha, the wooing o't.

А Мэгги кличет докторов,
Вот это сватовство!
Она больна, а он здоров.
Вот это сватовство!

Что́ злой недуг с людьми творит!
В ее груди огонь горит,
А взгляд так много говорит...
Вот это сватовство!

Был добрый парень — Дункан Грэй.
Вот это сватовство!
Он скоро сжалился над ней,
Вот это сватовство!

Не мог он грех на совесть взять —
Лишить любимой дочки мать.
Он едет свататься опять...
Вот это — сватовство!

Перевод С. Маршака.

Here awa', there awa'

Here awa', there awa' wandering, Willie,
 Here awa', there awa', haud awa' hame;
 Come to my bosom, my ae only deary,
 Tell me thou bring'st me my Willie the same.

Loud tho' the winter blew cauld on our parting,
 'Twas na the blast brought the tear in my e'e:
 Welcome now Simmer, and welcome my Willie;
 The Simmer to Nature, my Willie to me.

Rest, ye wild storms, in the cave o' your slumbers,
 How your dread howling a lover alarms!
 Wauken, ye breezes! row gently, ye billows!
 And waft my dear Laddie ance mair to my arms.

But oh, if he's faithless, and minds na his Nanie,
 Flow still between us, thou wide roaring main:
 May I never see it, may I never trow it,
 But, dying, believe that my Willie's my ain!

Песня

Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
И скажи, что пришел тем же, что и был.

Зимний ветер шумел, низко тучи плыли.
Провожала тебя я в далекий путь.
Снова лето придет, ты вернешься, Вилли,
Лето — в поле и лес, ты — ко мне на грудь.

Пусть уснет океан на песке и щебне.
Страшно слышать во тьме этот гулкий вой.
Успокойтесь, валы, опустите гребни
И несите легко путника домой.

Если ж он изменил и забыл о милой,
Пусть грохочут валы сутки напролет.
Не дождусь корабля и сойду в могилу,
Не узнав, что ко мне Вилли не придет.

Нынче здесь, завтра там — беспокойный Вилли,
Нынче здесь, завтра там, да и след простыл...
Воротись поскорей, мой любимый Вилли,
Воротись ты ко мне тем же, что и был!

Перевод С. Маршака

Lord Gregory—

O mirk, mirk is this midnight hour,
 And loud the tempest's roar:
 A waefu' wanderer seeks thy tower,
 Lord Gregory ope thy door.

An exile frae her father's ha',
 And a' for loving thee;
 At least some pity on me shaw,
 If love it may na be.

Lord Gregory, mind'st thou not the grove,
 By bonie Irwine-side,
 Where first I own'd that virgin-love
 I lang, lang had denied.

How aften didst thou pledge and vow,
 Thou wad for ay be mine;
 And my fond heart, itsel sae true,
 It ne'er mistrusted thine.

Hard is thy heart, Lord Gregory,
 And flinty is thy breast:
 Thou dart of Heaven that flashest by,
 O wilt thou give me rest!

Ye mustering thunders from above
 Your willing victim see!
 But spare, and pardon my fause Love,
 His wrangs to Heaven and me!

Лорд Грегори

(Баллада)

Полночный час угрюм и тих.
Лишь гром гремит порой.
Я у дверей стою твоих.
Лорд Грегори, открой.

Я не могу вернуться вновь
Домой, к семье своей,
И если спит в тебе любовь,
Меня хоть пожалей.

Припомни лес на склоне гор,
Где волю я дала
Любви, с которой долгий спор
В душе своей вела.

Ты небом клялся мне не раз,
Что будешь ты моим,
Что договор, связавший нас,
Навеки нерушим.

Но тот не помнит прежних дней,
Чье сердце из кремня.
Так пусть же у твоих дверей
Гроза убьет меня!

О небо, смерть мне подари.
Я вечным сном усну
У двери лорда Грегори,
Простив его вину.

Перевод С. Маршака.

When wild War's deadly Blast was blawn

When wild War's deadly blast was blawn,
 And gentle Peace returning,
Wi' mony a sweet babe fatherless,
 And mony a widow mourning:
I left the lines, and tented field,
 Where lang I'd been a lodger,
My humble knapsack a' my wealth,
 A poor and honest sodger.

A leal, light heart was in my breast,
 My hand unstain'd wi' plunder;
And for fair Scotia, hame again
 I cheery on did wander.
I thought upon the banks of Coil,
 I thought upon my Nancy,
And ay I mind't the witching smile
 That caught my youthful fancy.

At length I reach'd the bonny glen,
 Where early life I sported;
I pass'd the mill and trysting thorn,
 Where Nancy aft I courted:
Wha spied I but my ain dear maid,
 Down by her mother's dwelling!
And turn'd me round to hide the flood
 That in my een was swelling.

Возвращение солдата

Умолк тяжелый гром войны,
И мир сияет снова.
Поля и села сожжены,
И дети ищут крова.

Я шел домой, в свой край родной,
Шатер покинув братский.
И в старом ранце за спиной
Был весь мой скарб солдатский.

Шагал я с легким багажом,
Счастливый и свободный.
Не отягчил я грабежом
Своей сумы походной.

Шагал я бодро в ранний час,
Задумавшись о милой,
О той улыбке синих глаз,
Что мне во тьме светила.

Вот наша тихая река
И мельница в тумане.
Здесь, под кустами ивняка,
Я объяснился Анне.

Вот я взошел на склон холма,
Мне с юных лет знакомый, —
И предо мной она сама
Стоит у двери дома.

Wi' alter'd voice, quoth I, sweet lass,
 Sweet as yon hawthorn's blossom,
 O! happy, happy may he be
 That's dearest to thy bosom:
 My purse is light, I've far to gang,
 And fain wad be thy lodger;
 I've serv'd my king and country lang,
 Take pity on a sodger!

Sae wistfully she gaz'd on me,
 And lovelier was than ever;
 Quo' she, a sodger ance I lo'ed,
 Forget him shall I never:
 Our humble cot, and hamely fare,
 Ye freely shall partake it,
 That gallant badge, the dear cockade,
 Ye're welcome for the sake o't.

She gaz'd—she redden'd like a rose,—
 Syne pale like ony lily,
 She sank within my arms, and cried,
 Art thou my ain dear Willie?—
 By Him who made yon sun and sky,
 By whom true love's regarded,
 I am the man—and thus may still
 True lovers be rewarded!

The wars are o'er, and I'm come hame,
 And find thee still true-hearted;
 Tho' poor in gear, we're rich in love,
 And mair,—we'se ne'er be parted!

С ресниц смахнул я капли слез,
И, голос изменяя,
Я задал девушке вопрос,
Какой, — и сам не знаю.

Потом сказал я: — Ты светлей,
Чем этот день погожий,
И тот счастливей всех людей,
Кто всех тебе дороже!

Хоть у меня карман пустой
И сумка пустовата,
Но не возьмешь ли на постой
Усталого солдата?

На миг ее прекрасный взгляд
Был грустью отуманен.
— Мой милый тоже был солдат.
Что с ним? Убит иль ранен?..

Он не вернулся, но о нем
Храню я память свято,
И навсегда открыт мой дом
Для честного солдата!

И вдруг, узнав мои черты
Под слоем серой пыли,
Она спросила: — Это ты? —
Потом сказала: — Вилли!..

— Да, это я, моя любовь,
А ты — моя награда
За честно пролитую кровь,
И лучшей мне не надо.

Тебя, мой друг, придя с войны,
Нашел я неизменной.
Пускай с тобою мы бедны,
Но ты — мой клад бесценный!

Quo' she, my grandsire left me gowd,
A mailin plenish'd fairly;
And come, my faithful sodger lad,
Thou'rt welcome to it dearly!

For gold the merchant ploughs the main,
The farmer ploughs the manor;
But glory is the sodger's prize,
The sodger's wealth is honour;
The brave poor sodger ne'er despise,
Nor count him as a stranger;
Remember, he's his country's stay
In day and hour of danger.

Она сказала: — Нет, вдвоем
Мы заживем на славу.
Мне дед оставил сад и дом,
Они твои по праву!

Купец плывет по лону вод
За прибылью богатой.
Обильной жатвы фермер ждет.
Но честь — удел солдата.

И пусть солдат всегда найдет
У вас приют в дороге.
Страны родимой он оплот
В часы ее тревоги.

Перевод С. Маршака.

**O ken ye what Meg o' the mill
has gotten**

O ken ye what Meg o' the mill has gotten,
An' ken ye what Meg o' the mill has gotten;
A braw new naig wi' the tail o' a rottan,
And that's what Meg o' the mill has gotten.

O ken ye what Meg o' the mill loes dearly,
An' ken ye what Meg o' the mill loes dearly;
A dram o' gude strunt in a morning early,
And that's what Meg o' the mill loes dearly.

O ken ye how Meg o' the mill was married,
An' ken ye how Meg o' the mill was married;
The Priest he was oxter'd, the Clerk he was carried,
And that's how Meg o' the mill was married.

O ken ye how Meg o' the mill was bedded,
An' ken ye how Meg o' the mill was bedded;
The groom gat sae fu' he fell awald beside it,
And that's how Meg o' the mill was bedded.

Мэгги с мельницы

Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Ты знаешь, что Мэгги намедни нашла?
Нашла жениха, дурака и бездельника,
И сердце разбила у бедного мельника.

Был мельник хорош и в труде и в беседе,
Отважен, как лорд, и прекрасен, как леди.
Другой был невзрачный, пустой паренек,
Но туго набит был его кошелек.

Один обещал ей любовь и заботу,
Другой посулил посерьезнее что-то:
Гнедую лошадку с коротким хвостом,
С уздечкой в колечках, седлом и хлыстом.

Ох, деньги имеют изрядную силу,
Коль можно девицу купить за кобылу.
Приданое — важная в жизни статья,
Но дай мне любовь, дорогая моя!

Перевод С. Маршака.

**Ken ye what Meg o' the mill
has gotten—**

O ken ye what Meg o' the mill has gotten,
 An' ken ye what Meg o' the mill has gotten?
 She's gotten a coof wi' a claut o'siller,
 And broken the heart o' the barley Miller.—

The Miller was strappin, the Miller was ruddy,
 A heart like a lord, and a hue like a lady;
 The Laird was a widdefu', bleerit knurl;
 She's left the gude-fallow and taen the churl.—

The Miller he hecht her, a heart leal and luving,
 The Laird did address her wi' matter mair muing,
 A fine pacing horse wi' a clear chainet bridle,
 A whip by her side, and a bony side-sadle.

O wae on the siller, it is sae prevailing,
 And wae on the luvie that's fix'd on a mailin!
 A tocher's nae word in a true luvie's parle,
 But, gie me my luvie, and a fig for the warl!

Свадьба Мэгги

Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
Ты знаешь, что Мэгги к венцу получила?
С крысиным хвостом ей досталась кобыла.
Вот именно это она получила.

Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
Ты знаешь, во что влюблена она пылко?
У Мэгги всегда под подушкой бутылка.
В бутылку давно влюблена она пылко.

А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
А знаешь, как с Мэгги жених обвенчался?
Псаломщик был пьян, а священник качался
В то время, как суженый с Мэгги венчался.

А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
А знаешь, чем кончилось ночью веселье?
Жених у постели свалился с похмелья.
Вот так и окончилось это веселье!

Перевод С. Маршака.

Song—

O whistle, and I'll come to ye, my lad,
 O whistle, and I'll come to ye, my lad;
 Tho' father, and mother, and a' should gae mad,
 Thy JEANIE will venture wi' ye, my lad.

But warily tent, when ye come to court me,
 And come nae unless the back-yett be a-jee;
 Syne up the back-style and let naebody see,
 And come as ye were na comin to me—
 And come as ye were na comin to me.—
 O whistle &c.

At kirk, or at market whene'er ye meet me,
 Gang by me as tho' that ye car'd nae a flie;
 But steal me a blink o' your bonie black e'e,
 Yet look as ye were na lookin at me—
 Yet look as ye were na lookin at me.—
 O whistle &c.

Ay vow and protest that ye care na for me,
 And whyles ye may lightly my beauty a wee;
 But court nae anither, tho' jokin ye be,
 For fear that she wyle your fancy frae me—
 For fear that she wyle your fancy frae me.—

Песня

Ты свисти — тебя не заставлю я ждать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене,
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как будто идешь не ко мне,
Иди, будто вовсе идешь не ко мне.

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подругой моей, не со мной говори,
Украдкой мне ласковый взгляд подари,
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Другим говори, нашу тайну храня,
Что нет тебе дела совсем до меня.
Но, даже шутя, берегись, как огня,
Чтоб кто-то не отнял тебя у меня,
И вправду не отнял тебя у меня!

Ты свисти — тебя не заставлю я ждать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать.
Пусть будут браниться отец мой и мать,
Ты свисти — тебя не заставлю я ждать!

Перевод С. Маршака.

**Robert Bruce's March to
Bannockburn—**

Scots, wha hae wi' WALLACE bled,
 Scots, wham BRUCE has aften led,
 Welcome to your gory bed,—
 Or to victorie.—

Now's the day, and now's the hour;
 See the front o' battle lour;
 See approach proud EDWARD's power,
 Chains and Slaveerie.—

Wha will be a traitor-knave?
 Wha can fill a coward's grave?
 Wha sae base as be a Slave?
 —Let him turn and flie:—

Wha for SCOTLAND's king and law,
 Freedom's sword will strongly draw,
 FREE-MAN stand, or FREE-MAN fa',
 Let him follow me.—

By Oppression's woes and pains!
 By your Sons in servile chains!
 We will drain our dearest veins,
 But they *shall* be free!

Lay the proud Usurpers low!
 Tyrants fall in every foe!
 LIBERTY's in every blow!
 Let us DO—or DIE!!!

Брюс — шотландцам

Вы, кой водили в бой
Брюс, Уоллес за собой, —
Вы врага ценой любой
Отразить готовы.

Близок день, и час грядет.
Враг надменный у ворот.
Эдвард армию ведет —
Цепи и оковы.

Тех, кто может бросить меч
И рабом в могилу лечь,
Лучше вовремя отсечь.
Пусть уйдут из строя.

Пусть останется в строю,
Кто за родину свою
Хочет жить и пасть в бою
С мужеством героя!

Бой идет у наших стен.
Ждет ли нас позорный плен?
Лучше кровь из наших вен
Отдадим народу.

Наша честь велит смести
Угнетателей с пути
И в сраженье обрести
Смерть или свободу!

Перевод С. Маршака.

Thou hast left me ever

Thou hast left me ever, Jamie,
 Thou hast left me ever.
 Thou hast left me ever, Jamie,
 Thou hast left me ever.
 Aften hast thou vow'd that Death,
 Only should us sever:
 Now thou's left thy lass for ay—
 I maun see thee never, Jamie,
 I'll see thee never.—

Thou hast me forsaken, Jamie,
 Thou hast me forsaken:
 Thou hast me forsaken, Jamie,
 Thou hast me forsaken.
 Thou canst love anither jo,
 While my heart is breaking:
 Soon my weary een I'll close—
 Never mair to waken, Jamie,
 Ne'er mair to waken.

* * *

Ты меня оставил, Джеми,
Ты меня оставил,
Навсегда оставил, Джеми,
Навсегда оставил.
Ты шутил со мною, милый,
Ты со мной лукавил —
Клялся помнить до могилы,
А потом оставил, Джеми,
А потом оставил!

Нам не быть с тобою, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Никогда на свете, Джеми,
Нам не быть с тобою.
Пусть скорей настанет время
Вечного покоя.
Я глаза свои закрою,
Навсегда закрою,
Джеми,
Навсегда закрою!

Перевод С. Маршака.

English Song

Husband, husband, cease your strife,
Nor longer idly rave, Sir:
Tho' I am your wedded wife,
Yet I am not your slave, Sir.

'One of two must still obey,
'Nancy, Nancy;
'Is it Man or Woman, say,
'My Spouse Nancy.'

If 'tis still the lordly word,
Service and obedience;
I'll desert my Sov'reign lord,
And so, good b'ye, Allegiance!

'Sad will I be, so bereft,
'Nancy, Nancy;
'Yet I'll try to make a shift,
'My Spouse Nancy.'—

My poor heart then break it must,
My last hour I am near it:
When you lay me in the dust,
Think how you will bear it.—

'I will hope and trust in Heaven,
'Nancy, Nancy;
'Strength to bear it will be given,
'My Spouse Nancy.'—

Нэнси

- Муженек, не спорь со мной,
Не сердись напрасно,
Стала я твоей женой —
Не рабой безгласной!
- Признаю права твои,
Нэнси, Нэнси,
Ну, а кто ж глава семьи,
Дорогая Нэнси?
- Если ты мой властелин,
Подыму восстанье.
Будешь властвовать один, —
С тем и до свиданья!
- Жаль расстаться мне с тобой,
Нэнси, Нэнси,
Но смирюсь я пред судьбой,
Дорогая Нэнси!
- Погоди, дожدهшься дня:
Лягу я в могилу.
Но, оставшись без меня,
Что ты скажешь, милый?
- Небо в помощь призову,
Нэнси, Нэнси,
И авось переживу,
Дорогая Нэнси!

Well, 'Sir, from the silent dead,
Still I'll try to daunt you;
Ever round your midnight bed
Horrid sprites shall haunt you.—

'I'll wed another, like my Dear,
'Nancy, Nancy;
'Then all hell will fly for fear,
'My Spouse Nancy.'—

**In answer to one who affirmed
of a well-known Character here,
Dr B——, that there was Falsehood
in his very looks—**

That there is Falsehood in his looks,
I must and will deny;
They say, their Master is a Knave—
—And sure they do not lie.—

— Но и мертвая не дам
Я тебе покоя.
Страшный призрак по ночам
Будет пред тобою!

— Я жену себе найду
Вроде Нэнси, Нэнси —
И все призраки в аду
Затрепещут, Нэнси!

Перевод С. Маршака.

К портрету духовного лица

Нет, у него не лживый взгляд,
Его глаза не лгут.
Они правдиво говорят,
Что их владелец — плут.

Перевод С. Маршака.

A red red Rose

O my Luv'e's like a red, red rose,
That's newly sprung in June;
O my Luv'e's like the melodie
That's sweetly play'd in tune.—

As fair art thou, my bonie lass,
So deep in luv'e am I;
And I will love thee still, my Dear,
Till a' the seas gang dry.—

Till a' the seas gang dry, my Dear,
And the rocks melt wi' the sun:
I will love thee still, my Dear,
While the sands o' life shall run.—

And fare thee weel, my only Luv'e!
And fare thee weel, a while!
And I will come again, my Luv'e,
Tho' it were ten thousand mile!—

Любовь

Любовь, как роза, роза красная,
Цветет в моем саду.
Любовь моя — как песенка,
С которой в путь иду.

Сильнее красоты твоей
Моя любовь одна.
Она с тобой, пока моря
Не высохнут до дна.

Не высохнут моря, мой друг,
Не рушится гранит,
Не остановится песок,
А он, как жизнь, бежит...

Будь счастлива, моя любовь,
Прощай и не грусти.
Вернусь к тебе, хоть целый свет
Пришлось бы мне пройти!

Перевод С. Маршака.

Contented wi' little, and cartie wi' mair,
 Whene'er I forgather wi' Sorrow and Care,
 I gie them a skelp, as they're creeping along,
 Wi' a cog o' gude swats and an auld Scottish sang.

I whyles claw the elbow o' troublesome thought;
 But Man is a soger, and Life is a faught:
 My mirth and gude humour are coin in my pouch,
 And my FREEDOM's my Lairdship nae monarch dare touch.

A towmond o' trouble, should that be my fa',
 A night o' gude fellowship sowthers it a';
 When at the blythe end of our journey at last,
 Wha the deil ever thinks o' the road he has past.

Blind Chance, let her snapper and stoyte on her way;
 Be 't to me, be 't frae me, e'en let the jade gae:
 Come Ease, or come Travail; come Pleasure, or Pain;
 My warst word is—'Welcome and welcome again!'

Мое счастье

Доволен я малым, а большому рад.
А если невзгоды нарушат мой лад,
За кружкой, под песню гоню их пинком —
Пуускай они к черту летят кувырком.

В досаде я зубы сжимаю порой,
Но жизнь — это битва, а ты, брат, герой.
Мой грош неразменный — беспечный мой нрав,
И всем королям не лишить меня прав.

Гнетут меня беды весь год напролет.
Но вечер с друзьями — и все заживет.
Когда удалось нам до цели дойти,
К чему вспоминать нам о ямах в пути!

Возиться ли с ключей — судьбою моей?
Ко мне, от меня ли, но шла бы скорей.
Забота иль радость заглянет в мой дом,
— Войдите! — скажу я, — авось проживем!

Перевод С. Маршака.

The Tree of Liberty

Heard ye o' the tree o' France,
 I watna what's the name o't;
 Around it a' the patriots dance,
 Weel Europe kens the fame o't.

It stands where ance the Bastile stood,
 A prison built by kings, man,
 When Superstition's hellish brood
 Kept France in leading strings, man.

Upo' this tree there grows sic fruit,
 Its virtues a' can tell, man;
 It raises man aboon the brute,
 It maks him ken himsel, man.
 Gif ance the peasant taste a bit,
 He's greater than a lord, man,
 An' wi' the beggar shares a mite
 O' a' he can afford, man.

This fruit is worth a' Afric's wealth,
 To comfort us 'twas sent, man:
 To gie the sweetest blush o' health,
 An' mak us a' content, man.
 It clears the een, it cheers the heart,
 Maks high and low gude friends, man;
 And he wha acts the traitor's part
 It to perdition sends, man.

Дерево свободы

Есть дерево в Париже, брат.
Под сень его густую
Друзья отечества спешат,
Победу торжествуя.

Где нынче у его ствола
Свободный люд толпится,
Вчера Бастилия была,
Всей Франции темница.

Из года в год чудесный плод
На дереве растет, брат.
Кто съел его, тот сознает,
Что человек — не скот, брат.

Его вкусить холопу дай —
Он станет благородным
И свой разделит каравай
С товарищем голодным.

Дороже клада для меня
Французский этот плод, брат.
Он красит щеки в цвет огня,
Здоровье нам дает, брат.

Он проясняет мутный взгляд,
Вливает в мышцы силу.
Зато предателям он — яд:
Он сводит их в могилу!

My blessings aye attend the chiel
 Wha pitied Gallia's slaves, man,
And staw a branch, spite o' the deil,
 Frae yont the western waves, man.
Fair Virtue water'd it wi' care,
 And now she sees wi' pride, man,
How weel it buds and blossoms there,
 Its branches spreading wide, man.

But vicious folks aye hate to see
 The works o' Virtue thrive, man;
The courtly vermin's banned the tree,
 And grat to see it thrive, man;
King Loui' thought to cut it down,
 When it was unco sma', man;
For this the watchman cracked his crown,
 Cut aff his head and a', man.

A wicked crew syne, on a time,
 Did tak a solemn aith, man,
It ne'er should flourish to its prime,
 I wat they pledged their faith, man.
Awa' they gaed wi' mock parade,
 Like beagles hunting game, man,
But soon grew weary o' the trade
 And wished they'd been at hame, man.

For Freedom, standing by the tree,
 Her sons did loudly ca', man;
She sang a sang o' liberty,
 Which pleased them ane and a', man.
By her inspired, the new-born race
 Soon drew the avenging steel, man;
The hirelings ran—her foes gied chase,
 And banged the despot weel, man.

Благословение тому,
Кто, пожалев народы,
Впервые в галльскую тюрьму
Принес росток свободы.

Поила доблесть в жаркий день
Заветный тот росток, брат,
И он свою раскинул сень
На запад и восток, брат.

Но юной жизни торжеству
Грозил порок тлетворный:
Губил весеннюю листву
Червяк в парче придворной.

У деревца хотел Бурбон
Подрезать корешки, брат.
За это сам лишился он
Короны и башки, брат!

Тогда поклялся злобный сброд,
Собрание всех пороков,
Что деревцо не доживет
До поздних, зрелых соков.

Немало гончих собралось
Со всех концов земли, брат.
Но злое дело сорвалось —
Жалели, что пошли, брат!

Скликает всех своих сынов
Свобода молодая.
Они идут на бранный зов,
Отвагою пылая.

Новорожденный весь народ
Встает под звон мечей, брат.
Бегут наемники вразброд,
Вся свора палачей, брат.

Let Britain boast her hardy oak,
 Her poplar and her pine, man,
 Auld Britain ance could crack her joke,
 And o'er her neighbours shine, man.
 But seek the forest round and round,
 And soon 'twill be agreed, man,
 That sic a tree can not be found,
 'Twixt London and the Tweed, man.

Without this tree, alake this life
 Is but a vale o' woe, man;
 A scene o' sorrow mixed wi' strife,
 Nae real joys we know, man.
 We labour soon, we labour late,
 To feed the titled knave, man;
 And a' the comfort we're to get
 Is that ayont the grave, man.

Wi' plenty o' sic trees, I trow,
 The world would live in peace, man;
 The sword would help to mak a plough,
 The din o' war wad cease, man.
 Like brethren in a common cause,
 We'd on each other smile, man;
 And equal rights and equal laws
 Wad gladden every isle, man.

Wae worth the loon wha wadna eat
 Sic halesome dainty cheer, man;
 I'd gie my shoon frae aff my feet,
 To taste sic fruit, I swear, man.
 Syne let us pray, auld England may
 Sure plant this far-famed tree, man;
 And blythe we'll sing, and hail the day
 That gave us liberty, man.

Британский край! Хорош твой дуб,
Твой стройный тополь — тоже.
И ты на шутки был не скуп,
Когда ты был моложе.

Богатым лесом ты одет —
И дубом и сосной, брат.
Но дерева свободы нет
В твоей семье лесной, брат!

А без него нам свет не мил
И горек хлеб голодный.
Мы выбиваемся из сил
На борозде бесплодной.

Питаем мы своим горбом
Потомственных воров, брат.
И лишь за гробом отдохнем
От всех своих трудов, брат.

Но верю я: настанет день, —
И он не за горами, —
Когда листвы волшебной сень
Раскинется над нами.

Забудут рабство и нужду
Народы и края, брат,
И будут люди жить в ладу,
Как дружная семья, брат!

 Перевод С. Мотшака.

Song—For a' that and a' that—

Is there, for honest Poverty
That hings his head, and a' that;
The coward-slave, we pass him by,
We dare be poor for a' that!
For a' that, and a' that,
Our toils obscure, and a' that,
The rank is but the guinea's stamp,
The Man's the gowd for a' that.—

What though on hamely fare we dine,
Wear hoddin grey, and a' that.
Gie fools their silks, and knaves their wine,
A Man's a Man for a' that.
For a' that, and a' that,
Their tinsel show, and a' that;
The honest man, though e'er sae poor,
Is king o' men for a' that.—

Ye see yon birkie ca'd, a lord,
Wha struts, and stares, and a' that,
Though hundreds worship at his word,
He's but a coof for a' that.

Честная бедность

Кто честной бедности своей
Стыдится и все прочее,
Тот самый жалкий из людей,
Трусливый раб и прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Пускай бедны мы с вами,
Богатство —
Штамп на золотом,
А золотой —
Мы сами!

Мы хлеб едим и воду пьем,
Мы укрываемся тряпьем
И всё такое прочее,
А между тем дурак и плут
Одеты в шелк и вина пьют
И всё такое прочее.

При всём при том,
При всём при том,
Судите не по платью.
Кто честным кормится трудом, —
Таких зову я знатью.

Вот этот шут — природный лорд.
Ему должны мы кланяться.
Но пусть он чопорен и горд,
Бревно бревном останется!

For a' that, and a' that,
His ribband, star and a' that,
The man of independant mind,
He looks and laughs at a' that.—

A prince can mak a belted knight,
A marquis, duke, and a' that;
But an honest man's aboon his might,
Gude faith he mauna fa' that!
For a' that, and a' that,
Their dignities, and a' that,
The pith o' Sense, and pride o' Worth,
Are higher rank than a' that.—

Then let us pray that come it may,
As come it will for a' that,
That Sense and Worth, o'er a' the earth
Shall bear the gree, and a' that.
For a' that, and a' that,
Its comin yet for a' that,
That Man to Man the warld o'er,
Shall brothers be for a' that.—

При всём при том,
При всём при том,
Хоть весь он в позументах, —
Бревно останется бревном
И в орденах и в лентах!

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

При всём при том,
При всём при том,
Награды, лесть
И прочее
Не заменяют
Ум и честь
И все такое прочее!

Настанет день, и час пробьет,
Когда уму и чести
На всей земле придет черед
Стоять на первом месте.

При всём при том,
При всём при том,
Могу вам предсказать я,
Что будет день,
Когда кругом
Все люди станут братья!

 Перевод С. Маршака.

Let me in this ae night—

O lassie, art thou sleeping yet,
 Or art thou wakin, I would wit,
 For Love has bound me, hand and foot,
 And I would fain be in, jo.

C h o r u s

O let me in this ae night,
 This ae, ae, ae night;
 For pity's sake this ae night
 O rise and let me in, jo.

Thou hear'st the winter wind and weet,
 Nae star blinks thro' the driving sleet;
 Take pity on my weary feet,
 And shield me frae the rain, jo.—
 O let me in &c.

The bitter blast that round me blows
 Unheeded howls, unheeded fa's;
 The cauldness o' thy heart's the cause
 Of a' my grief and pine, jo.—
 O let me in &c.

HER ANSWER

O tell na me o' wind and rain,
 Upbraid na me wi' cauld disdain,
 Gae back the gate ye cam again,
 I winna let ye in, jo.—

Ночной разговор

Ты спишь ли, друг мой дорогой?
Проснись и двери мне открой.
Нет ни звезды во мгле сырой.
 Позволь в твой дом войти!

Впусти меня на эту ночь,
 На эту ночь, на эту ночь.
Из жалости на эту ночь
 В свой дом меня впусти!

Я так устал и так продрог,
Я под собой не чую ног.
Пусти меня на свой порог
 И на ночь приюти.

Как ветер с градом и дождем
Шумит напрасно за окном,
Так я стучусь в твой тихий дом.
 Дай мне приют в пути!

Впусти меня на эту ночь,
 На эту, эту, эту ночь.
Из жалости на эту ночь
 В свой дом меня впусти!

ЕЕ ОТВЕТ

Тебе ни дождь, ни снег, ни град
Не помешал попасть в мой сад.
И значит, можешь путь назад
 Ты без труда найти.

C H O R U S

I tell you now this ae night,
This ae, ae, ae night,
And ance for a' this ae night,
I winna let you in, jo.

The snellest blast, at mirkest hours,
That round the pathless wanderer pours,
Is nocht to what poor She endures,
That's trusted faithless Man, jo.—
I tell you now &c.

The sweetest flower that deck'd the mead,
Now trodden like the vilest weed—
Let simple maid the lesson read,
The wierd may be her ain, jo.—
I tell you now &c.

The bird that charm'd his summer day,
And now the cruel Fowler's prey,
Let that to witless woman say
The gratefu' heart o' man jo.—
I tell you now &c.

Еще кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
Я не могу — прости!

Пусть на ветру ты весь продрог, —
От худших бед помилуй бог
Ту, что тебе через порог
Позволит перейти!

В саду раскрывшийся цветок
Лежит, растоптан, одинок.
И это девушке урок,
Как ей себя вести.

Птенца, не знавшего тревог,
В кустах охотник подстерег.
И это девушке урок,
Как ей себя вести!

Стоит кругом глухая ночь,
Глухая ночь, глухая ночь.
Тебя впустить на эту ночь
Я не могу — прости!

Перевод С. Маршака.

From The Heron Ballads, 1795

1

Wham will we send to London town,
 To Parliament, and a' that,
 Wha maist in a' the country round,
 For worth and sense may fa' that.—
 For a' that, and a' that,
 Thro' Galloway and a' that,
 Whilk is the Laird, or belted Knight,
 That best deserves to fa' that?

2

Wha sees Kirouchtree's open yett,
 And wha is 't never saw that,
 Or wha e'er wi' Kirouchtree met,
 That has a doubt of a' that?
 For a' that and a' that,
 Here's Heron yet for a' that;
 The independant Patriot,
 The Honest Man, and a' that.

3

Tho' wit and worth, in either sex,
 Saint Mary's Isle can shaw that;
 Wi' Lords and Dukes let Selkirk mix,
 For weel does Selkirk fa' that.
 For a' that and a' that,
 Here's Heron yet for a' that;

Предвыборная баллада

Кого пошлем мы заседать
В парламенте и прочее?
Кто лучше может оправдать
Такие полномочия?

При всем при том,
При всем при том
Кого из нашей знати
Иль из народа мы пошлем
Решать дела в палате?

Вот мистер Гэрон. Кто из вас
Не знает патриота?
Кто не ходил к нему хоть раз
В открытые ворота?

При всем при том,
При всем при том
Он нам давно известен
И независимым умом,
И тем, что сердцем честен.

Достойных парней и подруг
В краю у нас немало,
Но Селькерк любит светский круг,
Как Селькерку пристало.

При всем при том,
При всем при том
К чему нам род старинный?

An independant Commoner
 Maun bear the gree and a' that.

4

To paughty Lordlings shall we jouk,
 And it against the law, that:
 For even a Lord may be a gowk,
 Tho' sprung frae kings and a' that.
 For a' that and a' that,
 Here's Heron yet for a' that;
 A lord may be lousy loun,
 Wi' ribband, star and a' that.—

5

Yon beardless boy comes o'er the hills,
 Wi' s uncle's gowd, and a' that:
 But we'll hae ane frae 'mang oursels
 A man we ken and a' that.—
 For a' that and a' that,
 Here's Heron yet for a' that;
 We are na to the market come
 Like nowt and naigs and a' that.—

6

If we are to be knaves and fools,
 And bought and sauld and a' that,
 A truant callan frae the schools
 It's ne'er be said did a' that.
 For a' that, and a' that,
 Here's Heron yet for a' that;
 And Master Dicky, thou shalt get
 A gird and stick to ca' that.—

Не лорда в Лондон мы пошлем,
Пошлем мы гражданина!

Не в званиях суть и не в чинах,
Видали мы воочию,
Что лорд в блестящих орденах
Бывает глуп и прочее.

При всем при том,
При всем при том
Одно мы знаем твердо:
Что шут останется шутом
И в гордом званье лорда!

К нам едет хлыщ из-за холмов
С мощной родни богатой.
Безусый мальчик нас готов
Купить, как скот рогатый.

При всем при том,
При всем при том
Не пришлым шалопаям, —
Мы тем свой голос отдаем,
Кого давно мы знаем!

[7]

[Then let us drink the *Stewartry*,
Kirochtree's Laird, and a' that,
Our Representative to be,
For weel he's worthy a' that.
For a' that, and a' that,
Here's Heron yet for a' that;
A House o' Commons such as he,
They wad be blest that saw that.]

**To Mr E——on his translation of and
commentaries on Martial**

O Thou, whom Poesy abhors,
Whom Prose has turned out of doors;
Heard'st thou yon groan?—proceed no further!
'Twas laurell'd Martial calling, Murther!

За дело Стю́артов, друзья,
За Гэ́рона и прочее.
Ему мы все — одна семья —
Доверим полномочия.

При всем при том,
При всем при том
Ни кошельку, ни знати —
Мы голос чести отдаем
На благо всей палате!

Перевод С. Маршака.

Переводчику Марциала

О ты, кого поэзия изгнала,
Кто в нашей прозе места не нашел, —
Ты слышишь крик поэта Марциала:
«Разбой! Грабеж! Меня он перевел...»

Перевод С. Маршака.

Address to the Tooth-Ache

*(Written by the Author at a time when
he was grievously
tormented by that Disorder.)*

My curse on your envenom'd stang,
That shoots my tortur'd gums along,
An' thro' my lugs gies mony a bang
 Wi' gnawin vengeance;
Tearing my nerves wi' bitter twang,
 Like racking engines.

A' down my beard the slavers trickle,
I cast the wee stools owre the meikle,
While round the fire the hav'rels keckle,
 To see me loup;
I curse an' ban, an' wish a heckle
 Were i' their doup.

What fevers burn, or agues freeze us,
Rheumatics gnaw, or colics squeeze us,
Our neebors sympathize, to ease us,
 Wi' pitying moan;
But thou—the hell o' a' diseases,
 They mock our groan.

O' a' the num'rous human dools,
Ill har'sts, daft bargains, *cutty-stools*,
Or worthy friends laid i' the mools,
 Sad sight to see!
The tricks o' knaves, or fash o' fools,
 Thou bear'st the gree.

Whare'er that place be, priests ca' hell,
Whare a' the tones o' mis'ry yell,

Ода к зубной боли

Ты, завладев моей скулой,
Пронзаешь десны мне иглой,
Сверлишь сверлом, пилишь пилой
 Без остановки.
Мечусь, истерзанный и злой,
 Как в мышеловке.

Так много видим мы забот,
Когда нас лихорадка бьет,
Когда подагра нас грызет
 Иль резь в желудке.
А эта боль — предмет острот
 И праздной шутки!

Бешусь я, исходя слюной,
Ломаю стулья, как шальной,
Когда соседи надо мной
 В углу хохочут.
Пускай их бесы бороной
 В аду щекочут!

Всегда жила со мной беда —
Неурожай, недуг, нужда,
Позор неправого суда,
 Долги, убытки...
Но не терпел я никогда
 Подобной пытки!

И я уверен, что в аду,
Куда по высшему суду

An' plagues in ranked number tell
 In deadly raw,
 Thou' *Tooth-ache*, surely bear'st the bell
 Aboon them a'!

O! thou grim mischief-makin chiel,
 That gars the notes o' discord squeel,
 Till human-kind aft dance a reel
 In gore a shoe thick,
 Gie a' the faes o' Scotland's weal
 A TOWMOND'S TOOTH-ACHE!

 Epitaph on D——C——

Here lies in earth a root of H—ll,
 Set by the Deil's ain dibble;
 This worthless body d—d himsel,
 To save the L—d the trouble.

Я непременно попаду
(В том нет сомнений!),
Ты будешь первой в ряду
Моих мучений.

О дух раздора и войны,
Что носит имя сатаны
И был низвергнут с вышины
За своеволие,
Казни врагов моей страны
Зубною болью!

Перевод С. Маршака.

Эпитафия самоубийце

Себя, как плевел, вырвал тот,
Кого посеял дьявол.
Самоубийством от хлопот
Он господу избавил.

Перевод С. Маршака.

[Oh wert thou in the cauld blast]

Oh wert thou in the cauld blast,
 On yonder lea, on yonder lea;
 My plaidie to the angry airt,
 I'd shelter thee, I'd shelter thee:
 Or did misfortune's bitter storms
 Around thee blaw, around thee blaw,
 Thy bield should be my bosom,
 To share it a', to share it a'.

Or were I in the wildest waste,
 Sae black and bare, sae black and bare,
 The desert were a paradise,
 If thou wert there, if thou wert there.
 Or were I monarch o' the globe,
 Wi' thee to reign, wi' thee to reign;
 The brightest jewel in my crown,
 Wad be my queen, wad be my queen.

* * *

В полях, под снегом и дождем,
Мой милый друг,
Мой бедный друг,
Тебя укрыл бы я плащом
От зимних вьюг,
От зимних вьюг.

А если му́ка суждена
Тебе судьбой,
Тебе судьбой,
Готов я скорбь твою до дна
Делить с тобой,
Делить с тобой.

Пускай сойду я в мрачный дол,
Где ночь кругом,
Где тьма кругом, —
Во тьме я солнце бы нашел
С тобой вдвоем,
С тобой вдвоем.

И если б дали мне в удел
Весь шар земной,
Весь шар земной,
С каким бы счастьем я владел
Тобой одной,
Тобой одной.

Перевод С. Маршака.

* * *

In politics if thou would'st mix,
And mean thy fortunes be;
Bear this in mind, be deaf and blind,
Let great folks hear and see.

On W——Gr-h-m Esq: of M-sskn-w

'Stop thief!' dame Nature called to Death,
As Willie drew his latest breath:
How shall I make a fool again—
My choicest model thou hast ta'en.—

**Надпись на официальной бумаге,
которая предписывала поэту
«служить, а не думать»**

К политике будь слеп и глух,
Коль ходишь ты в заплатах.
Запомни: зрение и слух —
Удел одних богатых!

Перевод С. Маршака.

**Эпитафия
Вильяму Грэхему, Эсквайру**

Склонясь у гробового входа,
— О смерть! — воскликнула природа, —
Когда удастся мне опять
Такого олуха создать!..

Перевод С. Маршака.

Comin thro' the rye

Comin thro' the rye, poor body,
 Comin thro' the rye,
 She draigl't a' her petticoatie
 Comin thro' the rye.
 Oh Jenny's a' weet, poor body,
 Jenny's seldom dry;
 She draigl't a' her petticoatie
 Comin thro' the rye.

Gin a body meet a body
 Comin thro' the rye,
 Gin a body kiss a body
 Need a body cry.
 (Chorus) Oh Jenny's a' weet, &c.

Gin a body meet a body
 Comin thro' the glen;
 Gin a body kiss a body
 Need the warld ken!
 (Chorus) Oh Jenny's a' weet, &c.

Пробираясь до калитки
Полям вдоль межи,
Дженни вымокла до нитки
Вечером во ржи.

Очень холодно девчонке,
Бьет девчонку дрожь:
Замочила все юбчонки,
Идя через рожь.

Если кто-то звал кого-то
Сквозь густую рожь
И кого-то обнял кто-то,
Что с него возьмешь?

И какая нам забота,
Если у межи
Целовался с кем-то кто-то
Вечером во ржи!..

Перевод С. Маршака.

The Lass of Ecclefechan

Gat ye me, O gat ye me,
 O gat ye me wi' naethin,
Rock and reel and spinnin wheel
 A mickle quarter bason.
Bye attour, my Gutchter has
 A hich house and a laigh ane,
A' for bye, my bonnie sel,
 The toss of Ecclefechan.

O had your tongue now Luckie Laing,
 O had your tongue and jauner;
I held the gate till you I met,
 Syne I began to wander;
I tint my whistle and my sang,
 I tint my peace and pleasure;
But your green graff, now Luckie Laing,
 Wad airt me to my treasure.

Объяснение

— А что, в твой дом, а что, в твой дом
Вошла я неимущей?
А пряслице с веретеном?
А медный таз большущий?
Родитель мой имел дома —
Большой да чуть поменьше,
И не была ли я сама
Красивейшей из женщин?

— Попридержи язык, мой свет,
Не траться по-пустому —
Я до тебя был домосед,
Теперь бегу из дому.
Забыл, когда последний раз
Я день спокойно прожил,
Но окочурься ты сейчас —
И я бы тотчас ожил.

Перевод С. Маршака.

**The bonie lass made the bed
to me—**

When Januar wind was blawing cauld,
 As to the north I took my way,
 The mirksome night did me enfauld,
 I knew na whare to lodge till day.—

By my gude lucka maid I met,
 Just in the middle o' my care;
 And kindly she did me invite
 To walk into a chamber fair.—

I bow'd fu' low unto this maid,
 And thank'd her for her courtesie;
 I bow'd fu' low unto this maid,
 And bade her mak a bed for me.—

She made the bed baith large and wide,
 Wi' twa white hands she spread it down;
 She put the cup to her rosy lips
 And drank, 'Young man now sleep ye sound.'—

She snatch'd the candle in her hand,
 And frae my chamber went wi' speed;
 But I call'd her quickly back again
 To lay some mair below my head.—

A cod she laid below my head,
 And served me wi' due respect;
 And to salute her wi' a kiss,
 I put my arms about her neck.—

Ночлег в пути

Меня в горах застигла тьма,
Январский ветер, колкий снег.
Закрылись наглухо дома,
И я не мог найти ночлег.

По счастью, девушка одна
Со мною встретилась в пути,
И предложила мне она
В ее укромный дом войти.

Я низко поклонился ей —
Той, что спасла меня в метель,
Учтиво поклонился ей
И попросил постлать постель.

Она тончайшим полотном
Застлала скромную кровать
И, угостив меня вином,
Мне пожелала сладко спать.

Расстаться с ней мне было жаль,
И, чтобы ей не дать уйти,
Спросил я девушку: — Нельзя ль
Еще подушку принести?

Она подушку принесла
Под изголовие мое.
И так мила она была,
Что крепко обнял я ее.

Haud aff your hands young man, she says,
And dinna sae uncivil be:
Gif ye hae ony luve for me,
O wrang na my virginie!—

Her hair was like the links o' gowd,
Her teeth were like the ivorie,
Her cheeks like lilies dipt in wine,
The lass that made the bed to me.—

Her bosom was the driven snaw,
Twa drifted heaps sae fair to see:
Her limbs the polish'd marble stane,
The lass that made the bed to me.—

I kiss'd her o'er and o'er again,
And ay she wist na what to say;
I laid her between me and the wa',
The lassie thought na lang till day.—

Upon the morrow when we rase,
I thank'd her for her courtesie:
But ay she blush'd, any ay she sigh'd
And said, Alas, ye've ruin'd me.—

I clasp'd her waist and kiss'd her syne,
While the tear stood twinklin in her e'e;
I said, My lassie dinna cry,
For ye ay shall mak the bed to me.—

She took her mither's holland sheets
And made them a' in sarks to me:
Blythe and merry may she be,
The lass that made the bed to me.—

В ее щеках зарделась кровь,
Два ярких вспыхнули огня.
— Коль есть у вас ко мне любовь,
Оставьте девушкой меня!

Был мягок шелк ее волос
И завивался, точно хмель.
Она была душистей роз,
Та, что постлала мне постель.

А грудь ее была кругла, —
Казалось, ранняя зима
Своим дыханьем намела
Два этих маленьких холма.

Я целовал ее в уста —
Ту, что постлала мне постель,
И вся она была чиста,
Как эта горная метель.

Она не спорила со мной,
Не открывала милых глаз.
И между мною и стеной
Она уснула в поздний час.

Проснувшись в первом свете дня,
В подругу я влюбился вновь.
— Ах, погубили вы меня! —
Сказала мне моя любовь.

Целуя веки влажных глаз
И локон, вьющийся, как хмель,
Сказал я: — Много, много раз
Ты будешь мне стелить постель!

Потом иглу взяла она
И села шить рубашку мне,
Январским утром у окна
Она рубашку шила мне...

The bonie lass made the bed to me,
 The braw lass made the bed to me;
 I'll ne'er forget till the day that I die
 The lass that made the bed to me.—

Altered from an old English song—

How cruel are the Parents
 Who riches only prize,
 And to the wealthy booby
 Poor Woman sacrifice:
 Meanwhile the hapless Daughter
 Has but a choice of strife;
 To shun a tyrant Father's hate,
 Become a wretched Wife.—

The ravening hawk pursuing,
 The trembling dove thus flies,
 To shun impelling ruin
 Awhile her pinions tries;
 Till of escape despairing,
 No shelter or retreat,
 She trusts the ruthless Falconer
 And drops beneath his feet.—

Мелькают дни, идут года,
Цветы цветут, метет метель,
Но не забуду никогда
Той, что постлала мне постель!

Перевод С. Маршака

Песня

Как слепы и суровы
Порой отец и мать,
Что дочь свою готовы
Богатому продать.

И дочь, гонимая отцом,
Изнурена борьбой,
Должна покинуть отчий дом
И стать женой-рабой.

Так сокол над голубкой
Без усталы кружит.
Своей добычи хрупкой
Злодей не пощадит.

Бедняжка мечется, пока,
Отчаянья полна,
К ногам жестокого стрелка
Не бросится она.

Перевод С. Маршака.

 Highland laddie—

SHE

The bonniest lad that e'er I saw,
Bonie laddie, highland laddie,
Wore a plaid and was fu' braw,
Bonie Highland laddie.

On his head a bonnet blue,
Bonie &c.
His royal heart was firm and true,
Bonie &c.

HE

Trumpets sound and cannons roar,
Bonie lassie, Lawland lassie,
And a' the hills wi' echoes roar,
Bonie Lawland lassie.

Glory, Honor, now invite
Bonie &c.
For freedom and my King to fight
Bonie &c.

SHE

The sun a backward course shall take,
Bonie laddie &c.
Ere ought thy manly courage shake;
Bonie laddie &c.

Лучший парень

Лучший парень наших лет,
Славный парень,
Статный парень,
На плече он носит плед,
Славный горский парень.

Носит шапку пирожком,
Славный парень,
Статный парень,
Он с изменой незнаком,
Славный горский парень.

Слышишь звонкий зов трубы,
Дочь полей,
Дитя долины,
Зов трубы и гром пальбы,
Девушка долины?

Слава в бой меня зовет,
Дочь полей,
Дитя долины,
За свободу и народ,
Девушка долины!

Легче солнце двинуть вспять,
Славный парень,
Статный парень,
Чем тебя поколебать,
Славный горский парень.

Go, for yoursel procure renown,
 Bonie &c.
 And for your lawful king his crown,
 Bonie Highland laddie.

I hae a wife o' my ain

I hae a wife o' my ain,
 I'll partake wi' naebody;
 I'll tak Cuckold frae nane,
 I'll gie Cuckold to naebody.—

I hae a penny to spend,
 There, thanks to naebody;
 I hae naething to lend,
 I'll borrow frae naebody.—

I am naebody's lord,
 I'll be slave to naebody;
 I hae a gude braid sword,
 I'll tak dunts frae naebody.—

I'll be merry and free,
 I'll be sad for naebody;
 Naebody cares for me,
 I care for naebody.—

Честь добудь себе в бою,
Славный парень,
Статный парень,
И прославь страну свою,
Славный горский парень!

Перевод С. Маршака.

* * *

Жена верна мне одному,
И сам я верен ей за то.
Не ставлю рожек никому,
И мне не ставит их никто.

Своим трудом я нажил грош,
И сам истрачу я его.
Что у меня займы возьмешь?
И я не брал ни у кого.

Я не хозяин никому,
И никому я не слуга.
А если в руки меч возьму,
Я отобью удар врага.

Так и живу день изо дня,
Тоской, заботой не томим.
Другим нет дела до меня,
И я не кланяюсь другим.

Перевод С. Маршака.

Here's to thy Health, my bonie lass

Here's to thy health, my bonie lass,
 Gudenight and joy be wi' thee:
 I'll come nae mair to thy bower-door,
 To tell thee that I loe thee.
 O dinna think, my pretty pink,
 But I can live without thee:
 I vow and swear, I dinna care,
 How lang ye look about ye.

Thou'rt ay sae free informing me
 Thou hast nae mind to marry:
 I'll be as free informing thee,
 Nae time hae I to tarry.
 I ken thy friends try ilka means
 Frae wedlock to delay thee;
 Depending on some higher chance,
 But fortune may betray thee.

I ken they scorn my low estate,
 But that does never grieve me;
 For I'm as free as any he,
 Sma' siller will relieve me.
 I'll count my health my greatest wealth,
 Sae lang as I'll enjoy it:
 I'll fear nae scant, I'll bode nae want,
 As lang's I get employment.

Я пью твое здоровье!

Прощай, красавица моя.
Я пью твое здоровье.
Надоедать не стану я
Тебе своей любовью.

Прощай, прости! Перенести
Сумею я разлуку.
А ты смекни да разочти,
Кому отдашь ты руку.

Ты говоришь: — Вступать мне в брак
Покуда неохота. —
А я скажу: — Я не дурак,
И ждать мне нет расчета.

Я знаю, ждет твоя родня
Кого-то побогаче.
Она не жалует меня.
Ну, дай вам бог удачи!

Меня считают бедняком
Без имени и рода.
Но не нуждаюсь я ни в ком, —
При мне моя свобода.

Башка и руки — вот мой клад.
Всегда к труду готов я.
Как говорят, — сам черт не брат,
Покуда есть здоровье!

But far-off fowls hae feathers fair,
And ay until ye try them:
Tho' they seem fair, still have a care,
They may prove as bad as I am.
But at twal at night, when the moon shines bright,
My dear, I'll come and see thee;
For the man that loves his mistress weel,
Nae travel makes him weary.

[The Toadeater]

No more of your titled acquaintances boast,
Nor of the gay groups you have seen;
A crab louse is but a crab louse at last,
Tho' stack to the of a Queen.

Оно, конечно, высоко
Летит иная птица.
Но в дальней птице так легко
Порою ошибиться.

Прощай, мой друг. Я уйду,
Куда ведет дорожка.
Но, может, в полночь погляжу
Я на твое окошко...

Перевод С. Маршака.

Поклоннику знати

У него герцогиня знакомая,
Пообедал он с графом на днях...
Но осталось собой насекомое,
Побывав в королевских кудрях!

Перевод С. Маршака.

The Highland widow's lament

Oh, I am come to the low Countrie,
Ochon, Ochon, Ochrie!
Without a penny in my purse
To buy a meal to me.—

It was na sae in the Highland hills,
Ochon, Ochon, Ochrie!
Nae woman in the Country wide
Sae happy was as me.—

For then I had a score o' kye,
Ochon, &c. —
Feeding on yon hill sae high,
And giving milk to me.—

And there I had three score o' yowes,
Ochon, &c.—
Skipping on yon bonie knowes,
And casting woo to me.—

I was the happiest of a' the Clan,
Sair, sair may I repine;
For Donald was the brawest mar
And Donald he was mine.—

Till Charlie Stewart cam at last,
Sae far to set us free;
My Donald's arm was wanted then
For Scotland and for me.—

Жалоба шотландской вдовы

Пришла я с гор еще вчера,
Ох, ох, сыночек, ох.
Плоха я стала и стара,
И кошелек мой плох.

А были, были времена,
Ох, ох, сыночек, ох.
В любой работе я одна
Перегоняла трех.

Была корова у меня,
Ох, ох, сыночек, ох.
В горах, бубенчиком звеня,
Она топтала мох.

Овец держали мы стада,
Ох, ох, сыночек, ох.
Не подбирала я тогда
Чужих постылых крох.

У нас, шотландцев, трусость — грех,
Немало смелых душ,
А Дональд был смелее всех,
И это был мой муж.

Вот, слышим, Стюарт двинул рать,
Шотландия жива!
Ушел мой Дональд защищать
Шотландские права.

Their waefu' fate what need I tell,
Right to the wrang did yield:
My Donald and his Country fell
Upon Culloden field.—

Ochon, O, Donald, Oh!
Ochon, &c.—
Nae woman in the walrd wide
Sae wretched now as me.—

On Wee Johnie

Hic jacet wee Johnie

Whoe'er thou art, O reader, know,
That Death has murder'd Johnie;
An' here his *body* lies fu' low—
For *saul* he ne'er had ony.

И вместе с родиной своей
Мой Дональд пал в бою.
С тех пор одна среди людей
Я вдовьи слезы лью.

Ох, ох, не мил мне белый свет,
Родимые края.
И женщины на свете нет
Несчастнее, чем я.

Перевод Игн. Ивановского.

Эпитафия бездушному дельцу

Здесь Джон покоится в тиши.
Конечно, только тело...
Но говорят, оно души
И прежде не имело!

Перевод С. Маршака.

My Lady's gown there's gairs upon't

C h o r u s

My Lady's gown there's gairs upon 't,
 And gowden flowers sae rare upon 't;
 But Jenny's jimps and jirkinet
 My Lord thinks meikle mair upon 't.

My Lord a hunting he is gane,
 But hounds or hawks wi' him are nane;
 By Colin's cottage lies his game,
 If Colin's Jenny be at hame.

My Lady's gown &c.

My Lady's white, my Lady's red
 And kith and kin o' Cassillis' blude,
 But her tenpund lands o' tocher gude
 Were a' the charms his Lordship lo'ed.

My Lady's gown &c.

Out o'er yon moor, out o'er yon moss,
 Whare gor-cocks thro' the heather pass,
 There wons auld Colin's bonie lass,
 A lily in a wilderness.

My Lady's gown &c.

Sae sweetly move her genty limbs,
 Like music-notes o' Lovers hymns;
 The diamond-dew in her een sae blue
 Where laughing love sae wanton swims.

My Lady's gown &c.

* * *

Роскошен, леди, ваш убор,
Шелками вышит ваш узор,
А Дженни в юбочке простой
И без шелков пленяет взор.

Милорд спешит в поля, в леса,
Не взяв ни сокола, ни пса.
Не лань он ищет день и ночь,
А Дженни, фермерскую дочь.

Миледи так нежна, бела,
Но не она ему мила,
Не знатный род ее, не честь,
А то, что дал за нею тесть.

Где перепелка меж болот
Сквозь вереск выводок ведет,
Там девушка живет в тиши,
Цветок, раскрывшийся в глуши.

Две стройных ножки поутру
Скользят по мшистому ковру,
И смех играет, как алмаз,
В зрачках задорных синих глаз.

My Lady's dink, my Lady's drest,
The flower and fancy o' the west;
But the Lassie that a man loes best,
O that's the Lass to mak him blest.
My Lady's gown &c.

O that I had ne'er been Married

O that I had ne'er been married,
I wad never had nae care,
Now I've gotten wife and bairns
An' they cry crowdie ever mair.
Ance crowdie, twice crowdie,
Three times crowdie in a day;
Gin ye crowdie ony mair,
Ye'll crowdie a' my meal away.

Waefu' Want and Hunger fley me,
Glowrin' by the hallan en';
Sair I fecht them at the door,
But ay I'm eerie they come ben.
Ance crowdie &c.

Осанка леди и наряд —
Образчик вкуса, говорят.
Но та сулит нам рой утех,
Кого мы любим больше всех.

Перевод С. Маршака

Овсянка

Раз — овсянка,
Два — овсянка
И овсянка в третий раз.
А на лишнюю овсянку
Где мне взять крупы для вас?

Одиноким, неженатым
Не житье, а сущий рай.
А женился, так ребятам
Трижды в день овсянки дай.

Век живет со мной забота.
Не могу ее прогнать.
Чуть запрешь за ней ворота,
Тут как тут она опять.

Раз — овсянка,
Два — овсянка
И овсянка в третий раз.
А на лишнюю овсянку
Где мне взять крупы для вас?

Перевод С. Маршака.

O wat ye what my minnie did

O wat ye what my minnie did,
 My minnie did, my minnie did,
 O wat ye what my minnie did
 On Tysday 't een to me, jo?
 She laid me in a saft bed,
 A saft bed, a saft bed,
 She laid me in a saft bed,
 And bade gudeen to me, jo.

An' wat ye what the parson did,
 The parson did, the parson did,
 An' wat ye what the parson did,
 A' for a penny fee, jo?
 He loosed on me a lang man,
 A mickle man, a strang man,
 He loosed on me a lang man,
 That might he worried me, jo.

An' I was but a young thing,
 A young thing, a young thing,
 An' I was but a young thing,
 Wi' nane to pity me, jo.

Что сделала со мною мать,
Родная мать
Родная мать.

Что сделала со мною мать
Во вторник поздней ночью:

Мне приказала лечь в кровать,
Такую мягкую кровать,
И, уложив меня в кровать,
Сказала: «Доброй ночи!»

Священник тоже подшутил —
Так подшутил!
Так подшутил!
Так надо мной он подшутил,
Сыграв со мною шутку:

Чужого парня напустил.
Большого парня напустил,
Верзилу-парня напустил
На бедную малютку!

Мои подруги и родня,
Моя родня,
Моя родня —
Одну оставили меня
Во вторник поздней ночью!

I wat the kirk was in the wyte,
 In the wyte, in the wyte,
 To pit a young thing in a fright
 An' loose a man on me, jo.

[Versicles on Sign-posts]

He looked
 Just as your Sign-post lions do,
 As fierce, and quite as harmless too—

A head pure, sinless quite of brain or soul,
 The very image of a Barber's Poll;
 Just shews a human face and wears a wig,
 And looks when well-friseur'd, amazing big—

His face with smile eternal drest
 Just like the Landlord to his guest,
 High as they hang with creaking din
 To index out the country Inn—

Одну оставили меня,
Не заступились за меня,
А я боялась, как огня,
Мужчины поздней ночью!

Перевод С. Маршака.

Три вывески

I

Напоминает он лицом
Ту вывеску, что над крыльцом
Гремит, блестит,
Лаская слух и взор,
И говорит:
«Здесь постоялый двор».

II

Как эта голова чиста, пуста,
Припудрена, искусно завита!
Такую видишь в лавке брадобрёя.
И каждый, кто проходит перед нею,
Одни и те же говорит слова:
— Вот голова!

III

А эта голова
Могучего напоминает льва,
Но только льва довольно мирного —
Трактирного.

Перевод С. Маршака.

Ye hae lien wrang, lassie

C h o r u s

Ye hae lien a' wrang, lassie,
 Ye've lien a' wrang;
 Ye've lien, in an unco bed,
 And wi' a fremit man.

Your rosy cheeks are turn'd sae wan,
 Ye're greener than the grass, lassie;
 Your coatie's shorter by a span,
 Yet ne'er an inch the less, lassie.

O lassie, ye hae play'd the fool,
 And ye will fell the scorn, lassie;
 For aye the brose ye sup at e'en,
 Ye bock them ere the morn, lassie.

Oh, ance ye danced upon the knowes,
 And through the wood ye sang, lassie;
 But in the herrying o'a bee byke,
 I fear ye've got a stang, lassie.

Ты не там спала, где надо,
Ты спала не там.
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.

С лица румянец твой сошел
От той бессонной ночи.
И платья твоего подол
Как будто стал короче.

Попала девушка впросак.
Тебе придется тяжело.
От всякой снеди натошак
Мутит тебя, бедняжка.

Под небом ночь ты провела.
Ты пела и плясала.
Но, видно, жадная пчела
Девчонку искусала.

Ты не там спала, девчонка,
Ты спала не там,
Ты постель свою делила
С кем-то пополам.

Перевод С. Маршака.

The Joyful Widower

I

I married with a scolding wife
 The fourteenth of November:
She made me weary of my life
 By one unruly member.
Long did I bear the heavy yoke,
 And many griefs attended,
But to my comfort be it spoke,
 Now, now her life is ended!

II

We liv'd full one-and-twenty years
 A man and wife together.
At length from me her course she steer'd
 And gone I know not whither.
Would I could guess, I do profess:
 I speak, and do not flatter,
Of all the women in the world,
 I never would come at her!

III

Her body is bestowed well—
 A handsome grave does hide her.
But sure her soul is not in Hell—
 The Deil would ne'er abide her!
I rather think she is aloft
 And imitating thunder,
For why?—Methinks I hear her voice
 Tearing the clouds asunder!

Счастливый вдовец

В недобрый час я взял жену,
В начале мая месяца,
И, много лет живя в плену,
Не раз мечтал повеситься.

Я был во всем покорен ей
И нес безмолвно бремя.
Но наконец жене моей
Пришло скончаться время.

Не двадцать дней, а двадцать лет
Прожив со мной совместно,
Она ушла, покинув свет,
Куда — мне неизвестно...

Я так хотел бы разгадать
Загробной жизни тайну,
Чтоб после смерти нам опять
Не встретиться случайно!

Я совершил над ней обряд —
Похоронил достойно.
Боюсь, что черт не принял в ад
Моей жены покойной.

Она, я думаю, в раю...
Порой в раскатах грома
Я грозный грохот узнаю,
Мне издавна знакомый!

Перевод С. Маршака.

The Jolly Beggars

A Cantata

Веселые нищие

Кантата

R e c i t a t i v o—

When lyart leaves bestrow the yird,
 Or wavering like the Bauckie-bird,
 Bedim cauld Boreas' blast;
 When hailstanes drive wi' bitter skyte,
 And infant Frosts begin to bite,
 In hoary cranreuch drest;
 Ae night at e'en a merry core
 O' randie, gangrel bodies,
 In Poosie-Nansie's held the splore,
 To drink their orra dudies:
 Wi' quaffing, and laughing,
 They ranted an' they sang;
 Wi' jumping, an' thumping,
 The vera girdle rang.

First, niest the fire, in auld, red rags,
 Ane sat; weel brac'd wi' mealy bags,
 And knapsack a' in order;
 His doxy lay within his arm;
 Wi' USQUEBAE an' blankets warm,
 She blinket on her Sodger:
 An' ay he gies the tozie drab
 The tither skelpan kiss,
 While she held up her greedy gab,
 Just like an aumous dish:
 Ilk smack still, did crack still,
 Just like a cadger's whip;
 Then staggering, an' swaggering,
 He roar'd this ditty up—

Речитатив

Когда, бесцветна и мертва,
Летит последняя листва,
Опалена зимой,
И новорожденный мороз
Кусает тех, кто гол и бос,
И гонит их домой, —

В такие дни толпа бродяг
Перед зарей вечерней
Отдаст лохмотья за очаг
В какой-нибудь таверне.

За кружками
С подружками
Они пред очагом
Горланят,
Барабанят,
И все дрожит кругом.

В мундире, сшитом из заплат,
У очага сидел солдат
В ремнях, с походным ранцем.
Пред ним любовница была,
От хмеля, ласки и тепла
Пылавшая румянцем.

Не помня горя и забот,
Ласкал он побирушку,
А та к нему тянула рот,
Как нищенскую кружку.

I am a Son of Mars who have been in many wars,
 And show my cuts and scars wherever I come;
 This here was for a wench, and that other in a trench,
 When welcoming the French at the sound of the drum.
 Lal de daudle &c.

My Prenticeship I past where my LEADER breath'd his last,
 When the bloody die was cast on the heights of ABRAM;
 And I served out my TRADE when the gallant *game* was
 play'd,
 And the MORO low was laid at the sound of the drum.

I lastly was with Curtis among the *floating batt'ries*,
 And there I left for witness, an arm and a limb;
 Yet let my Country need me, with ELLIOT to head me,
 I'd clatter on my stumps at the sound of a drum.

And now tho' I must beg, with a wooden arm and leg,
 And many a tatter'd rag hanging over my bum,
 I'm as happy with my wallet, my bottle and my Callet,
 As when I us'd in scarlet to follow a drum.

What tho', with hoary locks, I must stand the winter
 shocks,
 Beneath the woods and rocks oftentimes for a home,
 When the tother bag I sell and the tother bottle tell,
 I could meet a troop of HELL at the sound of a drum.

R e c i t a t i v o—

He ended; and the kebars sheuk,
 Aboon the chorus roar;
 While frightened rattons backward leuk,
 An' seek the benmost bore:

И чокались,
И чмокались
Сто раз они подряд,
Пока хмельную песню
Не затянул солдат.

П е с н я

Я воспитан был в строю, а испытан я в бою,
Украшает грудь мою много ран.
Этот шрам получен в драке, а другой в лихой атаке
В ночь, когда гремел во мраке барабан.

Я учиться начал рано — у Абрамова кургана.
В этой битве пал мой капитан.
И учился я не в школе, а в широком ратном поле,
Где кололи мы врагов под барабан.

Пусть я отдал за науку ногу правую и руку —
Вы узнаете по стуку мой чурбан.
Если в бой пойдет пехота под командой Элиота,
Я пойду на костылях под барабан!

Одноногий и убогий, я ночую у дороги
В дождь и стужу, в бурю и туман.
Но при мне мой ранец, фляжка, а со мной моя
милашка,

Как в те дни, когда я шел под барабан.

Пусть башка моя седа, амуниция худа
И постелью служит мне бурьян, —
Выпью кружку и другую, поцелую дорогую
И пойду на всех чертей под барабан!

Р е ч и т а т и в

Солдат умолк. И грянул хор,
И дрогнул потолок.
Две крысы, выглянув из нор,
Пустились наутек.

A fairy FIDDLER frae the neuk,
 He skirl'd out, ENCORE.
 But up arose the martial CHUCK,
 An' laid the loud uproar—

I Once was a Maid, tho' I cannot tell when,
 And still my delight is in proper young men:
 Some one of a troop of DRAGOONS was my dadie,
 No wonder I'm fond of a SODGER LADDIE.
 Sing lal de dal &c.

The first of my LOVES was a swaggering blade,
 To rattle the thundering drum was his trade;
 His leg was so tight and his cheek was so ruddy,
 Transported I was with my SODGER LADDIE.

But the godly old Chaplain left him in the lurch,
 The sword I forsook for the sake of the church;
 He ventur'd the SOUL, and I risked the BODY,
 'Twas then I prov'd false to my SODGER LADDIE.

Full soon I grew sick of my sanctified *Sot*,
 The Regiment AT LARGE for a HUSBAND I got;
 From the gilded SPONTOON to the FIFE I was ready;
 I asked no more but a SODGER LADDIE.

But the PEACE it reduc'd me to beg in despair,
 Till I met my old boy in a CUNNINGHAM fair;
 His RAGS REGIMENTAL they flutter'd so gaudy,
 My heart it rejoic'd at a SODGER LADDIE.

And now I have lived—I know not how long,
 And still I can join in a cup and a song;
 But whilst with both hands I can hold the glass steady,
 Here's to thee, MY HERO, MY SODGER LADDIE.

Скрипач бродячий крикнул: «Бис!
Ты спой еще разок!»
Но заглушил его и крыс
Осипший голосок.

Песня

Девницей была я, — не помню когда, —
И люблю молодежь, хоть не так молода.
Мать в драгунском полку погостила когда-то.
Оттого-то я жить не могу без солдата!

Был первый мой друг весельчак и буян.
Он только и знал, что стучал в барабан.
Парень был он лихой, крепконогий, усатый.
Что таить!.. Я влюбилась в красавца солдата.

Соблазнил меня добрый седой капеллан
На стихарь променять полковой барабан.
Он душой рисковал, — в том любовь виновата, —
Я же телом своим. И ушла от солдата.

Но не весело жить со святым стариком.
Скоро стал моим мужем весь полк целиком —
От трубы до капрала, известного хвата.
Приласкать я готова любого солдата.

После мира пошла я с клюкой и сумой.
Мой дружок отставной повстречался со мной.
Тот же красный мундир — на заплате заплате.
То-то рада была я увидеть солдата!

Хоть живу я на свете бог весть как давно,
Вместе с вами пою, попиваю вино.
И пока моя кружка в ладонях зажата,
Буду пить за тебя, мой герой, — за солдата!

R e c i t a t i v o—

Poor Merry-andrew, in the neuk,
 Sat guzzling wi' a Tinkler-hizzie;
 They mind't na wha the chorus teuk,
 Between themsels they were sae busy:
 At length wi' drink an' courting dizzy,
 He stoiter'd up an' made a face;
 Then turn'd, an' laid a smack on Grizzie,
 Syne tun'd his pipes wi' grave grimace.

Sir Wisdom's a fool when he's fou;
 Sir Knave is a fool in a Session,
 He's there but a prentice, I trow,
 But I am a fool by profession.

My Grannie she bought me a beuk,
 An' I held awa to the school;
 I fear I my talent misteuk,
 But what will ye hae of a fool.

For drink I would venture my neck;
 A hizzie's the half of my Craft:
 But what could ye other expect
 Of ane that 's avowedly daft.

I, ance, was ty'd up like a stirk,
 For civilly swearing and quaffing;
 I, ance, was abus'd i' the kirk,
 For towsing a lass i' my daffin.

Poor Andrew that tumbles for sport,
 Let nae body name wi' a jeer;
 There 's even, I'm tauld, i' the Court
 A Tumbler ca'd the Premier.

Р е ч и т а т и в

В углу сидел базарный шут.
К соседке воспылав любовью,
Не разбирая он, что поют,
И только пил ее здоровье.

Но вот, разгорячен вином
Или соседкой разогретый,
Поставив кружку кверху дном,
Он прохрипел свои куплеты.

П е с н я

Мудрец от похмелья глупеет, а плут
Шутом выступает на сессии.
Но разве сравниться неопытный шут
Со мной — дураком по профессии!

Мне бабушка в детстве купила букварь.
Учился я грамоте в школах,
И все ж дураком я остался, как встарь,
Ведь олух — до старости олух.

Вино из бочонка тянул я взасос.
Гонял за соседскою дочкой.
Но сам я подросток — и бочонок подросток
И стал здоровенною бочкой!

За пьянство меня среди белого дня
Связали и ввергли в темницу,
А в церкви за то осудили меня,
Что я опрокинул девицу.

Я — клоун бродячий, жонглер, акробат,
Умею плясать на канате,
Но в Лондоне есть у меня, говорят,
Счастливым соперником в палате!

Observ'd ye yon reverend lad
 Mak faces to tickle the Mob;
 He rails at our mountebank squad,
 Its rivalry just i' the job.

And now my conclusion I'll tell,
 For faith I'm confoundedly dry:
 The chiel that's a fool for himsel,
 Guid L—d, he's far dafter than I.

R e c i t a t i v o—

Then niest outspak a raucle Carlin,
 Wha ken't fu' weel to cleek the Sterlin;
 For mony a pursie she had hooked,
 An' had in mony a well been douked:
 Her LOVE had been a HIGHLAND LADDIE,
 But weary fa' the waefu' woodie!
 Wi' sighs an' sobs she thus began
 To wail her braw JOHN HIGHLANDMAN—

A Highland lad my LOVE was born,
 The lalland laws he held in scorn;
 But he still was faithfu' to his clan,
 My gallant, braw JOHN HIGHLANDMAN.

C h o r u s

Sing hey my braw John Highlandman!
 Sing ho my braw John Highlandman!
 There's not a lad in a' the lan'
 Was match for my John Highlandman.

А наш проповедник! Какую подчас
С амвона он корчит гримасу!
Клянусь вам, он хлеб отбивает у нас,
Хотя облачается в рясу.

Недаром ношу я дурацкий колпак —
Меня он и кормит и поит.
А кто для себя — и бесплатно — дурак,
Тот очень немного стоит!..

Р е ч и т а т и в

Дурак умолк. За ним вослед
Особа встала средних лет,
С могучим станом, грозной грудью.
Ее не раз судили судьи
За то, что ловко на крючок
Она ловила кошелек,
Кольцо, платок и что придется.
Народ топил ее в колодце.
Но утопить никак не мог, —
Сам сатана ее берег.
В былые дни — во время оно —
Она любила горца Джона.
И вот запела про него,
Про Джона, горца своего.

П е с н я

Мой Джон — дитя шотландских скал —
Закон долины презирал.
Но как любил родимый склон
Мой славный горец, статный Джон.

Споем, подружки, про него,
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!

With his Philibeg, an' tartan Plaid,
 An' guid Claymore down by his side,
 The ladies' hearts he did trepan,
 My gallant, braw John Highlandman.
 Sing hey &c.

We ranged a' from Tweed to Spey,
 An' liv'd like lords an' ladies gay:
 For a lalland face he feared none,
 My gallant, braw John Highlandman.
 Sing hey &c.

They banish'd him beyond the sea,
 But ere the bud was on the tree,
 Adown my cheeks the peals ran,
 Embracing my John Highlandman.
 Sing hey &c.

But Och! they catch'd him at the last,
 And bound him in a dungeon fast,
 My curse upon them every one,
 They've hang'd my braw John Highlandman.
 Sing hey &c.

And now a Widow I must mourn
 The Pleasures that will ne'er return;
 No comfort but a hearty can,
 When I think on John Highlandman.
 Sing hey &c.

R e c i t a t i v o—

A pigmy Scraper wi' his Fiddle,
 Wha us'd to trystes an' fairs to driddle,
 Her strappan limb an' gausy middle,
 (He reach'd nae higher)
 Had hol'd his HEARTIE like a riddle,
 An' blawn 't on fire.

Он был как щеголь разодет —
Берет с пером и пестрый плед.
С ума сводил шотландских жен
Мой статный горец, храбрый Джон.

От речки Твид до речки Спей
С ватагой буйною своей
Мы кочевали — я и он,
Мой верный друг, мой статный Джон.

Но присудил его судья
К изгнанию в дальние края.
Зазеленел весною клен, —
И вновь ко мне вернулся Джон.

В тюрьму попал он с корабля.
Там обняла его петля...
Будь проклят тот, кем осужден
Мой статный горец, храбрый Джон!

И вот осталась я одна
И допиваю жизнь до дна.
Но пусть шотландских кружек звон
Тебе приветом будет, Джон...

Споем, подружки, про него.
Поднимем кружки за него.
Нет среди горцев никого
Отважней Джона моего!

— За Джона! — гаркнул пьяный хор. —
Он был красой Шотландских гор!..

Р е ч и т а т и в

Был в кабачке скрипач поджарый.
Пленился он воровкой старой,
Но был так мал,
Что лишь бедро ее крутое,
Как решето, одной рукою
Он обнимал.

Wi' hand on hainch, and upward e'e,
 He croon'd his gamut, ONE, TWO, THREE,
 Then in an ARIOSO key,
 The wee Apollo
 Set off wi' ALLEGRETTO glee
 His GIGA SOLO—

Let me ryke up to dight that tear,
 An' go wi' me an' be my DEAR;
 An' then your every CARE an' FEAR
 May whistle owre the lave o't.

C h o r u s—

I am a Fiddler to my trade,
 An' a' the tunes that e'er I play'd,
 The sweetest still to WIFE or MAID,
 Was whistle owre the lave o't.

At KIRNS an' WEDDINS we'se be there,
 An' O sae nicely's we will fare!
 We'll bowse about till Dadie CARE
 Sing whistle owre the lave o't.
 I am &c.

Sae merrily's the banes we'll pyke,
 An' sun oursells about the dyke;
 An' at our leisure when ye like
 We'll whistle owre the lave o't.
 I am &c.

But bless me wi' your heav'n o' charms,
 An' while I kittle hair on thairms
 HUNGER, CAULD, an' a' sie harms
 May whistle owre the lave o't.
 I am &c.

R e c i t a t i v o—

Her charms had struck a sturdy CAIRD,
 As well as poor GUTSCRAPER;
 He taks the Fiddler by the beard,
 An' draws a rossty rapier—

Развеселить желая даму,
Прорепетировал он гамму
Разок-другой.
Потом, наполнив кружку пивом,
Запел он голосом пискливым
Мотив такой.

П е с н я

Позволь слезу твою смахнуть,
Моей возлюбленную будь
И все прошедшее забудь.
Плевать на остальное!

Житье на свете скрипачу —
Иду-бреду, куда хочу,
Так не живется богачу.
Плевать на остальное.

Где дочку замуж выдают,
Где после жатвы пиво пьют, —
Для нас всегда готов приют.
Плевать на остальное!

Мы будет корки грызть вдвоем,
А спать на травке над ручьем,
И на досуге мы споем:
«Плевать на остальное!»

Пока растет на свете рожь
И любит пляску молодежь, —
Со мной безбедно проживешь.
Плевать на остальное!

Р е ч и т а т и в

Пока скрипач бродячий пел,
Сжигаемый любовью, —
Лудильщик удалой успел
Пленить сердечко вдове.

He swoor by a' was swearing worth
 To spect him like a Pliver,
 Unless he would from that time forth
 Relinquish her for ever—

Wi' ghastly e'e poor TWEEDLEDEE
 Upon his hunkers bended,
 An' pray'd for grace wi' ruefu' face,
 An' so the quarrel ended;
 But tho' his little heart did grieve,
 When round the TINKLER prest her,
 He feign'd to snirtle in his sleeve
 When thus the CAIRD address'd her—

My bonie lass I work in brass,
 A TINKLER is my station;
 I've travell'd round all Christian ground
 In this my occupation;
 I've ta'en the gold an' been enroll'd
 In many a noble squadron;
 But vain they search'd when off I march'd
 To go an' clout the CAUDRON.
 I've ta'en the gold &c.

Despise that SHRIMP, that withered IMP,
 With a' his noise an' cap'rin;
 An' take a share, with those that bear
 The *budget* and the *apron!*
 And *by* that STOWP! my faith an' houpe,
 And *by* that dear KILBAIGIE,
 If e'er ye want, or meet with scant,
 May I ne'er weet my CRAIGIE!

Схватил за ворот скрипача
Его соперник бравый
И уж готов был сгоряча
Пронзить рапирой ржавой.

Скрипач мышонком запищал,
Склонил пред ним колени
И отказать обещал
От всех поползновений...

Но все ж, прикрыв лицо полой,
Смеялся он притворно,
Когда лудильщик удалой,
Хлебнув, запел задорно.

П е с н я

Я, ваша честь,
Паяю жечь.
Лудильщик я и медник.
Хожу пешком
Из дома в дом.
На мне прожжен передник.

Я был в войсках.
С ружьем в руках
Стоял на карауле.
Теперь опять
Иду паять,
Чинить, паять
Кастрюли!

Вот этот хлыщ
Душою нищ,
Твой прежний собеседник.
Любовь моя,
Бери в мужья
Того, на ком передник.

And by that Stowp, &c.

R e c i t a t i v o—

The Caird prevail'd—th' unblushing fair
 In his embraces sunk;
 Partly wi' LOVE o'ercome sae sair,
 An' partly she was drunk:
 Sir VIOLINO with an air,
 That show'd a man o' spunk,
 Wish'd UNISON between the PAIR,
 An' made the bottle clunk
 To their health that night.

But hurchin Cupid shot a shaft,
 That play'd a DAME a shavie—
 The Fiddler RAK'D her, FORE AND AFT,
 Behind the Chicken cavie:
 Her lord, a wight of HOMER's craft,
 Tho' limpan wi' the Spavie,
 He hirpl'd up an' lap like daft,
 An' shor'd them DAINTY DAVIE
 O' *boot* that night.

He was a care-defying blade,
 As ever BACCHUS listed!
 Tho' Fortune sair upon him laid,
 His heart she ever miss'd it.
 He had no WISH but—to be glad,
 Nor WANT but—when he thristed;
 He hated nought but—to be sad,
 An' thus the Muse suggested
 His sang that night.

I am a BARD of no regard,
 Wi' gentle folks an' a' that;
 But HOMER LIKE the glowran byke,
 Frae town to town I draw that.

Любовь моя,
Лудильщик я
И круглый год в дороге.
Авось вдвоем
Мы проживем
Без горя и тревоги!

Р е ч и т а т и в

В ответ на нежные слова,
Нимало не краснея,
С похмелья бросилась вдова
Лудильщику на шею.

Скрипач им больше не мешал,
И, потрясен их страстью,
Он только поднял свой бокал
И пожелал им счастья
На эту ночь!

Но бес опять его увлек:
Подсев к другой соседке,
Ее позвал он в уголок,
Где куры спали в клетке.

Ее супруг — по ремеслу
Поэт, певец природы —
Застиг их вовремя в углу
И не дал строить куры
Им в эту ночь!

Был неказист и хромоног
Поэт, певец бродячий.
И хоть по внешности убог,
Но сердцем всех богаче.

Он жил на свете не спеша,
Умел любить веселье,
А пел он, что поет душа...
И вот что спел с похмелья
Он в эту ночь.

C h o r u s—

For a' that an' a' that,
 An' twice as muckle's a' that,
 I've lost but ANE, I've TWA behin',
 I've WIFE ENEUGH for a' that.

I never drank the Muses' STANK,
 Castalia's burn an' a' that,
 But there it streams an' richly reams,
 My HELICON I ca' that.
 For a' that &c.

Great love I bear to all the FAIR,
 Their humble slave an' a' that;
 But lordly WILL, I hold it still
 A mortal sin to thraw that.
 For a' that &c.

In raptures sweet this hour we meet,
 Wi' mutual love an' a' that;
 But for how lang the FLIE MAY STANG,
 Let INCLINATION law that.
 For a' that &c.

Their tricks an' craft hae put me daft,
 They've ta'en me in, an' a' that,
 But clear your decks an' here's the SEX!
 I like the jads for a' that.
 For a' that an' a' that
 An' twice as muckle's a' that,
 My DEAREST BLUID to do them guid,
 They're welcome till 't for a' that.

R e c i t a t i v o—

So sung the BARD—and Nansie's waws
 Shook with a thunder of applause
 Re-echo'd from each mouth!
 They toom'd their pocks, they pawn'd their duds.
 They scarcely left to coor their fuds

П е с н я

Я — лишь поэт. Не ценит свет
Моей струны веселой.
Но мне пример — слепой Гомер.
За нами вьются пчелы.

И то сказать,
И так сказать,
И даже больше вдвое.
Одна уйдет, женюсь опять.
Жена всегда со мною.

Я не был у Кастальских вод,
Не видел муз воочию,
Но здесь из бочки пена бьет —
И все такое прочее!

Я пью за круг моих подруг,
Служу им дни и ночи я.
Порочить плоть, что дал господь, —
Великий грех и прочее!

Одну люблю и с ней делю
Постель, и хмель, и прочее,
А много ль дней мы будем с ней,
Об этом не пророчу я.

За женский пол! Вино на стол!
Сегодня всех я потчую.
За нежный пол, лукавый пол
И все такое прочее!..

Р е ч и т а т и в

Поэт окончил — и кругом
Рукоплесканий грянул гром,
И каждый нес на бочку
Все, что отдать хозяйке мог, —
Медяк, запряганный в сапог,

To quench their lowan drouth:
 Then owre again the jovial thrang
 The Poet did request
 To lowse his PACK an' wale a sang,
 A BALLAD o' the best.

He, rising, rejoicing,
 Between his TWA DEBORAHS,
 Looks round him an' found them
 Impatient for the Chorus.

See the smoking bowl before us,
 Mark our jovial, ragged ring!
 Round and round take up the Chorus,
 And in raptures let us sing—

C h o r u s—

A fig for those by law protected!
 LIBERTY's a glorious feast!
 Courts for Cowards were erected,
 Churches built to please the PRIEST.

What is TITLE, what is TREASURE,
 What is REPUTATION's care?
 If we lead a life of pleasure,
 'Tis no matter HOW or WHERE.
 A fig, &c.

With the ready trick and fable
 Round we wander all the day;
 And at night, in barn or stable,
 Hug our doxies on the hay.
 A fig for &c.

Does the train-attended CARRIAGE
 Thro' the country lighter rove?
 Does the sober bed of MARRIAGE
 Witness brighter scenes of love?
 A fig for &c.

Тряпье последнее в залог,
Последнюю сорочку.

Друзья до риз перепились,
Плясали до упаду
И у поэта принялись
Просить еще балладу.

Поэт сидит меж двух подруг
У винного бочонка,
И, оглядев веселый круг,
Запел он песню звонко.

П е с н я

В эту ночь сердца и кружки
До краев у нас полны.
Здесь, на дружеской пирушке,
Все пьяны и все равны!

К черту тех, кого законы
От народа берегут.
Тюрьмы — трусам оборона,
Церкви — ханжеству приют.

Что в деньгах и прочем вздоре!
Кто стремится к ним — дурак.
Жить в любви, не зная горя,
Безразлично где и как!

Песней гоним мы печали,
Шуткой красим свой досуг,
И в пути на сеновале
Обнимаем мы подруг.

Вам, милорд, в своей коляске
Нас, бродяг, не обогнать,
И такой не знает ласки
Ваша брачная кровать.

Life is all a VARIORUM,
We regard not how it goes;
Let them cant about DECORUM,
Who have character to lose.
A fig for &c.

Here's to BUDGETS, BAGS and WALLETS!
Here's to all the wandering train!
Here's our ragged BRATS and CALLETS!
One and all cry out, AMEN!
A fig for those by LAW protected,
LIBERTY's a glorious feast!
COURTS for Cowards were erected,
CHURCHES built to please the Priest.

Жизнь — в движенье бесконечном:
Радость — горе, тьма и свет.
Репутации беречь нам
Не приходится — их нет!

Напоследок с песней громкой
Эту кружку подыму
За дорожную котомку,
За походную суму!

Ты, огонь в сердцах и в чашах,
Никогда нас не покинь.
Пьем за вас, подружек наших.
Будьте счастливы. Аминь!

Перевод С. Маршака.

Tam O'Shanter

Тэм О'Шэнтэр

Of Brownys and of Bogillis full is this buke.

Gawin Douglas.

When chapman billies leave the street,
And drouthy neebors, neebors meet,
As market-days are wearing late,
An' folk begin to tak the gate;
While we sit bousing at the nappy,
And getting fou and unco happy,
We think na on the lang Scots miles,
The mosses, waters, slaps, and styles,
That lie between us and our hame,
Whare sits our sulky sullen dame,
Gathering her brows like gathering storm,
Nursing her wrath to keep it warm.

This truth fand honest *Tam o' Shanter*,
As he frae Ayr ae night did canter,
(Auld Ayr, wham ne'er a town surpasses,
For honest men and bonny lasses.)

O *Tam!* hadst thou but been sae wise,
As ta'en thy ain wife *Kate's* advice!

Когда на город ляжет тень,
И кончится базарный день,
И продавцы бегут, задвинув
Засовом двери магазинов,
И нас кивком сосед зовет
Стряхнуть ярмо дневных забот, —

Тогда у полной бочки эля,
Вполне счастливые от хмеля,
Мы не считаем верст, канав,
Мостков, опасных переправ
До нашего родного крова,
Где ждет жена, храня сурово
Свой гнев, как пламя очага,
Чтоб мужа встретить как врага.

Об этом думал Тэм О'Шентер,
Когда во тьме покинул центр
Излюбленного городка,
Где он наклюкался слегка.

А город, где он наливался —
Старинный Эйр, — ему казался
Гораздо выше всех столиц
По красоте своих девиц.

О Тэм! Забыл ты о совете
Своей супруги — мудрой Кэтти.
А ведь она была права...
Припомни, Тэм, ее слова:

She tauld thee weel thou was a skellum,
A blethering, blustering, drunken blellum;
That frae November till October,
Ae market-day thou was nae sober;
That ilka melder, wi' the miller,
Thou sat as lang as thou had siller;
That every naig was ca'd a shoe on,
The smith and thee gat roaring fou on;
That at the L—d's house, even on Sunday,
Thou drank wi' Kirkton Jean till Monday.
She prophesied that late or soon,
Thou would be found deep drown'd in Doon;
Or catch'd wi' warlocks in the mirk,
By *Alloway's* auld haunted kirk.

Ah, gentle dames! it gars me greet,
To think how mony counsels sweet,
How mony lengthen'd sage advices,
The husband frae the wife despises!

But to our tale: Ae market-night,
Tam had got planted unco right;
Fast by an ingle, bleezing finely,
Wi' reaming swats, that drank divinely;
And at his elbow, Souter *Johmy*,
His ancient, trusty, drouthy crony;
Tam lo'ed him like a vera brither;
They had been fou for weeks thegither.
The night drave on wi' sangs and clatter;
And ay the ale was growing better:
The landlady and *Tam* grew gracious,
Wi' favours, secret, sweet, and precious:
The Souter tauld his queerest stories;

«Бездельник, шут, пропойца старый,
Не пропускаешь ты базара,
Чтобы не плюхнуться под стол.
Ты пропил с мельником помол.
Чтоб ногу подковать кобыле,
Вы с кузнецом две ночи пили.
Ты в праздник ходишь в божий дом,
Чтобы потом за полной кружкой
Ночь просидеть с церковным служкой
Или нарезать с дьячком!
Смотри же: в полночь ненароком
Утонешь в омуте глубоком
Иль попадешь в гнездо чертей
У старой церкви Аллоуэй!»

О жены! Плакать я готов,
Припомнив, сколько мудрых слов
Красноречивейшей морали
Мы без вниманья оставляли...

Но продолжаем повесть. Тэм
Сидел в трактире перед тем.
Трещало в очаге полено.
Над кружками клубилась пена,
И слышался хрустальный звон.
Его сосед — сапожник Джон —
Был верный друг его до гроба:
Не раз под стол валились оба!
Так проходил за часом час.
А в очаге огонь не гас.
Шел разговор. Гремели песни.
Эль становился все чудесней.
И Тэм О'Шентер через стол
Роман с трактирщицей завел.
Они обменивались взглядом,
Хотя супруг сидел с ней рядом.
Но был он, к счастью, погружен
В рассказ, который начал Джон,
И, голос Джона прерывая,

The landlord's laugh was ready chorus:
The storm without might rair and rustle,
Tam did na mind the storm a whistle.

Care, mad to see a man sae happy,
E'en drown'd himsel amang the nappy:
As bees flee hame wi' lades o' treasure,
The minutes wing'd their way wi' pleasure:
Kings may be blest, but *Tam* was glorious,
O'er a' the ills o' life victorious!

But pleasures are like poppies spread,
You seize the flower, its bloom is shed;
Or like the snow falls in the river,
A moment white—then melts for ever;
Or like the borealis race,
That flit ere you can point their place;
Or like the rainbow's lovely form
Evanishing amid the storm.—
Nae man can tether time or tide;
The hour approaches *Tam* maun ride;
That hour, o' night's black arch the key-stane,
That dreary hour he mounts his beast in;
And sic a night he taks the road in,
As ne'er poor sinner was abroad in.

The wind blew as 'twad blawn its last;
The rattling showers rose on the blast;
The speedy gleams the darkness swallow'd;
Loud, deep, and lang, the thunder bellow'd:
That night, a child might understand,
The Deil had business on his hand.

Weel mounted on his gray mare, *Meg*,
A better never lifted leg,
Tam skelpit on thro' dub and mire,
Despising wind, and rain, and fire;

Гремел, как туча грозовая.
То дождь, то снег хлестал в окно,
Но пьяным было все равно!

Заботы в кружках потонули,
Минута каждая плыла,
Как пролетающая в улей
Перегруженная пчела.

Блажен король. Но кружка с пивом
Любого делает счастливым!

Но счастье — точно маков цвет:
Сорвешь цветок — его уж нет.
Часы утех подобны рою
Снежинок легких над рекою:
Примчатся к нам на краткий срок
И прочь летят, как ветерок.
Так исчезает, вспыхнув ярко,
На небе радужная арка...

Всему на свете свой черед.
И Тэм из-за стола встает.
Седлает клячу он во мраке.
Кругом не слышно и собаки.
Не позавидуешь тому,
Кто должен мчаться в эту тьму!

Дул ветер из последних сил,
И град хлестал, и ливень лил,
И вспышки молний тьма глотала,
И небо долго грохотало...
В такую ночь, как эта ночь,
Сам дьявол погулять не прочь.

Но поворот за поворотом —
О'Шентер мчался по болотам.
Рукой от бури заслонясь,
Он неся вдаль, взметая грязь.

Whiles holding fast his gude blue bonnet;
Whiles crooning o'er some auld Scots sonnet;
Whiles glowing round wi' prudent cares,
Lest bogles catch him unawares:
Kirk-Alloway was drawing nigh,
Whare ghaists and houlets nightly cry.—

By this time he was cross the ford,
Whare, in the snaw, the chapman smoor'd;
And past the birks and meikle stane,
Whare drunken *Charlie* brak 's neck-bane;
And thro' the whins, and by the cairn,
Whare hunters fand the murder'd bairn;
And near the thorn, aboon the well,
Whare *Mungo*'s mither hang'd hersel.—
Before him *Doon* pours all his floods;
The doubling storm roars thro' the woods;
The lightnings flash from pole to pole;
Near and more near the thunders roll:
When, glimmering thro' the groaning trees,
Kirk-Alloway seem'd in a bleeze;
Thro' ilka bore the beams were glancing;
And loud resounded mirth and dancing.—

Inspiring bold *John Barleycorn!*
What dangers thou canst make us scorn!
Wi' tippenny, we fear nae evil;
Wi' usquabae, we'll face the devil!—
The swats sae ream'd in *Tammie*'s noddle,

То шляпу он сжимал в тревоге,
То пел сонеты по дороге,
То зорко вглядывался в тьму,
Где черт мерещился ему...

Вот, наконец, неясной тенью
Мелькнула церковь в отдаленье.
Оттуда слышался, как зов,
Далекий хор чертей и сов.

Невдалеке — знакомый брод.
Когда-то здесь у этих вод
В глухую ночь на берегу
Торговец утонул в снегу.

Здесь, у прибрежных этих скал,
Пропойца голову сломал.

Там — под поникшею ракитой —
Младенец найден был зарытый.
А дальше — тот засохший дуб,
Где женщины качался труп...

Разбуженная непогодой,
Река во тьме катила воды.
Кругом гремел тяжелый гром,
Змеился молнии излом.
И невдали за перелеском,
Озарена туманным блеском,
Меж глухо стонущих ветвей
Открылась церковь Аллоуэй;
Неслись оттуда стоны, крики,
И свист, и визг, и хохот дикий.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
В твоём огне закалено,
Оживлено твоею чашей,
Не знает страха сердце наше.
От кружки мы полезем в ад.

Fair play, he car'd na deils a boddle.
But *Maggie* stood right sair astonish'd,
Till, by the heel and hand admonish'd,
She ventured forward on the light;
And, vow! *Tam* saw an unco sight!
Warlocks and witches in a dance;
Nae cotillion brent new frae *France*,
But hornpipes, jigs, strathspeys, and reels,
Put life and mettle in their heels.
A winnock-bunker in the east,
There sat Auld Nick, in shape o' beast;
A towzie tyke, black, grim, and large,
To gie them music was his charge:
He screw'd the pipes and gart them skirl,
Till roof and rafters a' did dirl.—
Coffins stood round, like open presses,
That shaw'd the dead in their last dresses;
And by some devilish cantraip slight
Each in its cauld hand held a light.—
By which heroic *Tam* was able
To note upon the haly table,
A murderer's banes in gibbet airns;
Twa span-lang, wee, unchristen'd bairns;

За чаркой нам сам черт не брат!
А Тэм О'Шентер был под мухой
И не боялся злого духа,
Но клячу сдвинуть он не мог,
Пока движеньем рук и ног,
Угрозой, ласкою и силой
Не сладил с чертовой кобылой.
Она, дрожа, пошла к вратам.
О боже! Что творилось там!..

Толпясь, как продавцы на рынке,
Под трубы, дудки и волынки
Водили адский хоровод
Колдуньи, ведьмы всех пород.
И не кадриль они плясали,
Не новомодный котильон,
Что привезли к нам из Версаля,
Не танцы нынешних времен,
А те затейливые танцы,
Что знали старые шотландцы:
Взлетали, топнув каблуком,
Вертелись по полу волчком.

На этом празднике полночном
На подоконнике восточном
Сидел с волынкой старый Ник
И выдувал бесовский джиг.

Все веселей внизу плясали.
И вдруг гроба, открывшись, встали,
И в каждом гробе был скелет
В истлевшем платье прошлых лет.

Все мертвецы держали свечи.
Один мертвец широкоплечий
Чуть звякнул кольцами оков.
И понял Тэм, кто он таков.

Тут были крошечные дети,
Что мало пожили на свете

A thief, new-cutted frae a rape,
Wi' his last gasp his gab did gape;
Five tomahawks, wi' blude red-rusted;
Five scymitars, wi' murder crusted;
A garter, which a babe had strangled;
A knife, a father's throat had mangled,
Whom his ain son o' life bereft,
The grey hairs yet stack to the heft;
Wi' mair o' horrible and awefu',
Which even to name wad be unlawfu'.

As *Tammie* glowr'd, amaz'd, and curious,
The mirth and fun grew fast and furious:
The piper loud and louder blew;
The dancers quick and quicker flew;
They reel'd, they set, they cross'd, they cleekit,
Till ilka carlin swat and reekit,
And coost her duddies to the wark,
And linket at it in her sark!

Now, *Tam*, O *Tam!* had thae been queans,
A' plump and strapping in their teens,
Their sarks, instead o' creeshie flannen,
Been snaw-white seventeen hunder linen!
Thir breeks o' mine, my only pair,
That ance were plush, o' gude blue hair,
I wad hae gi'en them off my hurdies,
For ae blink o' the bonie burdies!

И умерли, не крещены.
В чем нет, конечно, их вины...
Тут были воры и злодеи
В цепях, с веревкою на шее.
При них орудья грабежа:
Пять топоров и три ножа,
Одна подвязка, чье объятье
Прервало краткий век дитяти.
Один кинжал, хранивший след
Отцеубийства древних лет:
Навеки к острию кинжала
Седая прядь волос пристала...
Но тайну остальных улик
Не в силах рассказать язык.
Безмолвный Тэм глядел с кобылы
На этот сбор нечистой силы
В старинной церкви Аллоуэй.
Кружились ведьмы все быстрее,
Несли вприпрыжку и вприскокку,
Гуськом, кружком и в одиночку,
То парами, то сбившись в кучу,
И пар стоял над ними тучей.
Потом разделись и в белье
Плясали на своем тряпье.

Будь эти пляшущие тетки
Румянощекие красотки,
И будь у теток на плечах
Взамен фланелевых рубрах
Сорочки ткани белоснежной,
Стан обвивающие нежно, —
Клянусь, отдать я был бы рад
За их улыбку или взгляд
Не только сердце или душу,
Но и штаны свои из плюша,
Свои последние штаны,
Уже не первой новизны.

But wither'd beldams, auld and droll,
Rigwoodie hags wad spean a foal,
Louping and flinging on a crummock,
I wonder did na turn thy stomach.

But *Tam* kend what was what fu' brawlie,
There was ae winsome wench and wawlie,
That night enlisted in the core,
(Lang after kend on *Carrick* shore;
For mony a beast to dead she shot,
And perish'd mony a bony boat,
And shook baith meikle corn and bear,
And kept the country-side in fear:)
Her cutty sark, o' Paisley harn,
That while a lassie she had worn,
In longitude tho' sorely scanty,
It was her best, and she was vauntie.—
Ah! little kend thy reverend grannie,
That sark she coft for her wee Nannie,
Wi' twa pund Scots ('t was a' her riches),
Wad ever grac'd a dance of witches!

But here my Muse her wing maun cour;
Sic flights are far beyond her pow'r;
To sing how Nannie lap and flang,
(A souple jad she was, and strang),
And how *Tam* stood, like ane bewitch'd,
And thought his very een enrich'd;
Even Satan glowr'd, and fidg'd fu' fain,
And hotch'd and blew wi' might and main;
Till first ae caper, syne anither,
Tam tint his reason a' thegither,
And roars out, 'Weel done, Cutty-sark!'

А эти ведьмы древних лет,
Свой обнажившие скелет,
Живые жерди и ходули
Во мне нутро перевернули!
Но Тэм нежданно разглядел
Среди толпы костлявых тел,
Обтянутых гусиной кожей,
Одну бабенку помоложе.
Как видно, на бесовский пляс
Она явилась в первый раз.
(Потом молва о ней гремела,
Она и скот губить умела,
И корабли пускать на дно,
И портить в колосе зерно!)

Она была в рубашке тонкой,
Которую еще девчонкой
Носила, и давно была
Рубашка ветхая мала.
Не знала бабушка седая,
Сорочку внучке покупая,
Что внучка в ней плясать пойдет
В пустынный храм среди болот,
Что бесноваться будет Нэнни
Среди чертей и привидений...

Но музу должен я прервать.
Ей эта песня не под стать,
Не передаст она, как ловко
Плясала верткая чертовка,
Как на кобыле бедный Тэм
Сидел недвижен, глух и нем,
А дьявол, потеряв рассудок,
Свирепо дул в десяток дудок.

Но вот прыжок, еще прыжок —
И удержаться Тэм не мог.
Он прохрипел, вздыхая тяжко:
«Ах ты, короткая рубашка!..»

And in an instant all was dark:
And scarcely had he Maggie rallied,
When out the hellish legion sallied.

As bees bizz out wi' angry fyke,
When plundering herds assail their byke;
As open pussie's mortal foes,
When, pop! she starts before their nose;
As eager runs the market-crowd,
When 'Catch the thief!' resounds aloud;
So Maggie runs, the witches follow,
Wi' mony an eldritch skrieach and hollo.

Ah, *Tam!* Ah, *Tam!* thou'll get thy fairin!
In hell they'll roast thee like a herrin!
In vain thy *Kate* awaits thy comin!
Kate soon will be a woefu' woman!
Now, do thy speedy utmost, Meg,
And win the key-stane of the brig;
There at them thou thy tail may toss,
A running stream they dare na cross.
But ere the key-stane she could make,
The fient a tail she had to shake!
For Nannie, far before the rest,
Hard upon noble Maggie prest,
And flew at *Tam* wi' furious ettle;
But little wist she Maggie's mettle—
Ae spring brought off her master hale,
But left behind her ain grey tail:

И в тот же миг прервался пляс,
И замер крик, и свет погас...

Но только тронул Тэм поводья,
Завыло адское отродье...

Как мчится пчел гудящий рой,
Когда встревожен их покой,
Как носится пернатых стая,
От лап кошачьих улетаая,
Иль как народ со всех дворов
Бежит на крик: «Держи воров!»

Так Мэгги от нечистой силы
Насилу ноги уносила
Через канаву, пень, бугор,
Во весь галоп, во весь опор...
О Тэм! Как жирную селедку,
Тебя швырнут на сковородку.
Напрасно ждет тебя жена —
Вдовой останется она.
Несдобровать твоей кобыле, —
Ее бока в поту и мыле.
О Мэг! Скорей беги на мост
И покажи нечистым хвост:
Боятся ведьмы, бесы, черти
Воды текучей, точно смерти!

Увы, еще перед мостом
Пришлось ей повертеть хвостом.
Как вздрогнула она, бедняжка,
Когда Короткая Рубашка,
Вдруг вынырнув из-за куста,
Вцепилась ей в репей хвоста!..

В последний раз собравшись с силой,
Рванулась добрая кобыла,
Взлетела на скрипучий мост,
Чертям оставив серый хвост...

The carlin claught her by the rump,
And left poor Maggie scarce a stump.

Now, wha this tale o' truth shall read,
Ilk man and mother's son, take heed:
Whene'er to drink you are inclin'd,
Or cutty-sarks run in your mind,
Think, ye may buy the joys o'er dear,
Remember Tam o' Shanter's mare.

Ах, после этой страшной ночи
Во много раз он стал короче!..

На этом кончу я рассказ.
Но если кто-нибудь из вас

Прельстится полною баклажкой
Или Короткою Рубашкой, —

Пускай припомнит град, и снег,
И старую кобылу Мэг!..

Перевод С. Маршака.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Веселые нищие.

КАНТАТА

(Отрывки)

Речитатив

Уж листья желтые с ветвей
Летят на землю, и Борей
Деревья голые качает;
Луга одел покров седой,
И уж морозец молодой
Порядочно кусает.

Вот в эту пору вечером
Кружок веселой братьи нищей
Собрался к Пузи Нанси в дом
Попировать за скудной пищей
И весело пропить свое
Последнее тряпье.

Хохочут они и горланят,
И песни поют, и свистят,
И так по столам барабанят,
Что стены харчевни дрожат.

У печки в лохмотьях багрового цвета

Солдат поместился; на нем
Котомка, набитая хлебом, надета...

Сидит он, обнявшись, вдвоем
С своею любезной красоткой.

Согретая платьем и водкой,

С воителя глаз не спускает она

И, жадно оскаливши зубы,

Без устали грязные губы

Дружку подставляет, как чарку вина.

И в щеки, и в губы дружок
Без устали барышню — чмок!
И звучны, как хлопанье плети,
Веселые чмоканья эти.

И вот они милуются,
Горланят и целуются,
И песню наконец
Орет наш молодец:

П е с н я

Марс меня на свет родил, я в сраженьях многих был;
Вот, смотрите, шрам большой, вот царапина и рана!
Шрам врубила баба мне, рану добыл в той резне,
Где солдат французских я встретил звуком барабана:

Трам-трам-трам,
Трам-трам-трам,
Тарарарарам!

В первый раз я под ружьем был в кровавом деле том,
Где упал мой генерал у Абрамского кургана;
Кончил службу я свою в том чудеснейшем бою,
Где Моро снесли совсем мы при звуках барабана:

Трам-трам-трам и пр.

Был я с Куртисом, ей-ей, у плавучих батарей,
Без руки и без ноги вышел я из вражья стана;
Но опять страна зовет — и повел нас Эллиот,
И опять заковылял я под звуки барабана:

Трам-трам-трам и пр.

Нынче шляюсь по земле, без руки, на костыле,
Весь в лохмотьях и грязи; но с пустым своим карманом,
С чаркой, с девочкой моей, так же счастлив я, ей-ей,
Как в те дни, когда ходил, весь в шитье, за барабаном.

Трам-трам-трам и пр.

Хоть метель и ветер злой хлещут белый волос мой,
Хоть приют мой часто — лес иль широкая поляна,

Но когда, продав тряпья, выпью добрый штофик я, —
Не боюсь, хоть целый ад встань при звуках барабана!

Трам-трам-трам,
Трам-трам-трам,
Тарарарарам!

Речитатив

Он кончил, и стены трясутся —
Так воеет неистово хор, —
И прячутся крысы в испуге
В углы потаенные нор.
“Епсого!” из угла восклицает
Скрипач-молодчина, — и вот
Подруга воителя живо
Вскочила, и песню поет.

Песня

Я была когда-то девой, а когда — уж и сама
Позабыла; от красавцев и теперь схожу с ума.
Родилась я в батальоне, был драгуном мой отец, —
Что ж за диво, если дорог мне солдатик-молодец?

Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
Ох, солдатик-молодец!

Первый мой дружок сердечный весельчак-мужчина был,
Он тогда в полку драгунском барабанщиком служил;
Щеки красные такие, ножка стройная... В конец
Свел меня с ума мой милый, мой солдатик-молодец.

(Хор). Тра-ла-ла, тра-ла-ла и пр.

Но сменил солдата скоро добрый пастырь старичок,
И на рясу променяла я военный тесачок;
Телом я рискнула, душу в ход пустил святой отец —
И обманутым остался мой солдатик-молодец.

(Хор). Тра-ла-ла, тра-ла-ла и пр.

Долго, впрочем, быть со мною не пришлось и старику;
 Надоел он — и пошла я в жены к целому полку.
 Барабанщик ли, трубач ли, старый воин, иль птенец, —
 Всем служила — лишь бы только был солдатик-молодец!

(Хор). Тра-ла-ла, тра-ла-ла и пр.

Но война сменилась миром, — тут я по миру пошла
 И на рынке, побираясь, парня этого нашла.
 В полковых своих лохмотьях красовался удалец...
 Ах, как по сердцу пришелся мне солдатик-молодец!

(Хор). Тра-ла-ла, тра-ла-ла и пр.

Пожила я — много ль, мало ль, и сама не знаю я;
 Для меня отрада — песня или чарочка моя,
 И пока держать ту чарку силу мне дает Творец,
 Пью из ней твое здоровье, мой солдатик-молодец!

(Хор). Тра-ла-ла, тра-ла-ла,
 Ох, солдатик-молодец!

.

Кузнец победил — и упала
 В объятия старуха-красотка;
 Отчасти любовь в ней играла,
 Отчасти распарила водка.
 Скрипач, подмигнув остроумно,
 Согласья и мира желает
 Обнявшейся паре, и шумно
 Он кружку свою осушает
 Во здравье их на ночь!
 Тут крошка-Амур разыгрался;
 Метнул он стрелюю своею, —
 К замужней скрипач подобрался
 И начал амурничать с нею.
 Супруг, собеседник Гомера,
 Заметил — и грозною дланью
 Жену и ее кавалера

Развел он и крупную бранью
Их выругал на ночь!
Он — парень из самых веселых,
Какие встречались едва ли
И Вакху; в несчастьях тяжелых
Не знал он малейшей печали.
Желал одного — веселиться.
Томился — лишь жаждою вечной,
Одно ненавидел — крушиться.
И вот, вдохновенный, беспечно
Запел он здесь на ночь:

П е с н я

Певец не хитрый я, и песенка моя
В презреньи у вельмож и прочего такого;
Но пчелы вслед за мной везде летят толпой,
Как мчались по следам Гомера дорогого.

(Хор). Из-за этого, того,
Ну, и прочего всего,
Потерял одну я;
Двух успел я сохранить,
Недостатка, стало-быть,
В бабах не найду я
Для того и для сего
И для прочего всего.

Не знал я никогда, что значит Муз вода,
Кастальские ключи и прочее такое;
Но мой источник весь, кипя, струится здесь,
Парнаса моего здесь место дорогое.

(Хор). Из-за этого, того, и пр.

К красавицам я слаб; как неизменный раб,
Я чту их прелести и прочее такое.
Но долг священный мой — и Богу быть слугой;
Ослушаться Его — и грех и зло большое.

(Хор). Из-за этого, того, и пр.

Свиданья сладкий час! как ты чаруешь нас
Восторгами любви и прочего такого!
Но сколько дней любовь взаимно греет кровь —
Решают склонности того или другого.
(Хор). Из-за этого, того, и пр.

Ах, часто, часто как вводили нас впросак
Их шутки ловкие и прочее такое!
Но дайте лишь вина — и баба поймана!
Люблю я их за то, за се и за другое!

(Хор). Из-за этого, того,
Ну, и прочего всего
Потерял одну я;
Двух успел я сохранить,
Недостатка, стало-быть,
В бабах не найду я
Для того и для сего,
И для прочего всего!

Р е ч и т а т и в

Так пел певец — и стены дома
Тряслись от бешеного грома
Аплодисментов сотни рук;
Нейстово им вторят глотки —
И, чтоб добыть побольше водки,
Один снимает свой сюртук,
Тот очищает все карманы,
Другой разделся дочиста...
Сквозит повсюду нагота,
Но все зато мертвецки пьяны.

Перевод П. Вейнберга.

Веселые нищие

(Отрывки)

Листва набегом ржавых звезд
Летит на землю, и норд-ост
Свистит и стонет меж стволами,
Траву задела седина,
Морозных полдней вышина
Встает над сизыми лесами.
Кто в эту пору изнемог
От грязи нищенских дорог,
Кому проклятья шлют деревни:
Он задремал у очага,
Где бычья варится нога,
В дорожной воровской харчевне;
Здесь Нэнси нищенский приют,
Где пиво за тряпье дают.
Здесь краж проверяется опыт
В горячем чаду ночников.
Харчевня трещит: это топот
Обрушенных в пол башмаков.
К огню очага придвигается ближе
Безрукий солдат, горбоносый и рыжий,
В клочки изодрался багровый мундир.
Своей одинокой рукою
Он гладит красотку, добытую с бою,
И что ему холодом пахнувший мир.
Красотка не очень красива,
Но хмелем по горло полна,
Как кружку прокисшего пива,
Свой рот подставляет она.
И, словно удары хлыста,
Смыкаются дружно уста.

Смыкаются и размыкаются громко.
Прыщавые лбы освещает очаг.
Меж тем под столом отдыхает котомка —
Знак ордена Нищих,
Знак братства Бродяг.
И кружку подняв над собою,
Как знамя, готовое к бою,
Солодом жарким объят,
Так запекает солдат:

— Ах! Я Марсом порожден, в перестрелках окрещен,
Пощарапано лицо, шрам над верхнею губою,
Оцарапан — страсти знак! — этот шрам врубил тесак
В час, как бил я в барабан пред французскою толпою.
В первый раз услышал я заклинание ружья,
Где упал наш генерал в тень Абрамского кургана,
А когда военный рог пел о гибели Моро,
Служба кончилась моя под раскаты барабана.
Куртис вел меня с собой к батареям над водой,
Где рука и где нога? Только смерч огня и пыли.
Но безрукого вперед в бой уводит Эллиот;
Я пошел, а впереди барабаны битву били...
Пусть погибла жизнь моя, пусть костыль взамен ружья,
Ветер гнезда свил свои, ветер дует по карманам,
Но любовь верна всегда — путеводная звезда,
Будто снова я спешу за веселым барабаном.
Рви, метель, и, ветер, бей. Волос мой снегов белей.
Разворачивайся, путь! Вой, утроба океана!
Я доволен — я хлебнул! Пусть выводит Вельзевул
На меня полки чертей под раскаты барабана! —

Охрип или слов не достало,
И сызнова топот и гам,
И крысы, покрытые салом,
Скрываются по тайникам.
И та, что сидела с солдатом,
Над сборищем встала проклятым.
— Епсоче! — восклицает скрипач.
Косматый вздымается волос;

Скажи мне: то женский ли голос,
Шипение пива, иль плач?

— И я была девушкой юной,
Сама не припомню когда;
Я дочь молодого драгуна,
И этим родством я горда.
Трубили горнисты беспечно,
И лошади строились в ряд,
И мне полюбился, конечно,
С барсучьим султаном солдат.
И первым любовным туманом
Меня он покрыл, как плащом.
Недаром он шел с барабаном
Пред целым драгунским полком;
Мундир полыхает пожаром,
Усы палашами торчат...
Недаром, недаром, недаром
Тебя я любила, солдат.
Но прежнего счастья не жалко,
Не стоит о нем вспоминать,
И мне барабанную палку
На рясу пришлось променять.
Я телом рискнула, — а душу
Священник пустил напрокат.
Ну, что же! Я клятву нарушу,
Тебе изменю я, солдат!
Что может, что может быть хуже
Слюнявого рта старика!
Мой норов с военщиной дружен, —
Я стала женою полка!
Мне все равно: юный иль старый,
Командует, трубит ли в лад,
Играла бы сбруя пожаром,
Кивал бы султаном солдат.
Но миром кончаются войны,
И по миру я побрела.
Голодная, с дрожью запойной,
В харчевне под лавкой спала.

На рынке, у самой дороги,
Где нищие рядом сидят,
С тобой я столкнулась, безногий,
Безрукий и рыжий солдат.
Я вольных годов не считала,
Любовь раздавая свою;
За рюмкой, за кружкой удалой
Я прежние песни пою.
Пока еще глотка глотает,
Пока еще зубы скрипят,
Мой голос тебя прославляет,
С барсучьим султаном солдат! —
.....

Над языками фитилей
Кружится сажа жирным пухом,
И нищие единым духом
Вопят: — Давай! Прими! Налей!
И черной жаждою полно
Их сердце. Едкое вино
Не утоляет их, а дразнит.
Ах, скоро ли настанет праздник.
И воздух горечью сухой
Их напоит. И с головой
Они нырнут в траву поляны,
В цветочный мир, в пчелиный гуд.
Где, на кирку склоняясь, Труд
Стоит в рубахе полотняной
И отирает лоб. Но вот
Столкнулись кружки, и фагот
Заверещал. И черной жаждой
Пылает и томится каждый.
И в исступленном свете свеч
Они тряпье срывают с плеч;
Густая сажа жирным пухом
Плывет над пьяною толпой...
И нищие единым духом
Орут: — Еще, приятель, пой! —
И в крик и в запах дрожжевой
Певец бросает голос свой:

— Плещет жижей пивною
В щеки выпивки зной!
Начинайте за мною,
Запевайте за мной!
Королевским законам
Нам голов не свернуть.
По равнинам зеленым
Залегают наш путь.
Мы проходим в безлюдьи
С крепкой палкой в руках
Мимо чопорных судей
В завитых париках;
Мимо пасторов чинных,
Наводящих тоску!
Мимо... Мимо...
В равнинах
Воронье на-чеку.
Мы довольны. Вельможе
Не придется заснуть,
Если в ночь, в бездорожье
Залегают наш путь.
И ханже не придется
Похвалиться собой,
Если ночь раздастся
Перед нашей клюкой...
Встанет полдень суровый
Над раздольями тьмы,
Горечь пива иного
Уж попробуем мы!..
Братья! Звезды погасли,
Что им в небе торчать!
Надо в теплые ясли
Завалиться — и спать.
Но и пьяным и сонным
Затверди, не забудь:
— Королевским законам
Нам голов не свернуть!

Перевод Э. Багрицкого.

Голь гулящая.**КАНТАТА***(Отрывки)***Речитатив**

Когда, как рой нетопырей,
листву пожухлую Борей
по воздуху гоняет,
когда морозец молодой —
от инея уже седой
и за щеки щипает,
тут к Дусе-Нансе в поздний час
веселые галахи —
бродяжъя братья собралась
пропитья до рубахи.
Буянили, горланили
и пели кто о чем,
и хлопали, и топали,
аж плоски ходуном.

В мундире драном и с сумой
был тут служивый отставной,
у печки грелся жаркой,
и от сивухи окосев,
к солдату на колени сев,
забавилась сударка.
И целовал горюн в уста
свою хмельную люблю,
и, как за милостынькой, та
вновь подставляла губы.
И чокались, и чмокались
по десять раз подряд,
и вольную, раздольную
песнь затянул солдат.

Песня

(на мотив «Солдатская утеха»)

Я — Марсово отродье и раны мне в угодые —
их будто бы медали ношу всегда с собой.
За девку в бок пырнули, французы в грудь пальнули,
всадили мне две пули под барабанный бой.

Прошел науку рано — у бранного кургана,
где жизнь от смертной раны скончал бригадный мой,
но отслужил я скоро, когда мы без измора,
с напору взяли Моро под барабанный бой.

На флоте очутился и там я поплатился
солдатской чести ради рукою и ногой.
Но знай, страна родная, — на клюшке ковыляя,
Коль надо, в строй я стану под барабанный бой.

Пусть нынче — я бродяжка, пусть с костылем и тяжко,
зато сума да фляжка, да женка есть со мной.
Так мне и горя мало, хожу я, как бывало
ходил в мундире алом под барабанный бой.

Пускай в тряпье убогом шатаюсь по дорогам
И сплю порой под стогом, пусть волос стал седой!
Не хаю жизнь такую: с бутылкой потолкую,
так хоть и черта вздую под барабанный бой!

Речитатив

Он кончил. Крыша затряслась
От рывкнувшего хора.
Две крысы, в ужасе мечась,
Едва укрылись в норы.
Скрипач бродячий тот же час
Солдату крикнул: фора!
Но тут сударка поднялась
И все затихло скоро.

Песня

(на мотив «Красавец-солдат»)

И я была в девках, когда — не скажусь!
А все как бывало с парнями вожусь.
С драгуном мамаша спозналась когда-то,
так диво ль, что жизнь мне не в жизнь без солдата?

Эх, пой да гуляй и т. д.

Был первенький мой, что цветочек румян,
по должности лихо стучал в барабан,
ядренный — что репка, одет франтовато,
так можно ль не быть без ума от солдата?

Эх, пой да гуляй и т. д.

Потом подвернулся мне поп полковой,
хоть старенький попик, да славный такой.
Коль душу он на кон, так плотью отплата!
Тут я и сбегла от красавца-солдата.

Эх, пой да гуляй и т. д.

С блажным запивохой соскучилась я,
весь полк, почитай, перебрала в мужья.
Уж больно слаба я до ихнего брата,
подай мне и только — красавца-солдата!

Эх, пой да гуляй и т. д.

А как замирились, пошла я с сумой
да мне повстречался любезненький мой.
Калека, мундир — на заплате заплатата!
Вдругорядь влюбилась я с горя в солдата.

Эх, пой да гуляй и т. д.

Я жизнь, почитай, уж скончала свою,
а все за компанию пью да пью.
И ежели чаркой бываю богата,
так пью за здоровье героя-солдата.

Эх, пой да гуляй и т. д.

.....

Речитатив

За ним вослед бой-баба встала.
Она в колодках побывала,
за то, что было ей с руки
удить в карманах кошельки.
Мужик у ней был парень ловкий,
да плакала по нем веревка.
И вот теперь на весь кабак
запричитала баба так:

Песня

(на мотив: «Ох, помер ты, хозяин мой!»)

Из горцев мой кормилец был,
с законом сроду не дружил,
но родовé был верен он,
мой голубь, храбрый горец Джон.

Хор

Ай да мой храбрый горец Джон!
Эх да мой смелый горец Джон!
Смелее всех в краю был он,
статнее всех был горец Джон!

Бывало, как накинёт плед,
так девкам ажно спасу нет!
И даже важных мужних жен
присушивал мой голубь Джон.

Ай да мой храбрый горец Джон и т. д.

Мы с ним видали Твид и Спей,
как बारे жили мы, ей-ей!
Ни в грош не ставил он закон,
мой голубь, храбрый горец Джон!

Ай да мой храбрый горец Джон и т. д.

Его за это под весну
сослали в дальнюю страну,

но по весне из тех сторон
он прилетел, мой голубь Джон.

Ай да мой храбрый горец Джон и т. д.

Талану не было ему —
споймали, кинули в тюрьму.
Растак их в душу и в закон!
Пошел на виселицу Джон.

Ай да мой храбрый горец Джон и т. д.

И вот вековую я вдовой,
и нет утехи никакой!
И не забыть мне тех времен,
когда был жив родимый Джон!

Ай да мой храбрый горец Джон и т. д.

Р е ч и т а т и в

Ее могучие плеча
пленили карлу-скрипача,
и он, у чресл ее торча
(быв ей по пузо),
пылал и таял, как свеча,
сей служка Музы.

Орфей базарный, руку в бок,
взор возведя под потолок,
попробовал свой голосок
на лад веселый
и вдруг, задору подпустив,
на джиги удалой мотив
запел он соло.

П е с н я

(на мотив «Будь оно, что будет!»)

Почто ты слезы льешь с тоской?
Пойдем-ка, лапушка, со мной

и горе снимет как рукой
и будь оно что будет!

Х о р

Брожу со скрипкою своей
и всех напевов веселей
для матерей и дочерей —
ах, будь оно что будет!

На свадьбах станем мы играть,
с кумой Бедою попить,
а попивая напевать:
Эх, будь оно что будет!
Брожу и т. д.

В богатстве что нам за корысть!
Милей на воле кости грызть.
Без воли нам и жисть не в жисть.
А, будь оно что будет!
Брожу и т. д.

Век проживу я скрипачом
и ежели вожу смычком,
мне голод-холод нипочем
и будь оно что будет!
Брожу и т. д.

Р е ч и т а т и в

Глядит на вдовью благодать
цыган, детина дюжий.
Он карлу за бороду хватить
и ну его утюжить!

Клянется, что ему проткнет
кишки своей шпажкой,
когда не перестанет тот
ухлестывать за женкой.

Тут сэр Скрипач пустился в плач
и в три дуги сгибался.
Цыганский пыл тотчас остыл
и карла жив остался.

Но убивался, видя, как
цыган бабенку лапал,
и он, хихикая в кулак,
кропил слезами на пол.

П е с н я

(на мотив «Котлы лудить»)

Душа моя! Лудильщик я
и человек безбедный,
свет повидал и был удал,
служба по части медной.
Нанялся в полк, да что за толк
брать деньги без обмана,
и я опять—марш-марш паять:
ищи-свищи цыгана!

Нанялся в полк и т. д.

Нигде ни в чем со скрипачом
тебе не будет фарту.
Струментик мой всегда со мной
да медницкий мой фартук.

Вот сулея — любовь моя
и вера и надёжа.
Уж как-никак, а на сивак
деньга найдется тоже.

Вот сулея и т. д.

П е с н я

(на мотив «Пей до гроба,
человече!»)

Круговая ходит чаша.
Веселись, кабацкий люд!

Зачинайся, песня наша!
Пусть со мною все поют!

Х о р

По законам мы не тужим —
Воля — вот что любо нам!
Суд одним лишь трусам нужен,
церкви милы лишь попам.

На кой ляд искать нам чина?
Не беда — свистать в кулак,
коль живем мы без кручины,
все едино, где и как.

По законам мы не тужим и т. д.

Днем в дороге озоруюем,
колобродим без конца,
по ночам—зазноб милуем,
подстеливши им сенца.

По законам мы не тужим и т. д.

В колымагах нам негоже
по дорогам разъезжать,
а на чинном брачном ложе
неприлично нам лежать.

По законам мы не тужим и т. д.

Жизнь — как том тяжеловесный,
толков в нем не перечеть.
Тот толкуй о жизни честной,
кто попал в чины и в честь.

По законам мы не тужим и т. д.

Вздевши сумки, взявши клюшки,
двинем, братцы, снова в стынь!
Славьтесь, женки! Славьтесь, шлюшки!
И крапивники! Аминь!

Перевод С. Петрова.

Иван Ерофеич Хлебное-зернышко**Баллада**

Были три царя на Востоке,
Три царя сильных и великих;
Поклялись они, бусурманы,
Известь Ивана Ерофеича Хлебное-зернышко.

И вырыли они глубокую борозду, да и бросили его в нее,
И навалили земли на его головушку;
И клялись они, бусурманы,
Что извели Ивана Ерофеича Хлебное-зернышко.

Но как скоро пришла светлая веснушка,
И полились теплые дожди,
Иван Ерофеич Хлебное-зернышко встал из могилы
К великому страху нехристей.

А когда засветило летнее солнышко,
Он возмужал, стал толст и силен,
И голова его вооружилась острыми копьями,
Так, что он никого не боялся.

Но послали осенью цари бусурманские злую колдунью,
От колдовства которой он поблек и пожелтел:
Его подкосившиеся коленки, его поникшая головка,
Показывали, что пришел ему конец.

Цвет его исчезал боле и боле,
Стал он, родимый, хил и стар:
Тогда-то враги его, бусурманы,
Напали на него с бешенством.

Взяли они, окаянные, меч кривой и острый,
И подрезали ему колени,
И, связав накрепко, бросили в телегу
Как вора или разбойника.

Положили его на спину,
И давай колотить дубинами,
А потом еще повесили его, беднягу,
И ворочали во все стороны.

Наконец налили большую кадку
Водюю полно-полнехонько,
И бросили туда Ивана Ерофеича Хлебное-зернышко:
Пусть его утонет, сгинет, пропадет!

Но нет, раздумали: вынули его из воды,
И положили на доске, чтоб еще помучать:
Как вот он опять оживает!
Они начали его таскать и трясти,

Да жарить на огне, чтоб весь мозг
Иссушить в костях его.
Но один мельник более всех их сделал ему худа:
Он ему все косточки измял, изломал, меж двух камней.

Тогда выжали они кровь из его сердца,
И начали все пить кровь его:

И чем более пили его кровь,
Тем веселее становились.

Потому что Иван Ерофеич был славный богатырь,
И рыцарь хоть куда!
И тот, кто вкусит его крови,
Мигом делается сам храбрецом!

Кровь его заставляет забыть все горе,
И радость будит в сердце:
От нее и вдова станет смеяться,
Хоть бы у ней были слезы на глазах.

Да здравствует Иван Ерофеич!
Наполним в честь ему стаканы,
И пожелаем, чтобы его потомство
Всегда жило и здравствовало в Шотландии.

Перевод О. Сенковского (?) .

Джон ячменное зерно

Когда-то сильных три царя
Царили заодно —
И порешили: сгинь ты, Джон
Ячменное Зерно!

Могилу вырыли сохой,
И был засыпан он
Сырой землею, и цари
Решили: сгинул Джон!

Пришла весна, тепла, ясна,
Снега с полей сошли.
Вдруг Джон Ячменное Зерно
Выходит из земли.

И стал он полон, бодр и свеж
С приходом летних дней;
Вся в острых иглах голова —
И тронуть не посмей!

Но осень томная идет...
И начал Джон хиреть,
И головой поник — совсем
Собрался умереть.

Слабей, желтее с каждым днем,
Все ниже гнется он...
И поднялись его враги...
«Теперь-то наш ты, Джон!»

Они пришли к нему с косой,
Снесли беднягу с ног
И привязали на возу,
Чтоб двинуться не мог.

На землю бросивши потом,
Жестоко стали бить;
Взметнули кверху высоко —
Хотели закружить.

Тут в яму он попал с водой
И угодил на дно...
«Попробуй, выплыви-ка, Джон
Ячменное Зерно!»

Нет, мало! взяли из воды
И, на пол положа,
Возили так, что в нем едва
Держалась душа.

В жестоком пламени сожгли
И мозг его костей;
А сердце мельник раздавил
Меж двух своих камней.

Кровь сердца Джонова враги,
Пируя, стали пить,

И с кружки начало в сердцах
Ключом веселье бить.

Ах, Джон Ячменное Зерно!
Ты чудо-молодец!
Погиб ты сам, но кровь твоя —
Услада для сердец.

Как раз заснет змея-печаль,
Все будет трын-трава...
Отрет слезу свою бедняк,
Пойдет плясать вдова.

Гласите хором: «Пусть вовек
Не сохнет в кружках дно,
И век поит нас кровью Джон
Ячменное Зерно!»

Перевод М. Михайлова.

Джон Ячменное Зерно

Три короля из трех сторон
Решили заодно:
— Ты должен сгинуть, юный Джон
Ячменное Зерно!

Погибни, Джон, — в дыму, в пыли,
Твоя судьба темна!
И вот взрывают короли
Могилу для зерна...

Весенний дождь стучит в окно
В апрельском гуле гроз, —
И Джон Ячменное Зерно
Сквозь перегной пророс...

Весенним солнцем обожжен
Набухший перегной, —
И по ветру мотает Джон
Усатой головой...

Но душной осени дано
Свой выполнить урок, —
И Джон Ячменное Зерно
От груза занемог...

Он ржавчиной покрыт сухой,
Он — в полевой пыли...
— Теперь мы справимся с тобой!
Ликуют короли...

Косою звонкой срезан он,
Сбит с ног, повергнут в прах,
И скрученный веревкой Джон
Трясется на возах...

Его цепами стали бить,
Кидали вверх и вниз, —
И, чтоб вернее погубить,
Подошвами прошлись...

Он в ямине с водой — и вот
Пошел на дно, на дно...
Теперь, конечно, пропадет
Ячменное Зерно!..

И плоть его сожгли сперва,
И дымом стала плоть.
И закружились жернова,
Чтоб сердце размолоть...

.

Готовьте благородный сок!
Ободьями скреплен
Бочонок, сбитый из досок,
И в нем бунтует Джон...

Три короля из трех сторон
Собрались заодно, —
Пред ними в кружке ходит Джон
Ячменное Зерно...

Он брызжет силой дрожжевой,
Клокочет и поет,
Он ходит в чаше круговой,
Он пену на пол льет...

Пусть не осталось ничего,
И твой развеян прах,
Но кровь из сердца твоего
Живет в людских сердцах!..

Кто, горьким хмелем упоен,
Увидел в чаше дно —
Кричи:
— Вовек прославлен Джон
Ячменное Зерно!

Перевод Э. Багрицкого.

Молитва святого Вилли

1

Господь мой, сущий в небесах,
Ты, чья десница без помех
Шлет этих в светлый рай, а тех —
 В мрак бездны преисподней,
Не за добро или за грех
 А милостью господней!

Хвали творца, душа моя,
Он вызвал из небытия, —
И вот на свет явился я, —
 Чтоб жить других безгрешней,
Как некий светоч, свет лия,
 По всей округе здешней.

Что значу я и весь мой род?
За что подобный мне почет,
Мне, кем проклятья тяжкий гнет
 Заслужен до рожденья,
Что нас пять тысяч лет гнетет
 Из-за грехопаденья?

Едва открыл я детский взгляд,
Как свергнуть мог меня ты в ад,
Где дождь огня и серы град,
 Плач и зубовный скрежет,
Где черти воют и вопят
 И цепь их больно режет...

2

Однако избран я творцом
Служить для прочих образцом,
Стать храма истинным столпом,
 Уроком чувств примерных,
И быть щитом, и быть вождем
 Для целой паствы верных.

Ты знаешь, милосердный бог,
Как к пьянству, к ругани я строг,
Как ненавистен мне порок
 Да игры с песней, с пляской,
Я избегать их дал зарок,
 Смотрю на них с опаской.

Но все ж, признаюсь я, господь,
Подчас меня смущает плоть,
И может жало уколоть
 Земного вожделенья,
Но как врага нам побороть?
 Мы — прах, добыча тленья!

Вчера... о, дьявольская сеть!..
Я с Мег... Но милостью ответь:
Не дай в стыде мне умереть —
 Тогда я безусловно
Не занесу над нею впредь
 Своей ноги греховной.

3

Сознаться мне еще трудней:
С девчонкой Лиззи я, злодей,
Три раза... Но вина пьяней
 В тот день был я, презренный;
Не то не спутался бы с ней
 Твой верный раб смиренный!

Но воля, может быть, твоя,
И похотью терзаюсь я,
Чтоб чистотою бытия
 Не вздумал возгордиться?
Коль так, — до гроба бытия
 Рази твоя десница!

Спаси избранников своих:
У нас в селе немало их!
Но грянь на болтунов пустых,
 Господь, и уничтожь их,
Чтоб не стыдили чад твоих,
 Поистине слуг божьих!

Вот, например, Джон Гамильтон:
Играет, пьет, божится он,
Но им и стар и млад пленен:
 И речью сладкогласной
Сердца людей смущает Джон —
 Он церкви враг опасный!

4

Как не карать его проказ?
Ты веси, боже, что не раз
Посмешищем он делал нас
 И всю деревню нашу!
Так прокляни его запас,
 Картошку, щи и кашу!

Услыши, господи, мой зов!
Ты эйрских разрази попов,
Пусть будет твой удар суров,
 Не зная состраданья,
И не щади их медных лбов
 За все их злодеянья!

А Эйкин с гладким языком!..
Дрожу я, вспомнивши о том,
Как мы стояли все кругом
 И так тряслись от страха,
Что, верно, не на мне одном
 Вспотела вся рубаха!

В день мести, праведной твоей,
Господь, ты всех его друзей
Не пощади, не пожалей,
 Не внемли их моленью,
Но ради нас их всех скорей
 Подвергни истребленью!

Меня же и домашних всех
Небесных не лиши утех,
Но и земной нам дай успех
 И всех превыше долю.
И славен будь на небесах,
Аминь, аминь глаголю!

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Смерть и доктор Горнбук

1.

Есть много книг, в которых сплошь
От А до ижицы — все ложь.
Знавал и в жизни я вельмож,
 Чья речь полна
Цитат из Библии, и все ж
 В ней — ложь одна.

2.

Но я хочу, должны вы знать,
Одну лишь правду рассказать.
И чорта можно отрицать,
 Покуда ночью
Не привелось вам увидеть
 Его воочью!

2—3.

Я засиделся вечерком
С Горнбуком, старым звонарем.
Он и людей лечил притом.
 (Для прокормленья
Заняться лишним ремеслом
 Не преступленье!)

3.

Домой я шел, чтоб лечь в постель.
Во мне шумел веселый хмель,

Но пьяным не был я, хоть эль
И был на славу;
Я всю дорогу помнил цель —
Не слечь в канаву.

4.

Меж тем луна уже взошла
И на холмы свой свет лила.
В ту ночь рогов ее числа
Я счесть не мог:
О четырех она была,
Не то о трех.

5.

За тем холмом, где поворот
К плотине мельничной идет,
Пришлось пустить мне палку в ход:
Я стал спускаться
И шаг за шагом лишь вперед
Мог подвигаться.

6.

Как вдруг, с трезубцем и с косой,
Я вижу призрак пред собой.
Признаться, стал я сам не свой
От этой встречи,
Хоть был мне призрак роковой
Едва по плечи.

7.

И вот ведь, странная черта:
Он был — совсем без живота,
А тощих ног его чета
Имела сходство
С двумя узлами из жгута.
Ведь вот уродство!

8.

Я начал: — Смею ли спросить:
Мы только стали бронить,
А вы — хотите уж косить?
 Но тень ни слова.
-- Нам по дороге, может быть? —
 Спросил я снова.

9.

— Я Смерть! — сказал тогда скелет:
Но не пугайся! — Я в ответ:
— Вы не за мной ли? Мой совет —
 Не подходите!
Добром прошу вас! Если ж нет,
 Вот нож, глядите!

10.

— Приятель, спрячьте ножик свой!
К чему вам ссориться со мной? —
Сказала Смерть: — Мне вас долой
 С земли убрать —
Легко, как плюнуть. Лучше в бой
 Нам не вступать!

11.

— Ну, что ж, — сказал я: — по рукам!
Присядем здесь. Я рад вестям,
А их известно много вам;
 По крайней мере,
В эти дни то тут, то там
 Стучитесь в двери.

12.

— Да, да, — кивая головой,
Сказала Смерть: — своей косой

Давно кошу я род людской.
Чтоб прокормиться,
И я, как люди, день-деньской
Должна трудиться.

13.

Прошло почти шесть тысяч лет,
Как начала я чистить свет;
Со мною сладу людям нет,
И лишь теперь
Горнбук нанес мне сильный вред
И ряд потерь.

14.

Ведь он (чтоб дьявол в порошок
Его скорее истолок!)
Во всех лечебниках знаток.
Совсем беда мне:
В меня и крохотный сморчок
Кидает камни!

15.

Своим трезубцем и косою
Всегда справлялась я с толпой,
Но сталь их сделали тупой
И бесполезной
Искусство лекаря с рукой
Его железной.

16.

Вчера больному нанесла
Такой удар я, что могла
Людей сгубить им без числа;
Что ж оказалось?
Ведь у него вся кость цела
Почти осталась!

17.

Неурашим и полон сил,
Горнбук больного сторожил —
И мне трезубец иступил:
 Он стал — хоть брось!
И кочана б он не пробил
 Теперь насквозь!

18.

Тогда, досаду затая,
Схватила косу в руки я—
И зазубрила лишь края...
 Все было даром!
Скорей скалу рука моя
 Снесла б ударом!

19.

Порой он даже не пойдет
Смотреть больного, если тот,
Сходив в капустный лист, пришлет
 Его Горнбуку:
Он и по нюху пустит в ход
 Свою науку.

20.

К своим услугам он собрал
Весь медицинский арсенал
(Как «Отче наш», его он знал),
 Ланцеты, пилки,
Всех видов режущий металл,
 Всех форм бутылки.

21.

Морская соль, настой рожков,
Запас различных порошков:
Кора и глина всех сортов,
 Толченный мел,
Труха поджаренных бобов —
 Он все имел.

22.

А сколько средств последних дней!
Uginus spiritus¹ мышей,
Экстракт из усиков клещей,
 С золой растертых.
И ряд подобных же вещей
 Стоял в ретортах.

23.

— «Но, если так, дождется бед
Могильщик скоро!» я в ответ:
«Ведь не пройдет и двух-трех лет,
 Как мы кладбище
Начнем пахать... Бедняга Гед!
 Ты — скоро нищий!»

24.

Скелет, залившись смехом, вдруг
Сказал: — Не так-то скоро, друг,
Избороздит кладбище плуг!
 Иного рода
В нем ям подбавится вокруг
 Чрез два-три года.

¹ Моча (лат.)

25.

На одного, что я убью,
Горнбук — я клятву в том даю —
Покончит разом с двадцатью;
Его пилюли
Уложат целую семью
Вернее пули.

26.

Тяжелый на руку портной
Неосторожен был с женой;
Купил он мази, чтоб больной
Полегче стало:
Легла та с болью головной,
Да и не встала!

27.

Крестьянин резью заболел;
Сын двух овец не пожалел
И у Горнбука взять сумел
Такое средство,
Что очень скоро сам успел
Вступить в наследство.

28.

Напиток скверный вздул живот
У честной девушки; и вот
К Горнбуку бедная идет:
Тот скрыл позор,
Да так, что век уж не найдет
Ее наш взор.

29.

Вот образец приемов тех,
Какие создали успех
Горнбуку. Слишком уж, на грех,
Он деньги любит:
Отбив моих клиентов всех,
Он сам их губит.

30.

Но — ждать не долго! Я не лгу
(Пока об этом — ни гугу!),
Что хвастунишку съесть могу
Я, как селедку...
При первой встрече с ним, врагу
Зажму я глотку.

31.

Тут голос призрака глухой
Прервал часов церковных бой;
Уж было за полночь. Домой
Я зашагал,
А призрак Смерти за горой
Вдали пропал.

Перевод Н. Новича.

Привет поэта своему незаконному ребенку

Привет, дитя, жсланной будь!
И пусть посмест кто-нибудь
Меня смутить иль отпугнуть
 От прав моих отцовских:
Я не стыжусь тебя ничуть,
 Нет, я не из таковых.

Ты вся в красотку-мать, нет слов:
И я любить тебя готов,
Принять тебя под отчий кров
 И так тобой гордиться,
Как будто весь собор попов
 Помог тебе родиться.

Пусть я зовусь прелюбодей,
Пусть я соблазн деревне всей, —
Чем больше толков меж людей,
 Тем буду я заметней:
Я не намерен, хоть убей,
 Смущаться бабьей сплетней!

О, битв веселых сладкий плод!
Пожалуй, труд мой пропадет:
Ведь незаконный твой приход
 Синклит глупцов осудит...

Но мой последний грош вперед
С тобою в долю будет.

Лишь вырастай такой, как я.
Хочу, чтоб вышла дочь моя, —
Тогда я дам тебе любя
И нежность, и охрану,
Лелея твой расцвет, себя
Считать счастливым стану.

Лишь унаследовать сумей
Всю прелесть матери своей
И ум отца (но не имей
Отцовских заблуждений!),
И это будет мне милей
Богатства и имений.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

**К полевой мыши,
разоренной моим плугом
(В ноябре 1785)**

Трусливый серенький зверек!
Велик же твой испуг: ты ног
Не слышишь, бедный, под собой.
 Поменьше трусь!
Ведь я не зол — я за тобой
 Не погонюсь.

Увы! с природой наша связь
Давно навек разорвалась...
Беги, зверек, хоть я, как ты,
 Жилец земли
Убогий: сам терплю беды,
 Умру в пыли.

Воришка ты; но как же быть?
Чем стал бы ты, бедняжка, жить?
Неужто колоса не взять
 Тебе в запас,
Когда такая благодать
 В полях у нас?

Твой бедный домик разорен;
Почти с землей сровнялся он...
И не найдешь ты в поле мхов
 На новый дом;
А ветер, грозен и суров,
 Шумит кругом.

Ты видел — блекнули поля,
И зимних дней ждала земля;
Ты думал: «Будет мне тепло,
Привольно тут».
И что же? плуг мой нанесло
На твой приют.

А скольких стоило хлопот
Сложить из дерна этот свод!
Пропало все — и труд и кров;
Нигде вокруг
Приюта нет от холодов,
От белых вьюг.

Но не с тобой одним, зверск,
Такие шутки шутит рок!
Неверен здесь ничей расчет:
Спокойно ждем
Мы счастья, а судьба несет
Невзгоду в дом.

И доля горестней моя:
Вся в настоящем жизнь твоя;
А мне и в прошлом вспоминать
Ряд темных лет
И с содроганьем ожидать
Грядущих бед!

Перевод М. Михайлова.

Две собаки

Есть небольшой шотландский островок,
Носящий короля старинного названьс
(О Койле-короле еще живет преданьс).
Был ясный летний день, прошел полудня срок,
Когда два пса до дому пробирались
И на пути случайно повстречались.

Один из них вельможи сытый пес,
Для барского живущий развлеченья,
По кличке Цезарь был. Он гордо хвост свой нес,
И каждый смело делал заключеньс,
Смотря на склад его от головы до ног,
Что он шотландскою собакой быть не мог,
А родился далеко очень где-то.

На нем ошейник медный был надет
С замком и буквами; то лучшая примета,
Что он учен, и знает жизнь, и сыт.
Породистый и статный, он, однако,
Не чванился породой дорогой:
С ним поболтать могла часок-другой
Забитая цыганская собака.

На рынке иль у мельницы, подчас,
Увидя, что бежит дворняшка собачонка,

Приветствуя ее, начнет он лаять звонко
И с нею болтовню заводит каждый раз.
Другой же пес, веселый, умный, рьяный,
Принадлежал крестьянину давно
И жил с ним словно с другом, заодно
Служа ему забавой и охраной.
Собаку эту Лютом все зовут:
Ее хозяин, Бог весть почему-то,
Ей некогда придумал кличку Люта.

Понятливый, проворный, верный Лют
Скакал чрез рвы и разные преграды,
Все понимал, едва ему мигнут,
И Люту все в деревне были рады.
Мохнатая, волнистая спина
У пса была блестяща и черна,
Грудь белая, и тонкой шерсти пряди
Его хвоста вились красиво сзади.

Друг друга псы любили, и о том,
Что в мире удавалось им пронюхать,
Потолковать минуточку одну хоть,
Помахивая весло хвостом,
Они любили также, но уныло
Они сошлись теперь, и видно было,
Что у друзей не радость на уме
(Они устали, время шло к обеду).
И вот, усевшись рядом на холме,
Они о людях начали беседу:

Цезарь.

Дивился я не раз, любезный Лют,
Тому, как ты, тебе подобные живут,

И, роскошь испытав, вздыхаю иногда я,
За вашей горькой долей наблюдаю.

Наш лорд тебе известно, как живет
В довольстве и тепле, что вздумал — ест и пьет,
По колокольчику бежит к нему прислуга,
Захочет — встал, захочет — спать он лег,
И золотом всегда наполнен туго
Его, как хвост мой, длинный кошелек.

За разную стряпней, печеньем и вареньем
Хлопочут повара у нас всегда.
Сперва за стол садятся господа,
Потом вся челядь ест с остервененьем
Господские объедки; даже тот,
Наш конюх, запаршивевший урод,
Обедает сытней, чем фермер всякий.
Что ж до того, что ест и пьет бедняк
В убогой хижине — я не пойму никак...
Гораздо лучше даже быть собакой.

Лют.

Да, Цезарь, наш несчастный селянин,
Ворочая камнями для плотин,
Копая рвы, работою тяжелой,
Не разгибая до ночи спины,
Хлеб черствый добывает для жены
И для семьи несчастной, полуголой —
Всех надобно обути и приодеть,
От скудной платы как сберечь излишек;
Когда ж ему случится заболеть —
Бог ведаст, чем накормить мальчишек;

Казалось, им тут и околоть,
Но видно, их судьба хранит на свете:
Растут и здоровают эти дети.

Цезарь.

Зато в каком пренебреженьи вы!..

.....
Во мне все сердце кровью обливалось,
Когда, порой, мне слышать удавалось,
Как фермеров несчастных поносил
Наш управляющий: ногами в землю бил,
Имущества последнего лишал их,
И бедняков измученных, усталых,
Запуганных, вид безнадежен был.
Богач живет, ничем не озабочен,
А бедные, скажи, несчастны очень?

Лют.

Да, но не так, как думаешь, друг, ты.
Жизнь не легка для них от нищеты,
Но так они привыкли к ней, что мало
Она пугать и устрашать их стала.
Им улыбается и счастье иногда,
Когда спины хоть день им гнуть не надо:
Ведь после бесконечного труда
Досуга час — есть лучшая отрада.
В конце рабочего и трудового дня
Семья и дети — вот их утешенье,
Им дорога малюток болтовня.
Они за кружкой пива в воскресенье
Толкуют о делах своей страны,
О том, что новые налоги быть должны,
Хотя и так конца нет всем налогам...
Так с грустью бедняки беседуют о многом.

Когда ж настанет осень, за серпы
Крестьянин честный весело берется,
И звонко смех веселый раздается,
И сыплются остроты из толпы.
Любовь и жизнь!.. Невзгоды все забыты...
Когда ж настанет ночь под новый год,
Запрут крестьяне двери у ворот:
— «Жена! Скорее пива нам неси ты!..»
Кричат мужья, и трубки их дымят,
И старики о прошлом говорят,
И слышен хохот доброй молодежи,
Так, что я сам развеселяюсь тоже...
И ласм отвечаю на их смех.
Но все ж ты прав, — скрывать мне для чего же? —
Нередко с бедняком случается тот грех.
Что он дотла приходит в разоренье,
И расхищает все сго именье
Пройдоха, негодяй какой-нибудь,
Чтоб этим проложить скорейший путь,
К вельможе именитому пригреться
И в душу заползти к нему ужом,
Чтобы в парламент английский потом
Для блага всей Британии втереться.

Цезарь.

Ну, нет, мой друг, ты в этом не силен;
О благе тут не может быть и речи.
Прихвостник сильных лордов, может он
Менять свой взгляд при каждой новой встрече,
Он шляется по гульбищам, кутит,
Заклады держит, пьянствует в кредит,
Без пошлости не делает ни шагу,
Иль отправляется через Кале иль Гагу
Свет посмотреть в Париж или Мадрид —

Проматывать отцовские именья,
На бой быков взглянуть для развлечения,
Испанке на гитаре побренчать,
В Венеции в гондоле прокатиться
И силу вод немецких испытать,
Чтоб, разжирев, в отчизну воротиться,
Чтоб смыть с себя лобзаний ваших след,
Италии прекрасные сеньоры...
О благе Англии не говори же — нет!
Не от таких людей ей ожидать опоры;
Они ее несчастье и позор...

Лют.

Так вот на что мотают с давних пор
Свои доходы эти щелкоперы!
Так вот куда идут те медные гроши,
Оторванные прямо от души
Голодных бедняков!

Беспутные столицы!..

Ужели жизнь спокойная в глуши,
Где пышные не мчатся колесницы,
Скучнее жизни бешеных столиц?..
Средь поселян есть много честных лиц,
И бьется сердце честное в их груди.
Что за беда, что в зиму эти люди
Порубят лес хозяйский иногда,
Подстрелят зайца — экая беда! —
Иль над любовницей владельца посмеются...

Но расскажи мне, Цезарь, как живут
Богатые? Им неизвестен труд,
От холода счастливы не трясутся...
Чай, горь им не снится и во сне?

Цезарь.

Ну, нет, мой друг. Когда б, подобно мне,
Ты их узнал, ты думал бы иначе.
Они не мерзнут в холод, словно клячи,
Работая, не надрывают спин
И доживают мирно до седин;
Но люди уж так глупы от рожденья:
Их хоть воспитывай и вздумай обучать,
Иль сами для себя придумают мученья,
Иль станут друг на друга нападать,
Тем больше одержимые тоскою,
Чем менше для жалоб есть причин...
Окончивши работу за сохою,
В семью спешит довольный селянин;
Красавица, сидящая за прялкой,
Хочет весело, осилив труд денной,
Но у господ и барынь всех — иной
Удел в довольстве, в жизни праздно-жалкой:
Они слоняются без цели целый день
Усталые, — им жить и думать лень,
Они больны болезнию особой —
Тоскою, перемешанной со злобой,
Их сон тяжел, их вечная хандра
На все балы, собранья, вечера —
Где роскошь, блеск и волны аромата —
Бредет за ними нынче, как вчера,
Всегда, везде... И в оргиях разврата
Стараются спастись от тоски
И юноши и даже старики,
От грязных ласк и от вина пьянея;
А утром жизнь еще для них пошлее.

Разряженных красавиц ходит ряд...
О чем они, однако, говорят?

Для них нет клеветы, нет сплетни неприличной,
И с любопытством, с жадностью обычной
Они скандалы ловят на лету,
А по ночам со взглядом воспаленным
Азартную игру ведут на чистоту,
В ущерб своим поместьям разоренным,
На карту ставя фермера гумно,
И горе бедняка развратникам смешно.
Конечно, не во всех такое возвращенье,
Есть исключения, но я скажу одно,
Что очень редки эти исключенья...

Но солнце уж спустилось за горой,
И сумерки росли на небосклоне;
Жук зажужжал вечернею порой,
И замычали жалобно в загоне
Усталые коровы. Небеса
Синели, стали звезды разгораться...
Тогда, встряхнувши шерстью, оба пса
С мест поднялись, готовые сознаться,
Что человек несчастнее собак,
И разошлись, но порешили так,
Чтобы на днях опять им увидаться.

Перевод Д. Минаева.

Две собаки

В шотландском уголке одном,
Что бухтой Олдкинг мы зовем,
В безоблачный июньский день,
Когда уж удлинялась тень,
Два пса, не занятые дома,
Сошлись как добрых два знакомых.
Один — по кличке Цезарь; он
Беспечно жил при знатном лорде:
Судя по росту, шерсти, морде,
Был родом из чужих сторон,
Куда мы посылаем лодки
На лов трески или селетки.
Ошейник с буквами, блестящий,
С замком — все выдавало в нем,
Что джентльмен он настоящий
И образованный притом.
Но хоть породой вроде лорда,
Держал себя отнюдь не гордо:
Ласкался он к любой дворняжке,
С «Цыганкой» ел из той же чашки,
На рынке ль, в кузне, где угодно,
С любой собакою безродной
Встречался он как друг и брат,
С ней рыскать по холмам был рад.
Другим владел один крестьянин:
Рифмач, безумец, нравом странен,
Его в друзья себе избрав,
Он кличку дал ему «Люаф»,
Псу из старинной песни в честь,

Сложенной кем, когда — бог весть.
Умней, верней — навряд ли колли
Еще скакал по лужам в поле:
Своей веселой мордой честной
Снискал друзей он повсеместно.
С пятном на лбу и с грудью белой,
Шерсть черная, как шелк, блестела,
Колечком завит хвост задорный,
По ляжкам бил его проворно.
Псы были дружны меж собой:
Их не разлить бы и водой.
Носились вместе по откосам
И рылись дружественно носом,
Гоня кротов из их норы,
Дразня друг дружку для игры.
Но утомясь от беготни,
Уселись на холме в тени
И тут пустились в рассужденья
По поводу «венца творенья».

Цезарь

Люаф почтенный, я не раз
Дивился: что за жизнь у вас,
У бедных псов, таких, как ты:
И как живут средь нищеты?..
Наш лорд все получает в срок:
Дичь, уголь, топливо, оброк.
Встает, когда он сам захочет,
Чуть позвонит, лакей подскочит...
Коня ль, карету ль подают:
Кошель он вынимает тут,
Длиной в мой хвост, битком набит,
В нем золотой Георг сквозит...
С утра у нас весь день подряд
Пекут и жарят, и варят.
Хоть первый господам черед,

Но здорово и дворня жрет!
Рагу да соусов — всего,
Ну, прямо грех и мотовство!
Пикер наш — чорт его возьми! —
Несчастный карлик меж людьми,
А слопает в обед поболе
Любого землепашца в поле.
Но чем мужик набьет желудок,
Не постигает мой рассудок!

Люаф

Да, Цезарь!.. Плохо им, нет слов,
Копать в воде по пояс ров,
Из камней класть в грязи плотину
Иль гнуть в каменоломне спину...
И тем кормить себя с женой
Да малых ребятишек рой.
И лишь трудами рук своих
Обуть, одеть, поднять всех их.
А как придет болезнь, нужда
Иль безработица?.. Беда!
Подумаешь, нельзя бы хуже:
Помрут от голода и стужи.
Но как они и почему
Не унывают, не пойму:
И так растят себе исправно
Девиц красивых, парней славных.

Цезарь

Да... но какое к вам презренье,
Пинки, обиды, оскорбленья!..
Дворянство видит скот в холопах,
Чернорабочих, землекопах...

Их презирая свысока,
Как я — вонючку-барсука.
Видал не раз в приемный день я,
Не без сердечного стеснения,
Коль фермер не заплатит в срок,
Как управитель с ним жесток.
Кричит, сажает под арест,
Грозится снять последний крест...
А тот, сняв шапку, стой учтиво,
Дрожи да слушай терпеливо.
Жизнь богачей я знаю сам.
Но, верно, плохо беднякам?

Люаф

Не так, как можешь думать ты:
Хоть на волос от нищеты
Всегда, но это им привычно
И не пугает их обычно.
Судьба и случай их хранит,
И каждый как-нибудь да сыт.
Хоть и устанут от работы,
Миг отдыха, — уж прочь заботы!
Всего дороже им на свете
Жена их верная и дети.
Их тешит крошек болтовня
Зимой у мирного огня;
Довольно на два пенса пива,
Чтоб жизнь казалась им счастливой.
Свои заботы позабыв,
Толкуют все наперерыв
О новых податях и платах,
О церкви и о патронатах,
О государственных делах,
Попов ругают в пух и прах,
И нравам Лондона — столицы —

Никак не могут надивиться.
День всех святых — ноябрь — придет,
А с ним в деревне посиделки,
Любовных взглядов и острот
И сочных шуток перестрелки.
И забывает всяк в селе,
Что есть забота на земле.
В веселый день — под Новый год —
Запрут от зимней стужи вход;
Эль в кружке пенится сверх края,
Сердца весельем наполняя.
Табак и трубочка с огнем
Обходят дружно всех кругом.
Толкуют старики неспешно,
У молодежи шум и пляс.
Мне так смотреть на них утешно,
Что сам пускаюсь в лай подчас.
Но между тем ты все же прав...
Лишают часто всяких прав
Людей, достойных уваженья,
Почтенных, честных: без стеснения
Вон с корнем!.. Разговор тут прост,
Несчастливого иной прохвост
Помещику в угоду губит:
А тот народ, быть может, любит,
Дела в парламенте ведет,
Для блага родины живет?

Цезарь

Для «блага родины»? Эй, брось!
Тебе их видеть не пришлось.
Нет!.. мямлит, подчинясь премьеру,
«Да, нет», — он по его примеру.
И только! Жизнь его — парады,
Ростовщики и маскарады.

Подчас, почуявши отвагу,
Сорвется вдруг в Калэ иль в Гагу;
Когда вдруг пожелает он
Увидеть свет, узнать «бон-тон»,
Спешит он в Вену иль в Версаль:
Наследства предков ведь не жаль!
То бой быков и звон гитары
В Мадрид влекут его, как чары,
То ловит девок непотребных
В садах Италии волшебных.
А там — питье немецких вод,
Чтоб снова нагулять живот
И возместить ущерб здоровью,
Что нанесен синьор любовью.
«Для блага»?.. — Для ее вреда:
Крамолы, мотовство, вражда!

Люаф

Ох, батюшки! Так вот ворота,
Куда идет богатств без счета?
Так весь наш труд и вся нужда —
Чтоб деньги утекли туда?
Эх, жили б от двора подале
И сельский спорт предпочитали,
Счастливей были бы тогда
И бедный люд, и господа.
Иной из них — крикун, гуляка,
Но что дурного в нем однако —
Пусть только лес его не рубят,
Не дразнят девки, что он любит,
Его не тронут глухарей —
Так к бедным людям нет добрей!
За то уж, Цезарь, вероятно,
Жизнь богачей весьма приятна?..
Им холод, голод — звук пустой:
Не страшно им пред нищетой...

Цезарь

Ох, брат!.. Пожить со мной тебе —
Забыл бы зависть к их судьбе.
Ну, да: им не дрожать зимой,
Не обливаться потом в зной
Иль, кости натрудив работой,
Под старость мучиться ломотой.
Но люди глупы! Это рок.
Ученье, школа им не впрок.
Чем меньше жизнь их удручает,
Тем мельче вещь их огорчает.
Крестьянский паренёк вспашет поле —
И лучшей не желает доли.
За прялкой сельская девица
Спрядет урок — и веселится.
Но господа, тем больше дамы,
Без дела пропадают прямо.
Томленье, леность, слабость, вялость,
Хоть не болезнь, всегда усталость.
Их день тосклив, скучней врага.
Ночь беспокойна и долга.
Их скачки, их балы, парады,
В местах публичных кавалькады,
Все это — роскошь, пышность, свет,
А радости-то в сердце нет.
Мужчинам — спорт, игра, пари,
Кутеж совместный до зари,
Ночь — пьянство, оргии, разврат,
Наутро жить уж не хотят.
А дамы! Так на вид дружны,
Как сестры меж собой нежны:
А за глаза — какого чорта,
Тут разговор иного сорта!
Сидят за чашечками чая,
Настойку сплетни поглощая,
Иль напролет всю ночь гнут спинки,

Играя в чуровы картинки,
На карту ставят урожай
И, как последний негодяй,
Плутуют — только не зевай.
Есть исключенья, но, к несчастью,
Таких встречаем большей частью.
Меж тем уж солнце скрылось прочь,
И темная спускалась ночь.
Гудели сонные шмели,
Коровы на удой пошли,
Друзья встряхнулись, рады сами,
Что не людьми родились — псами,
И дружелюбно разошлись,
Условившись опять сойтись.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник

Сельский субботний вечер в Шотландии

Вольное подражание Р. Борнсу

*Let not Ambition mock their useful toil,
Their homely joys, and destiny obscure;
Not Grandeur hear, with a disdainful smile,
The short and simple annals of the poor.*

G r a y.

Ал. Ан. В...к. вой

Была пора — луч ясный в ней сиял,
Я сердцем жил, я радостью дышал,
И жизнь моя играючи летела.
Те дни прошли; одета черной мглой,
В моих очах природа потемнела;
Кругом гроза; но ты была со мной,
Моя судьба душой твоей светлела;
Мне заменил твой дружеский привет
Обман надежд и блеск веселых лет;
Забылось все. — Как пленники к неволе,
Привыкнул я к моей угрюмой доле;
Она — скажу ль — мне сделалась мила:
Меня с тобой она, мой друг, свела,
И, может быть, недаром мы узнали,
Как много есть прекрасного в печали!
Теперь с тобой надолго разлучен;
Но дружбою, но памятью твоею
Как воздухом душистым окружен;
Я чувствовать и думать не умею,
Чтоб чувств и дум с тобой не разделять.

Стеснен ли дух от мрачных впечатлений,
Горит ли он в порывах вдохновений —
Могу ль тебя, могу ль не вспоминать?
В уме моем ты мыслию высокой,
Ты в нежности и тайной, и глубокой
Душевных чувств, и ты ж в моих очах
Как яркая звезда на темных небесах.

Я ждал ее, я мчался к ней душою,
Я для нее сквозь слезы песни пел,
Я пел, — она... была уж не земною;
Звук томных струн, он к ней не долетел;
Тиха ее далекая могила;
Душа светла в надзвездной стороне;
Но сердце тех, кого она любила...
Святая тень! молился обо мне...

1

Ноябрь шумит; в полях метель и вьюга;
Ненастный день стал меркнуть за горой;
Уж отпряжен усталый бык от плуга,
И весь в пыли он тащится домой.
Поселянин скорей спешит с работы;
С неделю окончены заботы;
Его соха, и лом, и борона,
И сбруя вся в порядке убрана;
Он веселит свое воображенье,
Что радостно начнется воскресенье;
И чрез лесок в уютный домик свой
Идет к семье на отдых и покой.

2

И на холме, дубами осененный,
Уж видит он уют уединенный;
Уже детьми он шумно окружен —

Обнять отца бегут со всех сторон.
Приветен вид его родимой сени;
Манит к себе трескучий огонек;
Как чисто все, плита и очажок!
Залепетав, сын младший на колени
К нему вскочил, и, с важностью скромна,
Подсела к ним радушная жена;
Кругом себя бросая взор веселый,
Покоен, рад, забыл он труд тяжелый.

3

Меж тем пошла забота у детей:
Кто прячет плуг, кто стадо загоняет;
Обдумав все, один из них скорей
В соседнее местечко посылает
Тихонько весть — и Дженни к ним бежит,
Надежда их, уж девушка большая,
Мила, свежа, как роза полевая,
У ней в очах любовь так и горит.
Смеется мать, отец не наглядится;
Как рада их к груди она прижать,
И рада им наряд свой показать,
И деньгами готова поделиться:
У той швеи, к которой отдана,
Своим трудом достала их она.

4

Родные все друг ó друге приветно
Хотят узнать; семейный сладкий час
Веселье мчит в беседах незаметно:
То спор, то смех, и каждый свой рассказ
О том, где был, что видел, начинает;
Один начнет, другой перебивает;
А муж с женой — с детей не сводят глаз,
И речь начать, и дать совет готовы.

Хозяйка-мать, взяв ножницы с иглой,
Из лоскутков малюткам шьет обновы;
Отец молчит, но, помня долг святой,
Уж занят он их будущей судьбой.

5

Что мать с отцом велят повиноваться,
Радушно жить и помнить божий страх,
От нужд искать убежища в трудах,
И день и ночь порочных дум чуждаться,
Правдиву быть на деле и в речах —
Он вкоренял от детства в их умах;
Он говорил: «К прекрасному дорога
У всех одна — творца о всем молить,
Не делать зла, добро всегда творить;
С тем будет бог, кто сердцем ищет бога».

6

Но кто стучит тихонько у ворот?
Дивятся все, а Дженни узнает;
Дрожит как лист, едва промолвит слово:
«То, верно, сын соседа городского;
Его отец в село к нам посылал,
И он меня через поле провожал».
В раздумье мать; как делу быть, не знает,
Глядит на дочь и молча замечает,
Как вдруг любовь зажглась в ее глазах
И вспыхнула румянцем на щеках;
И мать спросить у дочери робеет,
Кто новый гость; а та дохнуть не смеет.
Но страх прошел; ответ был не худой:
Не из бродяг сосед их молодой.

7

И юноша красивый, статный входит,
И взор родных на гостя устремлен,
И Дженни к ним, стыдясь, его подводит,
И любо ей, что дружно принят он.
С ним речь завел хозяин говорливый,
Каков посев, о стаде, о конях.
Надежды луч горит в молодых сердцах;
Но милый гость застенчив: торопливый,
Не знает он, что делать, что сказать.
Смекнула все догадливая мать:
Нет, видно, дочь себя не уронила;
Девичью спесь, как должно, сохранила.

8

Любовь, любовь! живой восторг сердец,
Твой чистый жар всем радостям венец.
Уже давно я, путник неизвестный,
Чрез скучный мир печально прохожу;
Но долг велит, и правду я скажу:
В долине слез отрадою небесной
Одна любовь; нет радости другой!
Вот наших дней минуты золотые:
Когда одни, вечернею порой,
Стыдливые, любовники молодые,
В тени дерев, сидят рука с рукой;
Их взор горит весельем и тоской,
На их устах привет и ропот нежный;
А вокруг цветет шиповник белоснежный,
И тихо к ним склоняется кусток,
И веет им душистый ветерок.

9

И где же, где найдется тот несчастный,
Злодей без чувств, кто б Дженни изменил,
В холодный яд обманом превратил
Мечту души невинной и прекрасной!
Как нарушать святое на земли,
Любовь и мир доверчивой семьи!
Взгляните там — вот жертва оболъщенья:
Она не ждет, не хочет утешенья;
Таясь от всех, уныла и бледна,
Во цвете лет рассудка лишена,
Как меж могил огни осенней ночи,
Так мрачные ее сверкают очи;
Рыдает мать, зачем она в живых;
Отец клянет позор власов седых...

10

Но ужин ждет — похлебка, дичь готовы,
Принесены творог и молоко,
Обычный дар любимой их коровы,
Да и сама она недалеко,
Пришла с двора — и голову с рогами
Просунула тихонько меж досками,
И сена клочок заботливо жует.
Хозяйка-мать то сядет, то уйдет,
О юноше хлопочет прихотливо,
И сочный сыр пред ним уже стоит,
И пенится некупленное пиво;
Он хвалит все, за все благодарит,
Узнав о том с подробностью большою,
Как делан сыр хозяйкою самою
И что ему тогда лишь минет год,
Как желтый лен в полях цвести начнет.

11

Довольны все. От добрых слов вкуснее,
Уже дошел их ужин до конца,
И старец встал; кругом огня теснее
Садятся все, но тише и важнее,
И Библия покойного отца,
Бесценное наследство родовое,
Положена пред старцем на столе;
Он обнажил чело полвековое,
И волосы, рядами на челе
Приглажены к вискам его, белели;
И те стихи заметил он в псалмах,
Которые хотел, чтоб дети пели;
Потом сказал с слезами на очах:
«Помолимся подателю всех благ!»

12

Они поют. Сердечные, простые,
В один напев слилися голоса;
И звуки те шотландских гор родные,
И вера их несет на небеса.
В святую брань так мученики пели,
И, может быть, стремясь к высокой цели,
Наш Джон Граам и смелый лорд Эльджин
Слыхали их в рядах своих дружин,
Когда сердца огнем небес горели,
Когда, в руках молитвенник и меч,
Их рать неслась грозой народных сеч
И пряталась под броней верига.
Но снова вдруг возникла тишина;
У всех душа святынею полна —
Разогнута божественная книга.

13

Отец семьи, душой священник сам,
Читает в ней паденье человека,
Как богу был угоден Авраам,
Как Моисей гнал племя Амалека,
Иль страх и плач державного певца
Под грозною десницею творца,
Иль Иова и жалобы, и муки,
Иль дивных арф пророческие звуки,
Когда Исай, восторгами крушим,
Пылал и пел, как тайный серафим.

14

Иль чтение то Евангелья святое,
Как божий сын снишел и жил меж нас,
За грешных кровь безгрешного лилась,
На небесах он имя нес второе,
А на земле ему и места нет
Главы склонить. Иль как его завет
Меж градов, сел, народов отдаленных,
Везде проник в посланьях вдохновенных,
Как, заточен, возлюбленный Христом
В Патмосе жил, и ангела с мечом
Он в солнце зрел, внимая от Сиона
И гнев, и суд на гибель Вавилона.

15

Супруг, отец, угодник пред тобой,
Небесный царь, колено преклоняет,
И к небесам торжественно стрелой
С надеждою молитва возлетает:
«Да вместе их творец благословит,
Да в жизни той опять соединит;
И там, в лучах бессмертного сиянья,
Не будет где ни слез, ни воздыханья,

Друг другу мы час от часу милей,
Мы станем петь хвалу любви твоей,
А время течь своей стезею вечной
Кругом миров под властью бесконечной!»

16

Стремленье дум покорных и святых,
Сей набожный восторг людей простых —
Его не тмят обряд и блеск служенья,
Ни тонкий вкус пленительного пенья:
Кто зрит сердца, тот в благодсти своей
Равно царю и нищему внимает,
Под бедный кров от пышных алтарей
Он в хижину к молящим низлетает,
И благодать по вере им дана,
И вписаны на небе имена.

17

Час тихий сна меж тем уж приближался,
И все идут на сладостный покой;
Простясь, вздохнул счастливец молодой;
Отец один с хозяйкою остался,
И долго он еще наедине
Молил творца в умильной тишине,
Чтоб тот, кто птиц и греет и питает,
Кто в нежный блеск лилею одевает,
Чтоб он, господь, во всем с семьей его
Всегда творил свою святую волю,
Как хочет сам, благословил их долю;
Лишь он просить дерзает одного,
Чтоб все они закон его хранили,
Всевышнего боялись и любили.

18

Так сельский бард своих родных полей
Оставил нам семейное преданье.
Цари творят богатых и князей, —

Муж праведный есть лучшее создание
Творца миров; и память старины,
Любовь семейств, отцовские уставы,
Блаженство, честь той дикой стороны
Еще хранят в ней доблестные нравы.
О, как певцу Шотландия мила!
Как молит он, чтоб родина цвела,
Да благодать небес над нею льется,
Сынов ее порок да не коснется,
Да в их груди течет Валлиса кровь,
И дух его, и к родине любовь
Пылают в них, и ангелом незримым
Да веет он над островом любимым!..

19

А я к тебе, к тебе взываю я,
Святая Русь, о наша мать-земля!
Цвети, цвети, страна моя родная!
Меж царств земных, как пальма молодая,
Цвети во всем, и в доле золотой
Счастлива будь, и счастье лей рекой!
Страна сердец, и дум, и дел высоких!
О, как гремят везде в краях далеких
Твоих дружин и флотов чудеса
И русских дев стыдливая краса!
Верна царям и верою хранима,
Врагу страшна, сама неустрашима,
Да будут честь и нравов простота
И совести народной чистота
Всегда твоей и славой, и отрадой,
И огненной кругом тебя оградой,
И пред тобой исчезнет тень веков
При звуке струн восторженных певцов!

Перевод И. Козлова.

**К полевой маргаритке, которую
Роберт Бернс, обрабатывая свое поле,
нечаянно срезал железом сохи
в апреле 1786 года**

Цветок пунцовый, полевой!
Ты, бедный, встретился со мной
Не в добрый час: тебя в красе
 Подрезал я.
Жемчуг долин, не можно мне
 Спасти тебя!

Не пестрый, резвый мотылек
Теперь твой нежный стебелек
На дерн, увлажненный росой,
 Порхая, гнет;
К тебе румяною зарей
 Он не прильнет.

В холодном поле ветер шумел,
И дождик лил, и гром гремел,
Но туча мрачная прошла, —
 Меж тем в глуши
Ты нежно, тихо расцвела,
 Цветок любви.

Сады дают цветам своим
Приют и тень — и любо им;
Но сироту, красу полян,
 Кто сбережет?
От зноя туча, иль курган
 От непогод?

Из-под травы едва видна,
Цвела ты, прелести полна,
И солнца луч с тобой играл;
Но тайный рок
Железо острое послал —
Погиб цветок...

Таков удел, Мальвина, твой,
Когда невинною душой
Ты ловишь нежные мечты;
Любовь страшна:
Как мой цветок, увянешь ты
В тоске, одна.

Певцу удел такой же дан:
Бушует жизни океан,
Не видно звезд, а он плывет, —
Надежда мчит;
Он прост душой, он счастья ждет...
Челнок разбит.

И добрый, злыми утеснен,
К тому ж уделу обречен:
Никто ничем не упрекнет; —
А жил в слезах;
Приюта нет, он отдохнет
На небесах!

И я горюю о цветке;
А, может быть, невдалеке
Мой черный день; и как узнать,
Что бог велел?
Не о себе ли горевать
И мой удел?

Перевод И. Козлова.

**К срезанной плугом маргаритке
(В апреле 1786)**

Цветок смиренный полевой!
Не в добрый час ты встречен мной:
Как вел я плуг, твой стебелек
 Был на пути.
Краса долины! я не мог
 Тебя спасти.

Не будешь пташки ты живой,
Своей соседки молодой,
Поутру, только дрогнет тень,
 В росе качать,
Когда она румяный день
 Летит встречать.

Был ветер северный жесток,
Когда впервые твой росток
Родную почву пробивал;
 В налете гроз
Ты почку раннюю склонял,
 Под бурей взрос.

От непогод цветам садов
Защитой стены, тень деревьев.
Случайной кочкой был храним
 Твой стебелек;
В нагих полях ты взрос незрим
 И одинок.

Ты скромно в зелени мелькал
Головкой снежною; ты ждал
Привета солнышка, — и вдруг
 Во цвете сил
Тебя настиг мой острый плуг —
 И погубил.

Таков удел цветка села —
Невинной девушки: светла
Душой доверчивой, живет
 Не чуя бед;
Но злоба срежет и сомнет
 Прекрасный цвет.

Таков удел певца полей:
Среди обманчивых зыбей
По морю жизни он ведет
 Свой хрупкий челн,
Пока под бурей не падет
 Добычей волн.

Таков удел в борьбе с нуждой
Всех добрых: гордостью людской
И злом на смерть осуждены,
 Они несут —
Одних небес не лишены —
 Кровавый труд.

Над маргариткой плачу я...
Но это доля и моя!
Плуг смерти надо мной пройдет
 И в цвете лет
Меня подрежет — и затрет
 Мой слабый след.

Перевод М. Михайлова.

**К маргаритке, которую сам Поэт в
1786 году срезал плугом**

О милый, розовый цветок!
Твой нежный срезан стебелек!
Меня не в добрый встретил час
Ты на пути!
Чего б я не дал, мой алмаз,
Тебя спасти!

Не будет жаворонок весной
Теперь кружиться над тобой,
И песнь, припав к груди твоей,
Не заведет,
Летя, в сиянии лучей,
Под небосвод.

В краю ты диком цвет раскрыл;
Холодный ветер вокруг лишь выл;
Один он бедный уголок
Твой возмущал,
Когда с земли свой стебелек
Ты поднимал.

Другим цветкам есть рок иной,
В саду их нежат за стеной,
Тебе ж обломок лишь плиты
Приютом был,
За ней, цветя, так скромно ты
Безвестный жил.

Как сладко в рубище твоём
Ты грелся утренним лучом!
Но только очи в синю даль
К Творцу поднял...
Увы! Тебя коснулась сталь,
И вот! Ты пал!

Цветок прелестный, луговой,
С девицей сходен жребий твой,
Когда любовь сей жизни путь
Ей озарит,
И, обманув, младую грудь
Оледенит.

Такая ж участь ждёт певца,
Когда, с беспечностью пловца,
Он с песнью средь житейских волн
Один плывёт;
Вал набежит — и утлый чолн
В пучине вод!

Таков и бедняка удел,
Кому томиться рок велел;
Кто жизнь ведя средь слез и бед,
Все уповал,
И снесть не мог, и в цвете лет
Бессильный пал.

Но участь бедного цветка,
О ком грустишь ты, всем близка!
Смотри, уж время острый плуг
К тебе влачит!
И, срезан им, ты будешь вдруг
Землей зарыт!

Перевод З.

Робин

Был парень в Кайле. Не беда,
Коль я не дам себе труда
Развить в подробностях, когда
На свет родился Робин.

Беззаботный шелопай,
Ныть был Робин неспособен.
Беззаботный шелопай,
Весельчак был Робин.

За год до смерти короля,
Едва забрезжилась заря,
В день двадцать пятый января,
Как свет увидел Робин.

Взглянув в ладонь малютке, так
Кума решила: «Наш толстяк,
Поверьте, будет не дурак;
Пусть он зовется Робин.

Хоть в жизни беды ждут его,
Он не погибнет от того, —
Напротив, края своего
Составит славу Робин.

Но (я готова присягнуть!),
По всем приметам будет льнуть
К другому полу плут... О, будь
Любимцем нашим, Робин!

Хоть много, девушки, среди вас
Найдется жертв его проказ, —
Есть люди хуже во сто раз...
Христос с тобою, Робин!»

Беззаботный шелопай,
Ныть был Робин неспособен.
Беззаботный шелопай,
Весельчак был Робин.

Перевод Н. Новича .

Хозяюшке Уочеп-Хауза*(М-сс Скотт из Уочена)*

Хозяюшка!
Я помню, в молодые годы,
Юнец неловкий, безбородый,
С серпом ли на гумне,
За плугом ли бредя устало,
Лишь об ученьи все, бывало,
Тогда мечталось мне.
Я стал мужчиной: можно было
Похвастать мне вполне
Полоской и подружкой милой
С другими наравне.
Я копны расторопно
Свивал и разметал,
И в шутках, в прибаутках
День целый пролетал.
Уже тогда (как, помню, страстно!)
Мечты одной и той же властно
Огонь мне душу жег:
Шотландии в ее владенье
Чтоб я отдать произведенье,
Сложить хоть песню мог.
И если я репейник колкий
Встречал среди овса,
То символ тот щадила полка,
Не трогала коса.
Не знаю, не желаю
Я радости иной:
Быть сыном, гражданином
Шотландии родной.

Но элементы песни зрели
В мозгу без формы и без цели,
Мне не давалась связь.
Пока не стал (обычай старый...)
На жатву с данною мне парой.
И песня родилась.
Ту, что задела сердца струны,
Я вижу, как сейчас:
Улыбки прелесть, облик юный
И блеск лукавых глаз.
Зажженный, вдохновленный
Красавицей моей,
Робел я и не смел я
Ни слова молвить ей.
«За женщин!» каждый честный малый
На зимних праздниках, бывало,
Воскликнет средь друзей:
В них небеса нам ниспослали
Рай на земле, бальзам в печали
И душу жизни всей!
Кто женщин враг, тем не мешало
Свою бы вспомнить мать,
Чтоб стыдно женщинам не стало
Их сыновьями звать.
Нет хуже, коль не нужен
Им милых женщин цвет:
И гнать их, избегать их
Мы все даем обет!
А вам, не знавшей стойл и пашен,
Чьей лирой край родной украшен,
Спасибо за привет,
И буду я носить с охотой
Мне присланный с такой заботой
Шотландский пестрый плед,
Его усердней сберегая.
И трогая нежней,
Чем мантию из горностая

Иль пурпур королей!
Кончаю и желаю,
Чтоб впредь, как и теперь,
Печали миновали
Навеки вашу дверь!

Перевод
Т. Щепкиной-Куперник.

* * *
Джон Андерсон, сердечный друг!
Как я сошлась с тобой,
Был гладок лоб твой и как смоль
Был черен волос твой.
Теперь морщины по лицу
И снег житейских вьюг
В твоих кудрях; но — бог храни
Тебя, сердечный друг!

Джон Андерсон, сердечный друг!
Мы вместе в гору шли,
И сколько мы счастливых дней
Друг с другом провели!
Теперь нам под гору плестись;
Но мы рука с рукой
Пойдем — и вместе под горой
Заснем, сердечный мой!

Перевод М. Михайлова.

Джон Андерсен

Джон Андерсен, ты помнишь,
Как жизнь для нас цвела,
И смоль кудрей была черней
Вороньего крыла?

А нынче кудри, словно снег,
Окончен жизни круг,
Но будь благословен навек,
Джон Андерсен, мой друг!

Джон Андерсен, ты помнишь —
Мы рядом в гору шли,
И столько дней, счастливых дней
Сияло нам вдали?

Теперь мы рядом вниз бредем
С горы на тихий луг
И рядом ляжем в тесный дом,
Джон Андерсен, мой друг!

Перевод С. Болотина и Т. Сикорской.

Мне слишком рано замуж

У мамы я одно дитя,
Чужих боюсь по чести, сударь.
С мужчиной лечь в одну кровать?..
Да я умру на месте, сударь!

П р и п е в:

Мне слишком рано замуж,
Мне слишком рано замуж,
Мне рано замуж, просто грех
Меня от мамы брать!

Купила мама платье мне,
Чтоб в храм надеть обновку.
Боюсь, коль с вами лягу я,
Порвете мне шнуровку.

День всех святых уже прошел...
Зимой так долги ночи, сударь.
В одной постели вместе быть,
Ну право же, нет мочи, сударь!

Бушует ветер за окном,
Он рвет листву повсюду, сударь...
Что, если б вы пришли потом?
Я летом старше буду, сударь!

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

 У мамы я росла одна

У мамы я росла одна,
Чужих людей не знала, сэр,
В чужой постели лечь мне спать?
Да я б всю ночь дрожала, сэр.

Мне рано замуж выходить,
Мне рано замуж выходить,
Мне рано замуж, и грешно
Меня от мамы уводить.

Купила платьё дочке мать,
Какие носят в городе,
А ляг я с вами, милый сэр,
Боюсь, помнем оборочки.

Придет всесвятыё да пройдет.
А ночь долга зимою, сэр,
А я да вы всю ночь одни —
Мне боязно, не скрою, сэр.

Холодный ветер воеет зло
Да свищет в голой чаще, сэр,
Но коль придете вновь сюда,
Я летом буду старше, сэр.

Мне рано замуж выходить,
Мне рано замуж выходить,
И я прошу вас погодить
Меня от мамы уводить.

Перевод В. Федотова.

Крестьянский парень

Крестьянский парень небогат,
Но честен с малых лет.
На нем короткие чулки
И голубой берет.

В плечах широк, собой хорош
Крестьянский ладный парень.
Хоть всех парней переберешь,
Он самый лучший парень.

Домой он с пахоты придет,
Все мокрое на теле.
Переоденься, мой родной,
И отдохни в постели.

Ему стираю я белье,
Ему латаю платье.
Ему дарю я поцелуй
И крепкие объятия.

Не знала я, где он живет,
Какое поле пашет.
Но раз на празднике гляжу —
Красивый парень пляшет.

На парне белые чулки,
Серебряные пряжки.
У парня ясные глаза
И смелые замашки.

Меня он нежно полюбил
Уговорил жениться.
Растет у нас густой ячень,
Высокая пшеница.

В плечах широк, собой хорош
Крестьянский ладный парень.
Хоть всех парней переберешь,
Он самый лучший парень.

Перевод Игн. Ивановского .

Кабы не был я женатым

Кабы не был я женатым,
Никогда бы не тужил,
Что сказать жене, ребятам,
Если год не уродил.
Утром каши, в полдень каши,
Трижды в день им надо дать,
Если просят, как не дашь им,
Только где мне каши взять?

Голод с матушкой нуждою
Днюют в хижине моей,
Как ни бьюсь, все нет отбою
От непрошенных гостей.
Утром каши, в полдень каши,
Перед сном опять едят,
Вышли все припасы наши,
А детишки есть хотят.

Перевод В. Федотова.

Не там ты, девушка, легла

Не там ты, девушка, легла,
Не там, видать, легла,
Постель, в которой ты спала,
Чужой, видать, была.

Увяли краски юных щек,
Травы ты зеленой,
Подол на четверть стал высок,
Отнюдь не став длинней.

Какой ты дурочкой была,
Узнать пришла пора,
Пирог, что ты вчера пекла,
Был вкусен лишь вчера.

Ходила ты в луга гулять
И песни петь в леса,
Там невзначай тебя, видать,
Ужалила оса.

Перевод В. Федотова.

На чужбине

Я сердцем не здесь, я в шотландских горах,
Я мчусь, забывая опасность и страх,
За диким оленем, за ланью лесной, —
Где б ни был я — сердцем в отчизне родной.

Шотландия! смелых борцов колыбель,
Стремлений моих неизменная цель,
С тобой я разстался, но в каждом краю
Люблю я и помню отчизну мою!

Простите, вершины скалистые гор,
Долин изумрудных цветущих простор!
Простите, поляны и рощи мои,
Простите, потоков шумящих струи!..

Я сердцем в родимых шотландских горах;
Я мчусь, забывая опасность и страх,
За диким оленем, за ланью лесной, —
Где б ни был я — сердцем в отчизне родной!

Перевод О. Чюминой.

В горах мое сердце

В горах мое сердце, а здесь его нет.
В горах оно мчится оленю во след,
Летит над стремниною, словно орел.
В горах мое сердце, куда бы ни шел.

Прощайте, о горы! Мой север, прощай!
Достоинства полный и доблестный край,
И где б ни скитался бы, где б ни бродил,
Я горы родные навек полюбил.

Прощайте, снега величавых вершин!
Прощайте, просторы зеленых долин!
Прощайте, покрывшие склоны леса!
Прощайте, веселых ручьев голоса!

Я скоро вернусь, я не в силах забыть
Страну, где свободу умеют ценить,
И жду с нетерпеньем свиданья с тобой,
Земля дорогая, навски я твой.

В горах мое сердце, а здесь его нет.
В горах оно мчится оленю во след,
Летит над стремниною, словно орел.
В горах мое сердце, куда бы ни шел.

Перевод Д. Баянова.

Расчетливый жених

Он знает, собой не дурна я,
Он знает, кто наша родня,
Не зная того, что я знаю —
Приданое любо ему, а не я.
На дерево глянет ли — видит лишь плод,
Летит ли пчела — для него это мед;
Живет в его сердце один лишь расчет —
А где он любви для любимой возьмет?

Торгуясь с душою своею,
Деньгами прельстившись, не мной,
Хитер он, да я не глупее —
Пускай попытает он счастья с другой.
Там лесу не будет, где роща сгнила,
По мне он не лучше гнилого ствола:
Худое шитье, коли нить без узла —
Нет, я за него никогда б не пошла!

Перевод В. Федотова.

Песнь бедняка

Чем живу я — и сам не пойму;
Никому не обязан зато.
Я помочь не могу никому,
Да и мне не поможет никто.

К сердцу крепко подругу прижму,
И она меня любит зато.
Не ревную ее ни к кому, —
И ко мне не ревнует никто.

Шапки я лишний раз не сниму,
Но и мне не снимают зато;
Не подставлю ноги никому,
Ну и мне не подставит никто.

Дела нет до меня никому —
До других мне нет дела зато.
Мог бы плакать, роптать... Да к чему?
И при мне не ропщи уж никто!

Перевод В. Курочкина.

На чердаке

День и ночь — сутки прочь;
Так я век проживу.
Снится бедность мне в ночь, —
Нищета на яву.

Всем я людям чужой
И чужие все мне.
Только вечно со мной
Тень моя на стене.

Мне подруга верна, —
Я подругу ценю,
А изменит она, —
Так и я изменю.

Я спины никогда
Не согну ни пред кем; —
Только мне-то, нужда,
Спину гнешь ты зачем?

*Перевод Д. Свяжского
(Минаева).*

Песня

Я женат, и не для света, —
Для меня жена моя.
За душой одна монета,
Но ее не занял я.

В долг ничем я не ссужаю
Из соседей никого,
Но и сам не занимаю
У соседей ничего.

Не бывал я господином
И слугой ни для кого, —
Но с мечом моим старинным
Не страшусь я ничего.

Пусть мой голос мало значит,
Пусть живу я бедняком —
Обо мне никто не плачет,
Я не плачу ни о ком!

Перевод О. Чюминой.

 У меня есть жена...

У меня есть жена: ни за что
Не отдам я ее никому.
Мне рогов не наставит никто, —
Не наставлю и я никому.

Есть и грош у меня: за него
Не обязан ничем никому.
В долг я дать не могу ничего,
Но не должен и сам никому.

Господином я не был ничьим —
И не буду рабом никому;
И с мечом благородным моим
Я не дам себя бить никому.

Я свободен и весел всегда,
И не стану жалеть никого.
Не любим я никем — не беда:
Я и сам не люблю никого.

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Мэг с мельницы

Кто знает, что Мэг от отца получила,
Какой ее долей судьба оделила?
Приданое в виде бесхвостой кобылы —
Вот что она в дар от отца получила.

Кто знает, что больше всего ей по нраву,
Кто знает усладу ее и забаву?
Изрядно хлебнуть рано утром хмельного —
И ей уж не нужно на свете иного.

Кто знает, как замуж ее выдавали,
Кто знает, как свадьбу ее отыграли?
Попа выносили, дьячка отливали, —
Так славно на свадьбе ее погуляли.

Кто знает, как спать нашу Мэг положили,
Кто знает, как спать нашу Мэг положили?
Жених так набрался, что как ни старался,
А все ж до постели, бедняк, не добрался.

Перевод В. Федотова.

О, свистни...

О, свистни, и я выбегу
К тебе, мой молодец!..
О, свистни, и я выбегу
К тебе, мой молодец!
Пусть батюшка и матушка
Сойдут с ума вконец,
Чуть свистнешь, и я выбегу
К тебе, мой молодец!
Когда захочешь свидеться
Со мной наедине,
Иди по черной лестнице
Тайком от всех ко мне.
Иди по черной лестнице,
Когда идешь ко мне..
И делай вид, как будто бы
Ты вовсе не ко мне!

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Любовь — как роза красная...

Любовь — как роза красная,
Что летом расцвела,
Как песенка далекая,
Что так нежна была.

Недаром красоте твоей
Моя любовь равна.
Пока не высохнут моря,
Не кончится она.

Пока не высохнут моря,
Не сдвинется скала,
Поверь, останется любовь
Такой же как была.

Прощай, прощай, любовь моя,
Я путь к тебе найду,
Пускай хоть десять тысяч миль
По свету я пройду.

Перевод Игн. Ивановского.

Довольство судьбой

Свободен и весел, я малым доволен;
Мир божий мне кажется чудно приволен;
Я радуюсь солнцу, я радуюсь дню,
И призрак заботы я песней гоню.

Взгрустнется ль, порой, под ударом судьбы —
Я вспомню, что жизнь нам дана для борьбы.
Веселье равняется звонкой монете,
Свобода же — сан высочайший на свете,

И этого сана лишить не могли
Великие мужи ничтожных земли!
Мой путь не без терний, но раз уж пройден,
Кто вспомнит, — как труден был путнику он?

Фортуны слепую мы часто поносим,
Но как бы ее ни звалися дары:
Песнь, наслажденье, работа, пиры, —
На все отвечаю я: — милости просим!

Перевод О. Чюминой.

Прежде всего

Бедняк — будь честен и трудись,
Трудись прежде всего!
Холопа встретишь — отвернись
С презрением от него!
Прежде всего, прежде всего
Пред знатым не бледней —
Ведь знатность штемпель у гиней
И больше ничего!

Пусть черствый хлеб весь твой обед,
Из поскони кафтан;
Другой и в бархат разодет,
А плут прежде всего.
Прежде всего, прежде всего
Ведь титул глупый звон.
Бедняк, будь только честен он,
Король прежде всего!

Вот этот барин — знатный лорд,
Да что нам из того,
Что он своим богатством горд,
А глуп прежде всего!
Прежде всего, прежде всего
Для нас, детей труда,
Его и лента и звезда
Смешны прежде всего!

Холопа в графы произвести
Не стоит ничего:

Но честным сделать, — царь, — как есть, —
Не может никого!
Прежде всего, прежде всего
Да будут все честны:
Честь наша — высшие чины
И ум прежде всего!

Молитесь все, чтоб Бог послал
Нам Царствие Его.
Чтоб честный труд на свете стал
Почтнее всего!
Прежде всего, прежде всего
Отныне и вовек,
Чтоб человеку человек
Был брат прежде всего!..

Перевод В. Костомарова.

В поле

Дженни платье разорвала;
Прицепился колос;
За собой она слыхала
В поле чей-то голос.

Дженни бедная бежала
Все по бездорожью,
Дженни платье разорвала,
Пробираясь рожью.

Если кто встречал кого-то
В поле знойным летом,
Что кому-то за охота
Толковать об этом...

Если кто во ржи кого-то
Целовал случайно —
Не для нас о том забота
И не наша тайна.

Перевод О. Чюминой.

Пробираясь через рожь...

Х о р

Жалко бедную девчонку:
Пробираясь через рожь,
Измочила вдрызг юбчонку,
Пробираясь через рожь!

Дженни, бедную девчонку,
Вечно мокрой застаешь:
Вдрызг измочит всю юбчонку,
Пробираясь через рожь!

Если кто-то с кем-то где-то
Встретился во ржи,
Неужли сейчас про это
Всем и расскажи?..

Если кто во ржи кого-то
Целовал тайком,
Неужли ссейчас охота
И кричать о том?..

Дженни, бедную девчонку,
Вечно мокрой застаешь:
Вдрызг измочит всю юбчонку,
Пробираясь через рожь!

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Веселый вдовец

Женился я на бабе вздорной
Тринадцатого ноября.
Язык болтуньи непокорной
Всю жизнь мою испортил зря.
Гнул долго под ярмом я шею,
Всю чашу мук испил до дна...
И вот, — едва поверить смею, —
Скончалась наконец она!
Я двадцать лет как муж с женою
С ней жил — не малые года...
И вот дорогою другою
Ушла она бог весть куда.
Знай я заране цепь страданий,
Что принесет мне этот брак,
Скажу по чести и без лести, —
Ее не выбрал бы никак!
Надежно скрыла прах могила,
Над нею прочный мавзолей.
Но в ад душа не угодила:
Сам чорт не справился бы с ней!
Скорее там она, повыше,
Изображает в небе гром:
В грозе я часто голос слышу,
Что так мне в жизни был знаком!

Перевод Т. Щепкиной-Куперник.

Послесловие

Бернс на русском языке

В 1827 г. Гете, беседуя с Эккерманом, заметил: «Возьмите Бернса. Не потому ли он велик, что старые песни его предков жили в устах народа, что ему пели их, так сказать, тогда еще, когда он был в колыбели, что мальчиком он вырастал среди них и сроднился с высоким совершенством этих образцов, что он нашел в них ту живую основу, опираясь на которую мог пойти дальше? И еще, не потому ли он велик, что его собственные песни тотчас же находили восприимчивые уши среди его народа, что они затем звучали ему навстречу из уст жнецов и вязальщиц снопов, что ими приветствовали его веселые товарищи в кабачке? Тут уж и впрямь могло что-то получиться».¹

Гете точно указал, в чем заключалась сила и величие поэзии Бернса — в тесной и живой связи поэта с его народом. Позднес русский революционный поэт и мыслитель Н. П. Огарев подчеркивал, что Бернс представляет собою счастливое исключение в Европе, где простой народ, лишенный богатыми сословиями доступа к образованию, не знает, как правило, поэтов своей страны. «Только случайные обстоятельства знакомят народ с его поэтами, — писал Огарев, — для этого надо, чтоб поэт жил в его среде, чтоб народ его не то что читал, а слушал. Так является Барнс в Шотландии, Барнс, живущий и поющий

¹ Johann Peter Eckermann. *Gespräche mit Goethe in den letzten Jahren seines Lebens*, Bd. III. Leipzig, s. a., S 117 (Donnerstag den 3 Mai, 1827).

посреди горных пастухов и потому затверживаемый ими и передаваемый из поколения в поколение».²

* * *

В России Бернс стал известен далеко не сразу. Правда, первый русский перевод его стихотворения появился уже в 1800 г. — через четыре года после смерти поэта. Под заглавием «Стихи в честь Томсона» и за подписью «Борнс» (такое написание сохранялось еще долго) в сентименталистском журнале «Иппокрена, или Утехи любословия» был напечатан прозаический перевод «Обращения к тени Томсона» (*Address to the Shade of Thomson*, 1791). Доколе в природе сменяются весна, лето, осень и зима, говорилось здесь, «дотоле — о любезный сладкопевец года! — будет процветать тот лавр, который ты приобрел себе; а между тем Шотландия с радостными слезами будет проповедывать, что *Томсон* был ее сын».³ Вполне понятно, что русского переводчика в данном случае заинтересовал не Бернс, но Томсон, которому журнал уделял большое внимание, и едва ли читатели «Иппокрены» могли составить какое-либо представление о шотландском народном поэте.

Прошло еще два десятилетия, прежде чем в русской печати появилось суждение о его творчестве. В «Опыте краткой пиитики», предпосланном «Собранию образцовых русских сочинений и переводов в стихах» и принадлежавшем преподавателю словесности в петербургском артиллерийском училище О. Е. Срезневскому, в главе «О поэзии английской» был назван и Роберт Бернс, «воспевший любовь к отечеству, прекрасные берега Девонны и Астромла, возвращение воина в родительскую хижину, народные поверья, приятные сельские вечера в кругу сво-

² Н. П. Огарев. Предисловие [к сборнику «Русская потаенная литература XIX века» (1861)]. — В кн.: Н. П. Огарев. Избранные социально-политические и философские произведения, т. I, М., 1952, с. 426.

³ Иппокрена. 1800, ч. VII, с. 16.

их детей, пламенную и непобедимую любовь, — веселые, сатирические и унылые вымыслы свои оживляющий сильным и простым, привлекательным и нежным чувством».⁴

«Опыт» Срезневского был компиляцией. В частности, сведения об английской поэзии заимствовались из французского журнала *Revue Encyclopédique*, соответствующая статья которого была в том же 1821 г. переведена для «Сына отечества». Таким образом, здесь вторично появились те же сведения о Бернсе, только в другом русском переводе.⁵

В 1820-е гг. имя Бернса приобрело уже, по-видимому, некоторую известность в России: время от времени оно появлялось на страницах русской печати. То сообщалось, что «в Айре, что в Шотландии, воздвигнут прекрасный памятник стихотворцу Роберту Борнсу»,⁶ то он упоминался по случаю смерти Байрона в перечне «английских стихотворцев», скончавшихся «во всем цвете мужества и талантов»,⁷ то в переведенной в русском журнале беседе с Вальтером Скоттом автор-француз, говоря об исторических шотландских героях, прославленных в народных балладах, вспоминал и «поэта-простолюдина», который «также воспевал Валласа и Брюса в конце прошедшего века»⁸ и т. п.

⁴ Собрание образцовых русских сочинений и переводов в стихах, изданное Обществом любителей отечественной словесности. Изд. 2-е, ч. I. СПб., 1821, с. XC—XCI.

⁵ Исторический опыт об английской поэзии и о нынешних английских поэтах. Из *Revue Encyclopédique*, перев. Ив. По-ко. — Сын отечества, 1821, ч. LXXII, № 34, с. 19—20.

⁶ Русский инвалид, 1823, 6 августа, № 184, с. 734.

⁷ Там же, 1824, 21 июня, № 146, с. 582.

⁸ Беседа у Вальтера Скотта. (Из Путешествия Пишо.) Пер. — нъ. — Сын отечества, 1827. ч. CXII, № 8, с. 388. В постскриптуме к статье говорилось: «Вот ода, сочиненная в порыве энтузиазма Робертом Борнсом в воспоминание сражения при Боннокбурге. Ода сия сделалась народною песнею. Брюс говорит в ней речь своему войску: Scots wha hae with Wallace bled etc.» Далее приведен русский прозаический перевод стихотворения, после чего автор заключал: «Вы догадаетесь, что быстрота стихосложения увеличивает действие сей песни» (там же, с. 399—400).

Распространению известности Бернса в России способствовала вышедшая в 1829 г. брошюра «Сельский субботний вечер в Шотландии. Вольное подражание Р. Борнсу И. Козлова». Слепой поэт-романтик И. И. Козлов (1779—1840), в чьем творчестве был весьма силен мотив покорности воле провидения, взял у шотландского поэта стихотворение «Субботний вечер поселянина» (*The Cotter's Saturday Night*), написанное явно в подражание сентименталистам (на что указывал и эпитафия из «Сельского кладбища» Грея) и рисующее мирную семейную идиллию скромного, честного и богобоязненного сельского труженика. Перелагая вольно оригинал, Козлов добавил в конце обращение к «святой Руси». В той же брошюре был также напечатан под заглавием «К полевой маргаритке...» перевод *Stanzas to a Mountain Daisy...*, в котором переводчиком был усилен мотив религиозной покорности (в частности, строки строфы VIII “Till wrench'd of ev'ry stay but Heav'n, / He, ruin'd, sink” переданы: «Приюта нет; он отдохнет/На небесах!»).

Перевод Козлова привлек внимание. Отклики на него появились в разных периодических изданиях.⁹ Литератор демократического направления Н. А. Полевой (1796—1846) воспользовался выходом «Сельского субботнего вечера», чтобы поместить в своем журнале «Московский телеграф» первую в России статью «О жизни и сочинениях Р. Борнса»,¹⁰ которую открывал словами: «Имя Борнса доселе было неизвестно в нашей литературе. Г. Козлов первый знакомит русскую публику с сим замечательным поэтом». Поместив в начале биографию Бернса, Полевой далее развивал важную для него идею о возможности создания великой поэзии человеком, стоящим на низкой ступени социальной иерархии. «Борнс, — писал он, — был поэт возвышенный, пламенный, падший наконец под

⁹ См.: Северная пчела, 1829, 30 мая, № 65, с. 1 (рецензия); Северные цветы на 1830 год. СПб., 1829, с. 67 («Обозрение российской словесности за первую половину 1829 года» О. М. Сомова).

¹⁰ Московский телеграф, 1829, ч. XXVIII, № 14, с. 195—211.

ударами судьбы, бросившей его не в то состояние, к которому он принадлежал умом, душою и воображением. Он на всю жизнь остался человеком бедным, это правда... но он понимал все нежнейшие ощущения, чувствовал как поэт, а звание поэта не терпит аристократства... Сила гения находится в нем самом, а не в почетном блеске, окружающем его вещественность. Кажется, г. Козлов упустил из виду это различие и почел Борнса простым крестьянином, который *между прочим* напевает на поэтической свирелке. Это почитаем мы главною ошибкою русского перевода, ибо он напоминает нам не пламенного певца Шотландии, сгоревшего в огне страстей, а простого поселянина, очень мило рассказывающего о своем сельском быте». Говоря о многообразии поэзии Бернса, Полевой, в частности, упомянул его сатирические стихотворения «Молитву святоши Вилли» (*Holly Willie's Prayer*, у Полевого «Молитва лицемера») и «Послание к дьяволу» (*Address to the Deil*).

Впоследствии В. Г. Белинский, причислявший Бернса, наряду с Шекспиром и английскими поэтами-романтиками, к тем творцам, чьи произведения «составляют богатейшую сокровищницу лирической поэзии»,¹¹ выражал сожаление, что Козлов создал «не перевод из Борнса, а вольное подражание этому поэту». Особенно неуместным считал критик, что «после прекрасного обращения шотландского поэта к своей родине переводчик... вдруг обратился к России». «Жизнь шотландская, представляемая Борнсом в его прекрасной идиллии, — замечал Белинский, — столько же похожа на жизнь наших мужиков, баб, ребят, парней и девок, сколько муза Каллиопа на Хераскова».¹²

И все же переложения Козлова способствовали утверждению в России поэтической репутации Бернса, свиде-

¹¹ В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений. М., 1954, т. V, с. 51 («Разделение поэзии на роды и виды», 1841).

¹² Там же, с. 72 («Собрание стихотворений Ивана Козлова», 1841).

тельство чему обнаруживаем в одной из анонимных рецензий «Московского телеграфа». Рассуждая о поэтическом видении мира, автор писал: «Нам случилось быть на лекции одного профессора, который велел одному из слушателей выразить чувства свои при взгляде на цветок. Выходит из толпы человек пожилой и, видно, опытный в своем деле. „Когда мы видим цветок, — говорит он, — то в нас рождается чувство удивления. Мы рассматриваем его листики и чашечку: они удивительны, и проч.“ Изъяснение недурно. Но вспомните описание цветка у Борнса, написавшего целую элегию о маргаритке. Вот разница!.. Студент и Борнс! Как различны сии люди, так различны впечатления, производимые в них предметами, и так различно выражение их».¹³

Очевидно, в начале 1830-х гг. поэзией Бернса заинтересовался Пушкин. В его библиотеке сохранилось двухтомное издание шотландского поэта.¹⁴ Первые 128 страниц тома I разрезаны; в числе находящихся здесь произведений: «Две собаки» (*The Twa Dogs*), «Святая ярмарка» (*The Holly Fair*), «Видение» (*The Vision*), «Веселые нищие» (*The Jolly Beggars*), «Субботний вечер поселянина», и завершает разрезанную часть стихотворение «Горной маргаритке».

Тогда же к поэзии Бернса обратился юный М. Ю. Лермонтов. Его внимание привлекло четверостишие из прощальной песни к Кларинде (*Ae fond Kiss, and then we sever*), которое Байрон поставил эпиграфом к «Абидосской невесте» (*The Bride of Abydos, a Turkish Tale*, 1813):

Had we never loved so kindly,
Had we never loved so blindly,
Never met or never parted
We had ne'er been broken-hearted.

¹³ «Нищий. Сочинение А. Подолинского...» — Московский телеграф, 1830, ч. XXXII, № 7, с. 356.

¹⁴ *The Poetical Works of Robert Burns*. Chiswick, 1829.

Лермонтов перевел:

Если б мы не дети были,
Если б слепо не любили,
Не встречались, не прощались,
Мы с страданьем бы не знались.¹⁵

Лермонтов не публиковал своего юношеского четверостишия. Но в те же годы в печати начали появляться переводы, выполненные второстепенными стихотворцами, которые, перелагая Бернса, оперировали распространенными поэтическими штампами. Вот, например, начало стихотворения *The Gowden Locks of Anna* в переводе некоего П. А. Драгоманова:

Вечор, когда в кругу друзей
Вино, шипя, лилось в стаканы,
Струились на груди моей
Златые пукли милой Анны.¹⁶

Другой, не более даровитый стихотворец М. А. Демидов, следуя образцу стихотворения «Горной маргаритке», с которым, видимо, познакомился по переводу Козлова, создал «подражание Р. Борнсу» «Цветок».¹⁷

¹⁵ М. Ю. Лермонтов. Сочинения в 6 т., т. I. М.—Л., 1954, с. 90. Первая редакция перевода относится к 1830 г., настоящая редакция — к 1832 г. В первой строке поэт допустил ошибку, связав английское “kindly” (нежно) с немецким “Kind” (дитя).

¹⁶ Песня. (Из Борнса). С англ. П. Д-рв. — Северный Меркурий, 1831, т. III, № 61, с. 246. — Другой известный нам перевод Драгоманова «из Борнса» — «Прощание» (Гирланда, 1831, ч. I, кн. 6, с. 155—156).

¹⁷ Литературные прибавления к Русскому инвалиду, 1834, ч. XIV, № 43, с. 343:

Цветочик прекрасный рос в поле,
Вдруг скошен и нет его боле.
Как жаль мне тебя, о любезный цветок.
И мой час, быть может, как твой, недалек!

Разумеется, подобные вирши не давали возможности русским читателям составить сколько-нибудь правильное представление о шотландском поэте.

В эти годы о Бернсе неоднократно говорится в русских журналах в различных статьях об английской литературе, переводных, как правило.¹⁸ В основе своей переводом, хотя и вольным, была и обширная статья «Роберт Борнс», напечатанная анонимно в «Библиотеке для чтения».¹⁹ Ее приписывали О. И. Сенковскому,²⁰ и вполне возможно, что редактору «Библиотеки» действительно принадлежала русская версия. Но восходит она к очерку французского переводчика Бернса Леона де Вайи, напечатанному в одном из парижских журналов, а затем предпосланному с некоторыми изменениями его сборнику переводов из Бернса.²¹ Статья в «Библиотеке» знакомила русских читателей с биографией шотландского поэта, которая дополнялась переводом его обширного автобиографического письма 1787 г.; в ней также содержались общая характеристика его творчества и краткие пересказы нескольких его произведений. Оценивался поэт необычайно высоко. «Вслед за именем всеобъемлющего Шекспира можно поставить имя Борнса, как поэта

¹⁸ См., например: Отрывок из дневника лорда Байрона. — Сын отечества и Северный архив, 1831, т. XIX, № 17, с. 131; Поэты-самоучки в Англии (*Revue de Deux Mondes*). — Телескоп, 1832, ч. VII, № 3, с. 415; Движение литературы в Англии с начала XIX века (*Dublin University Magazine*). — Там же, 1834, ч. XXI, с. 81—82; Взгляд на английскую литературу. С франц. *Арс...* — Сын отечества и Северный архив, 1834, т. XLI, № 7, с. 486; [О Коннингэме] Роберт Бернс и лорд Байрон. — Отечественные записки, 1842, т. XXIII, № 7, отд. VIII, с. 30—35.

¹⁹ Библиотека для чтения, 1837, т. XXIV, отд. II, с. 96—136.

²⁰ См.: С. А. Орлов. Бернс в русских переводах. — Ученые записки Ленинградского гос. педагогического института им. А. И. Герцена, т. XXVI. Кафедра всеобщей литературы. Л., 1939, с. 232.

²¹ *Poésies complètes de Robert Burns*, traduites de l'écossois par M. Léon de Wailly; avec une introduction de même. Paris, 1843, p. I—XL.

наиболее одаренного природою, — говорилось здесь. — Отличительными его качествами были те самые, которые всего необходимее для поэта: глубокая чувствительность, сердце, расположенное и к любви и к ненависти, но особенно к любви в обширном смысле этого слова, любви к женщинам, любви к отечеству, любви к природе. К этому присоединялась у него душа благородная, исполненная сознания собственного достоинства, бескорыстная до излишества, мужественная, непреклонная в несчастиях; ум, убранный юмором, веселость которого несколько не сушила сердца; чувственность, источник добра и зла, качеств и недостатков, но также и поэзии; наконец блестящее воображение, которое оживляет все картины колоритом самым свежим, самым обворожительным, но вместе с тем и самым верным». ²²

Русский переводчик включил в статью переложение ритмизованной прозой в стиле русской народной былины известной баллады Бернса «Джон Ячменное Зерно» (*John Barleycorn*), представляющей собою своеобразную, в крестьянском духе, интерпретацию извечного мифа об умирающем и возрождающемся божете. Перевод был довольно точен: и в конце его упоминалась Шотландия — соответственно оригиналу. Но широкое употребление русского просторечия — «бусурманы», «нехристи», «головушка», «окаянные», «родимый» и пр., — да и само заглавие «Иван Ерофеич Хлебное-зернышко» придали балладе иной национальный колорит.

Интересно отметить, что внутреннее родство с Бернсом ощутил великий украинский поэт Тарас Шевченко. В 1847 г., отстаивая свое право создавать поэзию на украинском языке, он ссылаясь на пример Бернса, творившего на родном диалекте вместо общепринятого литературного языка: «А Борнц усэ таки поэт народный и велький». ²³

²² Библиотека для чтения, 1837, т. XXIV, отд. II, с. 125—126.

²³ Неизданные произведения Шевченка, II. Предисловие к «Кобзарю». — Былое, 1906, август, с. 3.

* * *

Начавшийся в середине 50-х гг. прошлого века новый этап революционно-освободительного движения в России косвенно способствовал усилению интереса к Бернсу. Обращение демократически настроенных литераторов к крестьянскому поэту Шотландии было закономерным в то время, когда крестьянский вопрос стоял в центре общественного движения. 30 июня 1855 г. Н. А. Некрасов писал И. С. Тургеневу: «...у меня явилось какое-то болезненное желание познакомиться хоть немного с Бернсом, ты когда-то им занимался, даже хотел писать о нем: вероятно, тебе нетрудно будет перевести для меня одну или две пьесы прозой... я, может быть, попробую переложить в стихи».²⁴ Тургенев с готовностью откликнулся на просьбу. «Я уверен наперед, что ты придешь в восторг от Бернса и с наслаждением будешь переводить его, — писал он в ответ 10 июля. — Я тебе обещаю сделать отличный выбор — и метр приложить. Бернс — это чистый родник поэзии».²⁵ Сам Тургенев позднее намеревался написать статью «Кольцов и Бернс»,²⁶ считая, что между русским и шотландским поэтами «имеются черты сходства».²⁷ Такое сопоставление, следует заметить, напрашивалось само собой, и оно неоднократно встречалось в русской печати.²⁸

²⁴ Н. А. Некрасов. Собрание сочинений в 8 т., т. VIII. М., 1967, с. 140—141.

²⁵ И. С. Тургенев. Полное собрание сочинений и писем в 28 т. Письма, т. II. М.—Л., 1961, с. 295—296.

²⁶ См.: там же, т. IV. М.—Л., 1962, с. 110 (письмо к Е. М. Феоктистову от 19 (31) июля 1860 г.).

²⁷ См.: там же, т. VI. М.—Л., 1963, с. 112 (письмо к В. Рольстону от 7 (19) октября 1866 г.).

²⁸ Историк литературы О. Ф. Миллер писал, например, в статье «Английская литература XVIII столетия»: «Бернс, и по народному духу своей поэзии представляющий сходство с Кольцовым, был также, подобно нашему поэту, жертвою того положения, в котором пришлось ему провести всю жизнь» (Журнал Министерства народного просвещения, 1860, ч. CVIII, № 11, отд. III, с. 98).

Тургенев, к сожалению, статьи не написал. Неосуществленным осталось и намерение Некрасова перевести Бернса. Но в издававшемся под его редакцией журнале «Современник» в 1856 г. были опубликованы шесть стихотворений Бернса в переводе поэта-революционера и переводчика М. Л. Михайлова (1829—1865): «Джон Андерсон, сердечный друг!..» (*John Anderson my jo*), «К полевой мыши, разоренной моим плугом» (*To a Mouse*), «К срезанной плугом маргаритке», «Пахарь» (*Lines on a Merry Ploughman*), «Джон Ячменное Зерно» и «Злая судьба» (*Luckless Fortune*).²⁹ Талантливый интерпретатор иноязычных поэтов, особенно прославившийся переводами из Гейне, передовой мыслитель и общественный деятель, Михайлов, в сущности, первый достойно воссоздал Бернса на русском языке, передал жизнеутверждающий гуманистический пафос, драматизм его поэзии и своеобразие стихотворной формы. Переводы Михайлова сразу же попали в популярные издания³⁰ и затем постоянно включались в различные сборники, представлявшие Бернса, вплоть до 30-х гг. нашего столетия.

Другой поэт революционно-демократического лагеря В. С. Курочкин (1831—1875), прославившийся как переводчик Беранже, создал на основании стихотворения Бернса *I hae a Wife o' my Ain* близкую по духу «Песню бедняка».³¹ К демократическому движению «шестидесятников» примыкали еще два переводчика Бернса: П. И. Вейнберг (1831—1908) и Д. Д. Минаев (1835—1889). Первый, вообще широко переводивший западноевропейских поэтов, выбрал из Бернса кантату «Веселые нищие» и стихотворения «Лорд Грегори» (*Lord Grego-*

²⁹ Современник, 1856, т. LVII, № 6, отд. I, с. 229—236.

³⁰ См., например: Для легкого чтения. Повести, рассказы, комедии, путешествия и стихотворения современных русских писателей, т. IX. СПб., 1859, с. 125—133.

³¹ Русский вестник, 1857, т. X, июль, кн. 2, с. 320

ру) и «Джон Андерсон»,³² второй — «Две собаки» (*The Two Dogs*) и стихотворение, к которому уже обращался Курочкин; это вольное переложение «на мотив из Бернса» Минаев озаглавил «На чердаке».³³

В самом начале 60-х гг. переводил Бернса и В. Д. Костомаров (1837—1865), стяжавший вскоре позорную известность донощика в процессах Михайлова и Чернышевского. До ареста летом 1861 г., который стал переломным в его судьбе, Костомаров был связан с революционными кругами. Тогда-то, видимо, он и создал свои переводы из Бернса, и они вошли в сборник «Поэты всех времен и народов» (М., 1862), составленный им совместно с Ф. Н. Бергом.³⁴ К ним был добавлен перевод Д. Е. Мина (1818—1885) «Видение», а во вступительную статью к разделу «Роберт Борнс» Костомаров включил пять переводов Михайлова и «К полевой маргаритке» Козлова. Сама статья — «плохая компиляция», по определению Д. И. Писарева,³⁵ — в основном воспроизводила упоминавшийся выше французский очерк де Вайи, к которому были добавлены обширные выдержки из посвященной Бернсу статьи английского историка и публициста Т. Карлейля. В переводах Костомарова социальная острота стихотворений Бернса оказывалась приглушенной, да и художественно они были довольно слабы.

Переводы, созданные демократическими деятелями «шестидесятниками», представляли Бернса несколько односторонне; в частности, незатронутой оставалась его любовная лирика. Тем не менее, эти переводы служили

³² Отечественные записки, 1868, т. CLXXX, № 9, отд. I, с. 325—336; т. CLXXXI, № 12, отд. I, с. 622; Дело, 1869, № 1, с. 188.

³³ Дело, 1870, № 1, с. 134—141; № 2, с. 85 (последний перевод подписан псевдонимом Минаева Д. С в и я ж с к и й).

³⁴ Хотя на титульном листе сборника обозначен 1862 г., подготовлен он был раньше: цензурное разрешение датировано 11 февраля 1861 г.

³⁵ Русское слово, 1862, № 5, отд. II, с. 81.

основным источником знакомства русских читателей с творчеством шотландского народного поэта на протяжении более полувека. Из них составилась раздел «Роберт Бернс» в известной переводной антологии английской поэзии, подготовленной Н. В. Гербелем.³⁶ Они же легли в основу отдельных сборников поэзии Бернса, издававшихся позднее. Напротив, единичные переводы, изредка появлявшиеся в журналах и сборниках 70—80-х гг. за подписями М. Шелгунова, Л. Нервина (А. А. Крюков), М. Розенгейма, О. Головнина (Р. Ф. Брандт), И. Веева (М. А. Лачинов) и других, не возвышались над уровнем посредственности; они, видимо, не привлекали внимания читателей и ни разу не перепечатывались.

Заслуживают упоминания две статьи, опубликованные в то время в демократических журналах. Первая принадлежала Н. И. Утиной,³⁷ участнице петербургских радикальных кружков 60-х гг., жене деятеля «Земли и воли» Н. И. Утина. «Главное значение Бернса как поэта, — писала она, — заключается в его безыскусственном и искреннем отношении к той темной народной жизни, которая была предметом и его вдохновения и его личных страданий». Утина подчеркивала, что глубоко правдивая и задушевная поэзия Бернса выросла из повседневной, обыденной, неприкрашенной народной жизни. «Что ежедневно попадаете ему на глаза — радость и горе совершенно не героических личностей, любовь, надежды, опасения и разочарования каких-нибудь поденщиков и работниц — одним словом, жалкая будничная жизнь служит для него постоянной вдохновляющей темой».³⁸ В статью Утина включила свои переводы трех стихотворений Бернса.

³⁶ Английские поэты в биографиях и образцах. Составил Ник. Вас. Г е р б е л ь. СПб., 1875, с. 232—245.

³⁷ Н. А л — е в а [Н. И. Утина]. Роберт Бернс. (Шотландский народный поэт). — Дело, 1876, № 5, с. 257—292; № 6, с. 179—234.

³⁸ Там же, № 5, с. 258—259.

Другая общественная деятельница — М. К. Цебрикова (1835—1917), связанная с революционным народничеством, в своей статье³⁹ не только отмечала единство поэта с его народом, но указывала, что «народные поэты всегда являлись в эпохи брожения народных сил, пробуждения общественной мысли... Бернс явился в Англии, когда идеи о свободе и правах народа... начали распространяться с новой силой под влиянием идей французских энциклопедистов, проникших в Англию и не вызвавших еще в то время того ожесточенного гонения, которое они вызвали, когда разразилась страшная гроза французской революции». Как выразитель народных чаяний Бернс «в своих песнях высказывает все горе, которое веками накопилось в сердце народа, повторяя: мы имеем право на лучшую долю».⁴⁰ Статья Цебриковой, которая связывала Бернса с идеями, подготовившими французскую революцию, не была опубликована полностью: обещанное ее окончание так и не появилось в печати, вероятно, по цензурным причинам.

Усиление интереса к шотландскому народному поэту было вызвано столетием со дня его смерти. В русских журналах 1896—1897 гг. появился ряд посвященных ему публикаций. Статьи о Бернсе писали поэт-переводчик П. И. Вейнберг,⁴¹ поэтесса О. Н. Чюмина,⁴² профессор Петербургского университета англичанин Ч. Тернер,⁴³ профессор Петербургской духовной академии И. И. Ива-

³⁹ М. К. Цебрикова. Бернс. — Мысль, 1880, № 3, с. 102—116.

⁴⁰ Там же, с. 102—103, 105.

⁴¹ Петр Вейнберг. Роберт Бернс. (Очерк. По поводу столетней годовщины его смерти). — Русское богатство, 1896, № 9, с. 31—54; № 10, с. 129—155.

⁴² О. Ч. Роберт Бернс. — Ежемесячные литературные приложения к журналу «Нива», 1896, июль, стлб. 483—490.

⁴³ Роберт Бернс. Статья проф. С.-Петербургского унив. Тернера. Пер. с рукописи А. Н. Анненская. — Мир божий, 1896, № 7, с. 102—116.

нов⁴⁴ и другие.⁴⁵ Печатались и новые переводы стихотворений Бернса, однако ни один из ведущих русских поэтов этого времени им не заинтересовался. Сравнительно более удачными были переводы О. Н. Чюминой-Михайловой (1864—1909),⁴⁶ но и их отличал присущий поэтессе стиль эпигонской лирики 80-х гг. Трудно узнать Бернса в таких, например, слащавых стихах:

Растопились снега,
Зеленеют луга,
Омываемы светлой волною;
Только в сердце печаль,
И кого-то мне жаль,
Кто сюда не вернется весною...

(«Солнце и месяц»)⁴⁷

Чюмина произвольно сокращала стихи Бернса или вносила от себя добавления, меняла метрическую фор-

⁴⁴ Ив. Иванов. 1) Роберт Бэрнс. — Русская мысль, 1896, кн. 7, отд. II, с. 44—65; кн. 8, отд. II, с. 64—92; 2) Поэт крестьянского труда. — Читатель, 1897, № 27, с. 41—128.

⁴⁵ См., например: Роберт Бернс. — По морю и по суше, 1896, 28 июля, № 30, с. 491; Н. Зимченко. Роберт Бернс. Очерк. — Детское чтение, 1896, август, отд. II, с. 290—302; Из литературного мира... Столетний юбилей шотландского поэта Бэрнса. — Книжки Недели, 1896, август, с. 275—276; Э. Пименова. Из жизни и литературы на Западе... Роберт Бернс. — Образование, 1896, № 7—8, отд. II, с. 99—103; Роберт Бернс. — Всемирная иллюстрация, 1896, т. LVI, № 2 (1432), с. 36—37.

⁴⁶ Чюмина — девичья фамилия поэтессы, Михайлова — по мужу; переводы из Бернса она подписывала то одной, то другой фамилией.

⁴⁷ Вестник Европы, 1896, кн. 7, с. 355. Ср. оригинал:

The winter is past, and the summer's come at last,
And the little birds sing on every tree;
Now everything is glad, while I am very sad
Since my true love is parted from me.

му. В том же ряду стоят публиковавшиеся в это время переводы Н. Новича (Н. Н. Бахтин, 1866—1940) и А. М. Федорова. В связи со столетней годовщиной стала, однако, ощущаться необходимость издания отдельного сборника стихотворений Бернса в русских переводах. И такой сборник вышел в 1897 г.⁴⁸ Составитель его детский писатель И. А. Белоусов собрал переводы 1850—60-х гг. и добавил к ним новые переводы Чюминой, Новича и Федорова. Всего набралось 40 стихотворений, которым Белоусов предпослал биографический очерк, небрежно составленный главным образом на основании статьи Костомарова в антологии «Поэты всех времен и народов». Нельзя, конечно, считать, что этот первый сборник Бернса на русском языке достойно представил великого шотландского поэта. Тем не менее, поэт А. А. Коринфский утверждал в рецензии: «Успех этой книжки — вне всякого сомнения».⁴⁹ И она, видимо, действительно пользовалась некоторым успехом, потому что спустя семь лет Белоусов, добавив 8 стихотворений в переводах Чюминой и Новича, переиздал сборник в серии «Дешевая библиотека» издательства А. С. Суворина.⁵⁰

Сборник Белоусова как бы подвел итог дореволюционным переводам из Бернса. При своем ограниченном объеме, он демонстрировал разные стороны творчества поэта. Здесь были и любовная лирика и сатиры, «Субботний вечер поселянина» и «Веселые нищие», литературный манифест «Видение» и озорная фольклорная легенда «Тэм О'Шэнтер» и т. д. Однако уровень переводов не позволяет говорить о полноценном воспроизведении Бернса на русском языке. Единичные новые переводы,

⁴⁸ Роберт Борнс. Стихотворения в переводе русских поэтов, с биографическим очерком и портретом. М., 1897, 96 с.

⁴⁹ Север, 1897, № 4, стлб. 124.

⁵⁰ Роберт Борнс и его произведения в переводе русских писателей. Под редакцией И. А. Белоусова. С биографическим очерком. Спб., изд. А. С. Суворина, [1904], 115 с. (Дешевая библиотека, № 361).

публиковавшиеся до 1917 г., в том числе и «Джон-Ячменное Зерно» в неудачном переводе К. Д. Бальмонта,⁵¹ не могли изменить общей картины.

* * *

После Великой Октябрьской социалистической революции интерес к народному поэту Шотландии значительно возрос, хотя в условиях гражданской войны и послевоенной разрухи он мог быть удовлетворен далеко не сразу. Летом 1918 г. в журнале «К солнцу!» поэт Л. И. Андрусон (1875—1930), переведивший Бернса и раньше,⁵² поместил заметку «Певец плуга и земли», где называл его «величайшим из всех поэтов, вышедших из среды простого народа», здесь же были помещены три новых перевода Андрусона⁵³ и сообщалось, что редакция журнала намерена издать сборник «избранных песен Роберта Бернса в переводах известных русских поэтов». Намерение редакции не было осуществлено, так как журнал вскоре перестал выходить. Но в 1919 г. издатель С. М. Нонин, выпускавший популярные книги для широкого круга читателей, издал небольшой сборник стихотворений Бернса, куда вошли переводы Михайлова, Курочкина, Вейнберга и Костомарова.⁵⁴

Издание Роберта Бернса, наряду с другими английскими поэтами, предусматривалось планами организованного Горьким издательства «Всемирная литература», но и оно осталось неосуществленным.

В 20-е гг. с новыми переложениями «Джона Ячменного Зерна» и «Веселых нищих» выступил замечательный

⁵¹ Образование, 1909, № 5, с. 1—2.

⁵² См.: Л. Андрусон. Сказка любви. СПб., 1908, с. 137—141 («Боченок пива Биль сварил», «Все обнял черной ночи мрак»).

⁵³ К солнцу! 1918. 7 июля. № 1 с. 5—6 (переводы: «Мой пахарь», «Довольство малым», «В аду теперь сборщик проклятый!»).

⁵⁴ Роберт Б о р н с. Песни шотландских поселян. Пг., Нонин, 1919. 16 с.

советский поэт-романтик Эдуард Багрицкий (1895—1934). Он, видимо, не обращался к подлинникам, но, отталкиваясь от соответствующих переводов Михайлова и Вейнберга, создавал собственные версии (печатавшиеся вместе с его оригинальными стихами), в которых с особой силой звучала стихия вольнолюбия и бунтарства. Таким бунтарем, которого нельзя ни покорить, ни уничтожить, стал у Багрицкого Джон Ячменное Зерно. Характерно и заключительное двустишие «Веселых нищих» в переводе Багрицкого, не имеющее соответствия в подлиннике:

Королевским законам
Нам голов не свернуть!

Но вопрос о новых переводах Бернса оставался нерешенным. Их необходимость, возможно, стала особенно ощутимой, когда в 1934 г. в приложении к журналу «Огонек» вышел небольшой сборник его стихов, где, за неимением новых, перепечатывались старые переводы от Михайлова до Новича.⁵⁵

В этот период к творчеству Бернса обратилась известная писательница и переводчица Т. Л. Щепкина-Куперник (1874—1952). К 1936 г. она подготовила сборник избранной лирики шотландского поэта, включавший 74 стихотворения.⁵⁶ В таком объеме на русский язык Бернса до нее никто не переводил. Щепкина-Куперник представила разные жанры его поэзии, заново перевела многие ранее переводившиеся стихотворения и добавила к ним другие, еще неизвестные по-русски, в том числе такие важные в поэтическом наследии Бернса, как, например, «Молитва святого Вилли» или «Привет поэту своему незаконному ребенку» (*A Poet's Welcome to his love-be-*

⁵⁵ Роберт Б э р н с. Шотландские песни. Предисловие и примечания А. Д. М., 1934, 48 с. (Библиотека «Огонек», № 28).

⁵⁶ Роберт Б э р н с. Избранная лирика. Перевод с английского Т. Л. Щепкиной-Куперник. Редакция, предисловие и комментарии С. Бабуха. М., «Художественная литература», 1936, 160 с.

gotten Daughter) и др. Переводчица прониклась духом поэзии Бернса, по достоинству оценила его демократизм и жизнелюбие, народно-песенный строй его лирики. Она удачно передавала и политические стихотворения, и сатиры, и многие песни Бернса. И все же различие поэтического темперамента сказывалось в переводах, особенно любовной лирики. Безыскусственность Бернса под пером Щепкиной-Куперник подчас преобразовывалась в условную поэтическую чувствительность. Это проявилось уже в первом стихотворении сборника:

Любовь моя — алая, алая роза,
В июньский расцветшая зной;
Любовь моя — нежная, нежная песня,
Мелодии звук неземной!

Эпитет «неземной», не имеющий соответствия в оригинале, придал четверостишию совершенно иную, чуждую Бернсу тональность. Небрежно отнеслась переводчица и к форме бернсовского оригинала.

При всех достоинствах сборника, Щепкиной-Куперник все же не удалось окончательно сроднить Бернса с русской поэзией. Заслуга эта принадлежит С. Я. Маршаку.

Самуил Яковлевич Маршак (1887—1964), широко известный в нашей стране поэт, драматург и переводчик, впервые обратился к Бернсу в 1924 г. Но еще раньше, в 1910-е гг., он переводил шотландские баллады, и это послужило хорошей школой, подготовившей его к воссозданию на русском языке песен и стихов шотландского народного поэта. С середины 30-х гг. Маршак стал переводить Бернса систематически, и в 1947 г. вышел небольшой сборник переводов,⁵⁷ который в последующие годы многократно переиздавался под заглавием «Роберт

⁵⁷ Роберт Бернс. Избранное. В переводе С. Маршака. М., Гослитиздат, 1947. 95 с.

Бернс в переводах С. Маршака», каждый раз пополняясь новыми стихотворениями. В 1959 г. Маршак писал: «Я счастлив, что на мою долю выпала честь дать моим современникам и соотечественникам наиболее полное собрание переводов из Бернса. Более двадцати лет посвятил я этому труду и до сих пор еще считаю свою задачу незавершенной».⁵⁸ Свой труд Маршак продолжал до конца жизни. Наиболее полным является последнее, уже посмертное издание,⁵⁹ содержащее 215 произведений, что составляет примерно две пятых поэтического наследия Бернса.

Но дело, разумеется, не только в количестве стихов и даже не в переводческом мастерстве. Всякий переводчик, особенно поэт, накладывает на переводимое произведение — вольно или невольно — отпечаток собственной творческой личности. Талант поэта Маршака оказался сродни музе Бернса. Недаром К. И. Чуковский обнаружил в Маршаке «одержимость великой народной поэзией... Поэзию — особенно народную, песенную — он любил самозабвенно и жадно».⁶⁰ Поэтому ему и удалось передать самый дух стихов шотландского народного поэта.

Переводы Маршака далеки от буквальной точности. Расхождения с оригиналом — вообще неизбежные в стихотворном переводе, особенно с английского на русский, — можно обнаружить у него чуть ли не в каждой строке. Но внимательный анализ показывает, что эти частные отступления позволяют верно воссоздать, согласно с законами русской речи, поэтическое целое, и не только его вербальное содержание, но его стиль, образную систему, эмоциональную настроенность, простоту и драма-

⁵⁸ С. Маршак. Роберту Бернсу 200 лет. — Культура и жизнь, 1959, № 1, с. 60.

⁵⁹ Роберт Бернс. Стихи в переводах С. Маршака. М., «Художественная литература», 1976, 382 с.

⁶⁰ Корней Чуковский. Высокое искусство. О принципах художественного перевода. М. «Искусство», 1964, с. 203.

тизм, движение стиха, музыкальность, — словом, те черты, благодаря которым перевод обретает обаяние оригинального произведения. Недаром А. Т. Твардовский утверждал: «... эти переводы обладают таким очарованием свободной поэтической речи, будто бы Бернс сам писал по-русски да так и явился без всякого посредничества перед нашим читателем». ⁶¹

В переводах Маршака Бернс представлен всесторонне. Русский поэт воссоздавал интонационное своеобразие бернсовских песен, благодаря чему каждая имеет свое, присущее ей одной звучание. Взять хотя бы песни «Финдлей» (*Wha is that at my Bower-Door?*), «Ты свисти — тебя не заставлю я ждать...» (*O Whistle, and I'll Come to Ye, my Lad*) и «Ты меня оставил, Джемми...» (*Thou Hast Left Me ever, Jamie!*). Во всех трех основной художественный прием — повторы и параллелизмы, но как они различны эмоционально: удалые подхваты в первой, озорная скороговорка во второй и горестные причитания безысходной тоски в третьей.

Маршак заново переводил уже известные читателям песни, давая им новую жизнь, но большую часть песен, и любовных, и сатирических, и вольнолюбивых патристических, он воссоздал на русском языке впервые. Особое внимание уделял он политической лирике. Здесь прежде всего следует отметить «Дерево свободы» (*The Tree of Liberty*), написанное в пору подъема Французской революции и воплотившее заветные чаяния поэта, его мечту о свободном обществе, а также «За тех, кто далеко» (*Here's a Health to Them That's Awa*), стихотворение, созвучное идеям революционного публициста Томаса Пейна (*Thomas Paine, 1737-1809*). Впервые представил Маршак ранее неизвестные на русском языке такие жанры поэзии Бернса, как послания — своеобразные письма в стихах — и эпиграммы, бичующие чванство, ханжество, алчность,

⁶¹ А. Твардовский. Статьи и заметки о литературе. М., «Советский писатель», 1961, с. 70.

глупость, лицемерие. Как писал Твардовский: «С. Маршаку удалось в результате упорных многолетних поисков найти как раз те интонационные ходы, которые, не утрачивая самобытной русской свойственности, прекрасно передают музыку слова, сложившуюся на основе языка, далекого по своей природе от русского».⁶²

Благодаря переводам Маршака, Бернс органически вошел в нашу культуру. Недаром многие его песни положены на музыку советскими композиторами (в числе которых Д. Д. Шостакович, Г. В. Свиридов, Д. Б. Кабалевский), что особо подчеркнуло их музыкальную природу. Знаменательно, что эти переводы вызвали резонанс далеко за пределами нашей страны — на родине шотландского поэта. Когда в 40-е гг. один английский критик выступил в лондонской газете «Таймс» с утверждением, что Бернс «непонятен англичанам» и имеет лишь ограниченное, «региональное» значение, возмущенные соотечественники поэта в своих возражениях ссылались на переводы Маршака, принесшие популярность великому шотландцу в Советском Союзе.⁶³ В 1959 г. Маршак был избран почетным председателем Федерации Бернса в Шотландии.

И все же, при всей внутренней близости, Маршак как поэт неизбежно отличается от Бернса. Верный своему поэтическому темпераменту, он нередко как бы «высвечивает» то, что у Бернса выражено более туманно, делает бернсовские образы и эмоции подчас более ясными, четкими, определенными. С другой стороны, Маршак смягчает, «облагораживает» резкость и грубость Бернса (употреблявшего подчас такие выражения, которые при точной передаче на русский язык звучали бы нецензурно). Все это побуждает других переводчиков искать новые формы воссоздания «русского Бернса». В разное время

⁶² А. Твардовский. Статьи и заметки о литературе. М., «Советский писатель», 1961, с. 77—78.

⁶³ См.: М. М. Морозов. Избранные статьи и переводы. М., Гослитиздат, 1954, с. 324—325.

параллельно с маршаковскими публиковались переводы С. Б. Болотина и Т. С. Сикорской, Игн. Ивановского, В. В. Рогова, С. А. Орлова, Д. Баянова. Интересный опыт представляет собою «Голь гулящая» (*The Jolly Beggars*) С. В. Петрова, убежденного сторонника использования в переводе просторечия. Особо следует отметить деятельность архангельского поэта В. М. Федотова; он перевел свыше ста стихотворений Бернса (главным образом песен), многие из которых отсутствовали в переводах Маршака, и составил из них два сборника.⁶⁴ В. М. Федотов экспериментирует, вводя в переводы русское просторечие, правда, не всегда успешно: иногда это оборачивается неуместной русификацией.⁶⁵ Тем не менее, у В. М. Федотова были несомненные удачи, позволившие по-новому представить Бернса советским читателям. И они нашли свое место в настоящем сборнике.

Нередко приходится слышать, что в Советском Союзе Бернс обрел вторую родину, и это справедливо. Он вошел в число любимых нашим народом поэтов. Его стихи в русских переводах издаются многотысячными тиражами. 200-летие со дня его рождения широко отмечалось в советской печати. В ознаменование юбилея проводились праздничные вечера, посвященные Бернсу. А школьники одной из московских школ, носящей имя Пушкина, организовали «Клуб друзей Пушкина и Бернса», и этот клуб с помощью общества «СССР—Великобритания» и Всесоюзной государственной библиотеки иностранной литературы выпустил посвященный поэту Шотландии сборник на русском и английском языках «Венок Роберту

⁶⁴ Роберт Бернс. Стихи и песни. В переводах В. Федотова. Архангельское книжное издательство, 1959, 124 с.; Роберт Бернс. Песни и стихи. Перевод с английского Виктора Федотова. М., «Советская Россия», 1963, 232 с.

⁶⁵ В свое время переводы В. Федотова подверглись критике К. И. Чуковского; см. Корней Чуковский. В защиту Бернса. — Новый мир, 1963, № 9, с. 224—227.

Бернсу». Жизнь и творчество Бернса постоянно служат предметом исследования советских литературоведов.⁶⁶

Но, быть может, наиболее ярким свидетельством популярности Бернса в нашей стране являются посвященные ему стихи советских поэтов. Николай Асеев, Алексей Сурков, Татьяна Гнедич, Новелла Матвеева, Надежда Полякова, Александр Кильдюшев, Алексей Крючков, Ольга Наровчатова — вот далеко не полный перечень советских поэтов, в ком великий шотландец вызвал творческий отклик. Их стихи, посвященные Бернсу, выражают мечту о единении всего передового человечества. Недаром Маршак в стихотворении «Роберту Бернсу» писал:

Мила и нам, твоим друзьям,
Твоя босая муза.
Она прошла по всем краям
Советского Союза.
Мы вспоминаем о тебе
Под шум веселый пира,
И рядом с нами ты в борьбе
За мир и счастье мира!⁶⁷

Ю. Д. Левин

⁶⁶ См. приложенную ниже библиографию (с. 760—763).

⁶⁷ С. Я. Маршак. Роберту Бернсу. — *Новый мир*, 1959, № 1, с. 139.

Комментарии

В комментарии включены сведения: текстологические, библиографические, историко-литературные, биографические, исторические, социально-бытовые, лингвистические.

В комментариях приняты сокращения, обычные для справочных изданий. При указании года опускается «г.», названия месяцев сокращены (напр., 10 апр. 1786); прилагательные *шотландский, английский, французский* и т. п. передаются как *шотл., англ., фр.*; в библиографических отсылках том, глава, часть, действие, сцена, песня, строфа обозначены римскими цифрами, а строки (в поэтических текстах) и страницы — арабскими.

Порядок расположения стихов в корпусе книги произвольный; однако в комментариях сохраняется хронологический порядок расположения материала, повторяющийся, в основном, издание Дж. Кинсли (см. ниже). Отсылки внутри комментариев даются на порядковый номер стихотворения. В Содержании первая колонка цифр — указания на страницу текста, вторая — на страницу комментариев.

ТЕКСТОЛОГИЯ

Автографы поэтических текстов Бернса не собраны воедино: они разбросаны по различным собраниям, хранящимся в разных местах. Важнейшие собрания автографов Бернса следующие (слева — сокращенные обозначения):

1. **1СРВ** — *The First Commonplace Book* — альбом для записей, которые Бернс вел с апр. 1783 по окт. 1785 (44 с.). Содержит 25 поэтических текстов Бернса, а также многочисленные заметки, философские размышления, наблюдения, факты. Находится в частном владении; имеется факсимильное издание 1938.

2. **2СРВ** — *The Edinburgh (second) Commonplace Book* — альбом, начатый в апр. 1787 в Эдинбурге (170 с., из которых 23—6 и 41—58 утрачены, а 59—170 не заполнены). Содержит 15 поэтических текстов; хранится в музее — домике, где родился поэт (Burns Cottage, Alloway).

3. **Kilmarnock MSS** — собрание, состоящее из альбома, писем и разрозненных листков с записями стихотворений; всего в нем 22 поэтических текста. Хранится в мемориальном музее Бернса в г. Килмáрнок (Kilmarnock Monument Museum).

4. **Glenriddell MS** — 38 поэтических текстов, переписанных Бернсом в 1791 для Роберта Риддела, а также 15 текстов, переписанных рукою Риддела с поправками и заметками Бернса. Место хранения: National Library of Scotland, **MS 86**.

5. **Hastie MSS** — материалы для сборников *The Scots Musical Museum*. Содержат письма к издателю сборников Джеймсу Джонсону и 172 поэтических текста (в том числе несколько народных песен, записанных Бернсом для Джонсона). Место хранения: British Museum, Add. MS 22307.

6. **Egerton MS** — собрание разрозненных писем и поэтических произведений Бернса; содержит 14 поэтических текстов. Хранится: British Museum, MS 1656.

7. **Lochryan MSS** — собрание писем и стихотворений, посланных Бернсом с 1786 по 1796 миссис Фрэнсис Данлоп. Содержит 42 письма с пояснениями относительно посылаемых произведений и 37 поэтических текстов. Около ста лет хранилось в родовом поместье Данлопов — Лохриэн; в наст. время: Pierpont Morgan Library, New York.

8. **Dalhousie MSS** — материалы для сборников *Select Collection of Scottish Airs*. Содержит 56 писем (1792—96) к издателю сборника Джорджу Томсону и 107 поэтических текстов (8 из них рукою Бернса, но не его произведения). Хранятся: Pierpont Morgan Library, New York.

9. **Adam-Rosenbach MSS** — собрание, содержащее 35 разрозненных поэтических текстов Бернса и 28 писем с еще 10 поэтическими текстами. Эти материалы собрал некто Р. Б. Эдам (Adam) из г. Буффало (штат Нью-Йорк) и опубликовал в 1922; в наст. время — в частном владении Rosenbach Company.

Значительные собрания поэтических текстов Бернса хранятся также в следующих музеях и библиотеках:

а) **Alloway MSS** (Burns Cottage Collection, Alloway): помимо упомянутой выше ₁СРВ, еще пять небольших

собраний: **Afton Lodge MS; Graham of Fintry MSS; Stair MSS** и др.;

b) **National Library of Scotland:** помимо упомянутого **Glenriddell MS**, еще два собрания;

c) **Edinburgh University Library:** два собрания, в том числе **Laing MSS** (15 поэтических текстов);

d) **Irvine MS** — «Клуб Бернса» в г. Ирвин владеет фрагментом наборного экземпляра первой книги Бернса (6 текстов);

e) **Huntington Library, San Marino** — два собрания.

Как видно из приведенного списка, значительная часть автографов Бернса сохранилась. Однако, если некоторые тексты известны по двум, трем, а иногда даже по пяти и шести автографам, то автографы других поэтических произведений Бернса — и таких немало — неизвестны (утрачены или местонахождение их не установлено).

За 185 лет, истекших со времени смерти шотландского поэта, вышло несколько десятков изданий его стихотворений и песен; далеко не все издатели обращались к автографам, а те, кто обращался, зачастую имели в своем распоряжении разные автографы. Отсюда значительный разноречивый в опубликованных текстах: разнятся заголовки, объем текста (иногда отсутствуют целые строфы!), расположение строк, отдельные слова, написание и т. д. Большая текстологическая работа была проделана при подготовке трехтомного издания *The Poems and Songs of Robert Burns* (ed. by James Kinsley. Oxford, 1968), принятого за основу для настоящего издания. Многие, однако, еще предстоит сделать, прежде чем англоязычный читатель получит полноценный в текстологическом отношении, т. е. *подлинный*, текст Бернса.

Существенной проблемой остается во многих случаях вопрос об авторстве. В ходе подготовки издания под ред. Кинсли установлено, что некоторые произведения, приписывавшиеся Бернсу, в действительности ему не принадлежат. Последние 9 лет своей жизни Бернс записывал шотл. народные песни, обрабатывал их; но иногда посылал издателям необработанные песни. Далеко не всегда ясна степень авторства Бернса при обработке; поэт мог отредактировать народную песню, за-

менив в ней несколько слов, но мог переписать ее заново.

В комментариях к отдельным стихотворениям указывается автограф, первая публикация, приводится материал, позволяющий судить о степени вклада самого Бернса в обработанные им народные песни.

БИБЛИОГРАФИЯ

При жизни Бернса вышли следующие издания его стихотворений и поэм (слева — сокращенные обозначения):

1. **Poems, 1786** — *Poems Chiefly in the Scottish Dialect by Robert Burns*, Kilmarnock, 1786.

2. **Poems, 1787** — Второе издание, с добавлением нескольких новых произведений. Заголовок тот же: Edinburgh, 1787.

3. **Poems, 1793-94** — Третье издание с добавлением новых произведений. В двух томах. Заголовок тот же: Edinburgh, 1793. Четвертое издание, полностью идентичное третьему: Edinburgh, 1794.

4. **SMM (1787-1803)** — *The Scots Musical Museum*. By James Johnson. Edinburgh, vol. I [1787]; vol. II [1788]; vol. III [1790]; vol. IV [1792]; vol. V [1796]; vol. VI [1803]. Во всех 6-ти томах **SMM** песни Бернса занимают значительное место. Джеймс Джонсон (Johnson, 1750-1811), шотландец, уроженец г. Эттрик, прошел путь от нотного наборщика до собирателя и издателя шотл. народных песен; не обладая для этого достаточным образованием, он привлек к подготовке своего издания многих выдающихся поэтов, музыкантов, собирателей фольклора. Второе (1839), третье (1853) и последующие переиздания **SMM** вышли с обширными комментариями известного собирателя народных мелодий Уильяма Стенхауза (Stenhouse, 1773-1827). Комментарии озаглавлены: *Illustrations of the Lyric Poetry and Music of Scotland*.

5. **SC (1793-1818)** — *A Select Collection of Original Scottish Airs* [by G. Thomson]. London, set I — 1793; set II — 1798; set III — 1799; set IV — 1799; (в дальнейшем выпуски 1,2 объединены в том I, а 3,4 — в том II); vol. III — 1802; vol. IV — 1803; vol. IV, pt. II — 1805;

vol. V — 1818 (в томах IV, V заголовок продолжен словами: *including upward of one hundred new Songs by Burns*). Песни Бернса — во всех томах и выпусках этого издания. Джордж Томсон (Thomson, 1757-1851), сын школьного учителя из деревни Лаймкилнз, юрист, некоторое время был поверенным в делах какой-то фирмы; в начале 1790-х неожиданно решил заняться изданием шотл. народных песен и с этой целью предложил сотрудничество Бернсу. Если Джонсон был энтузиастом своего дела и отнюдь не претендовал на роль знатока, то Томсон видел в издании выгодное предприятие и считал себя сведущим в поэзии, музыке и фольклоре. Последнее наложило неприятный отпечаток на его отношения с Бернсом (см., в частности, коммент. к №№ 81, 94). После смерти Бернса Томсон опубликовал многие его рукописи, внося в них произвольные изменения, меняя заглавия, предложенные Бернсом мелодии и т. п.

При жизни Бернса некоторые его произведения вышли отдельными изданиями, другие вошли в те или иные сборники, около десяти появилось в периодической печати (см. коммент. к №№ 13, 25, 32, 34, 35, 42, 49).

Многие произведения Бернса впервые увидели свет после его смерти в следующих изданиях:

6. **Merry Muses** — *The Merry Muses of Caledonia: A Collection of favorite Scots Songs* (1799 или 1800). Сборник фривольно-эротических песен. Принято считать, что в нем воспроизведены песни, собранные и частично обработанные Бернсом, однако достоверных сведений на этот счет нет (см. коммент. к № 115). В 1827 сборник был переиздан; в дальнейшем вышло еще несколько (не менее пяти) переизданий.

7. **Currie** — *The Works of Robert Burns with an Account of his Life*. Ed. by James Currie, 4 vols; 1800, 1801 (в комментариях даются ссылки на 2-е изд. 1801).

8. **Stewart** — *Poems Ascribed to Robert Burns, not contained in any Edition of his Works hitherto published* [ed. by Thomas Stewart], 1801 (2nd ed. — 1802).

9. **Cromek** — *Reliques of Robert Burns*. Ed. by R. H. Cromek, 1808.

10. **Hogg and Motherwell** — *The Works of Robert*

Burns. Ed. by James Hogg [Etrick Shepherd] and William Motherwell, 5 vols., 1834-36.

11. **Cunningham** — *The Works of Robert Burns*. Ed. by Allan Cunningham, 8 vols., 1834.

12. **Chambers—Wallace** — *The Life and Works of Robert Burns*. Ed. by R. Chambers, 4 vols., 1851; revd. by W. Wallace, 1896.

13. **Henley and Henderson** — *The Poetry of Robert Burns*. Ed. by W. E. Henley and T. F. Henderson, 4 vols. 1896.

14. **Dick** — *The Songs of Robert Burns*. Ed. by J. C. Dick, 1903.

15. **Kinsley** — *The Poems and Songs of Robert Burns*. Ed. by James Kinsley, 3 vols.; 1968.

В комментариях перечисленных выше изданий прекрасно разработана творческая история большинства произведений Бернса, раскрыты литературные источники его произведений, отмечены многочисленные аллюзии, цитаты, параллели. Этот материал использован в комментариях к настоящему изданию.

БЕРНС И ТРАДИЦИИ АНГЛИЙСКОЙ И ШОТЛАНДСКОЙ ПОЭЗИИ

Биографы, акцентируя социальное происхождение Бернса, трудности, которые ему пришлось преодолеть, чтобы получить образование, создают порой впечатление, что образования и культуры поэту явно не хватало. Перед читателем возникает образ эдакого полуграмотного крестьянского парня, который лишь в силу особого дара создавал тонкие и глубокие стихи. Все это мало соответствует истине: образование поэту действительно далось нелегко; в основе его творчества действительно лежит огромный талант, но одной из сторон этого таланта как раз и была способность впитывать в себя умственный и эмоциональный опыт современников и предшественников.

Следует иметь в виду, что Шотландия 1770—90-х переживала пик своего национального возрождения, начавшегося на рубеже XVII—XVIII вв. и превратив-

шего страну в один из наиболее культурных уголков Европы. В маленькой Шотландии было в то время пять университетов, в том числе такие значительные, как Эдинбургский, Абердинский и Сент-Эндрю в Перте (в Англии их тогда было три, а в Ирландии — один), вследствие чего даже в сельских школах преподавали порой люди, получившие серьезное университетское образование. Одним из них был Джон Мёрдок (Murdoch, 1747-1824), первый учитель Бернса (поэт учился у него с 1765 по 1768, а затем в 1773). Под его руководством Бернс обучался не только считать, читать и писать (любопытно, что поэт, как об этом свидетельствуют его рукописи, в отличие от очень многих своих современников, писал по-английски безукоризненно), но также основам всеобщей и национальной истории, литературе, географии, а несколько позже — физике, астрономии, теологии, французскому и латинскому языкам.

В школе (Dalrymple School), которую поэт посещал (хотя и недолго) зимою 1772, тринадцатилетний Бернс под руководством учителя читал романы Ричардсона, Смоллетта, Филдинга, философские и исторические труды Юма и Робертсона. В 1773 Мёрдок специально занимался со своим любимым учеником поэзией Попа. В те же годы юноша познакомился с драматургией Шекспира, философскими трудами Локка, журналом Аддисона *Spectator*, с поэзией Аллана Рамзея, а несколько позже с «Сентиментальным путешествием» и «Тристрамом Шенди» Стерна (эту книгу, купленную им в 1882, Бернс очень любил), с поэзией Томсона, Шенстона, с «Оссианом» Макферсона. В круг чтения юноши входили также произведения второ- и третьестепенных авторов — Тэйлора, Харви, Маккензи, Бойла, Стэкхауза, Гатри, Тула, Диксона и др. Не приходится поэтому удивляться, что поэт прекрасно усвоил философские (главным образом просветительские) и социально-политические идеи своего времени, был сведущ в литературе, истории, географии. И когда, после выхода его стихотворений в 1786, он начал встречаться с законодателями литературных вкусов шотл. столицы, он мог беседовать с ними «на равных». В 1787—88 Бернс — сложившийся поэт, знаток национальной старины и фольклора, с мнением ко-

тогого считаются профессиональные собиратели и издатели шотл. народных песен и баллад.

Поражает свобода, с которой Бернс владел накопленными знаниями: кажется все прочитанное и услышанное, вся англ. и шотл. поэтическая культура хранились в его «оперативной» памяти, готовые к моментальному использованию — цитации и переосмыслению в собственных стихах. В комментариях к конкретным произведениям раскрываются многочисленные (хотя и далеко не все) цитаты, аллюзии, реминисценции из англ. и шотл. поэтов, свидетельствующие, что Бернс не пассивно знал, но именно владел поэтической сокровищницей Англии и Шотландии.

Из англ. поэтов это прежде всего — основоположник англ. национальной литературы Джеффри Чосер (Chaucer, 1340-1400), автор прославленных «Кентерберийских рассказов» (*Canterbury Tales*, 1388-1400), а также поэты англ. Возрождения: Уильям Шекспир и его современники Филип Сидней (Sidney, 1554-86) и Эдмунд Спенсер (Spenser, 1552-99), автор «Королевы фей» (*The Faerie Queene*, 1589-96), написанной ямбическими девятистишиями с удлинённой заключительной строкой, получившими название «спенсеровой строфы» (Бернс неоднократно пользовался этим размером). Особенно часто Бернс обращается к поэзии своих непосредственных предшественников — английских поэтов-просветителей. Это Александр Поп (Pope, 1688-1744), к философско-этической поэме которого «Опыт о человеке» (*The Essay on Man*, 1732-34) Бернс обращается неоднократно; Уильям Шенстон (Shenstone, 1714-63); Джеймс Томсон (Thomson, 1700-48), автор снискавшей широкую известность поэмы «Времена года» (*Seasons*, 1726-30); Джордж Крабб (Crabbe, 1754-1832); Томас Грей (Gray, 1716-71) — особенно его «Элегия, написанная на сельском кладбище» (*An Elegy Written in a Country Churchyard*, 1751), получившая широкую известность в России благодаря двум переводам В. А. Жуковского; Эдуард Юнг (Young, 1683-1765), автор цикла глубоко меланхолических стихов «Жалобы или ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии» (*The Complaint, or Night Thoughts on Life, Death, and Immortality*, 1742-45);

Оливер Голдсмит (Goldsmith, 1728-74), автор элегии «Покинутая деревня» (*Deserted Village*, 1770).

Но не только поэты занимают сознание Бернса — в его произведениях можно встретить реминисценции из драматургов и прозаиков той поры: комедиографа эпохи реставрации Уильяма Уичерли, Сэмюэла Джонсона, Лоренса Стерна и др.

Особый отпечаток на поэзию Бернса наложило его прекрасное знание шотл. поэтов. Он отлично знал и широко использовал поэтический опыт старых шотл. мастеров; в их числе: основоположник национальной шотл. поэзии Джон Барбор (Barbour, 1316-?95); Слепой Гарри (Blind Harry — серед. XV в.); Роберт Хенрисон (Henryson, ?1425-?95); Уильям Дунбар (Dunbar, ?1460-?1520); Гэвин Дуглас (Douglas, ?1474-1522); Дэвид Линдсей (Lyndsay, 1490-1555). Центральное место в поэтическом сознании Бернса занимают два поэта, которых он справедливо считал своими непосредственными предшественниками: это зачинатель шотл. поэтического возрождения Аллан Рамзей (Ramsey, 1680-1758) и Роберт Фергюссон (Fergusson, 1750-74). Творчество Бернса теснейшим образом связано с их поэзией, с их идеями, мотивами, разработанными ими стихотворными формами. В частности, к их поэтической практике восходит т. н. «бернсова строфа» (шестистишие по схеме ААВВАВ с укороченными 4-й и 6-й строками), которая довольно широко использовалась Рамзеем и Фергюссоном, хотя лишь в творчестве Бернса раскрылись ее возможности в ритмическом и интонационном оформлении самых различных жанров и стилей. Подобного рода строфическая форма известна в средневековой лирике, в провансальской поэзии (см.: Schipper J. *A History of English Versification*, 1910, p. 318); в англ. поэзии, начиная с XVI в., она исчезает, но в шотл. поэзии сохраняется; в XVIII в. эта форма все более утверждается (гл. образом в комических жанрах), тесня «тяжелые» октавы и особенно девяти-, десяти- и одиннадцатистрочные строфы.

Рядом с Рамзеем и Фергюссоном стоят имена других шотл. поэтов меньшего масштаба: Роберт Блэр (Blair, 1699-1746), автор медитативной поэмы «Могила» (*The Grave*, 1743); Уильям Гэмилтон из Гилбертфилда (Hamil-

ton of Gilbertfield, 1665-1751), близкий друг Рамзея, автор многочисленных обработок и переделок народных песен, часто написанных совместно с Рамзеем; Джеймс Битти (Beattie, 1735-1803), автор поэмы «Менестрель» (*The Minstrel, or the Progress of Genius*. Book I—1771; Book II—1774).¹

Начиная с 1787 Бернс со все возрастающей интенсивностью записывал и обрабатывал народные песни — гл. обр. шотл., но иногда англ. и ирл. В этой связи в комментариях часто цитируются или упоминаются сборники народных песен, а также сборники пословиц. Ниже приводится список принятых при этом условных сокращений:

1. **Aird** — James Aird. *A Selection of Scotch, English, Irish... Airs*, vol. I, II — 1782; vol. III-VI — 1788-99.

2. **Bannatyne MS** — рукописный сборник шотл. песен и баллад (более 800 листов аккуратным мелким почерком), хранящийся в Advocates' Library в Эдинбурге. История его такова: эдинбургский торговец Джордж Бэннатайн (1545—1608), выходец из многодетной крестьянской семьи, спасаясь от эпидемии чумы, провел лето и осень 1568 в деревне, где «во время вынужденного безделья» записал известные ему произведения шотл. поэтов (завершая свой труд, он добавил от себя такой стих: "Heir endis this Bulk writtin in tyme of pest, / Quhen we fra labour was compel'd to rest"). Значительная часть рукописи была опубликована в 1724 Рамзеем (см. **Evergreen**), затем Д. Хейлзом (Hailes, 1726-92) в изд.: *Ancient Scottish Poems from the MS of G. Bannatyne* (1770) и полностью в изд.: Hunterian Club (1873-1902) и: W. T. Ritchie, in 4 vols. (1928-34).

3. **Bremner** — *Bremner Collection of Scottish Reels*, 1759.

4. **CPC** — *The Caledonian Pocket Companion*. Ed. by James Oswald, vol. I — 1743; vol. II — 1745; vols. III—XII — 1751-59.

5. **Child** — *The English and Scottish Popular Ballads*. Ed. by F. J. Child, 1882-98 (reprinted in 5 vols., 1957).

¹ В дальнейшем перечисленные выше имена авторов и названия произведений даются на русском языке, без повторного указания дат, а в ссылках при английских цитатах — сокращенно по первым словам заголовка (напр., *Elegy*, *Night Thoughts*).

6. **D'Urfey** — *Wit and Mirth, or Pills to Purge Melancholy*. Ed. by T. D'Urfey, 6 vols., 1719-20 (reprinted, 1959).

7. **Evergreen** — *The Evergreen: being a collection of Scots poems wrote by the ingenious before 1600*. Ed. by Allan Ramsey, 2 vols., 1724.

8. **Herd** — *Ancient and Modern Scottish Songs*. Ed. by David Herd, 1776 (reprinted in 2 vols., 1869).

9. **Herd's MSS** — *Songs from David Herd's MSS*. Ed. by H. Hecht, 1904. (В сборник вошли собранные Д. Хердом произведения, которые он не успел опубликовать.)

10. **MacGibbon** — William MacGibbon. *A Collection of Scots Tunes* (1746, 1768).

11. **Notes** — *Burns's Manuscript "Notes on Scottish Songs" in an interleaved copy of SMM*. Ed. by J. C. Dick, 1908 (reprinted with Dick's *Songs of Burns*, 1962).

12. **Orpheus Caledonius** — *Orpheus Caledonius: Scots Tunes*. Ed. by W. Thomson, vol. I — 1726; vol. II — 1733.

13. **Percy, Reliques** — Thomas Percy. *Reliques of Ancient English Poetry*, 1765.

14. **Ritson** — *Scottish Songs*. Ed. by Joseph Ritson, 1794 (reprinted in 2 vols., 1869).

15. **Tea-Table Miscellany** — *The Tea-Table Miscellany: a collection of Choice Songs*. Ed. by Allan Ramsey, 1724-37 (reprinted in 2 vols., 1875). (В сборник — первоначально в 4-х тт. — вошли произведения гл. образом самого Рамзея, а также собранные и обработанные им народные песни и баллады.)

16. **Tilley** — M. P. Tilley. *A Dictionary of the Proverbs in England*, 1950.

17. **Watson** — *A Choice Collection of Comic and Serious Scots Poems, both Ancient and Modern*. Ed. by James Watson, 3 vols., 1706-11.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СВЕДЕНИЯ

Поэзия Бернса тесно связана с местами, где он жил, и с людьми, с которыми он встречался. Комментарии к конкретным произведениям содержат необходимые сведения на этот счет; целесообразно, однако, представить «географию» бернсовской поэзии и окружение поэта в более систематичном виде.

Большую часть своей жизни Бернс прожил в Эйршире (Ayrshire), обширной области на юго-западе Шотландии, омываемой с запада заливом Ферт-оф-Клайд (Firth of Clyde). Холмы и долины Эйршира с востока на запад пересекают воспетые Бернсом реки Эйр, Дун, Ирвин (Ayr, Doon, Irvine) — все они впадают в Ферт-оф-Клайд. В устье Эйра расположен административный центр графства — старинный городок Эйр (Ayr), также неоднократно воспетый Бернсом. В нескольких милях к югу от Эйра, на северном берегу Дуна, находится деревушка Аллоуэй (Alloway), где отец поэта Уильям арендовал ничтожно малый участок земли — 7 акров. Здесь 25 янв. 1759 родился Роберт, а годом позже Гилберт (1760—1827), единственный из семьи, с кем поэта связывало взаимопонимание и дружба (позже родились еще три сестры и два брата).

Ценой тяжелого труда и крайней бережливости Уильям Бернс сумел накопить (а частично занять в долг) денег для аренды более крупного участка — в 70 акров. Сюда, в Маунт-Олифант (Mount Oliphant), так называлась эта ферма в двух милях от Аллоуэя, семья Бернсов переехала летом 1766. К сожалению, земля на участке оказалась неплодородной, и хозяйство Бернсов начало приходить в упадок. Прошло более десяти лет, прежде чем удалось как-то наладить дело; к этому времени Роберт и Гилберт уже подросли и с их помощью стало возможным арендовать более крупную (130 акров) и доходную ферму Лохли (Lochlic) в округе Тарболтон (Tarbolton), куда семья и переехала летом 1777.

К этому времени относятся первые поэтические опыты Бернса: название деревни Тарболтон, окружающих ее ферм и поместий то и дело появляются в его стихотворениях. Особенно часто Бернс вспоминает древнее название этой части Эйршира — Койл или Кайл (Kyle) — местности между реками Дун и Ирвин, именуемой так в честь легендарного короля пиктов Койла (ср.: «Где в память Койла-короля/Зовется исстари земля» — «Две собаки», 1—2). В Кайле прошла большая часть жизни поэта: в Кинг-Кайле (местность между Эйром и Дуном) он родился и провел детство; в Кайл-Стюарте (местность

между Эйром и Ирвином) он прожил, начиная с 1777, около десяти лет: здесь, помимо Лохли и Тарболтона с именем Бернса связаны городок Ирвин (при впадении реки Ирвин в Ферт-оф-Клайд), городок Килмарнок (Kilmarнок) на той же реке в 16 милях от Эйра, деревушка Мохлин (Mauchline) на Эйре и ферма Моссгил (Mossgiel).

В Ирвин Бернс перебрался осенью 1781 с целью научиться ткацкому ремеслу; в 1782 он возвратился в Лохли, где дела обстояли не блестяще, в связи с чем он вместе с Гилбертом с 1783 арендовал ферму Моссгил (118 акров), в 3 милях от Лохли в том же Мохлинском приходе. В феврале 1784 скончался отец, и в Моссгил переехала вся семья. Соответственно меняется топография стихотворений Бернса: Мохлин и окружающие поместья (напр., Бэллокмайл — см. коммент. к № 26) вытесняют воспоминания о Тарболтоне. В Мохлине в 1784 Бернс встретил Джин Армур (Armour, 1767-1834), свою будущую жену.

К началу 1780-х относится знакомство Бернса с людьми, ставшими впоследствии его близкими друзьями. В их числе Дэвид Силлар (Sillar, 1760-1830 — о нем см. коммент. к № 12), с которым поэт познакомился еще в Тарболтоне; Роберт Эйкен (Aiken, 1739-1807), адвокат из Эйра, который, по словам поэта, был его «первым поэтическим патроном» и «открыл глаза на значение его собственной поэзии»; Гэвин Гэмилтон (Gamilton, 1751-1805), у которого Бернс арендовал ферму Моссгил. Эйкен и Гэмилтон помогли Бернсу издать в Килмарноке первую книгу его песен и стихов (июль 1786). К тому же времени относится увлечение Бернса Элизабет Пейтон (Paton), ставшей в мае 1785 матерью его первого ребенка (см. коммент. к № 17), и позже — Мэри Кэмпбелл (Campbell, 1763-86) — «Мэри с гор» (Highland Mary), как называл ее поэт. Поэт предполагал жениться на ней и уехать в дальние края — на Ямайку, но 1 окт. 1786 Мэри скончалась.

27 ноября 1786 Бернс впервые выехал за пределы Кайла: он отправился в столицу Шотландии, где его ждал триумфальный (хотя и не очень долговременный) успех как автора «Стихотворений преимущественно на шотландском диалекте». Поэт поселился в Эдинбурге,

рассчитывая полностью посвятить себя поэтическому труду. В апр. 1787 вышло второе издание «Стихотворений», значительно расширенное и опубликованное уже не в провинциальном Килмарноке, но в столичном Эдинбурге. В мае того же года Бернс отправился в путешествие по городам англо-шотландской границы, на родину народных шотл. и англ. баллад, песен, легенд. Он посетил Роксбург, Джедбург, Эрлстон (Roxburgh, Jedburgh, Earlston) и др. города. В июне и авг.—сент. поэт совершил еще две поездки: в западную горную Шотландию, через Глазго, и вновь в горную Шотландию через Фолькирк, Бэннокбёрн, Стирлинг — места ожесточенных битв эпохи войны шотландцев за независимость (1296—1314); см. тж. коммент. к № 86.

Планам поэта обосноваться в Эдинбурге не суждено было сбыться, и в февр. 1788 он вернулся в Мохлин. В апр. 1788 состоялась свадьба Бернса с Джин Армур, которая к тому времени уже была матерью двух его детей-близнецов. Летом того же года Бернс, не ладивший с Армурами, принял решение увезти жену и детей из Эйршира: он приобрел ферму Эллисленд (Ellisland) на реке Нис (Nith) в Дамфризшире, в 7 милях к северо-западу от административного центра графства — г. Дамфриз (Dumfries), куда переехал вместе с женой и детьми летом 1789. В Эллисленде Бернс провел более двух лет; в декабре 1791 он поселился в Дамфризе, где прожил около пяти лет. Старинный городок Дамфриз был в то время торговым и культурным центром южной Шотландии. Порт Дамфриза в устье реки Нис конкурировал с крупнейшим портовым центром Великобритании — Глазго. Бернс облюбовал этот город еще во время поездки по городам англо-шотл. границы в 1787 (тогда же — 4 июня 1787 — ему присвоили звание почетного гражданина Дамфриза). Еще будучи в Эллисленде, Бернс принял назначение на должность акцизного чиновника в таможене дамфризского порта; в этой должности, обеспечивавшей достаток его семье, он состоял до конца жизни. Бернс скончался 21 июля 1796.

Пребывание в Эдинбурге, поездки по Шотландии, жизнь в Дамфризе значительно расширили круг знакомств Бернса, но существенное влияние на его поэти-

ческую судьбу оказали, по-видимому, лишь немногие из них. Помимо знакомства с Джеймсом Джонсоном и Джорджем Томсоном (см. коммент. на с. 564—565), следует упомянуть знакомство с миссис Данлоп (Dunlop, 1730-1815). Эта почтенная высокообразованная женщина, владелица поместья Лохриэн (Lochryan), прочитав только что изданный томик стихов Бернса, завязала с ним переписку и стала его советчиком и другом на многие годы (о сохранившейся коллекции писем к ней Бернса см. коммент. на с. 562). Данлоп познакомила с поэзией Бернса, а затем и с самим поэтом, доктора Джона Мура (Moore, 1729-1802), одного из образованнейших людей своего времени. Окончив медицинские факультеты в Глазго и в Париже, Мур много путешествовал в качестве врача герцога Арджайла, а затем графа Олбемара, британского посла в Париже. Свои наблюдения и мысли Мур изложил в книге «Очерки общества и нравов во Франции, Швейцарии и Германии» (*View of Society and Manners in France* (...), 1779), к которым в 1781 добавился очерк об Италии. Общение с Муром в немалой степени способствовало расширению кругозора молодого поэта.

Столь же содержательными были его знакомства с Г. Маккензи, Дж. Грегори, Уильямом и Александром Тайтлерами. Генри Маккензи (Mackenzie, 1745-1831), адвокат и литератор, прозванный за его пристрастие к журнально-просветительской деятельности «шотландским Аддисоном», вполне заслуживает также имени «шотландского Стерна»: под сильнейшим влиянием «Сентиментального путешествия» он написал роман «Человек чувства» (*The Man of Feeling*, 1771), которым Бернс зачитывался еще в годы учебы (см. коммент. на с. 567). В 1785—87 Маккензи издавал журнал *Lounger* (в духе изданий Аддисона и Стила), в котором активно пропагандировал поэзию Бернса (ср. коммент. к № 27).

Джеймс Грегори (Gregory, 1753-1821), выдающийся физик и врач, основоположник современной физиотерапии, получил образование в университетах Абердина, Эдинбурга и Оксфорда. Его лекции по теоретической медицине, изданные отдельной книгой (*Concepts*

Medicinae Theoreticae, 1790), долгое время были основным учебным пособием для студентов-медиков. Когда Бернс познакомился с ним в 1787, он был профессором физики в Эдинбургском университете. Грегори подверг детальному анализу стиль и лексику одного из стихотворений поэта (см. коммент. к № 55).

Уильям Тайтлер (Tytler, 1711-92), видный историк, собиратель шотл. народных песен и мелодий; Бернс очень считался с его мнением и знакомил его с записанными им песнями (см. коммент. к № 67). Его сын, Александр Тайтлер (1747—1813), помогал Бернсу в 90-е в подготовке текстов и мелодий песен для **SMM**.

К эдинбургскому периоду относится увлечение Бернса Агнесой Маклехоз (Maclehose), воспетой им в ряде стихотворений под именем Кларинды (Clarinda).

При цитировании биографических материалов в комментариях приняты следующие условные сокращения:

Correspondence — *Robert Burns and Mrs. Dunlop: Correspondence*. Ed. by W. Wallace, 1898.

Let. — *The Letters of R. Burns*. Ed. by J. De Lancey Fergusson, 2 vols., 1931.

Lockhart — J. G. Lockhart. *The Life of Robert Burns*. 1828 (2 vols.); цит. по изданию 1914.

ЯЗЫК БЕРНСА

В языковом отношении в творчестве Бернса может быть выделено четыре группы произведений: а) произведения на шотл. языке — наиболее обширная; б) на англ. языке; в) на шотл. языке с широким использованием местного диалектального просторечия; г) на литературном англ. языке с использованием англ. просторечия (последнее, впрочем, встречается редко — в трех-четырёх случаях).

Необходимо иметь в виду, что шотл. язык сложился не на основе кельтских (гэльских) говоров, на которых говорили предки современных шотландцев — скотты, бритты и пикты (впрочем, большинство современных исследователей относит последних к докельтскому населению Британии), а на основе северного (ранее — нортумбрийского) диалекта среднеанглийского языка. Про-

цесс постепенного вытеснения кельтских говоров английскими начался в XI в., когда в 1018 к Шотландскому королевству были присоединены Эдинбург и часть области Лотиан (Lothian), населенные англами. Распространение англ. языка в Шотландии не было насильственным: не англ. завоевали Шотландию, а шотландцы завоевали земли, заселенные к тому времени англами, и распространение англ. языка объясняется тем, что англ. находились тогда на более высоком уровне развития культуры, чем их завоеватели. Шотландский король Малькольм III (1057—93), воспитанный в духе английской культуры, и его преемники активно способствовали распространению англ. языка и культуры в Шотландии, хотя это и встречало известное сопротивление со стороны некоторых шотл. кланов. К концу XII в. англ. язык или, точнее, северный диалект среднеангл. языка превратился в национальный язык Шотландского королевства и как таковой стал восприниматься (и соответственно называться) «шотландским» языком (Scots).

На рубеже XIII—XIV вв. англ. король Эдуард I предпринял попытку покорить Шотландию и присоединить ее к Англии (см. коммент. к № 86); шотландцы сумели отстоять свою независимость, но культурные связи между Англией и Шотландией надолго нарушились. Начавшееся в то время формирование литературного языка пошло разными путями: в Англии литературный язык сложился на основе лондонского диалекта, в Шотландии — на основе северного диалекта англ. языка, причем, по мнению ряда исследователей, процесс его формирования именно как литературного языка не завершился. Первыми памятниками на формирующемся литературном шотл. языке стала поэма Джона Барбора «Брюс» (ок. 1375 — см. также выше и коммент. к № 86) и «Королевская книга» (*The Kinges Quhair*) шотл. короля Иакова I (1394—1437). На шотл. языке писали Слепой Гарри, Роберт Хенрисон, Уильям Дунбар, Дэвид Линдсей и др.

Процесс активного формирования литературного шотл. языка был непродолжительным: уже в XVI в. он замедлился, а с объединением Англии и Шотландии в единое государство (1603) Шотландия и в языковом отношении подчинилась господству Лондона. С упадком

национальной литературы ослабло представление о языковой норме. Шотл. язык стал «диалектизироваться», превращаясь в просторечие, раздробленное на множество местных диалектальных говоров, чуть ли не по количеству шотл. провинций.

К XVIII в. относится новый подъем шотл. культуры — т. н. «Шотландское Возрождение», зачинателем которого был Аллан Рамзей, а наиболее ярким представителем — Роберт Бернс. Творчество А. Рамзея, Р. Блэра, Дж. Битти, Гэмилтона Гилбертфилда, Р. Фергюссона, Р. Бернса и др. дало формированию литературного шотл. языка новый импульс. Вместе с тем, и Рамзей, и Бернс, и другие шотл. поэты широко пользовались просторечием, используя его в стилистических целях в своих оригинальных произведениях и бережно сохраняя как памятники местной народной речи в собираемых или обрабатываемых ими народных песнях и балладах.

Отличия шотл. языка, на котором писал Бернс, от англ. языка его времени не очень значительны (недаром и сам поэт, и его современники говорят не о шотл. языке, а о шотл. диалекте). Они охватывают область лексики и фонетики и почти не затрагивают морфологии и синтаксиса.

В области л е к с и к и для шотл. диалекта характерно:

- обилие слов, отличающихся от соответствующих англ. как по форме, так и по значению;
- значительное количество слов, совпадающих с англ. по форме, но отличных по значению;
- специфическая сочетаемость и значительное количество несвободных словосочетаний, имеющих специфический смысл.

Все случаи отличия шотл. лексики от соответствующей англ., встречающиеся в текстах Бернса, включенных в настоящее издание, отражены либо в шотл.-англ. глоссарии (см. с. 671—697 наст. изд.), либо в комментариях к конкретным произведениям.

Наиболее характерные произносительные особенности, зафиксированные в своеобразной орфографии шотл. диалекта, следующие:

- редуцированные окончания типа: fu', fa', ca', has,

han, min, rattlin', соотв. англ. full, fall, call, have, hand, mind, rattling (в последнем случае встречается наряду с нередуцированной формой);

— оглушенное конечное **d**: use't = used, likit = liked;

— написание **ie** вместо англ. **y** в конце слов: Willie, bonnie, leddie;

— диграфы **ae**: fae = foe, nae = no; **ai**: laird = lord; **au**: auld = old; **eu**: beuk = book; **ui**: guid = good;

— звук [x] отсутствующий в англ. яз.: Lochryan, fecht;

— произнесение (и написание) гласных **i** (mither, the-gither) вместо англ. **o** [ʌ], **e** (mother, together); **a** (na, wha) вместо англ. **o** [ou], [u:] (no, who).

В области морфологии и следует иметь в виду следующие особенности:

— существительные **c's** (cye), shoo (shoe) имеют форму мн. числа на **n** (een, shoon), распространившуюся на них в среднеангл. период из слабого склонения;

— регулярное употребление формы имен. падежа мн. числа личного мест. 2-го лица **ye** наряду с формой **you**;

— наряду с частицей **not** употребляются формы **no** и **na**; **no** — когда эта частица пишется отдельно с глаголом, **na** — при слитном написании (wasna, didna, hadna);

— часто встречаются синтетические формы сослагательного наклонения, особенно в придаточных условиях с глаголом **be**. Иногда вместо **if** условное придаточное вводится в этих случаях местоимением **so**;

— система сильных глаголов имеет более архаичный характер, чем в англ. языке, что находит выражение в следующем: а) ряд глаголов, перешедших в англ. языке в разряд правильных, в шотл. яз. продолжал образовывать основные формы неправильно; б) система сильного глагола отличается неустойчивостью (одни и те же глаголы образуют основные формы то по правильному, то по неправильному спряжению).

Особенности синтаксиса Бернса не выходят за пределы поэтического синтаксиса той поры, отличавшегося более свободным порядком слов, чем прозаические тексты.

Самые ранние из дошедших до нас автографов поэтических текстов Бернса относятся к 1783: это записи в его «первой записной книжке» (**1СРВ**), внесенные сюда песни и стихотворения были сочинены много раньше — в 1774 и в последующие годы.

Большая часть юношеских произведений Бернса — песни. Одно время поэт пробовал сам сочинять мелодии к своим песням, однако, убедившись, что ему это не удастся, обратился к уже существовавшим мелодиям, приспособлявая к ним свои песни.

1. Song, composed in August

Автографы: **1СРВ** (строки 1—8), **Hastie MS**; впервые — **Poems, 1786**, p. 224.

Песня относится к числу самых ранних поэтических опытов Бернса: по словам самого поэта, он написал ее в семнадцатилетнем возрасте (**Let. 125**). Для песен и стихотворений этой группы характерно сочетание живого непосредственного чувства с ученической подражательностью поэтам, которые составляли в то время круг чтения Бернса. Так, строфа I представляет собой реминисценции из небольшой описательной поэмы Попа «Виндзорский лес»:

When milder Autumn Summer's Heat succeeds,
And in the new-shorn Field the Partridge feeds,
Before his Lord the ready Spaniel bounds

.....

See! from the Brake the whirring Pheasant springs,
And mounts exulting on triumphant Wings;

.....

With slaught'ring Guns th' unwear'y'd Fowler roves.

(*Windsor Forest*, 97-9, 111-12, 125)

Третий стих второй строфы: “The Woodcock haunts...” реминисцирует строку 128 «Виндзорского леса»: “And lonely Woodcocks haunt the watry Glade”, а строфа в целом построена по модели старинной шотл. баллады “The her-ring loves the merry moonlight,/The mackerel loves the wind...” (*Elsbeth’s Old Ballad*). Последняя приобрела известность позже, после того как Вальтер Скотт включил ее в роман «Антикварий», гл. 40.

Третья строфа “Thus ev’ry kind...” реминисцирует известный фрагмент из «Времен года» Томсона:

Here the rude clamour of the sportsman’s joy

.....

There are not subjects for the peaceful Muse,
Nor will she stain with such her spotless song —
Then most delighted when she social sees
The whole mixed animal creation round
Alive and happy.

.....

Not so the steady tyrant, man,
Who, with the thoughtless insolence of power
Inflamed...

(*Autumn*, 360 ff., 379 ff.)

Заключительный стих строфы III — “The flutt’ring — вновь возвращает к «Виндзорскому лесу» Попа: “Fluttering in blood, and panting beats the Ground” (*Windsor Forest*, 114).

Заключительный стих строфы III — “The flutt’ — ... as thou to me” — реминисценция из «Пасторалей» Попа: “Not bubling Fountains .../Not Show’rs to Larks .../Are halt so charming as thy Sight to me” (*Autumn*, 43-6).

Песня предназначалась к исполнению на мелодию старинной шуточной шотл. песни “I had a horse, I had nae maig”. Готовя песню к изданию в «Шотландском музыкальном музее», Бернс счел нужным слегка изменить

текст: он заменил англ. слова шотландизмами в строках 9—11, 14, 30, 32, 36 (**SMM 1792**, № 351).

PEGGY — исследователи считают, что имеется в виду Пегги Томсон из соседней деревушки Киркусвальд (Peggy Thomson of Kirkoswald) — юношеское увлечение поэта; Бернс встречался с нею и позже — в середине 80-х. Следует, впрочем, иметь в виду, что в биографических исследованиях о Бернсе очень сильна тенденция обязательно установить адресата стихотворения, те или иные прототипы, расшифровать все собственные имена, что нередко приводит к натяжкам и прямым ошибкам.

2. Song (Behind yon hills where Lugar flows)

Автографы: **1CPB**, p. 12; **Stair MS**; **Dalhousie MS** (Letter to Thomson, 26-7 oct. 1792); впервые — **SC**, 1793, p. 4.

Запись датирована апр. 1784, но песня сочинена много раньше, вероятно еще в 1774. Сам поэт относил ее к числу произведений, «написанных в очень ранний период жизни и потому несовершенных» (**Stair MS**). По свидетельству современника, отец поэта (ум. в февр. 1784) знал и очень любил эту песню. Это единственное свидетельство о восприятии раннего творчества Бернса в его семье.

Песня написана на шотл. мелодию XVII в. “My Nancy, O”, зафиксированную в **Orpheus Caledonius, 1726**, № 38, и, по-видимому, не имеет определенного адресата. Тем не менее, много лет спустя после смерти поэта, уже в XIX в., брат поэта Гилберт в ответ на настоятельные расспросы биографа и издателя Бернса Дж. Локхарта сообщил, что Нэнси — «это, вероятно, Агнесс Флемминг (Flemming), дочь крестьянина из Тарболтона»... (**Lockhart**, II, 227-28). Некоторые подробности о ней приведены у Каннингхэма (**Cunningham**, IV, 10-11). Согласно другой версии (Hamilton Paul), Нэнси — это девушка из Килмарнока Агнесс Шерифф (Sherriff), которая якобы в то время нравилась Бернсу.

Lugar — Лугар — левый (южный) приток р. Эйр. Первоначально в тексте Бернса было название другой реки — Стинчер (Stincher), протекающей довольно дале-

ко к югу от бернсовских мест. В начале 1790-х, готовя песню к публикации, Бернс писал Томсону: «Название реки [Стинчер] ужасно прозаично; я поменял бы его на Гирван (Girvan) или Лугар. Гирван больше подходит к смыслу песни, но Лугар благозвучнее по сочетанию согласных (“the most agreeable modulation of syllables” — **Let. 511**). Далее Бернс предлагает еще и название Афтон (Afton) — ср. коммент. к № 54. Томсон отказался от Гирвана и Афтона и принял Лугар. В ряде изданий сохранено первоначальное название — Стинчер.

The westlin wind ... mirk and rainy, O — Реминисценция из баллады «Хардикнут» (Hardyknute, 1710-19), представляющей собой одну из ранних подделок под народное творчество в англ. литературе XVIII в., автором которой была малоизвестная писательница леди Элизабет Уордлоу (Wardlaw, 1676-1727): “Loud and chill blew the westlin wind,/Sair beat the heavy showir,/Mirk grew the nicht...” (Percy. *Reliques*, II, 1; Herd, I, 130).

An' I maun guide it cannie, O — Реминисценция из драматической пасторали Рамзея «Нежный пастух»: “Whate'er he wins, I'll guide with cunny Care” (*The Gentle Shepherd*, I, II, 154).

care na by = don't care about it

3. Song — (Tibby I hae seen the day)

Автограф — **1СРВ**, р. 20; впервые — **SMM, 1788**, N 196, р. 203.

Запись датирована сент. 1784. Первое в ряду многочисленных «лирических посланий» Бернса, обращенных к молодой девушке. Поэт вспоминал впоследствии, что сложил песню в семнадцатилетнем возрасте. Биографы полагают, что она адресована Изабелле Стиэн (Ste(v)en) из Литлхилла, близ Лохли, куда семья Бернса переехала в июне 1777, и уточняют, что Роберту тогда уже исполнилось 18 лет. Близкие по содержанию песни бытовали в то время в Шотландии и в Англии; комментаторы обращают в этой связи внимание на песенку, которая могла послужить источником: “Because I was a tradesman

lad, / The lassie looked shy, / She turned her back about to me: / But ne'er a hair car'd I" (**Henley and Henderson**, III, 333).

В издании Кинсли помещена в квадратных скобках еще одна строфа, отсутствующая в др. изданиях и не переведенная Маршаком. В наст. издании не публикуется.

Песня положена на мелодию "Invercald's reel", зафиксированную в сб.: Stewart, *Reels*, 1762, p. 62.

I care na by — см. коммент. к № 2

yellow dirt — характерное для англ. поэзии XVII—XVIII вв. сравнение золота с грязью. Ср. у Шекспира: "All gold and silver rather turn to dirt..." (*Cymbeline*, III, VI, 54); то же в «Опыте о человеке» Попа: "Is yellow dirt the passion of thy life?" (*An Essay on Man*, IV, 279).

4. Song (From thee, Eliza, I must go...)

Автограф неизвестен; впервые — **Poems**, 1786, p. 227.

Высказывались разные предположения о том, кому адресована песня Бернса, в связи с чем называли девушек с именем Элизабет, с которыми поэт был знаком в середине 1780-х. Между тем Бернс совершенно определенно писал, что сочинил эту песню (вместе с двумя другими), когда ему не было 23-х лет — т. е. до 1782 (**Let.** 125). В то время среди окружавших его лиц такое имя не встречается. Отсюда предположение, что лирическая ситуация песни не связана — по крайней мере непосредственно — с конкретным автобиографическим эпизодом.

Песня положена на мелодию популярной шотл. баллады XVII в. "Gildercroy", текст которой включен во многие сборники (напр., **Herd**, I, 73); собственно мелодия — впервые: **Orpheus Caledonius**, 1733, II, N 47.

5. O raging Fortune's withering blast

Автограф: **1СРВ**, p. 42; впервые — **Cromek**, 1808, p. 353.

Написано зимою 1781—82 в период душевной депрессии, связанной с целым рядом жизненных неудач моло-

дого поэта; запись датирована сент. 1785. В рукописи примечание: «Я хотел было сочинить песенку на старошотландский лад, но для этого у меня не хватает музыкального образования... а это текст, к которому я пытался сочинить мелодию».

6. Extempore

Автограф неизвестен; впервые — **Currie, I. 354**. Датируется предположительно зимою 1781—82.

something mair (*простореч.*) ≈ весь в долгах

7. Song (My father was a farmer)

Автограф: **1СРВ**, р. 10-11; впервые — **Cromek, 1808**, р. 330.

Датируется предположительно 1782. Бернс записал ее в книжку в апр. 1784, сопроводив примечанием: «Эта песня — дикая рапсодия, к которой я сочинил крайне слабые стихи, но выраженные в них чувства — искреннее движение души...». Мелодия песни — “The weaver and his shuttle O” — североирл. происхождения.

8. John Barleycorn. *A Ballad*

Автограф: **1СРВ**, р. 22-23; впервые — **Poems, 1787**, р. 306.

Запись датирована июнем 1785, но, по мнению исследователей, сочинена раньше (**Kinsley, 1016**). В автографе пояснение: «Я слышал как-то старинную песню с таким названием, очень мне понравившуюся, запомнил два-три стиха (1-й, 2-й и 3-й) и обрывки еще нескольких, которые я включил сюда».

Песни и баллады о Джоне Ячменном Зерне были распространены в англ. и шотл. народной поэзии. Один из шотл. вариантов песни “Quhy sowld not Allane honorit be” записан еще в 1568 (**Bannatyne MS**). Любопытный вариант из народной книги середины XVIII в. приводит Харвей: “The whole Trial and Indictment of Sir John Barleycorn, Knt., A Person of noble Birth ... being accused of ... kil-

ling some, wounding others, and bringing Thousands to Beggary” (W. Harvey. *Scottish Chapbook Literature*, 1903, p. 117). Более поздние варианты приводят: Jamieson. *Popular Ballads and Songs*, 1806, II, 231-60; *Roxburghe Ballads*, II, 372 и др. Непосредственным источником Бернсу послужил, вероятно, вариант, помещенный в народной книге 1781: “There came three merry men from the east, / And three merry men were they / And they did sware a solemn oath / That Sir John Barleycorn they would slay” (D. Laing. *Early Popular Poetry of Scotland*, 1895, II, 64-66). В основе всех этих песен и баллад лежат народные поверья о духах, которые живут в зернах, покидают их во время молотбы, зимуют в хлебных амбарах, а весной возвращаются в поля, чтобы вдохнуть жизнь в созревающее зерно.

9. Poor Mailie’s Elegy

Автограф: **Kilmarnock MS**; впервые — **Poems, 1786**, p. 66.

Одно из первых в ряду многочисленных стихотворений Бернса, так или иначе связанных с темой повседневного крестьянского быта. Сохранившиеся рукописи позволяют проследить напряженную творческую работу, проделанную поэтом в поисках эмоционального «ключа», ритмико-интонационной формы и языковых средств этого стихотворения, опровергая «свидетельства» некоторых биографов о «легкости» и «быстроте», с которыми Бернс якобы создавал свои произведения.

Первоначально поэт написал весьма пространную элегию (66 строк) *The Death and Dying Words of Poor Mailie, the Author’s only pet Yowe, An Unco mornfu’ Tale* (автограф: **1СРВ**; впервые — **Poems, 1786**; на русск. яз. не переводилась). В этом стихотворении подробное описание жизни и смерти любимой овцы поэта и ритмико-интонационная система (повествование пятистопным ямбическим стихом, попеременно разбитым на четырех-, шести- и восьмистишия) имели в целом традиционный характер. Однако было в нем и очень важное новшество: поэт впервые заговорил здесь на шотл. диалекте.

Через некоторое время появляется набросок в ином

эмоциональном ключе (с оттенком комизма), а главное — в ином ритмико-интонационном оформлении: поэт впервые применил здесь ставшую знаменитой «бернсову строфу» (см. коммент. на с. 569):

Lament in rhyme, a' ye wha dow,
 Your elbuck rub an' claw your pow,
 Poor Robin's ruin'd stick an' stow
 Past a' remead:
 His only, darlin, ain pet yowe
 Poor Mailie's dead!

Набросок представляет собой законченное стихотворение, состоящее из шести строф (опубликован в *The Annual Burns Chronicle*, 1932, p. 25-7).

Окончательный вариант (публикуется в настоящем издании) во многом опирается на набросок: он сохраняет ритмико-интонационную структуру наброска, его языковые особенности (шотл. просторечие), но он несколько длиннее (восемь строф), здесь усилен комизм и устранены элементы гротеска и абсурда. В рукописи Бернса окончательный вариант записан в двух редакциях, различающихся расположением строф и незначительными поправками.

Lament in rhyme — Не без иронии по отношению к такому рода жанру Бернс реминисцирует в первой строфе начало элегии Фергюссона «На смерть профессора Грегори» (*An Elegy on Professor Gregory*):

Now morn, ye college masters a'!
 And frae your ein a tear lat fa'
 Fam'd *Gregory* death has taen awa'
 Without remeid;
 The skaith ye've met wi's hae that sma'
 Sir *Gregory's* dead.

Бернсу несомненно были известны и другие «Элегии» в том же роде: *The Life and Death of Habbie Simon, the Piper of Kilbarchan* Роберта Семпилла (Sempill, 1595-1659), *The Last Dying Words of Bonnie Heck, a Famous Grey-*

hound in the Shire of Fife Гэмилтона Гилбертфилда (см. коммент. на с. 569—570), *An Elegy on John Comper* Рамзея; все они написаны шестистишиями с укороченными 4-й и 6-й строками, причем в первой строфе во всех трех элегиях та же рифма: dead/remeid.

10. The Ronalds of the Bennals

Автограф неизвестен; впервые — **Chambers, 1851, I**, p. 46-7.

В переводе Маршака — «Девушки из Тарболтона». Заглавие заимствовано из стихотворения *The Tarbolton Lasses* (которое им не переведено); оба стихотворения связаны местом действия и в ряде изданий опубликованы под общим заголовком *The Tarbolton Lasses*.

Стихотворение посвящено семье Уильяма Роналда (Ronald), жившего вместе с женой и двумя дочерьми Джейн и Анной на ферме Бэнналз близ деревушки Тарболтон. Ферма Лохли, которую арендовал отец Бэрнса, находилась неподалеку, и Роберт вместе с братом Гилбертом были частыми гостями у Роналдов; Гилберт ухаживал за Джейн, сделал ей предложение, но был отвергнут. Роберт симпатизировал младшей — Анне. Позже, в 1789, Роналд разорился и вынужден был продать ферму.

Braid money — золотая монета достоинством в 20 шиллингов, бывшая в обращении при последних Стюартах (1658—88), была шире и тоньше, чем золотой того же достоинства более поздней чеканки (после Реставрации)

Blackbyre, Braehead, Ford (от Failford) — названия ферм в окрестностях Тарболтона

pump — прочная крестьянская обувь

twal'-hundred — эд. тонкая дорогая ткань, букв. «двенадцать сотен» — выражение, попавшее в просторечие из профессионального жаргона ткачей и характеризующее качество ткани по количеству нитей, составляющих се

продольную основу (ср. «Тэм О’Шентер», строка 154). Здесь и далее перечисляются различные виды дорогой по тому времени одежды.

11. Green grow the Rashes. *A. Fragment*

Автограф: **1СРВ**, р. 17-8; впервые — **Poems, 1787**, р. 325.

Бернс записал песню в книжку в авг. 1784 вслед за рассуждением о двух типах молодого человека — «серьезного» и «веселого»; поэт добавляет, что хотел бы написать об этом «исчерпывающую диссертацию», но пока ограничится песней, «из которой, поскольку она выражает мое мироощущение, каждый поймет, к какому типу принадлежу я сам». Записав текст песни, Бернс продолжил свои раздумья: «Разве умонастроение и занятия человека, подобного лирическому герою песни, человека, способного часами размышлять над Оссианом, Шекспиром, Томсоном, Шенстоном, Стерном, а в другое время бродить с ружьем, играть на скрипке, слагать песни, ни на минуту не забывая при этом любимую девушку ... в меньшей степени отвечают нормам благочестия и добродетели, чем ... погоня за богатством и почестями?».

Написана на старинную шотл. мелодию, зафиксированную еще в начале XVII в. (**Starlock MS**, Aberdeen, 1627); впервые — *Curious Collection of Scots Tunes*. Ed. by J. Oswald, 1740, р. 42 и др.

Auld Nature swears — строфа представляет стихотворное переложение фрагмента из анонимного текста *Cupid’s Whirligig* (1607); фрагмент включен в известное «Собрание мыслей английских поэтов XVI—XVII столетий» (*The British Muse: a collection of thoughts moral, natural, and sublime of our English Poets who flourished in the XVI and XVII centuries*. 3 vols., 1738, 1740), составленное видным историком и собирателем старины Уильямом Олдисом (Oldys, 1696-1761): “Man was made when Nature was but an apprentice; but Woman when she was a skilfull mistress of her art”.

12. Epistle to Davie, A Brother Poet

Автографы: **Adam MS, Kilmarnock MS**; датировано янв. 1785, впервые — **Poems, 1786**, p. 141.

Обращено к Дэвиду Силлару (Sillar, 1760-1830), сыну крестьянина-арендатора из Спитлсайда близ Тарболтона. Бернс познакомился и подружился с ним в 1781. Д. Силлар преподавал тогда в приходской школе, с 1783 занялся торговлей, в 1789 опубликовал сборник крайне слабых стихов; позже разорился, вновь стал учительствовать, затем занимался фермерством и в конце жизни стал состоятельным и уважаемым членом магистрата в Ирвине.

BEN-LOMOND — горная вершина к северу от Эйршира

Nae farther we can fa'. — Аллюзия на латинскую поговорку "Qui iacet in terra non habet unde cadat" («Тому, кто лежит на земле, дальше падать некуда»), парафраза которой встречается в английской литературе XVII—XVIII вв. неоднократно, напр. у Беньяна (Bunyan, 1628-88): "He that is down, needs fear no fall" (*Pilgrim's Progress*, 1675) и Томсона в его послании к своему другу поэту Патрику Мёрдоку (ум. 1774): "Thus safely low ... thou canst not fall" (*To the Rev. Patrik Murdoch*, 1738, 1).

Yet Nature's charms ... Are free alike to all. — Эта мысль неоднократно встречается у англ. и шотл. поэтов XVIII в., напр. у Томсона: "I care not, Fortune, what you me deny:/ You cannot rob me of free Nature's Grace ..." (*The Castle of Indolence*, II, III) и у Фергюссона (*Against Repining at Fortune*).

It's no in titles — Эти мысли, важнейшие для стихотворения, перекликаются с рассуждением Бернса о «серьезном» и «веселом» типе молодого человека (см. коммент. к № 11).

MEG — Маргарет Опп — девушка, за которой ухаживал тогда Силлар.

JEAN — Джин Армур, см. коммент. на с. 573—574.

When heart-corroding care and grief... — В рукописи: “In all my share I care an’ grief/Which Fate has largely given...” — реминисценция из «Покинутой деревни» Голдсмита: “In all my wandering round the world I care, /In all my griefs — and God has given my share” (*Deserted Village*, 83-4).

13. Holy Willie’s Prayer —

Автографы: **Glenriddell MS**, р. 21-25, **Kilmarnock MS** и др.; впервые — *The Prayer of Holy Willie, a canting, hypocritical*. Kirk Elder, 1789 (отд. изданием).

Эпиграф из поэмы А. Попа «Похищение локна» (*The Rape of the Lock*, IV, 64).

«Святоша Вилли» — Уильям Фишер (1737—1809) — был церковным старостой, «блюстителем нравов» в мохлинском приходе; непосредственным поводом сатиры Бернса послужил инспирированный Фишером и его окружением церковный процесс (в авг. 1784) против нотариуса Гэвина Гэмилтона по обвинению в «неуважении к вере». Обвинение было совершенно нелепо, и сначала окружной пресвитерианский суд Эйршира, а затем и синод (июль 1785) полностью оправдали Гэмилтона, что и позволило Бернсу открыто высмеять представителя церковной иерархии (поэт не упустил возможности предположить соответствующее «объяснение» — *argument* — тексту сатиры; в настоящем издании не приводится). Однако сатира Бернса выходит далеко за пределы частного случая, раскрывая неприглядную картину ханжества и обскурантизма, дубовой ортодоксии, царивших в церковно-приходской среде. К сожалению, в русском переводе теряется важнейший элемент сатирического стиля Бернса: удивительный сплав библейской фразеологии с шотл. просторечием, создающий ощущение иронии по отношению к самому Священному писанию. Укажем лишь некоторые образцы этого стиля.

O Thou that in the heavens does dwell! — Ср.: “O thou that dwellest in the heavens” (Psalms, 123, 1).

gifts and grace... — Ср.: “gifts differing according to the grace that is given to us...” (Romans, 12, 6).

A burning and a shining light — Ср.: “He was a burning and a shining light” (John, 5, 35).

a pillar o’ thy temple — Ср.: “Him that overcometh will I make a pillar in the temple of my God” (Revelation, 3, 12).

But thou remembers we are dust — Ср.: “...he remembereth that we *are* dust” (Psalms, 103, 14).

O L — d — yestreen — thou kens... — Еще один стилистический прием Бернса: Вилли брызжет ханжеским красноречием, превознося свое благочестие (строфы 5, 6), но запинается и не находит слов, переходя к конкретным фактам (строфы 7—9).

bless thy Chosen — специфически библейская фразеология (ср.: Psalms, 33, 12; Mark, 13, 20 и т. д.)

Curse thou his basket ... potatoes. — Откровенная пародия на библейский текст: “Cursed *shall be* thy basket and thy store ... the fruit of thy body, and the fruit of thy land” (Deuteronomy, 28, 17-8).

visit — специфически библейский термин «качать, покарать»; ср.: “I the LORD ... *am* a jealous God, visiting the iniquity of the fathers upon the children...” (Exodus, 20, 5); “Then will I visit their transgression with the rod” (Psalms, 89, 32).

14. Epitaph on Holy Willie

Автограф неизвестен; впервые — **Stewart, 1801**, p. 68.

Посвящена тому же У. Фишеру (см. выше). Эпитафии живому человеку считались тогда вполне допустимым средством сатиры (ср. эпитафию Джону Уилсону — № 16).

15. Death and Doctor Hornbook. *A True Story.*

Автограф неизвестен (в Хантингтонской библиотеке имеется печатный текст с собственноручными поправками Бернса); впервые — **Poems, 1787**, p. 55.

Сатира датируется началом 1785 и относится к реальному лицу — учителю приходской школы в Тарболтоне Джону Уилсону (1751—1839). Личность Уилсона, судя по отзывам современников, была малопривлекательна: сухой недалекий педант. Познакомившись с двумя-тремя книгами по медицине, Уилсон стал подрабатывать врачеванием и продажей лекарств сомнительного свойства: эта его деятельность и послужила мотивом для сатиры Бернса, появление которой вынудило Уилсона закрыть свою «аптеку» и оставить место учителя (**Lockhart, I**, 101-2). Сюжетная ситуация восходит к сатире «Смерть и доктор» (*Death and the Doctor*), напечатанной в *Scots Magazine* в янв. 1775, автором которой был второстепенный сатирик Пол Уайтхед (Whitehead, 1710-74).

Hornbook — прозвище приходских учителей; происходит от названия основного, если не единственного, учебного пособия в англ. приходских школах XVII—XVIII вв., представляющего собой дощечку с наклеенной на нее азбукой, цифрами, прописями, молитвами; все это прикрыто прозрачной роговой пластинкой (откуда и название: horn — рог).

does forgather = is forgathering

lang Scotch ells twa — эл — старинная единица длины; в шотл. эле около 37 дюймов (92,5 см), в англ. — 45 дюймов (112,5 см)

I wad be kittle / To be mislear'd — это место интерпретируется комментаторами по-разному. Прочтение “I'd be apt to be awkward” представляется предпочтительным.

Buchan — Уильям Бьюкен (1729—1805), сын крестьянина, известный врач в Эдинбурге, позже в Лондоне, автор популярной книги по врачеванию *Domestic Medi-*

cine; or, the Family Physician (1769), выдержавшей при его жизни 19 изданий, невиданным по тем временам тиражом — 80 тыс. экз. и переведенной на основные европейские языки.

Calces o' fossils... — пародируя «медицинскую латынь», Бернс дает латинские названия веществам, которые не являются медикаментами (*sal-marinum* — морская соль, *farina* — мука, *aqua-fontis* — питьевая вода и т. д.), намекая на состав лекарств, изготовленных Уилсоном

Johnny Ged — могильщик из Тарболтона

16. On Wee Johnie

Автограф неизвестен; впервые — **Poems, 1786**, р. 232.

Посвящена тому же Джону Уилсону (об эпитафиях живым лицам см. коммент. к № 14).

Hic jacet... (лат.) — Здесь покоится...

17. A Poet's Welcome to his love-begotten Daughter

Автограф: **Glenriddell MS**, р. 87-8 и др.; впервые — **Stewart, 1801**, р. 51-2.

Написано в связи с рождением 22 мая 1785 внебрачной дочери поэта — Элизабет (ум. 8 дек. 1817); см. тж. коммент. к № 25.

my bonie Betty — мать девочки Элизабет Пейтон

18. To a Mouse...

Автограф неизвестен; впервые — **Poems, 1786**, р. 138.

Одно из самых прославленных стихотворений Бернса. Подобно другим его произведениям, связанным с конкретными эпизодами жизни поэта, стихотворение обросло легендами о том, как и при каких обстоятельствах оно было написано. Нечаянно разворотив плугом гнездо левой мыши, Бернс якобы тут же, облокотясь на плуг, сочинил стихотворение. Туристам до сих пор показывают

поле, где это произошло. Следует, однако, иметь в виду, что такого рода подробности основываются чаще всего не на объективных свидетельствах, а на авторских утверждениях, помещенных в тексте — которые почти всегда являются таким же художественным вымыслом, как и само произведение, — т. е. определенным приемом, задающим программу восприятия произведения (ср. «Кубла-Хан» Кольриджа, «Собор Парижской богоматери» Гюго и др.). В данном случае этот прием создает впечатление спонтанности, сиюминутности мыслей, зародившихся в голове автора (в действительности в стихотворении развернута хорошо продуманная сентименталистская концепция; ср. коммент. к № 27), а также усиливает момент достоверности события и «эффект присутствия» при нем читателя.

Man's dominion ... social union — ср. у Попа: “All forms of social union” (*Essay on Man*, III, 179). Идея разрушительного влияния человека на царство природы особенно часто встречается во «Временах года» Томсона (*Spring*, 336-78; 702-13; *Summer*, 412-18, *Autumn*, 360 ff.).

thrave — старинная шотл. мера зерна, соломы и т. п.: “a thrave of wheat, consisting of 28 sheaves, each sheaf measuring 30 inches round...” (John Sinclair. *Account of the System of Husbandry ... in Scotland*, 1812, I, 330).

The best laid schemes o' Mice an' Men / Gang aft agley — ср. у Блэра: “The best concerted Schemes Men lay for Fame / Die fast away” (*The Grave*, 186-87)

Still, thou art blest... — ср. в романе С. Джонсона «Расселас»: “What {...} makes the difference between man and all the rest of the animal creation? {...} Ye {...} are happy, and need not envy me that walk thus among you, burdened with myself {...} I sometimes shrink at evils recollected, and sometimes start at evils anticipated...” (*The History of Rasselas, Prince of Abissinia*, II).

19. *From The Holy Fair*

Автографы: **Kilmarnock MS, Irvine MS** и др.; впервые — **Poems, 1786**, р. 40.

В настоящем издании приводятся первые 14 девятистиший (из 27), переведенные Маршаком. Стихотворение датировано «осень, 1785» и, очевидно, навеяно впечатлениями от празднества в Мохлине по случаю урожая, которое устраивалось ежегодно во второе воскресенье августа. В заглавии весьма многозначительная игра слов: *Holy Fair* — святая ярмарка, но «на западе Шотландии так называют любое священное действие» (прим. Бернса к изд. 1787).

Эпиграф из стихотворения *The Stage Beaux toss'd in a Blanket; or, Hypocrisie Alamode* (1704) Тома Брауна (Brown, 1663-1704), автора популярных на рубеже XVII и XVIII вв. юмористических рассказов, диалогов, шуточных и сатирических куплетов, в которых подвергаются осмеянию религия, церковь, ханжеская мораль.

hap-step-an'-loup — выражение из детской считалки, означающее «резво», «пританцовывая»

Blackguarding — бесчинствуя. *Black Guards* (оборванцы, грязнули) — так называли беспризорных ребяташек, которые кормились тем, что выполняли черную работу (чистили сапоги и т. д.) для конногвардейцев (*Horse Guards*).

For***** — здесь и ниже звездочками заменены имена пасторов из близлежащих приходов. В строфе XII это А. Муди (*Moodie*), пастор из Риккартона (*Riccarton*); в строфе XIV — Джордж Смит (*Smith*), пастор из Галстона (*Galston*).

d — mn — t — n = *damnation*; в издании 1786 было **s — lv — t — n** = *salvation*

20. *The Twa Dogs. A Tale*

Автографы: **Kilmarnock MS, Irvine MS**; впервые — **Poems, 1786**, р. 9 (этим стихотворением открывалось

первое и два последующих издания произведений Бернса).

Биографическая легенда связывает стихотворение с гибелью собаки Бернса по кличке «Люат». Поэт начал было сочинять «Стансы в память о четвероногом друге», но вскоре этот, в общем, тривиальный замысел уступил место более сложному, который и был осуществлен. Сатирическое изображение социальной жизни через ее восприятие «со стороны» естественным человеком, или животными, или даже персонифицированными неодушевленными предметами имело к тому времени уже богатую традицию. Конкретная форма как раз, вероятно, и подсказана такого рода произведением — стихотворением Фергюссона *Mutual Complaint of Plainstones and Causey in their Mothertongue* (1773), представляющим собой сатирический диалог между эдинбургской улицей и тротуаром, также написанный восьмистишиями с широким использованием шотл. просторечия.

auld king COIL — легендарный король пиктов, якобы царствовавший в незапамятные времена в Кайле (см. коммент. на с. 572).

far abroad — Имеется в виду остров Ньюфаундленд, откуда в то время начали вывозить в Англию местную породу собак — «ньюфаундлендов».

After some dog — собака Кухулина в «Фингале» Оссиана (примечание Бернса)

bleak-fac'd Hallowmass — праздник Всех Святых, отмечаемый 1 ноября

fecht wi' nowt — «сражаясь со скотиной». Имеется в виду бой быков; шотл. просторечие — *wi' nowt* — сообщает выражению иронический оттенок, удачно переданный в переводе.

Wh — re-hunting amang groves o' myrtles — «охотиться на шлюх в миртовых рощах» (миртовые рощи посвящались Венере)

the devil's pictur'd beuks — дьявольские картинки, т. е. игральные карты. Здесь та же ироническая игра слов: шотл. просторечие использовано для описания предмета, совершенно чуждого быту шотл. крестьянина.

21. The Cotter's Saturday Night

Автографы: **Egerton, Kilmarnock, Irvine MSS**; впервые — **Poems, 1786**, p. 124.

Датируется зимой 1785—86. Первое в ряду «крестьянских» стихотворений, предметом которых стал быт и умонастроение шотл. крестьянина. Стихотворения такого рода, принесшие впоследствии Бернсу славу и всенародное признание, воспринимались в окружавшей поэта сельской среде весьма сдержанно. Характерна реакция немолодой и относительно грамотной крестьянки, которой Бернс дал прочитать «Субботний вечер»: «Она покачала головой, говоря: «Может быть, джентльменам и леди это понравится, но для меня здесь нет ничего такого, чего я не видела бы каждый день в доме своего отца» (**Cunningham**, II, 259). Стихотворение написано «спенсеровой строфой» (см. коммент. на с. 568), что, по мнению исследователей, предопределило языковые особенности «Субботнего вечера». Хотя именно в это время Бернс, вслед за Фергюссоном, сознательно культивировал в своей поэзии шотл. диалект (ср. в строфе: “I sing in simple Scottish lays...”), оно написано на литературном англ. языке. Эпиграф из «Элегии, написанной на сельском кладбище» Грея (*Elegy*, 29-32).

My lov'd ... friend — Роберт Эйкен (см. коммент. на с. 573).

November chill blows ... sugh — реминисценция из Фергюссона: “Cauld blows the nippin north wi' angry sough” (*The Ghaists*, 7)

The black'ning trains ... repose — реминисценция из «Времен года» Томсона: “A blackening train/Of clamorous rooks...” (*Winter*, 140-41)

The toil-worn COTTER ... goes — реминисценция из «Элегии, написанной на сельском кладбище» Грея: “The ploughman homeward plods his weary way” (*Elegy*, 3)

Dundee (Bonnie Dundee) Martyrs... Elgin — название старинных шотл. народных песен

Последующие строфы также насыщены реминисценциями из Фергюссона, Томсона, Грея, Голдсмита, Попа, Шенстона, Мильтона: отметим лишь две из них в строфе XIX:

Princes and lords ... kings — ср. у Голдсмита: “Princes and lords may flourish, or may fade;/A breath can make them...” (*Deserted Village*, 53-4).

‘An honest man’s the noblest work of GOD’ — цитата из Попа (*Essay on Man*, IV, 248)

22. The Auld Farmer’s New-year-morning Salutation...

Автограф: **Kilmarnock MS**; впервые — **Poems, 1786**, p. 118.

Одно из наиболее характерных «крестьянских» стихотворений Бернса, написано зимой 1785—86. В отличие от «Субботнего вечера», где изысканная «спенсерова строфа» несколько разрушает «крестьянский» стиль, это стихотв. написано «бернсовой строфой» (см. коммент. на с. 569).

Kyle-Stewart — см. коммент. на с. 572

Brooses — скачки верхом от церкви (или от дома невесты) до дома жениха — одно из традиционных развлечений на шотл. сельской свадьбе

Scotch mile — шотл. миля — не вполне точная и часто менявшаяся мера длины, но всегда несколько больше официально установленной англ. мили

Fittie-lan’ (*крестьянск. жарг.*) — левая задняя лошадь в упряжке, тянувшей четырехконный плуг; левая пара шла

по целине (lan' = land), правая по пахоте (furrow); ср. коммент. к № 25

fow (или *firlot*) — старинная мера кормов в Шотландии, изменявшаяся в зависимости от предмета измерения: один фирлот соответствовал бушелю сена, но примерно двум бушелям ячменя или овса

23. To J. S***

Автограф: **Kilmarnock MS**; впервые — **Poems, 1786**, р. 69.

Адресат послания Джеймс Смит (1765—1823), друг поэта, сын небогатого купца в Мохлине, сам одно время торговал тканями, совладелец ситценабивной мастерской (Бернс заказал ему свадебный подарок — шаль для Джин Армур); позже Смит разорился и эмигрировал на Ямайку.

Эпиграф (в рукописи и ранних изд. отсутствует) из «Могилы» Блэра (*The Grave*, 89-91).

I'll lay me with th' inglorious dead — аллюзия на знаменитую строфу XVI из «Элегии, написанной на сельском кладбище» Грея:

Some village Hampden, that with dauntless brest
The little tyrant of his fields withstood,
Some mute inglorious Milton here may rest,
Some Cromwell guiltless of his country's blood.

This life ... by fu' light. — Бернс опирается здесь на одиннадцатую элегию Шенстона; двумя годами позже (24 февр. 1788) он излагает ее в письме к Р. Брауну: "Life is a fairy scene; almost all that deserves the name of enjoyment, or pleasure, is only a charming delusion..." (**Let. 211**).

DEMPSTER — Джорд Демпстер (1732—1818), с 1761 по 1790 — член Парламента от одного из округов Шотландии, представитель партии вигов.

ПИТ (= Pitt) — Уильям Питт Младший (1759—1806), англ. политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1783—1801 и 1804—06.

24. To a Louse...

Автограф: **Bodleian MS, Add. AIII**; впервые — **Poems, 1786**, p. 192. Датируется концом 1785.

In shoals and nation — *зд.* «стаями и целыми популяциями»

horn nor bane — «ни рог, ни кость» (метонимия, т. е. ни роговой, ни костяной гребень)

Your thick plantation. — Прически той поры представляли собой, по словам современного исследователя, «надстройки из фальшивых локонов и косичек с подкладкой из конского волоса и шерсти, насаженной на проволочный каркас. На заключительном этапе все это сооружение буквально прошпаклевывалось помадой и покрывалось слоем пудры... Поскольку возведение этих надголовных башен требовало труда, их стремились сделать по возможности долговременными; в результате там нередко обнаруживались мыши и другая малоприятная живность...» (J. Brooke. *A History of English Costume*. 1979, p. 105).

toy — облегающая шляпка с полями до плеч

Lunardi — Винченцо Лунарди, секретарь итал. посольства в Лондоне, совершил в 1784 первый в Европе полет на воздушном шаре. В моду тотчас же вошли дамские шляпки в форме воздушного шара, названные по имени воздухоплателя — «лунарди».

25. The Inventory

Автографы: в частном владении (Paul Fenimore Cooper, N. Y.); **The Don MS**; впервые — **The Inventory**, Glasgow, 1799 (отд. издание), затем **Stewart, 1801**, 46-9 и (с разночтениями) **Currie, IV**, 372-75.

В 1784—86 правительство Уильяма Питта Младшего

(см. коммент. к № 23) последовательно ввело налоги на находящиеся в личном пользовании экипажи, выездных и скаковых лошадей, личных слуг, причем последний налог был дифференцированный: холостяки должны были платить больше, чем женатые. Нововведение Питта вызвало раздражение в состоятельных слоях общества, интересы которых оно более всего задевало, что нашло свое выражение в многочисленных насмешках и карикатурах (см., напр., карикатуры 1786 “John Bull under a yoke of taxes” — в кн. M. D. George. *English Political Caricature to 1792*, 1959, plate 76).

Роберт Эйкен (см. коммент. на с. 573 и к № 21), близкий друг Бернса, был в то время налоговым инспектором в Эйре; выполняя предписание в связи с законом о новых налогах, он направил жителям Эйра и окрестным фермерам — в том числе Бернсу — опросный лист (a mandate) для получения информации о находящихся в их владении экипажах, выездных лошадях и т. п. Бернс, у которого подобного рода имущества никогда не было, откликнулся наполненным горькой иронией стихотворением.

carriage cattle — зд. «выездная скотина» — иронический окказионализм Бернса, основанный на непереводаемой многозначности компонентов сложного слова: carriage — карета, экипаж, выезд, но и — во времена Бернса — любая телега или повозка; cattle — скотина, но так можно было назвать и ломовую лошадь

Lan' afore ... Lan' ahin (крестьянск. жарг.) — левая передняя и левая задняя лошадь в упряжке, тянувшей четырёхконный плуг (ср. коммент. к № 22)

has been (сущ.) — шотл. выражение, означающее человека (или животное), чьи лучшие дни остались позади; с середины XIX в. выражение вошло в англ. язык.

Killie = Kilmarnock (см. коммент. на с. 573)

Furr ahin (Furr afore) (крестьянск. жарг.) — правая передняя и правая задняя лошади, шагавшие по взрыхленной почве (ср. выше)

Kilburnie — приход в сев.-зап. части Эйршира

Wee Davock — Дэвид Хатчесон (Hutcheson), сирота, сын крестьянина-батрака из Лохли, принятый в семью Бернсов.

I on the question targe them tightly — «строго опрашиваю их по катехизису». Вопросы и ответы по краткому катехизису (*Shorter Catechism of the Westminster Assembly of Divines*) были основным средством обучения детей и слуг основам христианского вероучения. Строгий и педантический опрос по катехизису считался неременной обязанностью главы семейства.

Effectual Calling — один из центральных вопросов катехизиса, трактующий о предназначении человека

misses (разг.) — любовницы

dear-bought Bess — внебрачная дочь поэта (см. коммент. к № 17)

I'se ne'er ride horse no hizzie mair — Игра слов, основанная на возможности двоякого прочтения: (1) «Никогда не буду ездить верхом ни на коне, ни на кобыле»; (2) «Никогда не буду заниматься блудом»; “to ride hizzie mair” — распространенный коллоквиализм, означающий половой акт.

Subscripsi huic (лат.) — В чем и подписываюсь

26. Song. On Miss W. A.

Автографы: **Alloway, Stair MSS**; впервые — **Currie, 1800**, I, 125. Другое название: *The Lass of Ballockmyle*.

Песня адресована Вильгельмине Александер (Alexander, 1753-1843), сестре владельца живописного поместья Бэллокмайл, на берегу Эйра, близ Мохлина, где Бернс имел обыкновение прогуливаться по вечерам.

Написана на шотл. мелодию “Ettrick banks” (**Orpheus Caledonius, 1733**, II, N 45).

Through weary winter’s ... toil — реминисценция из «Нежного пастуха» Рамзея: “In winter, when he toils thro’ Wind and Rain” (*Gentle Shepherd*, I, II, 179)

Then Pride ... shine — реминисценция из «Менестреля» Битти: “...hard it is to climb / The steep where Fame’s proud temple shines...” (*The Minstrel*, I, I, 1-2)

tempt the deep ... mine — реминисценция из «Покинутой деревни» Голдсмита: “Explore the mine, or tempt the dangerous deep” (*Deserted Village*, 104)

27. To a Mountain-Daisy...

Автограф в письме к Дж. Кеннеди от 20 апр. 1786; впервые — **Poems, 1786**, p. 170.

Начальные 4 строфы на шотл. диалекте, однако, по мере перехода от пейзажной лирики к философским размышлениям, шотл. диалект сменяется чисто англ. языком. Четко выраженная сентименталистская тенденция стихотворения — утверждение естественного порядка вещей, в противовес деятельности человека, которая с наступлением промышленной революции приобрела все более разрушительный для природы характер, — привлекла к стихотворению внимание литературных кругов Эдинбурга. Генри Маккензи (см. коммент. на с. 575) сопроводил свои восторженные рецензии перепечатками полного текста стихотворения (*Lounger*, 9 Dec. 1786; *English Review*, Feb. 1787).

Thy slender stem ... bonie gem — реминисценция из шотл. народной песни “To the Rose bud”: “Thy thorny stem ... my bonny gem” (**SMM, 1792**, N 330, 18-20 — текст опубликован после появления песни Бернса)

Thy snawie bosom sun-ward spread — реминисценция из «Менестреля» Битти: “that spread / Its flowery bosom to the poonday beam” (*Minstrel*, II, IX, 1-2)

On Life's rough ocean ... card — реминисценция из «Опыта о человеке» Попа: “On life's vast ocean diversely we sail / Reason the card...” (*Essay on Man*, II, 107-108).

wrench'd of ev'ry stay but HEAV'N — реминисценция из «Времен года» Томсона: “deprived of all / Of every stay save innocence and Heaven” (*Autumn*, 179-180)

Stern Ruin's plough-share drives — реминисценция из «Ночных дум» Юнга: “And final Ruin fiercely drives / Her ploughshare o'er creation!” (*Night Thoughts*, IX, 167-68).

28. Lines written on a Bank-note

Автограф (надпись на банкноте достоинством в одну гинею, выпущенном Банком Шотландии 1 марта 1780) — в музее г. Аллоуэй. При жизни поэта опубликовано не было.

I've lost my lass — речь идет о Джин Армур: летом 1786 отношения между Армурами и Бернсом осложнились; Джин в это время готовилась стать матерью (3 сент. она родила двойню), но родители фактически изолировали ее от Бернса и не давали согласия на их брак, который был оформлен лишь в апреле 1788 (см. коммент. на с. 574). Немалую роль в этой расправе играли денежные интересы (см. **Let. 36**).

29. Epitaph on a Wag in Mauchline

Автограф неизвестен; впервые — **Stewart, 1801**, р. 54.

Эпитафия носит откровенно юмористический характер и, очевидно, имеет в виду определенного и притом не умершего адресата. По некоторым предположениям им был друг поэта — Джеймс Смит (см. коммент. к № 23).

30. From A Dream

Автограф неизвестен; впервые — **Poems, 1786**, р. 79.

В настоящем издании приводятся первые 8 строф (из 15), переведенные Маршаком.

Thoughts, words and deeds... — Эпиграф принадлежит Бернсу.

the Laureate's Ode — ко дню рождения Георга III (1738—1820, правл. 1760—1820), отмечавшего 4 июня 1786 свое сорокавосемилетие, поэт-лауреат Томас Уортон (Warton, 1728-90) написал традиционную оду (*Ode for His Majesty's Birthday*), на которую Бернс и откликнулся сатирой. Если учесть, что томик стихов Бернса вышел в июле 1786, то ясно, что поэт вставил это стихотворение буквально в последнюю минуту. При подготовке второго издания друзья Бернса советовали смягчить сатиру: «Многим ... из тех, кто прочитали книгу, не очень понравилось Ваше обращение к королю; они считают, что оно может помешать распространению тиража...» (**Correspondence**, p. 11, 13), на что поэт ответил: «Короли, лорды, священники, критики волнуют меня не более, чем их моя поэзия ... и «Сон», я надеюсь, вскоре появится вновь...» (**Let. 98**).

There's ... ane been better — Имеется в виду принц Чарлз Стюарт (1720—88), «младший» (и последний) претендент на британскую корону из династии Стюартов. Почти всю свою жизнь он прожил в Риме. «Старшим» претендентом называют его отца — Иакова III (как именовали его приверженцы) или шевалье Сент-Джорджа (как называл себя он сам), — умершего в 1766; шотл. крестьянство, в том числе Бернс, еще в 1780—90-х продолжало считать, что у Стюартов больше прав на престол, чем у Ганноверской династии, к которой принадлежал Георг III.

Willie Pit — Уильям Питт Младший (см. коммент. к № 23)

let nae saving-fit... — намек на предложения о сокращении военно-морского флота, обсуждавшиеся в 1785—86 британским парламентом

Ye rax ... dissection! — По Акту 1694 эдинбургские врачи получили право использовать для анатомических

исследований и учебных занятий тела самоубийц и казненных преступников (гах — повешенный).

31. The Farewell

Автограф неизвестен; впервые — *The Poems and Songs of R. Burns*. Ed. by Hamilton Paul, 1819, p. 197.

Хенли и Гендерсон сомневались в принадлежности стихотворения Бернсу, считая его слишком тривиальным (**Henley and Henderson**, II, 411), однако Кинсли включил его в основной корпус произведений поэта и предположительно датировал летом 1786 (**Kinsley**, 1195). Эпиграф взят из трагедии Томсона «Эдвард и Элеонора» (1739).

My Jean — Джин Армур

my Bess — внебрачная дочь Бернса (см. коммент. к № 17)

A faithful brother — Гилберт Бернс (см. коммент. на с. 572)

Smith ... Hamilton ... Aiken — имена друзей поэта (см. коммент. на с. 573 и к №№ 13, 21, 23)

32. To a Haggis

Автограф неизвестен; впервые — **Caledonian Mercury**, 19 Dec. 1786; *Scots Magazine*, Jan. 1787.

Хотя стихотворение носит шуточный, даже откровенно озорной характер, оно в то же время способствует утверждению достоинства шотл. крестьянина, поэтизирует реалии повседневного крестьянского быта. Вероятно, именно необычность предмета поэтического изображения снискала стихотворению широкую популярность, в связи с чем возникло даже несколько версий по поводу того, в чем именно доме поэта угостили хэггисом, вдохновившим его музу.

Painch, tripe, or thairm — шотл. блюда, приготовляемые из требухи

horn — зд. ложка (сделанная из рога)

Deil tak the hindmost — «К черту отстающего», шотл. поговорка

ragout ... fricassee (фр.) — рагу ... фрикассе — блюда франц. кухни, культивировавшейся в англ. аристократической среде, но вызывавшей неодобрение в народе; ср. в «Сказке о бочке» (1704) Свифта: “various Compounds, consisting in *Soups and Olliv's, Fricassées and Ragousts*” (*A Tale of a Tub*, IV)

33. There was a lad...

Автограф: ${}_2$ СРВ, р. 3—4; впервые — **Cromek, 1808**, р. 341.

Написана на мелодию народной шотл. песни “Dainty Davie”, возможно в связи с празднованием дня рождения поэта 25 янв. 1787.

born in Kyle — т. е. в Аллоуэе (см. коммент. на с. 572)

what na day ... style — «в какой день и по какому стилю...»; в Шотландии был издавна принят Григорианский календарь, по которому год начинался 1 янв.; в Англии же пользовались Юлианским календарем, исчислявшим год с 25 марта; незадолго до рождения Бернса — в 1751 — Юлианский календарь был официально отменен, но в народе еще долго считали «по старому стилю». На эту путаницу и намекает строфа 1 песни.

34. Epitaph. Here lies Robert Fergusson, Poet

Впервые — *The Edinburgh Advertiser*, 11 Aug, 1789.

Эпитафия высечена на надгробном камне Роберта Фергюссона (см. коммент. на с. 569) на кладбище Кэнонгейт (Canongate) в Эдинбурге. 6 февр. 1787 Бернс обра-

тился за разрешением «воздвигнуть над благородным прахом надгробие в виде простого камня» и спустя две недели такое разрешение получил; работа над надгробием, однако, затянулась и была завершена лишь в авг. 1789. Бернс был крайне раздосадован задержкой, что видно из следующего письма: «Мастер растянул свою работу на два года... я растянул уплату ему (5 фунтов и 10 шиллингов — Л. А.) тоже на два... теперь мы квиты» (**Let. 495**).

‘No story’d urn nor animated bust’ — Аллюзия на строки из «Элегии, написанной на сельском кладбище» Грея: “Can storied urn, or animated bust, / Back to its mansion call the fleeting breath” (*Elegy*, 45-6).

35. On Fergusson

Надпись на портрете Фергюссона в книге его стихотворений, подаренной Бернсом поэтессе Ребекке Кармайкл (Carmichael) в Эдинбурге 19 марта 1787. Две первые строки — над изображением, остальные — под ним. Впервые — *Scots Magazine*, November, 1803.

36. To Mr E —

Автографы: **Alloway MS** (надпись на томике переводов Марциала), а так же в письмах к Кларинде (см. коммент. на с. 576) 14 янв. 1788 (**Esty MS**) и к миссис Данлоп (см. коммент. на с. 575) 12 февр. 1788 (**Lochrian MS**); впервые — **Stewart, 1801**, p. 54.

Переводчиком Марциала был Джеймс Элфинстон (Elphinston, 1721-1809), малоизвестный филолог, преподаватель семинарии в Кенсингтоне (о нем см.: Т. Carlyle. *Autobiography*, 1910, p. 518). Элфинстон опубликовал свои переводы (*Martial Epigrams*, 1782), хотя друзья отговаривали его от этого. Известна отрицательная оценка, которую дал этим переводам С. Джонсон (См. S. Boswell. *Life of Johnson*, I, 210; III, 258).

В письме к Кларинде от 14 янв. 1788 Бернс так описал обстоятельства, при которых он написал свою эпиграм-

му: «Я сидел, ждал одного человека (дело было в какой-то лавке в Эдинбурге — Л. А.), владелец лавки дал мне томик переводов Элфинстона и немного погодя спросил мое мнение о них. Я попросил разрешения написать его прямо в книгу» (**Let. 178**).

laurell'd Martial — книга с переводами Элфинстона открывается портретом Марциала в лавровом венке

37. The Answer

Автограф неизвестен; впервые — **Currie, 1800**, III, 337 (первые шесть строф); полностью — **Stewart, 1802**, p. 325-27.

Адресат письма — Элизабет Скотт (Scott, 1729-89), супруга владельца поместья Уочоп, близ Джедбурга, и племянница поэтессы Элисон Кокбёрн (Cockburn), с которой Бернс встречался зимою 1786 (**Let. 569**). Познакомившись с томиком стихотворений Бернса, Э. Скотт не поверила, что их мог написать простой крестьянский парень, ходивший за плугом. Все это она изложила Бернсу в пространном письме в стихах в феврале 1787, из которого приводим несколько строк:

My canty, witty, rhyming ploughman,
 I hafflins doubt, it is na'truc, man,
 That ye between the stilts was bred,
 Wi' ploughman school'd, wi' ploughman fed.
 I doubt it sair, ye've drawn your knowledge
 Either frae grammar school, or colledge.

.....

Whaever heard the ploughman speak,
 Could tell gif Homer was a Greck?
 He'd flee as soon upon a cudgel,
 As get a single line of Virgil (*etc.*)

Бернс ответил миссис Скотт ироническим стихотворным посланием.

date — зд. «период жизни»

haud a yokin — «исполнять повседневную работу»

Hale to the sex — зд. «Да здравствуют женщины»

38. Extempore, in the Court of S —

Автограф: **Egerton MS**, 18; впервые — **Cromek, 1808**, р. 418.

Первый из двух экспромтов, написанных в здании суда в Эдинбурге в марте 1787, где Бернс следил за процессом одного из своих друзей — капитана Монтгомери. Лорд-адвокат — сэр Илэй Кэмпбелл (Campbell, 1734-1823) — был видным юристом: в 1789 он стал председателем Эдинбургского суда по гражданским делам. Зарисовка Бернса, судя по воспоминаниям о Кэмпбелле, весьма точна: «...все, что он (Кэмпбелл — Л. А.) писал, отличалось краткостью и ясностью», но речи его производили «дурное впечатление своей монотонностью, неприятным голосом и отсутствующим выражением лица с примесью жестокости» (Н. Cockburn. *Memorials*. 1946, р. 86-8).

39. Yon wild mossy mountains —

Автограф: **Hastie MS**, 70; впервые — **SMM, 1792**, N 331, р. 340.

«Эта песня навеяна эпизодом очень личным и едва ли нуждающимся в том, чтобы мир узнал о нем» (**Notes**, р. 58). Предполагается, что Бернс имеет в виду девушку из какого-то селения в Ланкашире, расположенного где-то на дороге в Эдинбург, куда поэт в то время ездил довольно часто. Мелодия “Phebe” принадлежит Дж. Освальду (**CPC, 1752, IV, 19**).

40. On a Schoolmaster...

Автограф неизвестен; впервые — **Cromek, 1808**, р. 420.

Относится к Эбenezеру Мичи (Michie), школьному учителю, с которым Бернс познакомился в Эдинбурге; во время какой-то вечеринки Мичи сильно захмелел и креп-

ко заснул, что и послужило поводом для шуточной эпиграфии. Умер он 25 лет спустя — в 1812.

41. The Birks of Aberfeldy

Автограф: **Alloway MS** (oct. 1787); впервые — **SMM, 1788, N 113, p. 115.**

Песня написана во время путешествия Бернса по Горной Шотландии летом 1787. 30 авг. Бернс побывал в городке Эберфелди на реке Тей (Тай), Пертшир; недалеко от Эберфелди расположен старинный замок XVI в., а немного дальше — деревушка Фортингол, на месте которой во времена римского завоевания Британии находился военный лагерь римлян, где, по преданию, родился Понтий Пилат. Однако внимание Бернса привлекли не исторические достопримечательности, а живописная природа в окрестностях Эберфелди: река Тей, окруженная холмами, густо поросшими тисом и березой; виднеющиеся вдаль снеговые вершины; водопад Монесс (Moness), у подножья которого поэт (по его собственному свидетельству) сложил эту песню (**Notes, p. 26.**)

Очевидно, толчком к созданию песни послужило то обстоятельство, что Бернсу была известна старинная песня с похожим названием “Birks of Abergeldie” (Абергелди — городок в Абердиншире). Поэт воспользовался мелодией и припевом этой песни, представляющей собой любовный диалог XVII в. (Песня зафиксирована в рукописи Д. Херда — см.: **Herd’s MSS. Ed. by Hecht, p. 153, 300.**)

42. On Johnson’s opinion of Hampden

Автограф: надпись на книге С. Джонсона «Жизнеописания английских поэтов» (*Lives of English Poets, 1779-81*), которую Бернс подарил Александру Каннингхэму; впервые — *Scotsman, 18 Nov. 1882*, затем: *The Book of Robert Burns: genealogical and historical Memoirs. Edinburgh, 1889, v. I, p. 157.*

Джон Хэмпден (Hampden, 1594-1643), один из вождей английской буржуазной революции на ее раннем этапе. Гнев Бернса относится к характеристике, которую

Джонсон дал Хэмпдену, назвав его «фанатическим мятежником» (Zcalot of rebellion).

43. I'm o'er young to Marry Yet

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1788**, N 107, p. 110.

Переработка народной песни того же названия, от которой Бернс сохранил припев. Комментаторы указывают, что лейтмотив “I'm o'er young to marry yet” (с оттенком кокетства) весьма распространен в англ. и шотл. народной поэзии, напр.: “I'm a day too young to be your bride, / I'm a day too young to lay by thy side” (J. Reeves. *The Idiom of the People*. 1958, NN 28, 30) или: “Can a lass sae young as I / Venture on the bridal-tie, / Syne down with a goodman lic?” (**Tea-Table Miscellany**, I, 83).

44. McPherson's Farewell

Автограф: **Egerton MS**, 26; впервые — **SMM, 1788**, N 114, p. 117.

Переработка народной баллады, один из вариантов которой “MacPherson's Rant, or the last words of James MacPherson” записан в XVIII в. (он перепечатан в кн. *Scottish Songs and Ballads*. Ed. by Maidment, 1859, p. 29). Известны и др. записи.

Джеймс Макферсон — реальное лицо, сын дворянина и цыганки, был предводителем банды в северо-восточной Шотландии, терроризировавшей крестьян, угонявшей скот и т. п. Он был пойман, уличен в тяжких преступлениях, судим и повешен в нояб. 1700 на рыночной площади в Банфе (Banff). По пути на эшафот преступник проявил незаурядное самообладание. Он пел песню собственного сочинения, оплакивавшую его гибель. Этот эпизод и стал предметом поэтизации в народных балладах, прославивших таким образом его имя. Мелодия, приписываемая Макферсону, была записана в 1710 (**Margaret Sinkler's MS**, Glasgow) и приведена в **CPC, 1755**, VII, 14.

O what is death but parting breath? — Реминисценция из Э. Спенсера: “Death with most grim and griesly visage scene, / Yet is he nough but parting of the breath” (*The Faerie Queene*. VII, VII, 46).

45. Dusty Miller

Автограф: **Hastie MS**, 31; впервые — **SMM**, 1788, N 144, p. 151.

Обработка народной песни; близкий по тексту вариант песни записан Хердом в XVIII в.: “O the dusty miller, O the dusty miller, / Dusty was his coat, dusty was his colour, / Dusty was the kiss...” (**Herd’s MSS**. Ed. by Hecht, p. 142). Мелодия XVII в. англ. происхождения в сб. **Bremner**, p. 27 и др.

46. The Ploughman

Автограф неизвестен; впервые — **SMM**, 1788, N 165, p. 173.

Обработка старинной шотл. народной песни. Близкий по тексту вариант (с совпадающим названием, первой строфой и припевом записан Хердом (**Herd**, II, 144-45). Мелодия в **CPC**, 1752, IV, 6 и др.

o’erlay — шейный платок — неременная принадлежность одежды шотл. юноши. Ср. портрет пастуха у Рамзея: “He falds his o’erlay down his Breast wi’ care” (*The Gentle Shepherd*, I, II, 41), а также описание крестьянской одежды XVIII в. в Шотландии в кн.: J. Mitchell. *Memo-ries*, p. 264.

Saint Johnston — так называли город Перт
Coggie — деревянная емкость, мерка для зерна

47. Rattling, roaring Willie

Автограф неизвестен; впервые — **SMM**, 1788, N 194, p. 202.

Переработка старинной шотл. песни, которую Бернс посвятил одному из своих друзей Уильяму Дунбару

(Notes, p. 39). О каком Уилли идет речь в народных песнях, не вполне ясно. Вальтер Скотт полагал, что им был «один из шотландских менестрелей давних времен, прозванный за свой беспокойный нрав «беспутным буйным Вилли» (*The Lay of the Last Minstrel*, IV, 34, note). Вальтер Скотт приводит несколько строф из баллады, повествующей о казни Уилли в Джедбурге; характерно, однако, что Уилли лишен здесь своего главного атрибута — скрипки (ср. у Бернса). По мнению Кинсли, скрипка — позднее добавление к старинной балладе, попавшее сюда из детских стихотворений типа “John, come sell the fiddle” и “O Willie you’ll sell your fiddle” (Kinsley, 1272). Мелодия песни записана в XVII в. (Blaikie MS, 1692; Atkinson MS, 1694; Dick, 442).

The saut tear blin’t his e’e — балладный штамп; ср. *Sir Patrick Spens* (Child, N 58, A4), *Mary Hamilton* (N 173, G 10 and I, 18), *Lizie Lindsay* (N 226, B26).

48. The lazy mist

Автограф неизвестен; впервые — SMM, 1790, N 232, p. 241.

Песня написана Бернсом на старинную ирл. мелодию, зафиксированную в CPC, 1759, XII, 20. Томсон опубликовал песню в SC, 1798, p. 50 с мелодией “Here’s a health to my true love” и ошибочно приписал авторство песни эдинбургскому поэту д-ру Томасу Блэклоку (Blacklock, 1721-91).

49. The Epitaph

Автографы: ₂CPB, Bixby MS, Lochryan MS и др.; впервые — *Edinburgh Magazine*, Aug. 1790, p. 143-44; затем Poems, 1793, II, p. 168-76.

Мэттью Гендерсон (Henderson, 1737-88), лейтенант в отставке, гражданский служащий в Эдинбурге. Бернс познакомился с ним в 1787 и считал его одним из самых благородных и достойных людей, встреченных им в жизни. Когда в нояб. 1788 Гендерсон скончался, Бернс напи-

сал по этому поводу несколько элегических строф, которые впоследствии — летом 1790—доработал (**Let. 407**). Текст «элегии» Бернс тогда же разослал многим общим знакомым (чем и объясняется обилие автографов этого стихотворения).

If thou art staunch without a stain, Like the unchanging blue — аллюзия на поговорку “True blue will never stain” — «голубой цвет — цвет верности и постоянства». В сборнике шотл. поговорок начала XVIII в. приведенная выше поговорка поясняется так: “A man of fix’d Principles, and firm Resolutions, will not be easily induc’d to do an ill, or mean thing” (Kelly. *Scottish Proverbs*, 1721, p. 303). Словосочетание **true blue** содержит в себе и патриотические коннотации, поскольку синий был цветом шотландских ковенантеров, в противоположность королевскому красному. Ср. у С. Батлера “Presbyterian true Blue” (*Hudibras*, I, 1, 191). Ср. тж. коммент. к № 62.

whiggish whingin sot — моралист-ортодокс

50. Auld lang syne

Автографы: **Alloway MS, Washington MS** (Let. to Mrs: Dunlop, 7 Dec. 1788), **Dalhousie MS**; впервые — **SMM, 1796**, N 413, p. 426.

Обработка шотл. народной песни, зафиксированной в различных вариантах; наиболее ранний из них “Auld Kyndnes foryett” — в **Bannatyne MS**. Непосредственным источником для Бернса послужила, вероятно, песня “Old Long Syne, Newly corrected and amended” с припевом “On old long syne, / On old long syne, my jo...” etc. (**Henley and Henderson**, III, 408), или же вариант, приписываемый Френсису Семпиллу (Sempill, ?—1683), — по другим данным Роберту Эйтону (Ayton, 1570-1638), — где первые две строки совпадают с песней Бернса: “Should auld acquaintance be forgot / And never thought upon” (**Watson, 1711**, p. 693). Близкий вариант был также записан (и, вероятно, обработан) Рамзеем для его сб.: *Scots Songs* (1720):

Should auld acquaintance be forgot,
Tho’ they return with scars?

These are the noble hero's lot,
Obtain'd in glorious wars...

Посылая песню миссис Данлоп, поэт писал: «Не правда ли, шотландское выражение “Auld lang syne” необычайно выразительно? Я знаю старинную песню и мелодию, которая так называется, и она порой переворачивает мне душу... Будь земля пухом на груди того вдохновенного поэта, который сочинил эту благородную вещь. Огонь народного гения пылает в ней ярче, чем в дюжине современных английских вакхических песен» (**Let. 290**). В письме к Томсону в сент. 1793, повторяя высокую оценку песни, Бернс утверждает, что она никогда ранее не была записана и что он первым записал ее, «услышав в исполнении одного старика» (**Let. 586**). Существует весьма обширная литература, посвященная выявлению источников песни и степени самостоятельности обработки Бернса. Так или иначе, но именно в обработке Бернса песня обрела «вторую жизнь», став одной из самых популярных в Шотландии и в Англии.

Для песни предлагалось несколько различных мелодий, однако утвердилась одна: она записана в XVIII в. для песен “The Miller’s Daughter”, “The Miller’s Wedding”, “Roger’s farewell” и др. и зафиксирована в сб.: А. MacGlashan. *A Collection of Strathpey Reels*, 1780, p. 5; **Aird, 1788**, III, N 528 и др.

Syne = ago — В «Словаре шотландского языка» Дж. Джемисона (Jamieson) это слово комментируется так: “To a native of this country (Scotland — Л. А.) it is very expressive, and conveys a soothing idea to the mind, as recalling the memory of joys that are past”.

But seas between us... — реминисценция из «Менестреля» Битти: “...and oceans roll between...” (*The Minstrel*, II. XX. 4).

51. My bony Mary

Автографы: **Hastie MS, 55; Washington MS** (Let. to Mrs. Dunlop of 7 Dec. 1788): впервые **SMM, 1790**, N 231, p. 240.

Обработка малоизвестной народной песни. Бернс писал, что начало первой строфы он заимствовал из народной песни, остальное — его оригинальное сочинение (**Notes**, p. 45, **Let. 586**). Комментаторам не удалось обнаружить источник Бернса. Единственный близкий текст — начало баллады *The Earl of Errol*: “Go fetch to me a pint of wine, / Go fill it to the brim” ... (**Child**, N 231, E9) — записан лишь в 1803 и сам, возможно, является реминисценцией песни Бернса. Песня написана на мелодию “The secret kiss” (**CPC**, 1752, IV, 23); при редактировании песни перед публикацией в **SC** поэт предложил другую мелодию, более старинную: “Wae’s my heart that we should sunder”, зафиксированную в **Original Scotch Tunes, 1700** и **Orpheus Caledonius, 1725**, I, N 9 (см. письмо к Томсону от сент. 1793 — **Let. 586**), однако Томсон, считавший себя много более сведущим в народных мелодиях, чем Бернс, опубликовал песню с мелодией “The old highland laddie” (**SC**, 1805, p. 189).

the Ferry — городок Куинсферри (Queensferry) к северу от Эдинбурга

52. Versicles on Sign-posts

Автограф: **2СРВ**, p. 22; впервые — *Poetical Works of R. Burns*, L., 1865, II, p. 348.

В записной книжке Бернса следующая запись: «Трактирные вывески с постоянно встречающимися изображениями льва, головы сарацина и т. п. ... могут послужить прекрасным материалом для сатирических уподоблений». Далее следуют тексты четырех эпиграмм, построенных на такого рода уподоблениях (Маршак перевел три из них). Предполагается, что на двух следующих листах записной книжки (с. 23, 24, 25, 26) — они утрачены — были записаны еще несколько эпиграмм в том же роде.

53. Lines written in the Kirk of Lamington

Автограф неизвестен; впервые — **Lockhart**, 1830, p. 220.

Легенда о происхождении эпиграммы такова: задержанный как-то снежным бураном в селении Лемингтон, в Клайдсдейле (Clydesdale), Бернс зашел в церковь; после службы церковный сторож обнаружил эти строки нацарапанными на оконном стекле, у которого сидел приезжий (Lockhart, 1914, II, 58; Cunningham, III, 302). Лемингтон расположен на дороге Дамфриз — Эдинбург; известно, что Бернс совершил лишь две зимние поездки в Эдинбург — в конце февр. 1789 и в начале дек. 1791: во время одной из них и было написано четверостишие.

54. Afton Water

Автограф: **Lochrian MS** (Let. to Mrs. Dunlop, 5 Feb. 1789); **Afton Lodge MS** (1791), 29-30; впервые — **SMM**, 1792, N 386, p. 400.

5 февр. 1789 Бернс, посылая копию песни (сочиненной, вероятно, ранее) миссис Данлоп, писал: «Есть такая небольшая речушка — Афтон, впадающая в Нис ... с совершенно очаровательными берегами — дикими, романтическими. Поэтические произведения — а наши шотландские песни все такие, — в которых слышатся названия или встречаются образы знакомых рек, озер, лесов, доставляют мне неизъяснимое наслаждение. Вот и я попробовал написать хвалу Афтону» (Let. 310). Мелодия, предложенная Бернсом, по другим источникам неизвестна.

I'll sing ... praise — реминисценция из Шенстона: “the swain... will sing but a song in her praise” (*A Pastoral Ballad*, III, 2).

My Mary's asleep .../Flow gently... — реминисценция из шестой пасторали (1709) второстепенного поэта Эмброза Филипса (Philips, 1674-1749): “...ye Waters gently flow/... My Love in yonder Vale asleep does lie” (*The Sixth Pastoral*, 69,72). **Mary** — кого имел в виду Бернс (если это не обобщенный поэтический образ) — не вполне ясно. Разноречивые свидетельства на этот счет рассмотрены в кн.: J. McVie. *Burns and Stair*, 1927, p. 75-7.

Thou stock dove ... whistling blackbird in yon thorny den — реминисценция из «Времен года» Томсона: “The blackbird whistles from the thorny brake ... the stock-dove...” (*Spring*, 604-613)

I charge you disturb not my slumbering Fair — аллюзия на библейский стих, трижды повторенный в «Песни Песней»: “I charge you ... that you stir not up, nor awake my love” (Song of Solomon, 2, 7; 3, 5; 8, 4)

55. On Seeing a Wounded Hare...

Автографы: **Lochryan MS** (Let. to Mrs. Dunlop, 21 Apr. 1789); **Dumfries MS** (Let. of 4 May 1789); **Afton Lodge MS**; **2 CPB**, p. 35 и др.; впервые — **Poems, 1793**, II, p. 209.

Бернс писал своей постоянной корреспондентке миссис Данлоп 21 апр. 1789: «Третьего дня на рассвете я работал в поле, как вдруг услышал выстрел, и тотчас мимо меня проковылял сильно израненный несчастный зайчишка. Как Вы понимаете, это вызвало у меня слезы и негодование. И вот результат... посылаю Вам первый экземпляр» (**Let. 330**). Сохранились автографы стихотворения, которые Бернс послал в мае и июне еще двум своим друзьям (**Let. 336, 349**), а также профессору Джеймсу Грегори, с которым он незадолго до того познакомился (см. коммент. на с. 575—576). Грегори критически отнесся к стихотворению: «оно не очень мелодично; рифма в четвертой строке пропадает, так как отстоит слишком далеко от первой». Грегори также возражал против слов “fellow” и “shot” в заглавии, считая их «вульгарными коллоквиализмами», и сделал ряд других замечаний (**Currie, II, 227-30**).

murder-aiming — Грегори назвал это «неважным и непонятым эпитетом», но Бернс оставил его.

mangled wretch — в рукописи “mangled innocent”. Первое слово Грегори назвал «грубым», второе — «годным для детских стишков». Бернс оставил без внимания первое замечание, но заменил “innocent” на “wretch”.

bloody — в рукописи “blood-stain’d”. Грегори писал: «Вы привыкли к таким эпитетам и не чувствуете, какими странными и неподходящими они кажутся другим... Представьте, если бы Поп написал: “Why that blood-stained bosom gored” — Вам бы понравилось?» Бернс заменил “blood-stain’d” на “bloody”.

56. Willie brew’d a peck o’maut

Автограф неизвестен; впервые **SMM, 1790, N 291, p. 301.**

Стихотворение написано в жанре «вакхической» застольной песни. Позже, рекомендуя Томсону включить его в **SC**, Бернс писал: «У шотландцев мало застольных песен, хотя те немногие, что есть — замечательны» (**Let. 647**). Непосредственным источником Бернсу послужила, вероятно, народная песня “Fumbler’s Rant”: “We are no sae; gar fill the pot,/ We’ll drink to a’ the hours at e’en./ ... We’ll sit and drink, we’ll nod and wink,/ It’s o’er soon for us to gang./ ... Foul fa’ the cock, he ’as spilt the play... ” (**Tea-Table Miscellany, II, 161-63**).

Christendie (уст.) = Christendom

Three merry boys... — зачин одноименной английской песенки, популярной в XVI—XVII вв. Она упоминается, в частности, в «Двенадцатой ночи» Шекспира: “Three merry men be wee” (*Twelfth Night*, II, III, 72).

57. To a Gentleman...

Автограф неизвестен; впервые — **Currie, 1801, IV, p. 335-56.**

Адресат послания не вполне ясен: ранние комментаторы считали, что им был Питер Стюарт (Stewart, d. 1805), издатель лондонской вечерней газеты *Star*, однако Кинсли высказывает сомнения по этому поводу. Стихотворение свидетельствует о том, что Бернс был хорошо осведомлен в вопросах современной ему международной политики.

Emperor Joseph — австрийский император Иосиф II, скончался 20 февр. 1790; стихотворение, очевидно, написано до этой даты

how the collieshangie works / Atween the Russians and the Turks — Речь идет о русско-турецкой войне 1780—90, то затихавшей, то вспыхивавшей с новой силой.

Or if the Swede .../Would play anither Charles the twalt — Шведский король Густав III (1746—92), воспользовавшись тем, что русская армия и флот были отвлечены войной с Турцией, направил в 1787 эскадру для захвата Петербурга. Намекая на этот эпизод, окончившийся для шведов полным провалом, Бернс иронически сравнивает Густава со шведским королем Карлом XII (1682—1718), который вел затяжные и долгое время успешные войны с соседними государствами (Данией, Норвегией, Россией), завершившиеся, однако, разгромом его армий в сражении под Полтавой.

How libbet Italy was singin — «Как поет кастрированная Италия» — ироническая двусмысленность: Италия была знаменита своими церковными хорами, для которых некоторых певцов специально кастрировали; но Италия была «кастрирована» и в политическом смысле: большая часть ее земель находилась под иностранным владычеством — гл. образом австрийским.

How royal George, the Lord leuk o'er him! — намек на печальный эпизод в истории Ганноверской династии: в ноябре 1788 король Георг III был признан психически неполноценным, и страной, на правах регента, стал управлять его сын — принц Уэльский, причем в парламенте разгорелись жаркие дебаты по поводу границ его власти. Весною 1789 Георг вылезился и вернулся к власти.

sleekit Chatham Will — Имсеется в виду Уильям Питт Младший (см. коммент. к № 23); Бернс ошибочно называет его Чэтем: титул лорда Чэтема был пожалован в 1766 его отцу Уильяму Питту Старшему (1708-78), видному общественному и государственному деятелю

XVIII в., и унаследован старшим сыном Джоном Питтом (1756—1835).

glaikit Charlie — Чарлз Джеймс Фокс (Fox, 1749-1806), один из наиболее либеральных общественно-политических деятелей того времени, лидер радикального крыла вигов, блестящий оратор, автор незавершенного фундаментального труда об английской конституции и социально-политической истории Англии, начиная с эпохи Реставрации (издан посмертно в 1808 под заглавием *The History of the Early Part of the Reign of James II*).

Burke — Эдмунд Берк (1729—97), англ. философ, публицист, юрист; привлек общественное внимание выступлениями на процессе Уоррена Гастингса (см. ниже).

Warren Hastings — Гастингс (1732—1818), генерал-губернатор Индии, снискавший скандальную славу невиданными злоупотреблениями, которые привели его на скамью подсудимых. Процесс над Гастингсом длился более семи лет (с 13 февр. 1788 по 23 апр. 1795), превратившись в одно из центральных событий в политической жизни Англии. В результате Гастингс сумел добиться оправдательного вердикта, однако вскрывшаяся в ходе процесса картина неприкрытого грабежа национальных богатств Индии заставила правящие классы Великобритании изменить методы колониального господства в этой стране.

Geordie W*** — Имеется в виду Георг, принц Уэльский (см. выше), будущий король Георг IV (1762—1830).

58. Elegy on Peg Nicholson —

Автограф неизвестен; впервые — **Cromek, 1808**, p. 108.

«Твоя проклятая кляча подохла, — писал Бернс Уильяму Николу 9 февр. 1790. — Я охотно заплатил бы, сколько она стоит, только бы ее спасти... Я кормил ее и держал в порядке, как вдруг четыре-пять дней назад на нее нашла какая-то непонятная хворь... Я настроил че-

тыре-пять строф на мотив “Chevy Chase”, что-то вроде элегии» (**Let. 390** — рукопись стихотворения, вложенная в письмо, утрачена).

Уильям Никол (Nicol, 1744—97) был человеком незаурядным: выходец из беднейшей крестьянской семьи, он, благодаря упорству и способностям, окончил теологический, а затем медицинский факультеты Эдинбургского университета и с 1774 преподавал в колледже в Эдинбурге. С Бернсом его связывала долгая дружба. Судя по письму, Бернс хотел оказать Николу услугу — подкормить его «клячу» и продать на ярмарке в Дамфризе. В кличке лошади — “Peg Nicholson” — ироническая игра слов: во-первых — намек на имя хозяина лошади, во-вторых — аллюзия на имя Мэг Никольсон (Margarit Nicholson), покушавшуюся в 1786 на жизнь короля Георга III. Мелодия “Chevy Chase” («Охота на Шивиотских холмах») — шотл. происхождения, в **СПС, 1753, V, 31**.

o' Cairn — Кайрн — небольшая речушка, впадающая в Нис у Линклюдена, четырьмя милями ниже Эллисленда (см. коммент. на с. 574).

59. My love she's but a lassie yet —

Автограф: **Hastie MS, 53**; впервые — **SMM, 1790, N 225, p. 234**.

Обработка шотл. народной песни того же названия; мелодия в сб.: **Bremner, 1757, p. 19; Aird, 1782, II, N 1**.

60. My heart's in the Highlands

Автограф: **Hastie MS, 55**; впервые — **SMM, 1790, N 259, p. 268**.

Обработка старинной шотл. народной песни того же названия. «Первые две строки — народные, далее текст мой» (**Notes, p. 48**). Старинная гэльская мелодия, на которую написан текст, “Failte na miosg” (гэльск. — «Мушкетеры на караул») в **СПС, 1743, I, 22** и др.

61. John Anderson my Jo

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1790, N 260, p. 269.**

Обработка шотл. народной песни. Мелодия в **CPC, 1752, IV, 22** и др.; восходит к записи 1630 (**Skene MS, опубл. Dick, 425**). Варианты текста резко отличаются друг от друга. Наиболее ранний (предположительно начало XVII в.), переданный Хейлзом (см. коммент. на с. 570) для собрания Перси, представляет собой диалог:

Woman. John Anderson my jo, cum in as ze gae bye,
And ze sall get a sheip's heid well baken in a pye; .

Man. And how doe ze, Cummer? And hae ze threven?
And how mony bairns hae ze? *etc.*

(Percy. *Reliques*, II, 110)

Во времена Бернса пользовался популярностью более поздний вариант — монолог жены, упрекающей своего состарившегося мужа в лени и в сексуальной немощи: “John Anderson, my jo, John, /I wonder what ye mean, /To lie sae lang i' the mornin, /And sit sae late at een? /...John Anderson, my jo, John, /When first that ye began, /Ye had as good a tail-tree /As ony ither man; /But now it waxen wan, John...” (**Merry Muses, 53-5**). Обработка Бернса, полемизируя с традиционным текстом, хорошо известным его слушателям, утверждает значительно более высокую степень культуры человеческих отношений: здесь нет жалоб, скрытого раздражения, обидных насмешек; их место занял мотив гордости, верности, привязанности друг к другу людей, прошедших вместе долгую и нелегкую жизнь.

62. From The Battle of Sherra-moor

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1790, N 282, p. 290.**

Битва при Шерамуре (англ. Sheriffmuir) 13 ноября 1715 между якобитами (сторонниками восстановления

династии Стюартов) под командованием графа Мара и правительственными войсками герцога Арджайла не принесла видимого успеха ни той, ни другой стороне; способность нанести поражение правительственным войскам предопределила поражение первого якобитского восстания. «Безрезультатная» битва стала темой сатирических песен и баллад с лейтмотивом: “There’s some say that we wan,/Some say that they wan,/Some say that nane wan at a’ man/... And we ran, and they ran,/And they ran, and we ran,/And we ran and they ran awa’ man” (Herd, I, 104-08).

Бернс дважды обращался к песням о Шерамурской битве — в 1788, когда он обработал песню “Up and warn a’Willie», и в данном случае, представляющем обработку песни Джона Баркля (Barclay) “Dialogue between Will Lick-Ladle and Tom Clean-Cogue, twa shepherds wha were feeding their Flocks on the Ochil Hills on the day the Battle of Sheriff-Muir was fought...” (Ritson, II, 409-14). Бернс значительно сократил песню Баркли, доведя ее до шести строф, заменив пространное описание битвы кратким и динамичным. Начальные строки (1—4), а также 3 последние строфы повторяют текст Баркли с незначительными изменениями. Маршак перевел первые 4 строфы (из 6-ти), заменив десятистишия оригинала на одиннадцатистишия, но сохранив стихотворный размер.

Важнейшая особенность песни в том, что исторические события увидены глазами не искушенного ни в политике, ни в истории крестьянина-пастуха: отсюда наивность восприятия события, просторечие, нарочито приносящее значение битвы и придающее песне иронический оттенок. В переводе Маршака эта особенность утрачена, в результате чего песня приобрела несвойственные оригиналу патетические интонации.

black cockauds — черные кокарды носили правительственные войска (черный — цвет Ганноверской династии, белый — Стюартов).

covenant Trueblues — см. коммент. к № 49

63. Young Jockey was the blythest lad

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1790, N 287, p. 297.**

Песня и мелодия того же названия зафиксированы в сб.: **MacGibbon, 1746, p. 36** и **СРС, 1755, VII, 8**; однако непосредственным источником обработки Бернсу послужил, вероятно, комический вариант этой песни из сб. **Tea-Table Miscellany**, подписанный “W.W.”: “Willie was a wanton wag,/The blythest lad that e'er I saw;/At bridals still he bore the brag,/And carried ay the gree awa”. Инициалами “W.W.” или полным псевдонимом “Wanton Willie” подписывал свои произведения (написанные иногда совместно с Рамзеем) Гэмилтон Гилбертфилд (см. коммент. на с. 569—570).

genty sma — тонкий, стройный (о фигуре); традиционный эпитет при поэтизации внешности девушки. Ср. в «Кентерберийских рассказах» Чосера: “As any wezele hir body gent and smal” (*Miller's Tale*).

64. A waukrife Minnie

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1790, N 288, p. 298.**

«Слова и мелодию этой старинной песни я услышал от крестьянской девушки из Нисдейла (Nithdale). Больше я нигде и никогда ее не слышал» (**Notes, p. 51**). Действительно, ни текст, ни мелодия до публикации Бернса нигде не зафиксированы. Внес ли Бернс какие-то значительные коррективы в текст или в мелодию — неизвестно, однако отсутствие длиннот, четкость композиции, чистота ритма и созвучий заставляют думать, что поэт едва ли представил ее в том виде, как он ее услышал.

O weary fa' the waukrife cock — Мотив петуха, который кричит раньше времени и (или) будит кого не следует, распространен в англ. и шотл. народных балладах, напр.: “The cock prov'd false, and untrue he was, / For he crew an hour o'er soon” (**Herd, II, 209; Child, N 248**).

65: Song — (Yestreen I had a pinto' wine)

Другое название: *The Gowden Locks of Anna*.

Автографы: **Glenriddell MS**, р. 19, 26; **Dalhousie MS** (Let. to Thomson, 4 Jul. 1796); впервые — **Merry Muses**, 9-10; **Stewart, 1802**, р. 213.

«Пожалуй, это лучшая любовная песня из всех, что мне довелось написать», — писал Бернс Томсону 7 апр. 1793. «Правда, — добавлял поэт, — в своем первоначальном виде — она не совсем для дамских ушей (it is not quite a lady's song)» (**Let. 557**). Каков был этот первоначальный вариант, можно только догадываться: поэт вложил его в письмо к Томсону с просьбой передать одному из своих эдинбургских друзей, страстному любителю народных песен Эндрю Эрскину (Erskine), и дальнейшая судьба автографа неизвестна. Томсону же Бернс предложил для публикации «переработанный и смягченный вариант» (an altered and amended copy), который, однако, Томсон не опубликовал. Рукопись «смягченного» варианта, вложенная все в то же письмо от 7 апр. 1793, была впоследствии по какому-то недоразумению подшита к письму Бернса к Томсону от 4 июля 1796 и так до сих пор за ним и числится (см. выше — Автографы). В ней отсутствуют строки 9—16, известные по другому автографу Бернса (**Glenriddell MS**). Исследователи полагают, что «смягчение» как раз и заключалось в устранении этих восьми строк и что текст Гленриддельской рукописи совпадает или по крайней мере близок к «первоначальному» варианту.

Текстологические трудности, связанные с песней, этим не ограничиваются: при публикации песни в **Merry Muses** возникла дополнительная (IV) строфа (Postscript), которая ни в одной рукописи не прослеживается. Некоторые исследователи, в частности Кинсли, сомневаются, что она принадлежит Бернсу. Тем не менее во многих изданиях она опубликована и дважды переведена на русский язык. (В настоящем издании публикуется в квадратных скобках.)

Принято считать, что адресат песни — Анна Парк (Park), племянница хозяйки трактира «Глоуб» в Дамфризе (см. коммент. к № 100).

Песня написана на ирл. мелодию “Banks of Banna”, зафиксированную в **Perth Musical Miscellany, 1786**, р. 75.

The hungry Jew ... manna — Аллюзия на библейскую легенду, согласно которой изголодавшиеся и уставшие во время долгого пути израильтяне вдруг увидели падающую с неба манну (Исход, 16).

dying raptures — принятая в англ. поэзии парафраза, обозначающая любовное наслаждение (ср. у Шекспира: *Much Ado about Nothing*, V, II, 99-101; *King Lear*, IV, VI, 201)

66. The Banks o’Doon

Автограф: **Hastie MS, 97**; впервые — **SMM, 1792**, N 374, р. 387.

Сохранилось два варианта песни: ранний 1787 и поздний 1791, написанный в более замедленном, торжественном ритме (в наст. издании публикуется только второй вариант). Песня представляет собой лирический монолог девушки, брошенной своим возлюбленным. Земляки Бернса утверждали, что содержание песни навеяно действительной историей, случившейся в то время на берегах Дуна: девушка из Каррика, соблазненная и оставленная сыном богатого землевладельца из Уигтоншира, которого она горячо любила, родила от него ребенка и вскоре умерла от горя и тоски. Написана на популярную шотл. мелодию “The Caledonian Hunt’s delight”.

67. My Tochers the Jewel

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1792**, N 312, р. 322.

Обработка шотл. народной песни. Заключительные четыре строки с указанием «строфа из старинной песни на мелодию “Bonnie Dundee”» Бернс направил в 1787 У. Тайтлеру (см. коммент. на с. 576) вместе с несколькими другими «образцами старинных песен, до сих пор бытующих среди крестьян на Западе» (**Let. 126**). Старинная

щотл. мелодия восходит к песне “The Highway to Edinburgh” (CPC, 1751, III, 28).

68. What can a young lassie do wi’ an auld man

Автограф: **Hastie MS**, 66; впервые — **SMM**, 1792, N 316, p. 327.

Оригинальная песня Бернса с использованием распространенного традиционного мотива. Мелодия в **CPC**, 1754, VI, 5.

I’ll cross him ... a new pan — строки перекликаются с народной песней “Auld Rob Morris”: “Though auld Rob Morris be an elderly man, / Yet his auld brass it will buy a new pan...” (**Tea-Table Miscellany**, I, 60, 17-8)

69. Wha is that at my Bower-door

Автограф: **Hastie MS**, 74; впервые — **SMM**, 1792, N 337, p. 347.

Мотив, обработанный Бернсом, имеет богатую поэтическую традицию: он представлен уже в «Песни Песней»: «...вот голос моего возлюбленного, который стучится: отвори мне...» (V, 2), широко распространен в средневековой лирике, у поэтов Возрождения (напр. у Сиднея: “Who is it that this dark night / Underneath my window...” — *Astophel and Stella*, XI, 1-2), неоднократно пародировался: “Quho is at my window? quho, quho?” (*The Gude and Godlie Ballatis*) и с XVII в. прочно вошел в народную балладу (см. *Roxburgh Ballads*, VI, 202-15).

Гилберт Бернс полагал, что образцом для «Финдлея» послужили два лирических диалога из **Tea-Table Miscellany**: *Roger’s Courtship* (II, 175-76) и *The auld Man’s best Argument* (I, 161-62), открывающийся стихом *O wha’s that at my chamber door?* Позже, однако, был указан еще более близкий текст: “Who’s that at my chamber door? / And who but I? quoth Finlay / Lown carle; come no further. / Indeed not I, quoth Finlay. / Who’s that at my bedside, / And who but I?” (**Henley and Henderson**, III, 376). Бернс придал песне форму «ноктюрна» (лирического ночного диалога), устранив излишние подробности. В его варианте резче,

чем в народных балладах, очерчен характер лирического героя и усилен комизм ситуации.

70. I hae a wife o' my ain

Автограф: **Hastie MS**, 82; впервые — **SMM**, 1792, N 352, p. 364; датируется 1788 — вскоре после женитьбы Бернса. Мелодия того же названия в сб.: **Bremner**, 1759, p. 45 и др.

Naebody cares for me, / I care for naebody. — Эти строки имеют характер поговорки и часто встречаются в англ. и шотл. народных песнях. Одна такая песня с рефреном “I care for naebody... / Since naebody cares for me” вошла в комическую оперу Исаака Бикерстафа (Bickerstaffe, 1735-87) «Любовь в деревне» (*Love in a Village*, 1762).

71. My Collier laddie —

Автограф: **Hastie MS**, 86; впервые — **SMM**, 1792, N 361, p. 372.

Вероятно, обработка народной песни, однако записи подобного рода песни до данного варианта неизвестны. Так или иначе, песня об углекопе не могла возникнуть ранее XVIII в.; сложилась она, вероятно, в Эйршире, где в окрестностях Килмарнока было много шахт.

Песня написана в традиции средневековой пастурели (*pastourelle*) — лирических «пререканий». Жанр этот оказался устойчивым в шотл. поэзии и широко представлен вплоть до XVII в. Правда, в процессе своего развития пастурель все более использовалась в комических и пародийных целях, но в ряде шотл. народных песен этот жанр сохранился в первоначальной чистоте. Бернс неоднократно обращался к пастурели (*Ca' the ewes to the knowes, I am o'er young to marry, As I went out ae May morning* и др.), мастерски используя как чисто лирическую, так и лирико-комическую традицию. Разновидностью пастурели являются также его «ноктюрны» *Wha is that at my bower door, Let me in this ae night* и др.

72. Country lassie —

Другое заглавие: *In simmer when the hay was mawn.*

Автограф: **Hastie MS**, 90; впервые — **SMM**, 1792, N 366, p. 376.

Написана в традиции лирико-драматической народной песни, широко представленной в шотл. фольклоре; мелодия в **Orpheus Caledonius**, 1733, II, N 38. Индивидуализируя речевые характеристики двух спорящих женщин, Бернс насыщает речь старшей из них народными пословицами и изречениями.

O' gude advisement comes nae ill. — пословица, возможно введенная в оборот Бернсом

It's plenty beets the luv'er's fire. — аллюзия на шотл. пословицу "Love without landis is lyk a fyr without fewell" («Любовь без достатка что пламя без топлива»)

A hungry care's an unco care — изречение, близкое по смыслу к ряду пословиц, как, напр.: "A fasting belly may never be merry".

Syne as ye brew — аллюзия на пословицу "If ye brew weil you wil drink the better." ≈ «Хорошо пиво сварить, хорошо и выпьешь».

73. Ye Jacobites by name —

Автограф: **Hastie MS**, 93; впервые — **SMM**, 1792, N 371, p. 383.

Без подписи. Возможно, Бернс записал для Джонсона уже существовавшую песню или слегка обработал ее. Положена на англ. мелодию "Up, Blac-nebs by Name" (**D'Urfey**, VI, 251).

Якобиты — сторонники восстановления династий Стюартов (по имени Иакова — сына Карла II). На рубеже XVII—XVIII вв. шотл. крестьянство связывало со Стюартами, шотландцами по происхождению, надежды на улучшение своего положения (ср. коммент. к № 30).

74. Such a parcel of rogues in a nation —

Автограф: **Hastie MS**, 100; впервые — **SMM**, 1792, N 378, p. 391.

В 1707 был подписан «Акт об унии» (The Act of Union), согласно которому Англия и Шотландия объединялись в единое государство; шотл. парламент был упразднен. «Акт об унии» еще много десятилетий спустя вызывал у шотландцев чувство горечи и унижения.

parcel of rogues — так называли в народе специальных уполномоченных (Scottish Commissioners), осуществлявших от имени Короля и Парламента исполнительную власть в Шотландии. Во времена Бернса их было 31; **parcel of rogues** — непереводаемая игра слов: (1) пучок иностранной травы, чужеродное тело; (2) сборище (группа) мошенников.

But pith and power = But with all my pith and power

75. The Slave's Lament

Автограф: **Hastie MS**, 105; впервые — **SMM**, 1792, N 384, p. 398.

Без подписи. Возможно, переписанная Бернсом для Джонсона уже существовавшая песня. В Англии и Шотландии бытовала, в частности, близкая по теме и фразеологии песня "The Trapann'd Maid": "Give ear unto a maid / That lately was betrayd / And sent into Virginia, O / ... I was weary, weary, weary, weary, O" (*Roxburghe Ballads*, VII, 513). Предположение Стенхауза (см. коммент. на с. 564), что в песне воспроизведена оригинальная африканская мелодия (*Illustrations*, 353), не имеет оснований.

76. The De'il's awa wi' th' Exciseman

Автограф: **Arbroath MS**; впервые — **SMM**, 1792, N 399, p. 412.

Вынужденный силой обстоятельств принять должность акцизного инспектора, Бернс отнюдь не заблуждался насчет того, насколько тяжел и неблагоприятен

этот труд и как недолюбливают акцизных в народе. В живой юмористической форме поэт передал эти настроения в своей шутовой балладе. Историю ее создания биографы описывают по-разному: Локхарт утверждает, что Бернс сочинил ее экспромтом после захвата контрабандистского суденышка 28 февр. 1792, когда возбужденные успехом таможенники, участвовавшие в этой операции вместе с Бернсом, попросили поэта увековечить их подвиг (**Lockhart**, II, 76-7). Кромек сообщает, что баллада была сочинена экспромтом во время торжественного обеда в акцизном клубе по просьбе председателя (**Cromek**, 448). Сведения эти не опираются на какие-либо достоверные свидетельства и, вероятнее всего, представляют собой разновидность характерной для многих рассказов о Бернсе легенды, согласно которой поэт реагировал мимолетными экспромтами на те или иные события своей жизни. Доподлинно (из письма самого Бернса) известно лишь то, что поэт спел эту балладу за обедом в акцизном клубе в Дамфризе (**Let.** 500). Мелодия баллады “*Madam Gossy*” — англ. происхождения (**D’Urfey**, 1719, I, 320 и **CPC**, 1756, VIII, 21).

reels ... strathspeys — см. коммент. к строке 117 «Тэма О’Шентера».

ae best dance = the best dance (эмфатическое употребление **ae** при прилагательном в превосходной степени)

77. Duncan Gray

Автограф в письме к Томсону 4 дек. 1792 (**Dalhousie MS**); впервые — **SC**, 1798, p. 48.

Обработка шотл. народной песни, варианты которой зафиксированы начиная с XVI в.: “*Robeysn Iok come to wow our Iynny / On our feist evin quhen we wer fow*” (**Bannatyne MS**, 137-38); “*Jockey he came here to woo / On ae feastday when we were fu*” (**Herd**, II, 55-7) и др. Непосредственным источником для Бернса послужил, вероятно, вариант, записанный Хердом: “*Duncan he came here to woo / On a day when we were fou, / And Meg she swore that she wou’d spew, / If he gaed her the girdin o’t*” (**Herd’s MSS**).

Ed. by Hecht, 208), а также вариант, опубликованный в **Merry Muses** (p. 112-14), в котором имелась строка “Ha, ha, the girdin’ o’t”, ставшая лейтмотивом у Бернса (с заменой “girdin’ ” на “wooing”).

Поэт дважды обращался к песне о Дункане Грее: впервые он обработал ее в 1788 и тогда же опубликовал (**SMM, 1788, N 60**). Спустя четыре года он создал новый, еще более поэтический вариант песни, который и приводится в настоящем издании. Бернса в «Дункане Грее» более всего привлекала мелодия: «Легкая, как галоп, она предопределяет настроение. Смешно сказать, но здесь это определяющая черта» (**Let. 523**). В другом месте поэт, ссылаясь на д-ра Блэклока (см. коммент. к № 48), писал, что «мелодию эту сложил извозчик из Глазго» (**Notes, p. 30**). Томсону песня понравилась, но, с присущей ему самоуверенностью, он предложил «улучшить» ее (в частности, заменить строку “On blythe Yule night...” на “He was a blythesome Lad and True” или “On New Year’s day, when we were fu”): «Тогда это будет одна из лучших песен, которыми может гордиться Каледония» (запись на полях рукописи Бернса — **Dalhousie MS**).

Ailsa craig — гигантский пирамидальный утес в заливе Ферг-оф-Клайд у побережья Эйршира в 10 милях к сев.-зап. от г. Гирван (Girvan). Высота утеса — около 380 м, периметр на уровне моря — более двух км.

Time and Chance ... tide — аллюзия на пословицу “Time and fortune stay for no man” (другой вариант: “Time and tide wait no man” — **Tilley, T323**)

Slighted love is sair to bide — название старинной шотл. песни; приведена у Херда (**Herd, I, 291-92**).

78. Here awa’, there awa’

Автографы: **Alloway MS, Dalhousie MS** (Let. to Thomson, 27 March 1793); впервые — **SC, 1793, p. 2** (этой песней открывается том I SC).

Обработка шотл. народной песни: “There awa’, there awa’, there awa’, Willie:/Here awa’, there awa’, here awa’

hame./Lang have I sought thee, dear have I bought thee,/ Now I ha'e gotten my Willic again" (**Herd**, II, 140).

В 1787 Бернс направил традиционный вариант песни Джонсону (**Let.** 111), который ее тогда же опубликовал в **SMM**, 1787, N 57; шесть лет спустя Бернс послал Томсону уже два варианта песни — традиционный и свой — на выбор (**Let.** 543): Томсон отдал предпочтение последнему. Мелодия впервые — **CPC**, 1756, VIII, I.

79. Lord Gregory —

Автографы: **Dalhousie MS** (Let. to Thomson, 26 Jan. 1793), **Henley MS** (University of Texas), **Alloway MS**; впервые — **SC**, 1798, p. 38.

Обработка фрагмента из шотл. народной баллады *The Lass of Lochryan*, повествующей о трагической страсти прекрасной Изабеллы Рохройл (Rochroyall) к лорду Грегори. Не в силах вынести разлуку, Изабелла отправляется к замку Грегори и просит впустить ее (этот фрагмент и стал предметом обработки Бернса). Мать Грегори отвечает, что сын сейчас далеко в море, и не пускает ее; Изабелла в отчаянии. В действительности Грегори никуда не уезжал, он узнает об обмане, бросается на поиски возлюбленной, но поздно: он встречает похоронную процессию, узнает, что хоронят умершую от страсти к нему Изабеллу, и сам умирает от горя. Баллада известна по многим источникам (**Child**, N 76, **Herd**, I, 149-53), причем наиболее ранний зафиксирован в рукописи начала XVIII в. (**Child**, N 76A).

История создания песни такова. Томсон направил Бернсу на рецензию песню, представлявшую собой романтическую обработку одной из сцен баллады об Изабелле и Грегори: "Ah ops, Lord Gregory, thy door, / A midnight wanderer sighs, / Hard rush the rain, the tempest roar, / And light'nings cleave the skies". Автором ее был англ. поэт Джон Уолкот (Wolcot, 1738-1819), известный под псевдонимом "Peter Pindar". Бернс, который прекрасно знал народную балладу, едва ли положительно отнесся к сентиментально-романтической переделке Уолкота, сделанной к тому же на англ. языке. Тактично назвав ее «милой», он тут же написал и предложил Томсону

собственный вариант обработки того же отрывка. Сохранилось воспоминание очевидца о чтении этой баллады Бернсом в замке лорда Селкирка (Dunbar Douglas, 4th Earl of Selkirk) в июле 1793: «Впечатление было настолько сильным, что воцарилась мертвая тишина...» (Currie, 1, 205).

80. Sonnet —

Автографы: **Adam MS, Cunningham**; впервые — **Currie**, IV, 382.

Канонические формы поэзии мало характерны для творчества Бернса, тем не менее к сонету он обращался четырежды. Во всех случаях сонеты Бернса написаны правильным английским языком (без единого диалектизма или коллоквиализма), однако в строфике он допускал бóльшую свободу, чем это было принято в англ. стихосложении XVIII в. (подробнее см. **Kinsley**, 1425).

Точная дата и связанная с датировкой побудительная причина создания сонета не вполне ясны. Карри считает, что сонет написан в день рождения Бернса 25 янв. с вытекающей отсюда интерпретацией настроения. (Перевод Маршака также основан на этом предположении.) Однако ни в одном из автографов нет ни даты 25 янв., ни других указаний, что Бернс соотносил сонет со своим днем рождения. Более того, в письме к Александру Каннингхэму от 20 февр. 1793, которому Бернс послал сонет, сказано, что он «написал его на днях» (“the other day” — **Let. 536**).

81. When wild War’s deadly Blast was blawn

Автограф неизвестен; впервые — **SC, 1793**, p. 22 (сохранился дарственный экземпляр с рукописными поправками Бернса к этой песне — Alloway Museum).

Легенда о создании песни такова: как-то, находясь с друзьями в деревенском кабачке, Бернс увидел проходившего мимо солдата, усталого и изрядно пообносившегося; Бернс пригласил его к столу, и солдат рассказал историю своей жизни; под впечатлением рассказа поэт в тот же вечер написал песню. Не исключая, что подобный эпизод

действительно имел место, заметим, что песня Бернса имеет и литературный источник — песню Рамзея *Beneath a green shade I fand a fair Maid (Orpheus Caledonius, 1733, II, N 20)*: в ней поется о солдате, который возвращается с войны во Фландрии, чтобы жениться на соблазненной им некогда девушке. Бернс знал песню Рамзея, исполнявшуюся на старинную народную мелодию “The Mill, Mill, O”, и предложил Томсону ту же мелодию для своей песни. Интересно, что еще в сент. 1792 Бернс энергично воспротивился тому, чтобы Томсон поместил в SC другой стихотворный текст на мелодию “The Mill, Mill, O”. Речь шла о тексте “Fanny Fair”, настолько не понравившемся Бернсу, что он писал: «Позор сборнику, который его напечатает» (**Let. 507**). Возможно, этот эпизод послужил для Бернса толчком к созданию собственного текста на эту мелодию.

Судя по поправкам Бернса в дарственном экземпляре, Томсон сильно англизировал авторский текст.

...she redder'd like a rose, — / Syne pale like ony lily — традиционные балладные сравнения

82. O ken ye what Meg o'the mill has gotten

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1803, N 566, p. 585**.

Авторство Бернса не вполне ясно. Известно лишь, что в мае 1795 он послал Джонсону этот текст (возможно, отредактированную запись народной песни) для публикации с мелодией “Jacky Hume's Lament” (**Let. 667**).

O ken ye how Meg ... was bedded — Обычай укладывать жениха и невесту в постель мертвецки пьяными имел, по-видимому, широкое распространение в Шотландии. Сходная ситуация описана Рамзеем в фрагменте, который он досочинил при публикации в 1716—17 поэмы шотл. короля Иакова I (1394—1437) *Chryst's Kirk of the Green* (II, 162-76).

83. Ken ye what Meg o'the mill has gotten —

Автограф: **Alloway MS, Dalhousie MS** (Let. to Thomson, Aug. 1793); впервые — **Currie, IV, 54-5**.

Второй вариант песни о Мэгги с мельницы написан на ту же мелодию; здесь авторство Бернса не вызывает сомнений: послав песню Томсону, поэт писал в сент. 1795: «Моя песня *Ken ye what Meg...* так мне нравится, что я не могу без отвращения пытаться создать другой текст на эту мелодию» (**Let. 588**).

84. Song (Had I a cave...)

Автограф в письме к Томсону, авг. 1793 (**Dalhousie MSS**); впервые — **SC, 1799, p. 92**.

«Пронзительно-пронизывающая мелодия “Robin Adair” так навязчиво звучит в моей голове, и я так неудачно воспользовался ею в предыдущей попытке (речь идет о песне *Phyllis the Fair*, посланной Томсону 13 авг. 1793 — *Л. А.*), что во время сегодняшней утренней прогулки я сочинил еще один текст», — писал поэт Томсону (**Let. 576**).

85. Song — (O whistle...)

Автограф: **Dalhousie MSS** (письма к Томсону, авг. 1793 и 3 авг. 1795 — в последнем поправка к I строфе); впервые — **SC, 1799, p. 94**.

Близкий к бернсовскому текст шотл. народной песни записан в середине XVIII в. Хердом: “Whistle, and I'll cum to ye, my lad! (bis) / Gin father and mither and a' should gae mad: / Whistle...” (**Herd's MSS. Ed. by Necht, 185**). Старинная шотл. мелодия этой песни зафиксирована необычайно рано — в рукописи XIV в. вместе с песней “My der y loue, my lyf ich hate, for a leuedy shene” (из рукописного собрания бывш. Харлейнской библиотеки; в наст. время — **British Museum. Harleian MS, 2253**).

Первоначально Бернс обработал народную песню в 1787 и послал Джонсону, который опубликовал ее в **SMM, 1788, N 106**. Ранний вариант состоял всего из двух четверостиший. Позже Бернс создал новый вариант —

четыре четверостишия, который и направил Томсону в авг. 1793. В ходе подготовки песни к печати произошел следующий курьезный эпизод: Джейн Лоример (Logimer, b. 1775), дочь фермера из Кемишела близ Дамфриза, с которой Бернса связывала многолетняя дружба, попросила поэта изменить песню таким образом, чтобы там фигурировало ее имя. Бернс заменил в I строфе последнюю строку, где, как и в традиционном варианте, третий раз повторялся стих “O whistle...” на “Thy Jeanie will venture wi’ ye my lad”, и сообщил Томсону, что «героиня песни настаивает на поправке» (**Let. 676**). Томсон воспротивился, поскольку поправка разрушала характерный для этой песни трехкратный повтор заглавного стиха, и не без иронии ответил: «Передайте очаровательной Джейн, — не имею чести знать, кто она, — мою нижайшую просьбу оставить строку без изменения» (**Currie, IV, 245**). В наборе первоначальная строка сохранена, но в сборнике (он вышел уже после смерти Бернса) поправка автора учтена.

86. Robert Bruce’s March to Bannockburn —

Автографы в письмах к Томсону от 30 авг. и 3 сент. 1793 (**Dalhousie MSS**), к миссис Данлоп от 20 дек. 1793 (**Lochrian MS**), к графу Бьюкэну от 12 янв. 1794 (Harvard University) и ряд др. Впервые — *Morning Chronicle*, 8 May, 1794; в дальнейшем: **SC, 1799**, p. 74; **SC, 1803**, p. 133; **SMM, 1803**, N 577.

Песня посвящена героическому периоду шотл. истории: англ. король Эдуард I Плантагенет (1239—1307), воспользовавшись смертью шотл. короля Александра III, не оставившего наследников, вторгся в 1296 в Шотландию и объявил ее присоединенной к Англии. Шотландцы бежали в горы и начали борьбу за независимость (1296—1314), оказавшую существенное влияние на формирование национального шотл. характера и культуры. Борьбу шотландцев возглавил Роберт Брюс (1274—1329), отпрыск старинного нормано-шотл. рода, провозглашенный в 1308 королем Шотландии. Борьба изобиловала многочисленными героическими эпизодами (ставшими вскоре достоянием легенд и баллад), однако решительная

победа над англичанами была одержана лишь в 1314 в исторической битве у деревушки Бэннокбёрн на реке Форт (Forth), где 24 июня шотландцы наголову разгромили англ. войска короля Эдуарда II (1284—1327). Борьба за независимость стала предметом героической поэмы «Брюс» (*The Bruce*, 1375), созданной основоположником шотл. национальной литературы Джоном Барбором (см. коммент. на с. 569). Поэма, построенная в виде хроники, охватывает период с момента вторжения англичан до смерти Брюса. Она написана силлабическим стихом и насчитывает 13 549 рифмованных строк; центральное место в ней занимают подвиги Брюса, и прежде всего битва при Бэннокбёрне. Бернс высоко ценил поэму Барбора и использовал содержащийся в ней эпизод — обращение Брюса перед боем к шотландским воинам (XII, 171—82) в качестве основы для создания собственной национально-патриотической песни.

WALLACE — Уильям Уоллес (1272—1305), вождь шотландцев на раннем этапе борьбы за независимость; войска под его предводительством нанесли первое серьезное поражение англичанам на р. Форт под Стёрлингом (Stirling, 1298). В том же году Уоллес был провозглашен «регентом Шотландии» (*Gardein du Reaume*), но уже год спустя его войска потерпели тяжелое поражение в битве при Фолкиркѣ (Falkirk); вскоре он был предательски выдан англичанам и 23 авг. 1305 казнен в Тауэре по приказу Эдуарда I. Подвигам Уоллеса посвящена поэма *Actis and Deidis of the Illuster and Vailyeand Campioun, Schir William Wallace* (середина XV в.), автором которой был менестрель, известный под именем Слепого Гарри (см. коммент. на с. 569). Бóльшую часть своих подвигов Уоллес совершил в Эйршире, откуда он был родом; это обстоятельство особенно привлекало к нему Бернса, тоже уроженца Эйршира. По мнению комментаторов, поэма Слепого Гарри, получившая в XVIII в. широкую известность благодаря обработке Гэмилтона Гилбертфилда (*Life and Heroic Actions of Sir William Wallace*, 1722 — в дальнейшем множество переизданий), также оказала влияние на песню Бернса (**Kinsley**, III, 1440).

87. Thou hast left me ever

Автограф: **Dalhousie MS** (Let. to Thomson, Sept. 1793); впервые — **SC, 1799**, p. 90.

Оригинальное произведение Бернса написано в традиционной манере народной песни-причитания. Мелодия “Fee him father”, на которую написана песня, зафиксирована лишь в середине XVIII в. (**Bremner, Scots Songs**, 1757, p. 6; **MacGibbon**, 1768, IV, 98).

88. English Song

Автографы: **Dalhousie MS** (Let. to Thomson, Dec. 1793). **Egerton MS**, 25, **Alloway MS**; впервые — **SC, 1799**, p. 62.

Оригинальное произведение Бернса, написанное в манере народной «песни-перебранки» между женой и мужем (см. коммент. к № 105). Песня написана на мелодию англ. народной песни “My Jo Janet”, послужившей, вероятно, Бернсу образцом также и в текстовом отношении: “Kind Sir, for your courtesie, / When ye gae to the cross then, / For the love ye bear to me, / Buy me a pacing-horse then. / Pace upo’ your spinning-wheel, Janet, Janet, / Pace upo’ your spinning-weel, my jo, Janet...” (**Herd**, II, 67-8).

В песне широко используется англ. просторечие.

good b’ye — сохранявшаяся в просторечии (до начала XIX в.) форма “good-bye”, возвращающая к исходному выражению “God be with you”.

89. In answer...

Автографы: **Lochryan MS** (Let. to Mrs. Dunlop, March 1794); **Glenriddell MS**, p. 160; **Huntington Library** (Let. 30 May 1795); впервые — **Cromek**, 1808, p. 420.

Эпиграмма на д-ра Бабингтона, священника епископальной церкви в Дамфризе.

90. A red red Rose

Автограф: **Hastie MS**, 114 и др.; впервые — *A Selection of Scots Songs*. Harmonized by Peter Urbani, Book

2nd. Edinburgh, 1794, p. 16 (единств. песня Бернса в этом издании).

Народная песня, обработанная Бернсом. Урбани — собиратель шотл. народных песен — встречался с Бернсом летом 1793 в Гэллоуэе и позже в Дамфризе: он обратился к Бернсу с просьбой передать ему несколько песен; поэт в то время уже был связан договором с Томсоном, тем не менее он подарил Урбани «Красную розу», сообщив, что услышал ее от местных крестьян (**Let. 642**). В **SMM** (1796, N 402, 403) она, однако, подписана инициалами Бернса. Так или иначе, песня опирается на широкую народную традицию. Комментаторами указаны параллели буквально к каждой строфе; напр. к I: “Her cheeks are like the Roses / That blossom fresh in June, / O, she’s like a new-strung instrument / That’s newly put in tune” (*Roxburghe Ballads*, VII, 369).

Джонсон дает две мелодии для этой песни: “Major Graham” (**SMM**, 1796, N 402) — эта мелодия указана Бернсом в автографе — и “Mary Queen of Scots Lament” (N 403). В настоящее время исполняется на мелодию “Low down in the Broom” (**SMM**, 1787, N 901).

91. Song — (Contented wi’ little...)

Автографы: **Dalhousie MS** (Let. to Thomson, 19 Nov. 1794), **Alloway MSS** (A, B); впервые — **SC**, 1799, p. 65.

Написана на мотив комической шотл. народной песни XVIII в. “Lumps o’ puddings” (**D’Urfey**, VI, 300).

Бернс считал, что в песне ему удалось точно передать свое умонастроение той поры, и в этом смысле сравнивал ее со своим портретом, который написал талантливый шотл. портретист Александр Рид (Reid, 1748-1823) летом 1795 (в наст. время в *Scottish National Portrait Gallery*). Бернс предложил Томсону поместить «эту совершенно поразительную по сходству» миниатюру вместе с песней *Contented wi’ little*{...}, «чтобы изображение моего лица и картина моей души плыли вместе по реке времени» (**Let. 670**).

92. The Tree of Liberty

Впервые — **Chambers**, 1838, p. 86-7, по рукописи, которая в настоящее время находится в частном владении

(James Duncan, Mosesfield, near Glasgow). Чемберс считал рукопись автографом Бернса, однако то обстоятельство, что рукопись обнаружилась лишь много лет спустя после смерти поэта и никаких других следов стихотворения (списков, упоминаний в письмах и т. п.) не найдено, заставило Хенли и Гендерсона усомниться в ее подлинности (**Henley and Henderson, IV, 107**). Чемберс объяснял отсутствие следов стихотворения и позднее обнаружение рукописи ее содержанием: «Мало вероятно, чтобы до нас дошли все политические стихотворения Бернса ... Его друзья не распространяли, а, напротив, тщательно скрывали рукописи, которые могли навлечь на поэта неприятности» (**Chambers — Wallace, IV, 133**). Чемберс допускал, однако, что «Дерево свободы» могло быть обработкой или отредактированной записью уже существовавшего произведения. Современные исследователи склоняются к тому, что рукопись подлинная, но расходятся в вопросе об авторстве: Т. Крофорд безоговорочно атрибутирует стихотворение Бернсу (Thomas Crawford. *Burns*, 1960, p. 246); более осторожный Кинсли полагает, что это, скорее, обработка (**Kinsley, 1528**), и помещает стихотворение вне основного корпуса произведений Бернса.

Стихотворение не поддается точной датировке. Наиболее вероятный период написания не первые годы после штурма Бастилии, но 1793—95, когда демократические идеи Французской революции распространились в других странах и во многих городах Шотландии тоже появились украшенные гирляндами праздничные «деревья свободы».

poplar and ... pine — эмблематические деревья соответственно Англии и Шотландии

'Twixt London and the Tweed — Бернс довольно прозрачно намекает на то, что «по ту сторону Твиды», т. е. в Англии, общественные отношения отличались в то время меньшим демократизмом, чем в Шотландии.

93. Song — For a'that and a'that —

Автографы : **Dalhousie MS** (Let. to Thomson, Jan. 1795), **Adam MS**; впервые — *Glasgow Magazine*, Aug. 1795; далее — *The Oracle*, 2 June 1796; **SC, 1805**, p. 163.

Одна из самых острых социально-политических песен Бернса, отличающаяся в то же время удивительной легкостью, остроумием и изяществом. Посылая песню Томсону, Бернс писал: «Великий знаток песенного творчества Эйкен считает, что тематика песен должна ограничиваться любовью и вином. Присланное мною не содержит ни того, ни другого, так что, строго говоря, это не песня. Думаю все же, что нет ничего дурного в том, чтобы положить на стихи две-три достойные прозаические мысли» (**Let. 651**). По своему содержанию песня Бернса тесно связана с идеями просветителей от «Опыта о человеке» Попа до «Прав человека» (*Rights of Man*, 1791-92) Томаса Пейна (Paine, 1738-1809) и особенно с общественно-политическим опытом Французской революции. Недаром в XIX в. песню Бернса называли «английской Марсельезой».

Начальная строка припева “For a'that, and a'that”, мелодия и само название заимствованы Бернсом из одноименной шотл. народной песни, бытовавшей в разных текстовых вариантах (**Ritson**, II, 441-43; **Bremner**, 52; **Dick**, 228).

The rank is but the guinea's stamp... — В комедии Уильяма Уичерли (Wycherley, 1640?-1716) «Прямодушный» (1677) есть близкий по смыслу текст: “A lord! What, thou art one of those who esteem men only by the marks and value fortune set upon 'em ... I weigh the man, not his title; 'tis not the king's stamp can make the metal better or heavier” (*The Plain Dealer*, I, I). Известно, что в марте 1790 Бернс просил Питера Хилла приобрести для него комедии Уичерли (**Let. 395**).

The honest man... — Культ «честного человека» — одна из основополагающих идей англ. и франц. просветителей, восходящая к франц. моралистам XVII в. Ср. в «Характерах» (1688) Лабрюйера (La Bruyère, 1645-96): «Герой и великий человек ... даже если их сложить вместе,

не стоят одного честного человека» (гл. *Du mérite Personnel*). Ср. также у Попа: “An honest Man’s the noblest work of God”; *Essay on Man*, IV, 248). Бернс в своих произведениях неоднократно возвращается к этой мысли (см. коммент. к № 21).

94. Let me in this ae night —

Автограф в письмах к Томсону от 6 февр. 1795 (**Dalhousie MS**, C). Ранние редакции в письмах к нему же от 13 авг. 1793 и сент. 1794 (**Dalhousie MS**, A; B); впервые **SC**, 1805, p. 156.

Прочитав первую редакцию, завершавшуюся тем, что девушка впустила к себе юношу, Томсон потребовал переделки. Бернс не торопился и год спустя, посылая Томсону слегка измененную первую часть, не без иронии спрашивал: «Какой Вы все же хотели бы видеть развязку: успешной или наоборот? Впустить ей его или нет?» (**Let. 637**). Одобрив окончательный вариант, Томсон тем не менее предложил снять в «ответе» две последние строфы, чтобы девушка не выглядела слишком «многоопытной». Бернс отвечал: «Ваши возражения... едва ли справедливы. Моя героиня чиста и непосредственна, и когда она говорит о «мужском вероломстве», то не дает повода думать, что знает об этом по собственному опыту...» (**Let. 661**).

О традициях лирического «ночного диалога» см. коммент. к № 69. Непосредственным источником Бернсу послужила шотл. народная песня того же названия (**Herd**, II, 167-69), из которой поэт заимствовал I строфу, хор и обработал II строфу. Далее — оригинальный текст Бернса. В народной песне, как и в 1-й редакции Бернса, девушка позволяет юноше войти, причем финал носит комический характер:

But ere a' was done, and a' was said,
 Out fell the bottom of the bed;
 The lassie lost her maidenhead,
 And her mither heard the din, jo.
 O the devil take this ae night, etc.

Бернс также предложил заменить старинную шотл. мелодию, на которую исполнялся народный вариант песни, на более живую “Will ye lend me your loom, Lass” (СРС, 1752, IV, 21).

95. *From The Heron Ballads, 1795*

Автограф: **Alloway MS**; впервые — в виде предвыборной листовки в 1795, затем — **Cunningham, 1834, III, 261-63.**

Во время парламентских выборов 1795 Бернс написал четыре предвыборные баллады в поддержку кандидата партии вигов от избирательного округа Стюартри (Stewartry), Киркудбрайт (Kirkudbright), Патрика Херона (1736?—1803) из Керроухтри (Kerroughtric). На русск. язык переведена первая из этих баллад.

По отзывам современников, П. Херон был человеком доброжелательным, общительным и обладал всеми необходимыми качествами, чтобы достойно представлять своих избирателей в парламенте, куда он избирался в 1795, 1796 и 1802. Бернс был лично знаком с Хероном со времени поездки по Гэллоуэю летом 1787, во многом разделял его демократические взгляды и, разумеется, шотл. патриотизм. Бернс опубликовал первую балладу за свой счет отдельной листовкой, которая распространялась в период предвыборной кампании. Баллада предназначалась для песенного исполнения на мелодию “For a’ that and a’ that” (подр. об этой мелодии см. коммент. к № 93).

Saint Mary’s Isle ... Selkirk... — О посещении Бернсом лорда Селкирка в его замке на острове Св. Марии см. коммент. к №№ 79, 99.

Yon beardless boy — Соперником Херона на выборах был Томас Гордон (Gordon), молодой человек, чью предвыборную кампанию щедро оплачивал богатый дядюшка по фамилии Мёррей из Брохтона (Murray of Broughton).

96. *Altered from an old English song* —

Автограф в письме к Томсону 3 мая 1795 (**Dalhousie MS**); впервые — **SC, 1799, p. 51.**

Обработка англ. народной песни, включенной во многие сборники XVIII в.: “How cruel is that parent’s care, / Who riches *only* prizes, / When finding out some booby heir, / He thinks he wondrous wise is...” (**Henley and Henderson**, III, 468). Поэт написал ее на мелодию “John Anderson, my jo” (см. коммент. к № 61).

97. Address to the Tooth-Ache

Автограф неизвестен; впервые — *Belfast News Letter*, 11 Sept. 1797; далее — *Scots Magazine*, Oct. 1797; **Stewart**, 1802, p. 316-17; **Currie**, IV, 392-93.

Предположительно датируется маем-июнем 1795: письма Бернса в это время полны жалоб на зубную боль (**Let. 671, 673**). Некоторые комментаторы полагают, однако, что стихотворение написано в 1786—87.

a heckle ... i’ their doup ≈ «шило им в задницу» (**heckle** — гребень с тонкими острыми шипами для прочески льна или конопли); это простонародное выражение сильно смягчено в переводе

cutty-stool — «скамья позора». В Шотландии во времена Бернса сохранилось средневековое церковное наказание, состоявшее в том, что особо провинившегося грешника ставили на обозрение прихожанам на специальное возвышение в церкви, рядом с «позорной скамьей», на которую он не имел права сесть. Наказуемый был одет во все черное, не имел права закрывать лицо и стоял с табличкой, сообщающей о его прегрешении, три воскресенья подряд все время, что в церкви находились прихожане.

98. Oh wert thou in the cauld blast

Автограф неизвестен; впервые — **Currie**, IV, 380.

Песня посвящена Джесси Люарс (Lewars, 1778-1855), сестре сослуживца Бернса по акцизному ведомству Джона Люарса. «Он намного умнее всех живущих здесь (в Дамфрисе — *Л. А.*) ... один недостаток, — иронически добавляет Бернс о своем друге, — демократических идей набрался» (**Let. 694**). Люарсы жили по-соседству, и Джесси присматривала за детьми Бернса и ухаживала за

ним во время его последней болезни (подр. см.: J. F. Mitchell, *Burns's Excise Associates. Scottish genealogist*, VII, 2, 1960, p. 15-6). Поэт посвятил Джесси цикл песен (*Here's a health to ane...* [On Jessie Lewars]) и 4 небольшие песни (*To a Young Lady Miss Jessie L.* и др.), из которых на русск. язык переведена лишь одна.

99. Burns grace at Kirkudbright

Автограф неизвестен; впервые — **Chambers — Wallace**, IV, 317.

Принято считать, что это экспромт, произнесенный Бернсом в конце июля 1793 за обедом у лорда Селкирка в его замке на острове Св. Марии в Киркудбрайте. Однако в весьма подробных воспоминаниях о посещении поэтом замка, которые оставил его компаньон по поездке Джон Сайм (Syme, 1755-1831, приведено в **Currie**, I, 205-206; ср. коммент. к № 79), такого рода эпизод не упоминается. Более того, единственным основанием для атрибуции четверостишия Бернсу является запись Джеймса Грирсона (Grierson, 1753-1843), который встречался с Бернсом в Эллисленде и впоследствии тщательно собирал материалы, относящиеся к его жизни и творчеству (*James Grierson Papers. Robert Burns: His Associates and Contemporaries*. Ed. R. T. Fitzhugh, 1943, p. 49).

100. (In politics if thou would'st mix)

Одно из четырех стихотворений, объединенных, в общем, случайным обстоятельством: Бернс нацарапал их алмазом на стеклах таверны «Глоуб» в Дамфрисе. Этот своеобразный «автограф» просуществовал несколько лет и был опубликован Стюартом под осящим заглавием: [*Lines written on windows of the Globe Tavern, Dumfries*] (**Stewart**, 1802, p. 302). Тот же заголовок сохранен у Кинсли; публикуемое в наст. издании стихотворение имеет порядковый подзаголовок “D”. Автограф, помимо надписи на стекле, неизвестен. Принято считать, что это четверостишие, как и остальные, сочинено экспромтом в таверне «Глоуб».

101. On W—Gr-h-m Esq: of M-sskn-w

Автографы: **Glenriddell MS**, p. 161; **Huntington Library MS** (Let. of 30 May 1795); впервые — **Hogg and Motherwell**, II, p. 86. Обстоятельства написания эпитафии и отношения поэта с ее адресатом неизвестны.

102. Epitaph on D—C—

Автограф неизвестен; впервые — **Stewart, 1802**, p. 252. Другой заголовок: *On a Suicide*.

Каннингхэм приводит эту эпитафию со следующим комментарием: «Относится к одному меланхолику по имени Глендиннинг (Glendinning), покончившему самоубийством и похороненному близ Дамфриза» (**Cunningham**, II, 317). Никаких других сведений ни об обстоятельствах создания эпитафии, ни об ее адресате комментаторам собрать не удалось.

103. The Toadeater

Автограф неизвестен. Эпиграмма дошла в нескольких вариантах, весьма отличных друг от друга. Наиболее ранняя запись сделана Джеймсом Грирсоном (о нем см. коммент. к № 99) в 1805; она, по-видимому, наиболее близка к оригиналу, но содержащееся в ней нецензурное выражение в связи с упоминанием королевы препятствовало публикации этого варианта более 150 лет.

Два варианта записаны Каннингхэмом: один из них ему сообщил Джеймс Макклюр (McClure), почтальон из Дамфриза, который якобы слышал, как Бернс читал эту эпиграмму на обеде в Терраухти (Terraughty) — имени близ Дамфриза, принадлежавшем Джону Максвеллу (Maxwell, 1720-1814). В записи Джона Сайма (с которым поэт поддерживал приятельские отношения в Дамфризе — ср. коммент. к № 99) эпиграмма имеет объяснительный заголовок: “Extempore on a young fellow W. I. who had made about £ 10000 by a lucky speculation and who vaunted of keeping the highest company...” (*Burns Chronicle*, 1932, p. 13-4).

Первый печатный вариант опубликован **Lockhart** (1830):

Of lordly acquaintance you boast
 And the dukes that you dined wi' yestreen,
 Yet an insect's an insect at most,
 Tho' it crawl on the curl of a queen.

Cunningham (1834, III, 308) опубли. следующий вариант:

What of earls with whom you have supt,
 And of dukes that you dined wi' yestreen?
 Lord! a louse, Sir, is still but a louse,
 Though it crawl on the curls of a queen.

Chambers (1838) опубликовал вариант, 1-я строка которого совпадает с записью Грирсона, 3—4— с вар. Локхарта, а 2-я — “And what nobles and gentles you've seen” — в других вар. не встречается. Кинсли (II, 827) опубли. запись Грирсона (которая близка к варианту Макклюра), воспроизведенную в настоящем издании. Перевод Маршака сделан на основе варианта Локхарта.

104. Comin' through the rye

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1796, N 417, p. 430.**

Обработка шотл. народной песни, записанной в XVIII в. в нескольких вариантах. Один из них с рефреном “Ilka body has a body, ne'er a ane hae I...” приведен в **SMM** вслед за песней Бернса (№ 418); другой, более натуралистичный (с заменой “kiss” на “f—k”) и, возможно, более распространенный, — в **Merry Muses**, p. 39-41. Известен английский вариант песни. Мелодия, предложенная Бернсом, — “Miller's Wedding” — та же, что для “Auld lang syne” (см. коммент. к № 50).

105. The Lass of Ecclefechan

Автограф: **Hastie MS, 127**; впервые — **SMM, 1796, N 430, p. 442.**

Обработка одноименной шотл. народной песни. Каннингхэм сообщает, что Бернс записал народную песню во

время поездки в Аннандейл (Annandale) непосредственно с голоса (Cunningham, 1834, IV, 295). Наряду с обработанным вариантом Бернс опубликовал также и народный вариант песни (возможно слегка отредактированный):

Gat ye me, O gat ye me,
 An' gat ye me wi' naething;
 A rock, a reel, a spinning wheel,
 A gude black c — t was ae thing.
 A tocher fine, o'er muckle far,
 When sic a scullion gat it;
 Indeed, o'er muckle far, gudewife,
 For that was ay the fau't o't.

(Merry Muses, 1799, p. 74-5)

По другим источникам эта песня неизвестна. «Песня-перебранка» между мужем и женой (*estриф*) весьма распространена в шотл. народной поэзии и неоднократно мастерски использовалась Бернсом (подобные песни распространены и у других народов: ср., напр., получившую широкую известность обработку Гулака-Артемовского — дуэт Карася и Одарки в опере «Запорожец за Дунаем»). Песня Бернса исполнялась на мелодию “Jack Laitin”, зафиксированную в СРС, 1759, XII, 6 и др.

Ecclefechan — небольшая деревушка в Дамфрисшире; Бернс побывал здесь дважды, в частности в фев. 1795.

A hich house and a laigh ane (*простореч.*) — двухэтажный дом (*букв.* «высокий и низкий дом»)

106. The bonie lass made the bed to me —

Автограф: **Hastie MS**, 135; впервые — **SMM**, 1796, N 448, p. 460.

Сюжетная ситуация восходит к англ. балладе *Cumberland Lass* (*Roxburghe Ballads*, VII, 464 и др.), излагающей легенду о том, как застигнутый ночной метелью будущий король Карл II нашел приют в доме девушки

близ Абердина. Как и в других песнях Бернса, не ориентированных на старинные шотл. источники, здесь прева-лирует правильная англ. речь, с незначительными вкрап-лениями шотландизмов.

107. Highland laddie —

Автограф: **Hastie MSS**, 144; впервые — **SMM**, 1796, N 468, p. 481.

Две первые строфы принадлежат Бернсу, дальней-шее — сокращенная обработка песни “The Highland Lad and the Highland Lass”, сложенной в годы якобитского восстания 1745 (Мелодия в **СРС**, 1743, I, 36 и др.)

royal heart ... For freedom and my King... — о якобит-ских настроениях шотл. крестьянства см. коммент. к № 73

108. Here's to thy Health, my bonie lass

Автограф: **Hastie MS**, 160; впервые — **SMM**, 1796, N 495, p. 511.

Обработка шотл. народной песни. Мелодия “Loggan burn” впервые опубликована здесь же.

far-off fowls hae feathers fair ≈ «лучше там, где нас нет», шотл. поговорка

109. The Highland widow's lament

Автограф: **Hastie MS**, 161; впервые — **SMM**, 1796, N 498, p. 514.

Оригинальная песня Бернса с использованием рас-пространенных якобитских мотивов. Мелодию, по словам Бернса, он «услышал от одной женщины на севере Шот-ландии» (**Henley and Henderson**, III, 436).

110. O ay my wife she dang me

Автограф: **Rosenbach MS**; впервые — **SMM**, 1803, N 532, p. 549.

Песня Бернса в традиции “chanson de malmarié” (фр.) — «песня о неудачном браке»; произведения такого рода часто встречаются в различных сборниках средневековых англ. и шотл. песен (напр., *Early English Carols*. Ed. by R. Green, 1935, N 405; *Secular Lyrics of the XIV-XV centuries*. Ed. by R. Robbins, 1952, NN 38-44 и др.). Непосредственный источник, по-видимому, не сохранился. Мелодия песни того же названия в **СРС, 1754, VI, 4** и др.

111. Scroggam

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1803, N 539, p. 558.**

Первая строфа — обработка народной песни “There liv’d a wife in Whistle-cockpen” (**Merry Muses**, p. 21-3), далее — оригинальный текст. Мелодия — “I ha’e laid a her-ring in sa’t”.

auld Cowl — священник или монах

Scroggam ... ruffum (сленг) — (от “scrag ’em, rough ’em”) — почерпнуто из лондонских уличных песен, сопровождавших массовые волнения

112. My Lady’s gown there’s gairs upon’t

Автограф: **Rosenbach MS**; впервые — **SMM, 1803, N 554, p. 573.** (Заглавие по начальной строке припева; другое заглавие — по начальным словам I строфы: “My Lord A-hunting”.)

Обработка недошедшей по другим источникам песни или баллады. Мелодия впервые здесь же. По свидетельству Каннингхэма, ее сочинил Джеймс Грегг (Gregg), музыкант из Эйршира (**Cunningham, IV, 333**).

В переводе Маршака припев вынесен в эпиграф.

jimps and jirkinet — свитер в обтяжку и юбка, т. е. одежда, выдающая крестьянскую девушку

Cassillis — одна из старинных фамилий в Эйршире

113. O that I had ne'er been Married

Автограф неизвестен; впервые — **SMM, 1803, N 593, p. 613.**

Первая строфа и припев — текст народной баллады (**Herd's MSS, Ed. by Necht, 112**). В письме к миссис Данлоп от 13 дек. 1793 Бернс цитирует этот фрагмент (строфу и припев), прямо называя его «старинной шотландской балладой» (**Let. 605**). II строфа — оригинальное сочинение Бернса — включает фрагмент, придавая ему более завершенный характер. Мелодия, восходящая к XVII в., впервые здесь же.

Из произведений, не включенных в основной корпус «Стихотворений и песен» Бернса (в изд. Кинсли)

В настоящее издание включены три песни из числа приписываемых Бернсу без твердых на то оснований (такого рода произведений насчитывается около восьмидесяти). Автографы песен неизвестны. Обстоятельства, по которым они включались в те или иные издания Бернса, не всегда ясны. Однако в сознании подавляющего большинства шотландцев и англичан они живут как песни Бернса; в качестве таковых они были переведены на русск. язык. Учитывая эти обстоятельства — а также высокое качество переводов, — мы сочли уместным включить их в настоящее издание.

114. O wat ye what my minnie did

Впервые атрибуировано Бернсу в 1827 Алленом Каннингхэмом при следующих обстоятельствах: Каннингхэм переписал — предположительно с рукописи Бернса — несколько произведений (в их числе и данную песню), составивших 24 страницы рукописного текста, которые Каннингхэм вплет в принадлежавший ему экземпляр **Merry Muses** (см. коммент. к № 115) издания 1827(?). Этот экземпляр (126 с. печатного текста + 24 рукописного, занумерованного с. 127, 128 и далее) находится в наст. время в Британском Музее (**Gracie MS**). Песня *O wat ye what...* на с. 136—38. С 1830-х публикуется во

всех изданиях Бернса как принадлежащая ему. Кинсли считает атрибуцию вероятной, но полагает, что это, скорее, записанная Бернсом народная песня.

115. *Ye hae lien wrang, lassie*

Впервые опубл. в издании *The Songs and Ballads of Robert Burns. Including ten never before published*. L., 1823, p. 180. Издатель сборника Дж. Барвик (Barwick) включил в него девять (а не десять, как указано в заглавии) песен, не указав ни источники, ни соображения, по которым он атрибутирует их Бернсу. Исследователи полагают, что Барвик воспользовался частично рукописным материалом (но не автографами Бернса), частично сборниками шотл. песен типа **Merry Muses** (см.: J. W. Egerer. *A Bibliography of R. Burns*, Edinburgh, 1965, p. 146-47).

Следует, однако, иметь в виду следующее. Все девять песен, включенные Барвиком в томик произведений Бернса, имеют весьма фривольный характер. По утверждению биографов, поэт собирал такого рода песни, в ряде случаев обрабатывал, и оставил после себя обширное рукописное собрание. О судьбе этого собрания сообщаются самые противоречивые сведения. По одной из версий, все собранное (и обработанное?) Бернсом было опубликовано после его смерти (в 1799 или 1800) в сборнике *Merry Muses of Caledonia*, после чего рукопись была уничтожена. (Само издание **Merry Muses, 1799** сохранилось к настоящему времени в единственном экземпляре.) По другим сведениям, рукопись Бернса была уничтожена лишь частично и остатки ее тщательно скрываются владельцем. Если рукописное собрание фривольных песен, собранных и частично обработанных Бернсом, действительно существовало, то принадлежность опубликованных Барвиком девяти песен — и, в частности, *Ye hae lien wrang* — к этому собранию вполне вероятна.

116. *The joyful Widower*

С 1830-х включается во все издания произведений Бернса, кроме издания Кинсли. Написана в жанре «песен о неудачном браке» (*chanson de malmarié*), неоднократно использованном Бернсом (ср. №№ 110, 113).

THE JOLLY BEGGARS. A CANTATA

Первоначальное название произведения, данное Бернсом и восстановленное в издании Кинсли, *Love and Liberty*.

Автографы: **Alloway MS, Don MS**; впервые — **Merry Muses** (только песни, на листах 57—80, 129—48, 208—35); *The Jolly Beggars*. Glasgow, 1799 (отдельное издание — неполное); **Stewart, 1801**, р. 1-19; 1802, р. 289-301; **Cromek, 1808**. Датируется зимою 1784—85.

Авторское обозначение жанра — кантата; под кантатой в то время понимался цикл песен, написанных от лица нескольких лирических героев, объединенный местом действия и краткими стихотворными характеристиками исполнителей («речитативами»). В отличие от оперы (распространенного в XVIII в. музыкально-драматического жанра) кантата не предполагает сценического воплощения.

Место действия — кабачок миссис Гибсон, прозванной «Киска Нэнси» (Poosie Nansie), в Мохлине, где проводили время и бедняки из окрестных деревушек, и «залетные» бродяги. Заглядывал сюда и Бернс со своими тогдашними друзьями Джоном Ричмондом и Джеймсом Смитом (см. коммент. к № 23). Принято считать, что кантата написана «с натуры».

Сцены в кабачке Нэнси, разумеется, нашли отражение в кантате, вместе с тем она опирается на богатую поэтическую традицию: «Оперу нищего» Дж. Гэя, «Счастливых нищих» (*Happy Beggars*, 1724) Рамзея, на шотл. народные песни, которые поэт собирал повсеместно, а не только в мохлинском кабачке.

Речь персонажей кантаты пересыпана жаргонными словечками, порой весьма грубыми. Большинство из них поясняется ниже в комментариях.

Bauckie-bird (ст.-шотл.) — летучая мышь

red rags — имеется в виду изодранный в клочья красный солдатский мундир

brac'd wi' mealy bags — овсяная лепешка — обычная в то время милостыня

doxy — нищенка, подруга бродячего солдата

tozie — пьяный

drab — “a nasty sluttish whore” (Grose. *Dictionary of Vulgar Tongue*, 1796; об авторе «Словаря» см. коммент. к «Тэму О'Шентеру»)

aumous dish — деревянное блюдо для милостыни

...staggering, an' swaggering... — ремисценция из Рамзея: “Quhen staggirand and swaggirand / They stoyted Name to sleip” (*The Vision*, XIX)

I am a son of Mars... — В песне солдата Бернс использовал стихотворный размер, интонацию и ритм популярной песни «Веселый моряк» (“Jovial Marriner”, с. 1680): “I am a jovial Marriner, our calling is well known...” Эту поэтическую модель Бернс мастерски обработал: введя тройную внутреннюю рифму, поэт создал своеобразный ритм барабанного марша, причем заключительный стих каждой из пяти строф эксплицирует эту аллюзию словами “The sound of the drum”.

Тема солдатской песни весьма традиционна, напр.:

How happy the soldier who lives on his pay
And spends half-a-crown out of sixpence a day
Yet fears neither justices, warrants, nor bums...

(“The poor Soldier”, 1794, **Henley and Henderson**, II, 300)

Мелодия, указанная Бернсом, — “Soldier's joy” в сб.: Campbell. *Collection of the Newest(...)* Reels, 1778.

heights of ABRAM (Abraham) — Авраамские высоты, к западу от Квебека (Канада), где во время войны между Англией и Францией за амер. колонии англичане под командованием генерала Джеймса Вольфа (Wolfe, 1727-

59) одержали в сент. 1759 решительную победу. Сам Вольф в этом сражении был убит.

MORO — Моро, крепость, защищающая гавань Сант-Яго на Кубе, которую англичане взяли штурмом в 1742; вскоре Гавана и Куба были захвачены англичанами, однако год спустя испанцы вытеснили англичан с острова.

I lastly was with Curtis... — солдат бродяжничает уже около двух лет: его служба кончилась с окончанием осады Гибралтара объединенными франко-исп. войсками в 1779—83. Военные корабли Франции и Испании, снаряженные специальной штурмовой артиллерией (*floating batt'ries*), были потоплены адмиралом Роджером Кёртисом (*Curtis*, 1746-1816) в 1782. Обороной Гибралтара руководил генерал Джордж Элиот (*Elliott*, 1717-90), позже ставший лордом Хисфилдом (*Heathfield*).

Callet — “a wench, jade, doxy, trull, drab” (**Jamieson**)

tell — *зд.* «подсчитать стоимость (бутылки) и выпить»

martial CHUCK — еще один синоним к слову «шлюха» — в данном случае, промышляющая вокруг военных лагерей

SODGER LADDIE — мелодия XVII в. зафиксирована в сб. **Bremner** и др.

proper young man — *зд. ирон.* «вежливый», «благовоспитанный»

I, ance, was ty'd ... kirk — Речь идет о том, что герой этой песни подвергался различным публичным наказаниям: в первом случае его в железном ошейнике приковали к позорному столбу, во втором — ставили у «скамьи позора» в церкви (см. коммент. к № 97).

cleek the Sterlin (*воровск. жарг.*) — вытащить деньги с помощью специального крючка

Claymore — старинный шотл. меч: «длина его обоюдо-острого клинка 3 фута 7 дюймов, рукоятки — 14 дюймов» (Pennant. *A Tour in Scotland*, 1772, p. 289). В XVIII в. такие мечи были легче и короче.

trepan (жарг.) — “to inveigle or enslave” (Grose. *Dictionary of Vulgar Tongue*). Ср.: “Force ... / Never shall my heart trepan” (Gay. *The Beggar’s Opera*, II, XIII).

ARIOSO (муз.) — эд. «мелодично», «протяжно»

GIGA — эд. «живо», «быстро»; вся строфа и по содержанию и по форме реминисцирует Рамзея: “Jove’s nimble Son and Leckie snell / Made the first Fiddle of a shell, / On which Apollo / With meikle Pleasure play’d himsel / Baith jig and Solo” (*Elegy on Patie Birnie*, 50-4)

An’ go wi’ me an’ be my DEAR — реминисценция заглавной строки песни Кристофера Марло (Marlowe, 1564-93) *Come live with me and be my love*, неоднократно повторенной в песенниках XVII в. Бернсу, вероятно, была известна и пародия на нее: “Come live with me and be my whore, / And we will beg from door to door” (*Westminster Drollery*, 1671, I, 16-7)

May whistle owre the lave o’t — мелодия XVII в.; зафиксирована в **Bremner**, 56.

Sae merrily the banes we’ll pyke ... dyke — реминисценция из народной баллады «Два ворона» (*The Twa Corbies*): “In behint yon auld fail dyke / I wot there lies a new slain knight <...> Ye’ll sit on his white hause-bane, / And I’ll pyke out his bonny blue e’en”

CAIRD (шотл. простореч.) — лудильщик, медник (от гэльск. “seard” — «мастер, ремесленник»). По представлениям той эпохи ремесленник — даже бродячий лудильщик — был человеком значительно более уважаемым, чем бродячий музыкант или солдат. Отсюда его высокомерный тон по отношению к другим посетителям кабачка.

clout the CAUDRON — мелодия из **Orpheus Caledonius, 1733**, II, N 25. Бернс использует здесь распространенный в англ. и шотл. фольклоре жанр «песен лудильщиков» (tinker-songs), имевших обычно фривольный характер; ср. “Room for a Jovial Tinker”, “The Beverley Maid and the Tinker” (*The Common Muse: An Anthology of Popular British Ballad Poetry*. Ed. by V. de Solo Pinto and A. E. Rodway, 1957, p. 279-81, 299).

KILBAIGIE — сорт виски по имени городка, где он изготавливается

I never drank ... Castalia's burn — распространенный в англ. и шотл. поэзии мотив, восходящий к эпохе Возрождения; ср. у Сиднея: “I never drank of Aganippe well” (*Astrophel and Stella*, LXXIV).

But there it streams ... MY HELICON I ca' that — реминисценция из Фергюссона: “The cup ... gives him greater joy / Then all the Heliconian streams...” (*The Buds*, 128-29)

Great love... — реминисценция из «Хардикнута» в обработке Рамзея (при первой публикации баллады в 1710 (см. коммент к № 2) она насчитывала 26 строф, в публикации 1719 — 29 строф, а у Рамзея — 42 за счет досочиненных им самим): “Great love they bare to Fairly fair / Their sister saft and deir” (**Evergreen, 1724**, II, 248).

A fig for those ... feast! — реминисценция из «Счастливых нищих» Рамзея (строки 9, 27): “A fig for gaudy fashions ... We all agree in liberty” (**Tea-Table Miscellany**, II, 148-49).

TAM O'SHANTER. A TALE

Автографы: **Kilmarnock MS; Lochryan MS** (Let. to Mrs. Dunlop, 6 Dec. 1790); **Adam, Fintry, Afton Lodge, Glenriddell MSS**; впервые — F. Grose. *Antiquities of Scotland*, 1791 (под загл. “Alloway Kirk, or Tam O'Shanter. A Tale”;

далее: *Edinburgh Magazine*, March 1791; *Edinburgh Herald*, 18 March 1791; **Poems** (1793, 1794).

История создания этого произведения связана с именем Фрэнсиса Гроса (Grose, 1731-91), разносторонне одаренного человека — художника, ювелира, лексикографа, любителя старины, автора шеститомного иллюстрированного (частично им самим) издания «Памятники старины Англии и Уэльса» (*Antiquities of England and Wales*, 1773-87), «Словаря нелитературного английского языка» (*A Classical Dictionary of Vulgar Tongue*, 1785) и «Памятников Шотландии» (*Antiquities of Scotland*, 2 vols., 1789, 1791). Бернс познакомился с Гросом в 1789, во время поездки последнего по Шотландии в поисках материалов для 2-го тома «Памятников». Из писем Бернса того времени (напр., **Let. 352**) и воспоминаний Гилберта Бернса видно, что поэт относился к Гросу с большим уважением и восхищением, старался, чем мог, помочь ему в сборе материала для «Памятников». Бернс, в частности, показал Гросу старинную церковь близ своей родной деревушки Аллоуэй (приход Аллоуэй в 1600 был объединен с Эйром, и полуразвалившаяся церковь с прилегающим к ней кладбищем представляла собой картину живописного запустения). Церковь пользовалась дурной славой: считалось, что там по ночам собираются на шабаш ведьмы и колдуны, и в народе на этот счет рассказывали всякое. Бернс не преминул сообщить об этом Гросу и порекомендовал ему зарисовать церковь для «Памятников»; Грос согласился, но в свою очередь попросил Бернса записать для него две-три такого рода истории, чтобы опубликовать их вместе с рисунками.

Весной или летом следующего 1790 (сопроводит. письмо № 401 не датировано) Бернс послал Гросу три небольших рассказа, составленных на основе народных преданий. Тексты эти необычайно интересны, так как они дают единственную в своем роде возможность судить о таланте Бернса-рассказчика и позволяют проследить зарождение замысла поэмы «Тэм О'Шентер». Приводим с незначительными сокращениями два из них (курсивом нами выделены места, использованные впоследствии в поэме):

- (i) 'Upon a stormy night, amid whirling squalls of wind

and bitter blasts of hail, ... on such a night as the devil would chuse to take the air in, a farmer or a farmer's servant was plodding and plashing homeward.... His way lay by the Kirk of Alloway, and being rather on the anxious look-out in approaching a place so well known to be a favorite haunt of the devil and the devil's friends and emissaries, he was struck aghast by discovering ... a light ... proceed[ing] from the haunted edifice. Whether he had been fortified from above on his devout supplication ... or ... he had got courageously drunk ... so it was that he ventured ... into the very Kirk.... The members of the infernal junto were all out on some *mid-night business* or other, and he saw nothing but a kind of kettle ... over the fire ... simmering *some heads of unchristened children, limbs of executed malefactors, &c.* for the business of the night. It was, in for a penny, in for a pound ... so without ceremony he unhooked the caldron ... and pouring out the damnable ingredients, inverted it on his head, and carried it fairly home....'

(ii) '*On a market day in the town of Ayr, a farmer from Carrick ... whose way lay by the very gate of Alloway kirk-yard, in order to cross the river Doon at the old bridge...* had been detained by his business till by the time he reached Alloway it was the wizard hour, between night and morning.

'Though he was terrified with a blaze streaming from the kirk, yet as it is a well known fact, that to turn back on these occasions is running by far the greatest risk of mischief, he prudently advanced on his road.... He was surprised and entertained ... to see a dance of witches merrily footing it round their old sooty blackguard master, who was keeping them all alive with the power of his bagpipe. The farmer stopping his horse to observe them a little, could plainly descry the faces of many old women of his acquaintance and neighbourhood. How the gentleman was dressed, tradition does not say; but the ladies were all in their smocks; and one of them happening unluckily to have a smock which was considerably too short to answer all the purpose of that piece of dress, our farmer was so tickled that he involuntarily burst out, with a loud laugh, "Well luppen, Maggy wi' the short sark!" and recollecting himself, instantly spurred his horse to the top of his speed. I need not mention the universally

known fact, that *no diabolical power can pursue you beyond the middle of a running stream.... Against he reached the middle of the arch of the bridge ... the pursuing, vengeful hags were so close at his heels, that one of them actually sprung to seize him: but it was too late; nothing was on her side of the stream but the horse's tail, which immediately gave way to her infernal grip... but the farmer was beyond her reach. — However, the unsightly, tail-less condition of the vigorous steed was ... an awful warning to the Carrick farmers, not to stay too late in Ayr markets.'*

Когда именно возник замысел написать на основе такого рода историй стихотворную повесть — не вполне ясно. Во всяком случае, первые редакции поэмы появились уже осенью 1790, а окончательная редакция — ранней весной 1791. Сообщение Локхарта, основанное на рассказе жены Бернса, что поэма была написана «как-то осенью, в течение одного дня» (Lockhart, II, 45-6), мало правдоподобно: из сопоставления редакций поэмы, из переписки с миссис Данлоп, которая подвергла ряд мест серьезной критике, видно, что поэт работал над окончательной редакцией долго и напряженно. Вероятно, и ранние этапы — формирование замысла и его реализация в первой редакции — связаны с не менее интенсивной работой.

Авторское обозначение жанра *A tale* не имеет точного соответствия в русск. языке: оно может означать «быль», «рассказ», «повесть в стихах». Именно так называл свои стихотворные новеллы (*Canterbury Tales*) основоположник этого жанра Джеффри Чосер. Близость «Тэма О'Шентера» к чосерианской традиции несомненна; однако многое здесь и от жанра народной баллады. Многопланова и образно-стилевая стихия произведения. Ее «глубинный» слой восходит к преданиям и балладам о «нечистой силе», распространенным в фольклоре разных народов. Ближе к поверхности — предания, сложившиеся вокруг полуразрушенной церкви Аллоуэй: два из них приведены выше. Наконец, на уровне конкретных деталей, — и характеры, и стиль поэмы в целом приобретают столь отчетливые реально-бытовые черты, что земляки Бернса угадывали в каждом из персонажей своего знакомого: фермера, сапожника, мельника и т. д.

Замечательным художественным достижением поэта — и это особенно сближает его с традицией Чосера — стал образ повествователя: умение увлекательно и динамично рассказать и о будничной попойке в кабаке, и о необычайном приключении с нечистой силой сочетается у него с многообразными интонациями — веселыми и грустными, ироническими и патетическими, романтическими и даже нравоучительными.

Эпиграф — из «Энеиды» Вергилия (*The Bukes of Eneados*, VI, Proloug, 18) в переводе на шотл. язык Гэвина Дугласа (Gavin Douglas, 1474-1522), первого переводчика Вергилия на Британских островах. Бернс, вероятно, был знаком с его переводом по изданию: *Select Works of G. Douglas*. Perth, 1787.

When chapman billies leave the street — Бернс открывает поэму реминисценцией из Фергюссона: “Here chapman billies tak their stand” (*Hallow-Fair*; 28), сразу же обращая мысль читателя к шотл. поэтической традиции.

lang Scots miles — см. коммент. к № 22.

honest Tam o’Shanter — героем народной легенды был, как помним, безымянный «фермер из Каррика» (см. выше). Указание на Каррик (старинное название части Эйршира к югу от р. Дун) существенно для мотивировки путешествия фермера: городок Эйр и церковь Аллоуэй находятся к северу от р. Дун — т. е. в Кайле; для того, чтобы попасть в Каррик, необходимо было переправиться на южный берег по единственному в то время мосту через Дун близ церкви Аллоуэй. В поэме герой приключения получил имя Тэм О’Шентер; но на берегу Дуна, в Каррике, действительно существовала ферма Шентер (близ замка Тёрнберри — Turnburry Castle), и современники Бернса увидели в хозяине этой фермы Дугласе Грэме (Graham, 1739-1811) прототип героя поэмы. Рассказывали, что как-то в базарный день в Эйре, Грэм пропил вырученные на базаре деньги, потерял шляпу, и в довершение всего какие-то шутники выщипали хвост его кобыле. Не зная, как оправдаться перед женой, он сочинил историю, что, когда он возвращался ночью домой, у церк-

ви Аллоуэй на него напала нечистая сила. Трудно сказать, существовал ли этот анекдот до Бернса или он сложился уже после появления поэмы как своеобразный народный комментарий к необычайным событиям, описанным в ней, но крестьянский скептицизм по отношению к рассказам о нечистой силе выражен в нем достаточно ярко.

miller ... smith — прототипом мельника современники считали родственника матери Бернса Хью Брауна из Ардлохэна (Brown of Ardlochan), а прототипом кузнеца — Джона Найвена (Niven) из Каррика

Kirkton Jean — в данном случае в поэме прямо названо реально существовавшее лицо — Джин Кеннеди (Kennedy), хозяйка кабачка в деревушке Кёркусвальд, Кирктонского прихода (Kurkoswald, Kirkton). Кабачок, в котором Джин управлялась вместе со своей сестрой, пользовался сомнительной репутацией, и окрестные фермеры насмешливо называли его “Leddies’ House”. Бернс иронически обыграл это название в предыдущей строке: “Leddies’ House” он сократил до “L—s House” (по образцу “Lord’s House” — в XVIII в., да и позже, слово “Lord” из-за запрета на божбу печаталось лишь в сокращенном варианте L—d).

Рассчитанная двусмысленность доставила немало веселых минут современникам поэта, но она же ввела в заблуждение С. Маршака. Последний перевел название как «Божий дом» и оказался вынужденным ввести в поэму отсутствующих у Бернса «церковного служку» и «дьячка», для встречи с которыми Тэм ходил по воскресеньям в церковь... Заметим, что в оригинале Тэму ставится в вину как раз обратное — т. е. то, что по воскресеньям он проводит время не в церкви, а в кабачке, что, по глубокому убеждению праведной жены, кончится для него бедой.

Souter Johnny — еще одно реальное лицо; однако земляки Бернса разошлись во мнениях о том, кого именно имел в виду поэт. Одни считают, что это Джон Дэвидсон (Davidson), сапожник из деревушки близ фермы Шентер, другие — что это Джон Лэхлен (Lachlan), сапожник из Эйра.

The minutes wing'd their way wi' pleasure — реминисценция из Гилбертфилда (см. коммент. на с. 569—70): “Let wing'd with pleasure, the softest minutes flow...” (Hamilton Gilbertfield. *History of Sir Willie Wallace*, VI, 55)

...like the rainbow's lovely form / Evanishing amid the storm. — реминисценция из нравоучительного очерка С. Джонсона *Aningait and Ajut*, включенного в школьную книгу для чтения тех лет *Masson's Collection of Prose and Verse*, по которой занимался и Бернс: “What art thou deceitful pleasure! but a sudden blaze streaming from the north, which plays a moment on the eye ... and then vanishes for ever.”

Nae man can tether time or tide — «сельский» вариант пословицы “Time and tide wait no man”; ср. коммент. к № 77

The doubling storm roars thro' the woods — реминисценция из «Храма славы» Попа: “Thro' the big Dom the doubling Thunder bounds” (*The Temple of Fame*, 333)

The lightnings flash from pole to pole ... the thunders roll — реминисценция из «Одиссеи» в переводе Попа: “Jove in anger bids his thunders roll / And forky lightnings flash from pole to pole” (XII, 485-86)

John Barleycorn — см. коммент. к № 8

Fair play, he car'd na deils... — предложение трактуется по-разному: Чемберс склоняется к прочтению: «не чувствуя за собой никакой вины, он не боялся дьявола» (**Chambers—Wallace**, III, 216). Кинсли полагает, что “Fair play” следует понимать как восклицание с ослабленной семантикой: «Честно говоря, он не боялся...», что представляется более соответствующим характеру героя и ситуации.

Warlock and witches in a dance — Ср. одно из описаний шабаша, принадлежащее автору XVI века: “(The Devil

assembled them) together into a Diuelish Sinagogue, and that he may also vnderstand (sic!) of them howe well ... they haue fulfilled their office ... and who they haue slaine ... Then doe they all repeat the othe ... the fal they to dancing” (Danaeus. *Dialogue of Witches* (1575), ch. IV; цит. по кн.: Margaret Murray. *The Witch-Cult in Western Europe*, 1921, p. 125).

Nae cotillion ... frae France — в XVIII в. как шотландцы, так и англичане относились к салонным танцам, культивировавшимся во Франции, иронически, а подчас и враждебно. Ср. в «Соперниках» (1775) Шеридана: “Confound the first inventor of cotillons! Say I ... these outlandish heathen allemandes and cotillons are quite beyond me...” (*The Rivals*, III, IV).

But hornpipes ... reels — перечислены народные шотл. танцы: **hornpipe** — быстрый одиночный танец; **jig** — «джига» — старинный шотл. танец, распространившийся позже и в Англии; **strathspey** — быстрый парный танец, сложившийся в Шотландии в XVII в., хотя первый сборник этих танцев появился лишь в 1780 (*Collection of Strathspeys* by Angus Cunningham); **reel** — излюбленный в Шотландии танец, отличается исключительной быстротой (reel — «вихрь») и сложностью: в нем участвуют две пары, каждый из участников сначала быстро кружится поодиночке, затем вдвоем, затем партнеры обмениваются дамами и кружатся, схватившись за руки (ср. ниже у Бернса, строка 148 “They reel’d, they set, they cross’d, they cleekit...”)

...Auld Nick, in shape o’ beast — “Auld Nick” — одно из прозвищ дьявола; строка реминисцирует стих Рамзея из юмористической (и несколько фривольной) стихотворной новеллы «Монах и мельничиха»: “Jinko, Jingo, / Appear in Likeness of a Priest / No like a Deal in shape of Beast.” (*The Monk and the Miller’s Wife*, 252-54). В письменных памятниках, отразивших поверья шотл., англ., нем. народов, дьявол, как правило, появляется в обличье животного, обычно черной собаки.

Each ... held a light. — горящая свеча в руке каждого участника шабаша — непрменный атрибут ритуала, о чем упоминается почти во всех источниках, приводимых в цитированной выше книге М. Мёррей. В одном из источников, относящемся к 1590, рассказывается, как дьявол «инструктирует» своих подопечных: «и у каждого была горящая свеча» (“having lyk leicht candles roud about him” — M. Murray. *The Witch-Cult*, p. 144).

A murderer’s banes... — перечисляемые в строках 130—142 предметы — суть «вещественные доказательства», которые участники шабаша должны были представлять дьяволу в качестве «отчета» о совершенных ими злодеяниях

They reel’d ... reekit — ср. выше коммент. к строке 117; аллитерация th-r-d, k-(r)-t акцентирует вихревое движение танца

seventeen hunder linen — т. е. исключительно высококачественная ткань, продольная основа которой состоит из 1700 нитей (см. коммент. к № 10)

bonie burdies — балладный штамп, напр.: “ye lied, ye lied, ye bonny burd” (**Child**, N 86A).

spean a foal (*фразеол.*) ≈ “drive it off the teat in fright”

But Tam ... fu’ brawlie, / There was ae winsome wench and wawlie — реминисценция из Рамзея: “She was a winsome Wench and wawly / And cou’d put on her claith fu’ brawly” (*A Tale of Three Bonnets*, I, 83-4). Земляки Бернса утверждали, что особа, о которой идет речь, — Кэти Стивен (Steven), гадалка и «колдунья» из Лейгпарка, в приходе Кёркусвальд.

For monie a beast to dead she shot — Т. Дэвидсон приводит многочисленные документы, свидетельствующие, что неурожаи, падеж скота, бури и др. стихийные бедствия еще в XVII в. объясняли вмешательством нечистой силы, в связи с чем против многих конкретных лиц

возбуждались дела по обвинению в колдовстве (Thomas Davidson. *Rovan Tree and Red Thread*. 1949, ch. III).

Her cutty sark, o' Paisley harn — Реминисценция из сатирической песенки, приписываемой шотл. поэту-коробейнику Дугалу Грэму (Graham, 1724-79), автору многих шуточных песен, собранных и опубликованных лишь столетие спустя после его смерти: “A Cutty sark of guide harn sheet / My mitter he pe spin, mattam” (Dougal Graham. *Collected Writings*. Ed. G. Macgregor, 1883, I, 271). **Harn** — грубая ткань из очесов льна обычно домотканая, но иногда, как в данном случае, фабричного производства; из нее изготовлялось нательное белье. **Paisley** — ткацкий поселок в Ренфрушире (Renfrewshire), известный в те годы высоким качеством изделий.

twa pund Scots — шотл. фунт к моменту заключения Унии (1707) был равен $\frac{1}{12}$ англ. фунта. Служанка на ферме могла заработать в то время от двух до трех шотл. фунтов в год.

As bees bizz... (и далее строки 193—99) — тройное сравнение, иронически имитирующее развернутые эпические сравнения Гомера (известные Бернсу по переводу «Илиады» А. Попом): “...the troops ... / Inva-de the Trojans... / As wasps, provok'd by children in their play, / Pour from their mansions...” (*Iliad*, XVI, 312-22). Начало сравнения: “As bees bizz ... their byke” — реминисценция из Джона Скиннера (Skinner, 1721-1807): “Like bumbees bizzing frac a byke, / Whan hirds their rig-gins tirr” (*The Monymask Christmas Ba'ling*, с. 1740, II).

Л. М. Аринштейн

В глоссарии даны англ. эквиваленты шотл. слов, или же дефиниции к шотл. словам (на англ. языке). В дефинициях раскрываются не все значения и смыслы данного слова, а только те, которые встречаются в текстах Бернса.

При чтении текстов необходимо иметь в виду, что многие слова шотл. диалекта, совпадая с англ. по форме, отличаются от них по значению. При этом возможны два случая: 1) форма шотл. и англ. слова совпадает, но значения различны, напр.: шотл. **famous** — grand, fine; **lunch** — large slice, thick piece; **play** — joy, pleasure; 2) шотл. и англ. слова совпадают по форме и по основному значению, но шотл. слово обладает дополнительным значением, отсутствующим в англ. яз., напр.: **again** — ready for, before; **kitchen** — season; **quarrel** — challenge, dispute; **thick** — familiar, intimate; **soup** — sup, drink; **round** — confidently и т. д. В этом случае в глоссарии переводится только дополнительное значение.

Поскольку шотл. орфография XVIII в. не систематизирована, одни и те же слова встречаются в текстах в разном орфографическом оформлении. Особенно часты разночтения: **i/u**, **u/w**, **k/c** (гл. обр. в начале слова), **a/ai**, **a/au**, **a/aw**, **ei/ie** и др. Все варианты написания даются в основной словарной статье и затем повторно в порядке алфавита (с соответствующей отсылкой к основной статье).

Если значения образованных по конверсии слов отличаются только основным словообразовательным значением разных частей речи, указания на часть речи в словарных статьях не даются. Если при словообразовании добавляются новые значения, указывается часть речи и значение деривата.

Производные, образованные с помощью суффиксов или словосложения, даются в той же статье, что и основное слово.

Глаголы даются, как правило, в форме инфинитива. Если в текстах встречается и форма прош. времени или причастия II неправильного глагола, она приводится в той же словарной статье. Если в текстах встречается только форма прош. времени или причастия II (что случается, когда шотл. глагол совпадает с англ. по форме инфинитива и наст. времени, но отличается от него формами прош. времени и причастия II), то и англ. перевод дается в соответствующей форме; в случае необходимости дается также объяснение через инфинитив англ. глагола (напр. **cam** — *past t. of come*).

Слова и словосочетания на шотл. диалекте выделены в глоссарии **полу жирным** шрифтом; англ. эквиваленты и дефиниции на англ. языке — обычным шрифтом. В пояснениях приняты обычные словарные сокращения: *n.* — noun, *v.* — verb, *past t.* — past tense, *pres.p.* — present participle, *p. p.* — past participle, *sing.* — singular, *pl.* — plural и т. д.

Близкие значения многозначного слова в переводе отделяются друг от друга запятой, более далекие — точкой с запятой; несовпадающие значения обозначены цифрами 1, 2 и т. д. Омонимы даются в разных словарных статьях.

В словарных статьях частично использованы дефиниции самого Бернса, сделанные им к прижизненным изданиям своих произведений.

A

a — see **hae**

a' — all

aback — in the rear, away, aloof

abiegh — aside, at a shy distance

ablins, aiblens — perhaps

(a)boon — up, above, over;

get aboon — rejoice

abread, abreed — wide; abroad, in sight

acquaint, acquent — familiar; acquainted with each other

advisement — thought, deliberation

ae — one, a certain; one of two; only; *emphatic before a superlative*

aff — off, away

a-fiel — in the field; outside

afore — before; in front of

aft(en), aft(en)-times — often

again — ready for, before

agley — awry, wrong

ahin(t) — behind

aiblens — *see* **ablins**
ain — own
air — early
airles, airle-penny — payment made in token of employment
airn — iron; *pl.* — fetters
airt — direction; ~ (*v.*) — guide
aith — oath
aits — oats
aix — axe
aizle — hot cinder
a-jee — ajar
alake — alas
alane — alone
amaist — almost
amang, 'mang — among
an, an' — and, if; **an't** — if it
ance — once
ane — one, a(n)
anent — concerning
aneuch, eneuch, eneugh, enow — enough
anither — another
an's — and am; and is; and his
asklent — askew, on the side; askance
aspar — aspread, with legs apart
attour — *see* **by (bye) attour**
atweel — certainly, indeed
atween — between
aught — eight; eighth
aught — *see* **ought**
auld — old
aumous (dish) — alms-dish
ava — of all; at all
awa — away
awald — in a state of drunkenness
awauk — awake
awe — owe
awee — for a moment
ayont — beyond, past

B

ba' — ball
backlins — backwards
back-style, back-yett — the stile, gate in the rear fence of the house
bade — 1) *past t. of bid* — ask, desire; 2) *past t. of bide* — remain, await, endure
baggie — belly
baiginets — bayonets
bair — uncover, clear
bairn — child; **bairn-time** — all the offspring of one mother, a brood
baith — both
bakes — biscuits
ban — curse, swear
bane — bone; bone-comb; **banie** — bony, big-boned
bang — thrash, thump
bang — blow, pain
bannock, bonnock — round; flat girde-baked cake of oatmeal barley, or flour
barefit — barefooted
barmie — fermenting with ideas
bashing — abashed, confused
batch — crew, gang, set
batts — colic
bauckie-bird — bat
bauld — bold, audacious
baws'nt — having a white stripe down the face
bear, beir — barley
bear — allow, suffer, admit
bearers — legs
beat, beet — kindle, add fuel to fire
befa' — befall
beir — *see* **bear**
behin(t) — behind
beild, biel(d) — protection, shelter, cover
belang — belong to

- beld** — bald
belted — with the distinctive belt of an earl or a knight
belyve — quickly, soon
ben — indoors, within; parlour;
benmost — furthest in, innermost
benorth — to the north of
besouth — to the south of
bestead — placed, circumstanced
bethankit — (God) be thanked, the grace after a meal
beuk — book; **pictur'd beuk** — playing card
bewaure — beware
beyont — beyond, on the far side of
bicker — rush, scurry; ~ (n) — short rush, stagger
biel(d) — *see* **beild**
bien(ly) — comfortably, warmly
big — elated, passionate
big — build; **biggin** — building
bike, byke — hive; swarm, crowd
bill — bull
billie, billy — friend, comrade, fellow, lad
bird(ie), burd(ie) — lass
birk — birch tree
birkie — lively, spry fellow
birlie-man — valuer of crops, parish arbiter
birrin(g) — whirring
bizz — buzz
blackguarding — *see comment. to N 19*
blastie — ill-tempered creature
blast(i)et — accursed; dwarfish
blaw — blow; get breath back;
blawn — *past p. of blaw*
blear, bleerit — watery-eyed, bleary
bleeze — blaze
blellum — idle babbler
blether — talk foolishly, babble, brast
blin' — blind
blink — glance fondly; leer flirtatiously
blink — short time, moment
blude, bluid — blood; semen
boddle — copper coin (1/6 of an Eng. penny)
bode — expect, look for
bodie, body — person, fellow, *pl. folk*; a **body's sel** — oneself
bogle — ghost, spectre, goblin
bonnie, (bonie) bony — fair, pretty, fine; (*adv.*) ~ **ly**
bonnock — *see* **bannock**
boon — *see* (a)boon
boord-en' — end of a table
boost — must, ought
boot — *see* **o'boot**
bore — crevice, crack
bouk — body, carcass
'bout — about; around; in
bow — bend
bowse — drink heavily, ~ **about** — drink in turn
bra', brow — fine, splendid, handsome; ~ **ly**, ~ **lie** — admirably, very (much)
brae — hill, hillside, high ground by a river
brag — challenge
braid — broad, plain; ~ **money** — *see comment to N 10*
braid-claith — broad-cloth
brainge — plunge, draw unsteadily
brak (*ast t. of brek*) — break
brankie — finely dressed
branks — halter, bridle
brany — brandy
brat — (*contemptuous*) child
brats — rags
brattle — short race

brawds — ruffians
breastet — pulled forward
bree — whisky
breeks — breeches, trousers
breer, brier — briar
brent — smooth, unwrinkled
brent — branded, brand (new)
brewn — brewed
brier — *see* **breer**
brig — bridge
brisket — breast
brither — brother
brock — badger
broose — wedding race
brose — oatmeal mixed with boiling water or milk
browster — brewer; ~ **wives** — alewives, landladies
brugh — borough
brulsie — uproar, quarrel
brunstane — brimstone
brunt — burnt
brust — burst
buckie — buck, gag debauchee
budget — leather bag
burdly — stalwart; stately
bum — hum; **bum-clock** — a humming beetle that flies in the summer evening
bummil — hum, mumble, stutter clumsily
bure — bore, Carrie; won
bur-thistle — spear-thistle
buss — bush
but — without; but that; other than that; lacking, less
but(t) — out, to the outer room;
but(t) and ben — in the kitchen or outer room, and in the inner room of a cottage
butching — butchering
burd(ie) — *see* **bird(ie)**
by — concerning, about; over, past; **by himself** — beside himself, lunatic, distracted;

by attour — in addition
byke — *see* **bike**

C

ca' (*past t.* **ca't**) — call; plod on; **ca'** (*n.*) — call, knock, blow
cadger — travelling hawker
caff — chaff
caird — tinker, gipsy
calces (*pl. of calx*) — powder
calf-ward — a small inclosure for calves; the churchyard
caller, callor — fresh, cool
callet — wench, trull
cam — *past t. of come*
canker — become peevish
canna — cannot
can(n)nie, can(n)ny — knowing, shrewd; careful
cannilie — skilfully; gentle, kindly, quier; lucky; comfortably
cant — song, merry tale; **cantie, canty** — lively, cheerful(ly)
cantraip — magic, witching
cape-stane — coping-stone
cap'ring — capering
car — crude cart without wheels, carriage
card — chart
caretna by — cared nothing, not at all
caritch — catechism
carl(e), carlie — fellow, old man
carlin — old woman; witch
carte(s) — card(s)
cast out — fall out, quarrel
catch'd — *past t. of catch*
caudron — cauldron
cauf — calf
cauld — cold
caup — wooden bowl
cavie(-hen) — coop
cess — land-tax

- chainet** — adorned with chains
change-house — ale-house
chantan — singing
chanter — the part of a bagpipe on which the melody is played; pastoral pipe
chapman — pedlar
chearfū' — cheerful
cheek — side-piece
cheek-for-chow (jow) — cheek by jowl, side by side
cheel, chiel(d) — lad, young fellow, chap
chimla, chimlie — fire-place, hearth
chow — chew
chuck(ie) — mother hen; sweet-heart, dear
chuffie — portly, fat-faced
cit — citizen, townsman
clachan — village; ale-house
claes, claething, claise, claith-(ing) — clothes, dress
clamb — climbed
clash — chatter, the story of the day; *v.* gossip, talk scandal
clatter — chatter, gossip
claught — *past t. of cleek*
claut(e) — handful, lump
claver — clover
clavers — idle talk, chatter
claw (past t. clew) — to scratch
clean — comely, shapely; empty; utterly
clear — quite free
cleekin — brood
cleed — to clothe
cleek (past t.: 1) claught, 2) cleekit) — clutch, lay hold of, pilfer; link arms in the dance
cleeks — cramp in horses, which hooks up their hind legs
cleg — gad-fly
clew — *past t. of claw*
clink — cash; jingle (of verse); ~ (*v.*) — ring, rhyme; sit down smartly
clinker — lively rogue
clips — shears, clippers
clishmaclavers — idle conversation, wordy discourse
clout — the hoof; **Clouty, Cloots** (*i. e.* cloven-footed) — the Devil
close — constant, unrelieved
clour — a bump or swelling after a blow
clout — patch
clud — cloud
clunk — gurgle
coatie — petticoat, skirt
cock — good fellow, chap
cod — pillow
coff (past t. coft) — buy
coggie — wooden vessel for drinking liquor; a corn measure; womb
collieshangie — dispute, discord, strife
command — commandment
complecnin — complaining
cood — cud
coof, cuif — fool, clown, lout
coor — cover, protect
cooser — lecher, stallion
coost, (past t. of cast) — throw off, toss
core — band of dancers
corn-mou — stack, pile of corn
corn't — fed with corn
cot(-house) — cottage; cot-folk-cottagers
cotter(-man) — farm-tenant, cottager
couldna — could not
countra, kintra, koontrie (n., adj.) — country, rustic

coup, cowp — upset, capsize; overbalance
cour, cow'r — lower, fold; *pres.*
p. coran — cringing, timid
court-day — rent-day
couthie, couthy — loving, kind
cowe — scold, humiliate
cowp — *see coup*
cow'r — *see cour*
cowt(e) — colt; awkward fellow
cozie — snug, comfortable
crabbet — crabbed, ill-natured
crack — gossip; chat; story, scandalous tale
craft — croft, laud adjoining farm-house
craig — crag, cliff
craig(ie) — neck, throat, gullet
cran — crane, tripod for a pot
crancous — fretful, captious, awkward
cranreuch — hoar-frost
crap — top, head; crop
craw — crow
crazy — infirm
creel — wicker basket carried on the back; **to have one's wits in a creel** — to be crazed, fascinated
creepie-chair — stool of repentance in church
creeshie — greasy, filthy
crock — old ewe past bearing
crookit — crooked, deformed
croon — boom, hum
croose — *see crouse*
cross — across
croud — crowd
crouse, croose — merry cocksure
crowdie — oatmeal mixed with water eaten raw, porridge;
crowdie-time — breakfast-time
crummie — cow with crooked horns

crummock — stick with crooked head, crook
crump — hard and brittle (of bread), baked dry
cuif — *see coof*
cummer, kimmer — gossip; woman, wife; lass, wench
cummock — a short staff with a crooked head
curch — kerchief
curchie — curtsy
curmurring — slight, rembling noise
curple — buttocks
cushat — wood-pigeon
cute — ankle
cutty — short, brief; **cutty-stool** — stool of repentance in church

D

dadie — father
daffin — fooling, frolic, flirtation
daft — silly, foolish, libertine, wild with excitement
dail — deal, fir or pine-wood plank
daimen-icker — occasional ear of corn
dainty — worthy; good-humoured
dang — *past t. of ding*
darklins — in the dark
dashing — cast down
date — season, time of life
daunton — subdue, discourage, cast down
daurk — day's labour
daut, dawt(e) — fondle, caress
daw, dawin (n.) — dawn
dawd — hunk, large piece
dawt(e) — *see daut*
dead — death
deal about — divide, distribute

- deave** — deafen
deevil, de'il, diel — devil;
de'il a (ane) — not a (one),
 no one at all (*expressing
 strong negation*); **de'il-mak-
 matter** — no matter; **de'il
 (devil) haet** — damn all,
 nothing
delver — gardener, labourer
den — dean, dingle
dibble — pointed stick for
 planting seedlings
diddle — jig, move jerkily
diel — *see deevil*
dight — make ready; wipe,
 rub down
dimpl't — dimpled
din — dark, dingy
dine — dinner-time
ding (*past t. dang, p.p. dung*) —
 overcome, beat, push;
dung in — beaten into
dink — trim, finely dressed
dinna — do not
dint — occasion, chance
dirl — shake, rattle, play vigo-
 rously; ~ (*adv.*) — with a
 clatter
diz(z)en — dozen; dozen 'cuts'
 of yarn, the standard of a
 day's spinning
do — put up with
dochter — daughter
doit — act foolishly, blunder;
p.∞. ~ **ed.** — muddled, stu-
 pefied
donsie — hapless, unlucky,
 ill-tempered, unmanageable
dool — sorrow, misery
dorty — supercilious, haughty
doubt — fear, think, suspect
douce, douse — sedate, prudent,
 kindly; ~ **ly** — decorously
doudle — dandle
douk — duck, dip
douna, downa — cannot
doup — backside, buttocks;
doup-skelper — lecher
dour(c), dour(e) — harsh,
 severe
douse — *see douce*
dow — pigeon
dow (*past t. docht*) — be able,
 dare
dowf(f) — pithless, dull
dowie — sad, dismal, melan-
 choly; dejected
down-brae — downhill
dour(e) — *see dour(e)*
doxy — beggar's wench
doysl — dazed, muddled, stupid
dozen, dozin — impotent
drant, drunt — sulks
drap — drop; ~ **ie** — a little
 liquor
drave on — drove on
dree — suffer, put up with
dreeping — dripping (with gravy)
dreigh, driegh — slow, tedious
driddle — dawdle, saunter
driegh — *see dreigh*
drift — flock, herd; falling snow
 driven by the wind
drink (*past t. drank*) — taste
droddum — backside; **dress
 your** ~ — thrash you
drone — pipe of the bagpipe
 sounding one continuous
 note; monotonous humming
droop-rumpl't — with drooping
 haunches
drouk — drench
drouth — thirst; ~ **y** — thirsty
drucken — drunken, tipsy
drumlie — cloudy, gloomy,
 thick-skulled
drunt — *see drant*
dry — thirsty
dub — stagnant pool, pond;
 mud, mire

duddie — ragged, tattered
duddies, duds — clothes; rags
due — fittingly; readily
dunt — dull knock, blow
dwall — dwell
dyke — low dry-stone wall

E

e'e — eye, *pl.* **een, ein**
een — *see e'e*
e'en — even, just
eerie, irie — apprehensive,
dreading spirits
eild — old age
ein — *see e'e*
eith — easy
elbuck — elbow
eldritch — uncanny, unearthly;
ghastly, frightful; haunted
elf — dwarf, bewitching girl
ell — *see comment to N 15*
Embros', Enbrugh (*familiar*) —
Edinburgh
eneuch, enuegh — *see aneuch*
enow — *see aneuch*
Erse — Highland, Gaelic
ettle — purpose, aim
ev'n down — downright, sheer
expeckit — expected
eydent — assiduous, diligent

F

fa' — fall; befall; win, obtain;
lay claim to
fa' — fortune
factor — steward, agent of an
estate
fae — foe
faem — foam
fain — glad, content; **fain**
o' ither — fond of each other
fair — easy; ~ **ly** — clearly,
indeed
fairin — present from a fair;

give (get, take) a fairin —
reward, deserts, punishment
fairy — dwarfish
fallow — fellow, chap
famous — grand, fine
fank — catch
farl — quarter of the circular
oatmeal cake
fash — bother, trouble
fause — false
fausont, fawsont — respectable,
decent, seemly
faut(e), fau't — fault; failing
fauteor — wrong-doer
fawsont — *see fausont*
fear — frighten, scare
feat — spruce, trim
Febarwar — February
fecht (*past t. faught*) — fight;
p. p. **foughten** — harassed,
worn out
feck — value, return; **the feck** —
the majority, most; ~**ly** —
for the most part, almost
fee — hire (as a servant);
~ (*n. pl.*) — servant's (half-
yearly) wages
feg — fig
fegs (*exclam.*) — indeed, truly
feirrie — sturdy
fell — potent, pungent; harsh,
cruel, keen
fen', fend — support; **how do ye**
fen — how do you do
ferlie — marvel, wonder
fetch — draw breath painfully,
gasp
fey — doomed
fidge — shrug, twitch, frisk;
~ **fu'fain** — twitch with ex-
citement
fi(e)nt — devil
fier — hearty, sound
fier(e) — companion, comrade
fin' (*past t. fand*) — find

fiscal — procurator fiscal, attorney
fit(t) — foot, step; *pl.* feet(ie)
fittie-lan' — *see comment.*
to N 22
flae — flea
flaff — flap, flutter
flainen, flannen — flannel
flee — fly
fleech — wheedle, coax, flatter
fleesh — fleece
fleet-wing — fly swiftly
fley — terrify, frighten
flichter — to flutter
flie — fly; something of no value
fling (*past t.* **flang**) — throw, kick, caper
flisk — fret at the yoke
flit — shift, move, go, depart
flittering — fluttering
fock(s) — folks
fodgel — plump and good-looking
foggage — rank grass
foor (*past t. of fare*) — went, travelled
Foorsday — Thursday
for — of
forebye — besides, as well as
forfairn — undone, exhausted, worn out
forgather — assemble, congregate, encounter; ~ **up with** — keep company with
forrit — forward
fother — fodder
fou, fow, fu' — full, drunk; ~ (*adv.*) — very, quite
fouth — plenty
fow — *see fou*
fow — *see comment. to N 22*
frae — from
fraeth — foam, froth
frank — generous, lavish
freak — odd notion, fancy

free — clear, leap over
fremit — strange, aloof, cold
frien' — friend; *pl.* freens
fu' — *see fou*; **fu'-han't** — being full-handed
fud — backside, tail
fun — boisterous sport; **funny** — sportive, whimsical, merry
furm — form, bench
furr — furrow, ditch
fusion — fluidity caused by heat
fyke — fidget; ~ (*n.*) — fuss, commotion
fyle — defile, foul

G

ga' — gall, pustule, sore
gab — talk (readily, eloquently)
gae (*pres. p.* **gaun**; *p. p.* **gaen**) — go, walk
gae — *see gie*
gaets — habits
gaiger, gauger (*n., v.*) — gauge
gaillies — well enough
gain' — against
gait — goat
gang — go depart, walk
gangrel — vagrant, tramp
gar — make, cause, compel
garten — garter
gash — chat volubly, prattle; ~ (*adj.*) — shrewd, witty, smart
gat (*past t. of get*) — got, begot, conceived
gate — road, way, fashion
gaud — goad for driving cattle in the plough; **gaudsman** — boy who goads the team
gauger — *see gaiger*
Gaun — Gavin
gaun — *see gae*
gaunt — gape, gasp
gausie, gawsy — ample, fine, showy, plump

- gawky** — stupid, empty-headed
gear — riches, money, gold of any kind
geck — toss the head in scorn, scoff (at)
gently — dainty, graceful, slender
Geordie, (yellow) George — guinea
get(t) — offspring, brat
ghaist — ghost
gie (*past t. gae, gied, pres. p. giein; p.n. gien*) — give
gif — if
gift(ie) — power, talent
giglet — giddy girl
gill — measure of capacity (= ¼ pint)
gimmer-(pet) — yearling ewe kept as pet
gimp — *see* **jimp**
gin — 1) before, by (of time); 2) if, whether
girdle — griddle for baking scones
girn — grin, snarl
girt('s) — great
giz(z) — wig
glaiKET, glaiKIT — careless; foolish, giddy
glairie — glittering, smooth
glauM — snatch, grab, lay hold of
gleesome — cheerful, merry
gleg — quick, lively, smart; sharp
glib-gabber — smooth-tongued
glimpse — take (have) a look at
gloamin — twilight, dusk
glowr — stare wide-eyed, gaze intently; ~ (*n.*) — scowl
glunch — look sullen, scowl, frown
goom — gum
gor-cock — male of the red grouse
gossip — neighbour-woman
gowan — the flower of the daisy, dandelion, hawkweed
gowd — gold; ~ **en** (*adj.*)
gowk — cuckoo; fool
grace-prood — smugly conscious of divine favour
gracious — friendly, amiable
graff — grave, tomb
grain, grane — groan
graith — tool, ploughing gear; dress, habit; **graithing**—vestments
grane — *see* **grain**
grat — *see* **greet**
great — intimate, friendly
gree — social degree, supremacy; **bear the ~, carry the ~** — win first place
gree — agree
green — yearn
greet (*past t. grat*) — weep, cry
grip — sharp pain
groat — silver coin of small value
grozet — goosberry
grumble — begrudge
grun' (n.) — ground
grustane — grindstone
gruntle — grunt
grushie — thriving, lusty, strong
gude, guid — 1) good; 2) substitute for God; **guid-father**—father-in-law; **guideman** — head of a household; husband; **guidwife** — mistress, wife; **gude-willy** — generous; **gude-willie-waught** — cordial drink
guide — *see* **gude**

gullie, gully — large knife
 gumlie — muddy
 gumption — common-sense
 gust — relish, flavour
 gutcher — grandfather
 gutscraper — fiddler
 gutty — pot-bellied
 gyvel — gable

H

ha' — hall; ha'folk — servants
 ha'd, haud — hold, keep;
 ~ aff — keep away; ~ on —
 persist; ~ you (*interj.*) —
 stay
 haerse — hoarse
 hae — have; hae't, haet —
 have it; devil haet, fient
 hae't — damn all, nothing
 ha'f, haff, hauf — half
 haffet — temple, lock of hair
 haf(f)lins-wise — partly, nearly
 hail, hale, heal — healthy,
 sound, well; health
 hain — save, spare; *p. p.*
 hain'd — enclosed, kept for
 hay
 hainch — haunch, hip
 hair — whit, trifle, trace; deil
 a hair, fien'a hair — not a
 bit
 hairst — harvest
 hairum-scairum — wild
 haith — a petty oath
 haivers — nonsense, gossip
 hald — hold, dwelling, refuge
 hale — *see* hail
 hallan — partition to divert the
 draught
 Halloween — eve of All Saints'
 Day; **Hallow-mass** — festival
 of All Saints
 haly — holy
 hame — home; ~ ly — familiar,
 plain, friendly

han', haun — hand; beside our
 han' — at our own hand, by,
 for ourselves; ~ daurk —
 labour of the hands
 hanker — hang about, loiter
 hansel — new-year or good-
 luck gift
 hap — plaid
 hap — hop
 hap-step-an'-loup — *see com-
 ment. to N 19*
 hark — listen
 harn — coarse linen, sackcloth
 har'sts — harvest
 has been (*n.*) — one past his
 best
 hash — hack, mangle, waste
 haud — *see* ha'd
 hauf — *see* ha'f
 haugh — fertile land by a river
 haun — *see* han'
 havins — behaviour, good
 manners, sense
 haverel — simpleton, half-
 witted
 hawkie — pet name for a cow
 heal — *see* hail; healsome —
 wholesome
 heaped — heaped, well-filled
 hech — *a sighing exclamation*
 heckle — flax-comb
 heeze — lift, exalt, elevate
 held (awa, to) — took my way
 hen (*colloq.*) — a term of en-
 dearment for a girl
 here awa — hereabouts; hither
 (and thither)
 het — hot, burning, excited
 heugh — ravine, pit
 heuk — hook; sickle
 hich, hie — high
 hilch — lurch, limp
 hindmost — last, final
 hiney, hinnie, hinny — honey,
 sweetheart; sweet

hing (*past t. hang*) — hang
hirple — limp, hobble
hissel — flock of sheep
histie — dry, stony
hizzie — wench; whore
hoast — cough
hoddan — jogging along
hoddin — coarse grey home-spun cloth
Holland — holland cloth, fine linen
hollow — halloo
hoolie — slowly, leisurely, gently
horn — horn spoon; **Hornie** — the (horned) Devil
hotch — hitch, jerk about
hough — disable, by cutting the tendons of the hough
houlet — owl(et)
houpe — hope
hove — rise; make swell, distend
howck — dig, delve
howe — hollow valley, glen; ~ (*adj.*) — hollow, deep
hoys — hoist, a pull upwards
hoys — move clumsily, waddle
huff — scold
Hughoc — *dim. of Hugh*
hum — 1) hoax, take in, humbug; 2) mumble
hunder — hundred
hunkers — hams, haunches
hurcheon, hurchin — hedgehog
hurdi — buttocks, backside
hyvie — well-off

I

i' — in, into
ier-oe — great-grandchild
ilka — each, every
ill — evil; **ill-tach** — ill-taken, resented; **ill-willie** — ill-disposed, ungenerous

in during — during
in to — within, to
indentin — pledging, engaging
ingine — talent, genius
ingle — fire burning on a hearth; **ingle-low(e)** — fire-light
I'se — I shall, I will
ither — other, another, further, otherwise else'

J

jacket — coat of mail
jad — mare; wench, hussy
Januar, Janwar' — January
jauk — dally, trifle, waste time
jaukin — delay
jauner — idle chatter
jauntie — journey
jaup — splash
jillet — giddy wench, jilt
jimp, gimp — 1) *v.* jump; 2) *adj.* slender, graceful, neat
jimps — skirts
jink — dodge, dart, slip aside
jirkinet — *see comment. to N 112*
jo, joe — sweetheart, dear
job — intrigue
jocteleg — clasp-knife
jorum — drinking-vessel; punch-bowl
jouk — dodge, duck
jow — toll
jowler — heavy-jawed dog

K

kail — borecole, green kale;
kail runt — stalk stripped of leaves
kane — payment in kind
kebar — long pine pole, rafter
kebbuck — home-made cheese;

~-heel — the hard end of a cheese
keckle — cackle, giggle
keek — peep, peer, glance
ken (*ast t. kenn'd*) — know, learn, be acquainted with, recognize
kennin — (a) little, trifle
kep — keep, catch
ket — matted, hairy fleece of wool
kimmer — *see cummer*
kin', kind — nature, disposition; ~ (*adj.*) — kindly, agreeable; **kindly** — affectionate, loving
king's-hood — second stomach in a ruminant, paunch
kintra — *see countra*
kirk, kirn — church; **kirk-hammer** — clapper of church bell
kirn — 1) *see kirk*; 2) harvest-home, merrymaking at the end of harvest
kirs'n — christen, baptise
kist — chest, coffer
kitchen — season, give relish to
kittle — tickle, excite, rouse; ~ (*adj.*) — likely, difficult, tricky; dangerous, hard to resist
kittlin' — kitten
knagg — knot, spur; ~ie — knobby, bony
knoit — knock
knowe — mound, hillock
knurl, knurlin — dwarf
koontrie — *see countra*
kye — cows, cattle
kyles — skittles
kyte — belly

L

labour — belabour, thrash
lade — load
lae — lie down (to, with)
laft — loft
lag — laggard, backward
laid upon (*ast t. of lay upon*) — assailed
laigh — low
laik, lake — lack
lair — bed, grave
laird — landed proprietor, squire
laith — loath, reluctant; ~fu' — bashful
lake — *see laik*
lallan(d) — lowland
lambie — *dim. of lamb*
lan' — land, country; untilled soil; ~ **afore**, ~ **ahin** — *see comment. to N 25*
lane, lanely — lonely, solitary; *after poss. pron.* — self, **my lane** — when I'm alone; **thy lane** — on your own
lang — long; ~ **syne** — *see syne*
lank — thin and languid
lap — *past t. of loup*
lap — enfolded, wrapped
lave — rest, remainder
laverock, lav'rock — lark
law — decrec, determine
lay — ascribe, attribute; allay
lay, lea, lee — untilled ground left fallow, pasture
lea'e — leave
leal — loyal, faithful, true
lear — learning, lore
learn — teach
least — lest, for fear that
lether — hide, skin; lining of the throat
leddy (*colloq.*) — lady
lee — *see lay*

lee-lang — live-long, whole
leesome — dear, delightful
left-hand — sinister
leister — pronged spear used
in salmon fishing
len' — give, grant
let — allow
leugh — *past t. of laugh*
leuk — look, watch
libbet — castrated; *see comment.*
to N 57
lick — measure, little bit
liein — telling lies
lien — lain
lieve (as ~) — rather
lift — sky, heavens
lift — load, large amount;
gie a lift — give a helping
hand
light — alight
lightly — slight, disparage
like to — likely to, as if
limmer — mistress, whore
link — trip, go briskly
lin(n) — waterfall, cataract
lint — flax plant
list — enlist
loan, loaning — a strip of grass,
serving as pasture, road
locked — closely fastened
lo'e, loove — love
loof — palm
loon, loun — rascal, rogue, fel-
low; whore
loosome — sweet, charming
loot (ast t. of lat) — let, allow
loove — *see lo'e*
losh — Lord
lough — loch, lake
loun — *see loon*
loup, lowp (past t. lap) — leap,
jump
lour — lock threateningly
louse, lowse — loose
lowe — blaze, rage

lowp — *see loup*
lowse — *see louse*
lug — ear; **chimla lug** — side
wall of chimney recess; **lug-
gie** — wooden dish
lum — chimney
lunch — large slice, thick piece
lunt — smoke
lyart — grizzled, grey; streak-
ed red and white

M

mae — more
Mahoun — Devil
mailen, mailin — piece of arable
land held on lease
mair — greater, more; ~ **for
token** — especially, in par-
ticular
maist — most, almost; ~ **ly** —
mostly
mak — make
mamie — *see mither*
'mang — *see amang*
manteele — mantle, cape
mantling — foaming, creaming
mark — Scots coin worth 13s.
4d.
marled — parti-coloured
mashlum — maslin, mixed
meal
maud — shepherd's plaid
maukin — hare
maun — must; **maun(n)a** —
must not
maute — malt, ale; **groan-
ing** ~ — ale provided at a
lying-in
mavis — thrush
maw — mow, reap
meere — mare
meikle, mickle, muckle — great,
plentiful, much; ~ **corn** —
oats

melder — quantity of meal given for a customer at one time
mell — consort, meddle
melvie — soil with meal
mense — sense, tact
messen — lap-dog, cur
mickle — *see* **mikle**
mim — demurely
min' — mind, recollection
mind — remind
minnie, minny — *see* **mither**
mirk — darkness, dark; ~ **some** — dark
musca', miska — abuse, malign
mis(c)hanter — misadventure, mishap
mislear'd — unmannerly, mischievous
miss — mistress, whore
mistak' (*past t. misteuk, p. p. mista'en*) — mistake
mite-horn — horn on the harvest-bug
mither, mamie (*dim.*), **minnie, minny** (*familiar*) — mother
modewurk, moudiewart — mouldwarp, mole
monie, mony — many
mool — earth, clod, grave
moop — nibble, kiss
morn, the — tomorrow
moss — swamp, peat-bog
mottie — spotty
mou' — mouth
moudiewart — *see* **modewurk**
mow(e) — copulate (with a woman)
muckle — *see* **meikle**
muir — moor
muscle — mussel, mollusc
muslin-kail — thin broth, of barley and greens
mutchkin — quarter pint

muve — move
mysel — myself

N

'n — and
na('), no, na(e) — no, not; by no means; **na(e)body, na(e)-thing** — nobody, nothing
naig — small horse, pony
nail('t) — clinch, prove
nane — none
nappy — ale
natch — notch
naur — near
near-hand — almost
neebour, nibor — neighbour
negleckit, negleket — neglected
neist, niest — next, highest
neuk, newk — corner
new-ca'd — newly-calved
nibor — *see* **neebour**
nice — fine, precise
nick — cut, slit
Nick, (Auld ~), Nickie-ben' (*familiar*) — Devil
nidge — push, thrust
niest — *see* **neist**
nieve — fist, clenched-hand; ~ **fu'** — handful
niger — negro
nightly — appearing at night
nine(s), (to the ~) — to the highest degree
nit — nut
no — not, not that
nocht — nothing
noddle — head, brain
nor — than
nor ... nor — neither .. nor
norland — northern, from the north
notion — understanding, fancy, desire
nowte — cattle, oxen
nyvel — navel

O

o' — of
o'boot — into the bargain, as well
ochon, oh-hon — alas
o'er, oer, ower, owre — over; **oergang** — overcome, trample on; **o'early** — necktie; **ower-word, o'erword** — burden, refrain
offer — promise, seem likely to turn out
oh-hon — see **ochon**
onie, ony — any
or — ere, before
orra — odd, spare, extra
ostler house — hostelry, inn
o't — of it
ought, aught — anything; **oughtlins** — anything in the least
ourie — poor, dreary
oursels — ourselves
outcast — quarrel
out-owre — over across, above, beyond
outspark — spoke out, up
out-thro' — right through
ower, owre — see **over**
owsen — oxen, cattle
owther — author
oxter'd — armed, carried under the arm

P

pack (aff) — go packing, depart
pack — intimate, familiar
paetrick — see **pairtrick**
paidle — paddle, wade
painch — belly; paunch
pairtrick, paetrick — partridge
palaver — idle chatter, nonsense
pang — cram, stuff
parishon — parish

parle — speech, language
parliamentin — attending, serving in parliament
parritch, pirratch — porridge
party-match — card contest
pat — pot
pattle, pettle — spade used to clean the plough
paughty — proud, insolent
pauky, pawkie — canning, crafty
pay — give deserts, flog; **pay't hollow** — beat thoroughly
peer — equal, rank with
peghan — stomach
pell mell — in violent disorder
pennie fee, penny-fee — wages paid in money
penny-wheep — small beer
perish — make to perish, destroy
pettle — see **pattle**
philibeg — kilt
phiz (slang) — countenance, expression
pibroch — classical bagpipe music
pickle — small quantity of smth.
pictur'd beuk — see **beuk**
pike, pyke — pick (at)
pin — skewer; gallows-peg
pine — pain, sorrow
pirratch — see **parritch**
pish, piss — urinate
pit — put, made
plack — small coin, copper, nothing worth; ~less — penniless
plaid(ie) — long piece of tartan woollen cloth, used as a cloak
plaister (medic.) — plaster
play — joy, pleasure
pleugh, plew — plough
pliskie — trick

pliver — green plover, lapwing
plush — a sort of velvet
pock — poke, bag
poind — seize goods and sell them under warrant
poortith — poverty
Poosie, Poossie — 1) (*pejorative*) woman; 2) Puss, the hare
poosion — poison
pou, pow, pu' — pull
pouk — poke
pouter, powther — powder
pow — *see pou*
pow — head
pownie — pony
powt — poult, chicken
powther — *see pouter*
pree, prie — try, taste, kiss
preen — pin, something of little value
prent — print
preses — president
prie — *see pree*
prief — proof, substance, quality
primsie — demure, precise
proper — handsome, elegant, fine
proves — provost
pu' — *see pou*
puir — poor
pumps — low-heeled shoes
pun(d) — pounds
pyet — magpie
pyke — *see pike*
pyle — spike, blade; grain

Q

quarrel — dispute, challenge
quat — leave, put by
quean, quine — young girl, sturdy lass, hussy
queer — odd in appearance; roguish
queir — choir

quey — cow, heifer
quietlenswise — quietly
quine — *see quean*
quo' (*past t. of quethe*) — said

R

racked — excessive, extortionate
rade — rode
raep, rape — rope
ragged — unkempt, shaggy
raible — gabble
rair — roar, complain
raise — rose; ~ 'd — made get up
raize — provoke, rouse
ramblan — roving
ramfeezl'd — exhausted
ramgunshoch — ill-tempered
ram-stam — headstrong, reckless
randy — rough, rude fellow; ~ (*adj.*) — course-tongued, riotous
rant — make merry; ~er — riotous fellow, merry singer
rap — knock
rape — *see raep*
raploch — coarse, homely
rash — rush
rattlin'(g) — lively in speech or manner
rattan, ratton, rottan — rat
raucle — rough, coarse, rudely strong
raw — row, file
rax — stretch
ream — cream, froth
rebute — rebuke, reproach
reck — regard, care for
rede — advise, warn
red-wud — violently distracted, stark mad
reek — smoke; **reekin** — streaming with warm blood
reest — stand restive
reestet — smoke-dried

remarkin — observation, entertainment
remead, remeid — remedy, redress
ribban — riband, ribbon
rice — branch
rickle — pile of sheaves, stack
rief — plunder; ~ (*adj.*) — thieving, despoiling
rig — ridge
rig-woodie — withered, coarse, yellow
rin — run
ring — reign
ringer — circlet, binding
ripp — handful of unthreshed corn
ripple — remove seed from flax
risk — make a noise like the breaking of small roots with the plough
rive — break up, part asunder
roaring — brisk, vigorous
rock — distaff
rood — quarter-acre
roon — round, circuit
roose, rouse — 1) stir up, agitate; 2) praise
roosty — rusty
rottan — *see rattan*
round — confidently
roupet, rupit — husky, hoarse
rouse — *see roose*
rousing — outrageous
rout — road, course, way
routh, rowth — abundance, plenty
rove — ramble
rowan (tree) — mountain ash
row(e) — roll, wrap
rowte — bellow, roar, cry loudly
rowth — *see routh*
rozet — resin
rumming — drinking
run-deil — complete devil

rung — cudgel
runkl'd — wrinkled
runt — cabbage stalk; ~ (*adj.*) — stunted
rupit — *see roupet*
ruth — pity
ryke (past. t. raught) — reach

S

's — *shortened form of is, as, us, s(h)all, has*
sab — sob
sae — so
saft — soft, silly
sair — serve, treat, suffice
sair — sorry, sad, aching, hard, harsh; **sair-wark** — hardship; **sair-won** — hard won
sairie, sairy — sorry, mean, wretched
sald — *past t. of sell*
sall — shall
sample — example
sang — song
Sannock, Sawnie — *dim. of Alexander*
sappy — plump, succulent
sark — shirt, chemise; **half** ~ *et* — half-closed
saugh — sallow, willow
saul — soul
saumont, sawmont — salmon; **saumont-coble** — rowing-boat
saunt — saint, puritan
saut — salt
saw — sow
sawmont — *see saumont*
sax — six
scaith, scathe, skaith — hurt, damage
scandal-potion — tea
scant — deficient, poor, scarce; ~ (*n.*) — dearth, poverty
scar — cliff, bank, rock

- scar** — scare, frighten off
scathe — *see scaithe*
scaud — scald
scawl — scolding, abusive woman
scho — she
schulin — schooling
sclates — slates
sconner — feel sick, disgust
score — indentation
scow'r — roister, run
scaichan — screaming
screed — tear, rattle
scriegh — cry shrilly, neigh
scrimp — be sparing of, cut down on; ~ly — scarcely, barely
scroggie(y) — covered with stunted bushes
seam'd — sewn up
see'd — *past t. of see*; far seen — well versed
se'enteen — seventeen
seuple-folk — humble, common folk
sen — *see sin*
sen' — send
servan' — servant
service — toast in homage
set — set out, start off
shachl't — twisted by shuffling
shaird — fragment, remnant
shank (it) — walk
shanna, sha'na — shan't
shaul — shallow
shaver — barber, joker; **shavie** — trick
shaw — show, reveal
shear — reap with a sickle
sheerly — wholly, entirely
sheuch, sheugh — trench, ditch
sheuk — shook
shiel — hut, shanty
shill — shrill
shog — jog, shock
shool — shovel
shoon — shoes
shore — threaten; offer
shouter — shoulder
sib — akin, closely related
sic — such; **siccan** — such like
sicker — secure, safe, steady
sidelins — sideways, obliquely
siller — silver, wealth
silly — poor, pitiful; frail, sorry
simmer — summer
sin, sin', sen — since; ~ **syne** — since then
sin — son
sinn — sun
skair — share
skaith — *see scaith*
skeigh, skiegh — fiery, proud, disdainful
skellum — rascal, scoundrel
skelp — strike, beat, slap; hurry, rush
skiegh — *see skeigh*
skinking — watery
skinklin — glittering
skirl — shriek, yell
sklent — throw aslant; look aslant with malice
skyre — shine; ~ (*adj.*) — bright-coloured
skyte — smart, sudden blow
slade (*past t. of slide*) — slid, stole away
slae — blackthorn
slap — 1) cut, bring down; 2) gap in a dyke or fence
slaw — slow
slee — clever, wise, witty, sly
sleeket, sleekit — smooth, glossy; sly
slight — skill, dexterity, artifice
slip — leash
slype — fall over as a wet furrow from the plough

- sma'** — little, slight, narrow
smeddum — fine powder used as medicine or insecticide
smEEK — smoke
smiddie — smithy
smirking — smiling
smit — smite
smoor — smother
smoutie — smutty, obscene, ugly
smytrie — numerous collection
snap — quick, smart
snapper — stumble
snash — abuse, insolence
snaw — snow
shed — cut off, prune
sneeshin-(mill) — snuff-(box)
snell — keen, bitter
snirtle — laugh quietly, snigger
shood — girl's hair-band
snoove — go steadily on
snore — snort
snowck — snuff, poke about with the nose
snuff — sniff
sodger — soldier
sonsie, sonsy — good-natured
sort — meet together (with)
sough — rushing sound of wind; deep breath
soupe, sowl — sup, drink, mouthful
souple — soften; ~ (*adj.*) — soft, supple
souter, sowter, sutor — shoemaker, cobbler
sowth — try over a tune with a low whistle
sowther — solder, patch up
sowl — see soup
spae — divine, foretell
spail — splinter
spair — spare; ~ (*adj.*) — restrained, reticent
spairge — bespatter
spak — *past t. of speak*
spang — spring, leap
span-lang — small
spavie — tumour caused by inflammation of a horse's shank cartilage
spean — wean
speat — spate, flood
speed — prosper, attain a desire, ~y — quick, brief
speel — climb
speet — spit
spell — study, contemplate
spence — parlour, inner room
spier, speir — ask, inquire
spill — destroy, waste
spin'le — spindle, axe
spalatter — sputter
spleuchan — tobacco-pouch, purse
splore — frolic, uproar
sport — spend in pleasure
spout — spurt, dart
sprattle — struggle, scramble
sprawl — struggle, crawl
sprittie — rushy
spunk — spark, match
squad — company, party
squatter — flutter in water
stacher — toddle, totter, stagger
stack — *past t. of stick*
staig — young horse
stammer — stumble (of a horse)
stan' — stand, stop, stick; ~ (*n.*) — pause, halt
stane — stone; measure of weight
stang — goad, sting
stank — pond, pool of standing water
stap — stop
stare — express clearly; confront
stark — strong, hardly
starn — star

- startle** — take fright; run as
 cattle stung by the gadfly
staukin — walking stealthily
staw — over-feed, stuff
staw — stole, crept
steek — stitch
steek — shut, enclose
steer' — stir, rouse, affect
steer — take one's way
steeve — firm, strong
stegh — cram the stomach with
 food
stell — apparatus for distillation
sten' — leap, bound, turn aside
stent — impost, duty
stey — steep, difficult
stibble — stubble; ~ -rig — the
 reaper who takes the lead
stick — cudgel fragment; a' to
 sticks, stick an' stow — ut-
 terly
stilt — plough handle; ~ (v.) —
 lift the legs high, prance
stimpart — measure of grain
stoiter, stoyte — lurch, stagger
stir — sir
stirk, stot — young bullock
stomach — spirit, temper
stook — set of corn sheaves
stoore — 1) harsh; 2) see **stoure**
stop ... o' — keep from, deprive
 of
stot — see **stirk**
stoun(d) — thrill of pleasure
stoup, stowpe — tankard, meas-
 ure
stoure, stoore — battle, tumult,
 storm; like ~ — swiftly
stoyte — see **stoiter**
strack, strak — past t. of strike
strade — past t. of stride
strae — straw; **strae-death** —
 natural death in bed
straik (n.) — stroke
strak — see **strack**
strang — strong
strappan — strapping, sturdy
straught — stretch (dead);
 ~ (adj.) — straight
streek — stretch
striddle — stride
string — string used as a meas-
 ure
stroan't — pissed
strunt — liquor
strunt — move with assurance
stude — past t. of stand
studdie — stithy, anvil
stuff — store of corn
stump — walk clumsily
sturt — fret, trouble; ~ and
strife — quarrelling, violence
sucke — sugar
sud — should
summon — sing. of summons
sumph — simpleton, sullen ass
sune — soon
Suthron — southerners, Eng-
 lishmen
sutor — see **souter**
swaird — sword
swank — limber, agile; ~ie —
 strapping lad
swap — strike, strike a bargain,
 exchange
swarf — swoon
swat — past t. of sweat
swatch — sample
swats — new small beer
swinge — flog
swirl — a curve, an eddying
 blast or pool
swit (exclaim.) — quickly, away
swither — state of agitation,
 doubt
swoor — past t. of swear
sybow — spring onion
syke — small stream, ditch
syne — then, since; lang syne —
 long since, long ago

T

't — it; 'tis — it is; 'twas — it was
tack — leasehold, tenure
tae (*n.*) — toe
tae *prep., conj.* — to
ta'en — *p. p.* of **tak(e)**
ta(i)rge — discipline, constrain
tak(e) — take, seize; ~ **the gate** — take to the road, get home
tane ... tither — one ... other
tap — top, head; **tapmaist** — topmost
taper — tapering, slender
tapetless — headless, foolish
tapalteerie — topsy-turvy, upside down, in disorder
targe — light shield
tarrow — hesitate; murmur
tassie — silver goblet
tastie — elegant
tauted, tawtied — matted, shaggy
tawie — easy to handle, groom (of a horse)
tawpie — senseless girl
tawtied — *see* **tauted**
tell (*past t.* **tell'd, ta(u)ld**) — relate, enumerate, count the price out
tenpund (*adj.*) — the annual value of ten pounds
tent — field pulpit
tent — heed, care; watch, take heed; ~ **ie** — watchful, careful
tester (*colloq.*) — sixpence
tether — rope, noose
teugh — tough, hardy; violent
thack — thatching
thae — those
thairm — intestine; ~ (*pl.*) — fiddle strings
thanket, thankit — thanked

thegither — together; at a time, continuously
thick — familiar, intimate; going in quick succession
thie — thigh
thieveless — cold, without warmth
thig — take, accept; beg
thir — these
thole — endure, suffer
thorter — cross
thou's(e) — thou art; thou hast; thou shalt
thowe — thaw
thrang — crowd, press of people; crowding, busy
thrapple — throat
thrash — flail, strike (sexually)
thrave — a measure of straw; *see comment. to N 18*
thraw — turn, twist, frustrate
threap — argue obstinately
thresh — beat, belabour; ~ **ing** — beating
threteen — thirteen; **thretty** — thirty
thrissle, thristle — thistle
thrist — thirst
thump — strike; ~ **ing** — 1) exceptionally large; 2) (*colloq.*) fine
thysel — yourself
tiched — touched, affected
tickle — rouse, please, amuse
tight — neat, shapely; tidy, cosy, snug; capable, ready
till — to; **till't** — to it
timmer — timber; wooden edge
tine, tyne (*past t.* **tint**) — lose; get lost
tinkler — itinerant mender of pots and pans, usually a gipsy; low rascal
tip — *see* **toop**
tippence — twopence; **tippeny** —

ale originally sold at 2d. a Scots pint
 tirl — strip, uncover, unthatch
 tirl — rattle at the door, by turning the latch
 Tiseday — Tuesday
 tither, (the) — the other
 tittie, titty (*colloq.*) — sister
 titltlan — tattling, whispering
 tocher — dowry; ~-band — marriage settlement
 tod — fox
 toddlan, todlin — toddling, walking unsteadily
 toddy — whisky, hot water, and sugar
 ton — fashion, mode
 toofa' — beginning (of night)
 toolzie — *see* tulzie
 toom — empty
 toop, tip, tup — ram
 toss — 1) beauty, belle; 2) toast
 tour — turf, sod
 tout — blast (of a trumpet)
 touzle — ruffle, handle roughly
 tow — rope
 tow — fibre of flax prepared for spinning
 towmond, towmont — twelvemonth, year
 towns-bodies — village, farm
 towsing — handling indelicately
 towzie — unkempt, shaggy, rough
 toy — a very old fashion of female head-dress
 toyte — walk like old age, totter
 tozie — warm, cosy, tipsy
 trac'd — harnessed
 tram — cart of barrow shaft
 transmugrify'd — transformed
 trashtrie — rubbish
 tread — trod
 tree — timber, wood
 trepan — inveigle, beguile

trews, trouse — close-fitting trousers
 trick — habit, turn; ~ie — crafty, deceitful
 trig — trim, smart
 trin'le — wheel of a barrow
 trogger — pedlar
 trot — run, bustle
 trouse — *see* trews
 trow — trust, believe
 tryste — meeting, assembly; cattle-fair, market
 tug — raw hide, of which in olden times ploughtraces were made
 tulzie, toolzie — quarrel, contest
 tup — *see* toop
 twa, tway — two; twa-fauld — bent double
 'twad — *see* wad
 twal — twelve, midnight; ~ pen-
 nie — shilling; twelt — twelfth
 twin — separate (from), deprive (of)
 twine — thread
 tyke — dog, cur, mongrel
 tyne — *see* tine
 tyta — pet name for 'father'

U

ulzie — oil
 unchancy — ill-omened, dangerous
 unco — odd, strange; very; ~ (*pl.*) — strange tales
 unkenn'd, unkend(-of) — unknown, unnoticed
 unsicker — unsure
 upo' — upon
 up wi' — here's to; up wi't a' — here's to you
 use't — used, treated
 usquabae, usquebae — Scotch whisky

V

vapour — fancy, whimsy
 vaunte — vain, proud
 vend — sell; advance; utter
 vera — very, actual; true, real
 viewin — view, sight
 viri — band of metal or ivory
 vittel, vitte — grain, fodder
 vogie — vain
 vow (*interj.*) — wow

W

wa', waw — wall
 wab — web
 wabster — Weaver
 wad — covenant, wager; wed
 wad — would; ~ na — would not;
 'twad — it would
 wae (*interj.*) — alas; ~ sucks —
 alas; ~ gae by — may evil
 befall; ~ fu' — bringing mi-
 sery
 waff, waft — sea-trip
 wail — bewail
 wair — spend, lay out
 wale — choice
 walie, waule, wawly — hand-
 some, fine, ample
 wallop — kick the heels, be
 hanged; ~ (n.) — leap, violent
 beat
 wallow — wither, fade, grow
 pale
 walth — wealth
 wame — belly
 wan — *past t., p. p. of win*
 wanchancie — dangerous, un-
 lucky
 wand — branch, slender stem
 wap — wrap
 ware — *p. p. of wear*
 wark (n., v.) — work, labour,
 business; worship; ~ lum —
 tool for work
 warl — world; warly — wordly

warlock — male witch; wizard;
 ~ -breef — charter conveying
 magical powers
 warp — weave
 warran — warrant, guarantee
 warsle — struggle
 wast — west
 wastrie — wastefulness, extra-
 vagance
 waste — waist
 wat — know, be aware of, be
 sure; ~ na — don't know
 wat — wet
 water-fit — a mouth of a river
 wattle — wand, stick
 wauble — swing, move un-
 steadily
 waight — draught, heavy drink
 wauk, wauken — be or stay
 awake, wake up, arouse
 waulie — *see walie*
 wa(ur) — 1) worse; 2) ~ (v.) —
 excel, surpass
 wa(ur)st — worst
 wavering — wandering, flut-
 tering
 waw — *see wa'*
 wawly — *see walie*
 wean — child
 wearing — passing (of time)
 weary — tiring; ~ fa' — a curse
 on
 weason — gullet
 wecht (v.) — sieve
 wee — little bit; while; ~ thing —
 a little, a ~ touch — a very
 little; ~ (n.) — infant
 weel — well, fine; ~ (n.) — wel-
 fare as weel's — as well as;
 ~ 's me on — a blessing on
 weepers — cuffs
 weet — wet, rain
 we'se — we'll
 westlin — western, westerly;
 west country

wether — castrated ram; ~
-haggis — haggis made in
 wether's stomach
wha, whaever — who; **wham** —
 whom; **whase** — whose
whaizle (v.) — wheeze
whalp — whelp
wham — see **wha**
whan — when
whang — thick slice of cheese
whare, whaur — where
whase — see **wha**
whatfore no — why not
whatna — what
whaur — see **whare**
wheep — jerk, jig
whid — word, a lie
whid — move nimbly and
 noiselessly (of a hare)
whig — puritan, hypocrite;
 ~ish — rigid
whigmeleerie — whimsical or-
 nament
whiles — see **whyle**
whin — gorse, furze-bush
whinge — whine, complain
whin-rock, whunstone — whin-
 stone, hard dark rock
whipper-in — huntsman res-
 ponsible for keeping the
 hounds in pack
whirl — rush, rapid trip
whirry — hurry, drive
whitter — draught of liquor
whittle — knife used as a weap-
 on; clasp-knife; surgical knife
whunstone — see **whin-rock**
whyle, whiles — at times, some-
 times; **whyle ... whyle** — at
 times ... at times
wi' — with; **wi'm, wi's, wi't** —
 with him
widdefu' — deserving hanging,
 rascally
wierd — fate, fortune

wifie — wife
wight — creature, fellow
wight — strong, stout
wil-cat — wild-cat
willie — willow
willyart — awkward
wimple — meander; ~ (*adj.*)
 twisting, turning
win (past t., p. p. wan) —
 reach, gain, get; earn
win'(n.) — wind, breath; ~ (*v.*)
 (past t. **win't**) — wind
winkers — eye-lashes, eyes
winna — will not, won't
winnock — window; ~-**bunker**—
 window-seat
wintle — swing from side to
 side, roll
wiss — wish
wit — know
withoutten — without
witty — jocular, merry
won — dwell
wonner — wonder, marvel; (*con-*
temptuous) fine specimen
wonted — accustomed
woo', woo — wool
woodie, woody — withy, rope,
 halter for hanging
woer-bab — garter at the knee
 worn by a suitor
wordie, wordy — worthy
worset — woollen fabric
wrack — torment, punish
wraith — a spirit, a ghost
wrang — wrong
wud — enraged, angry
wyle — lure
wylecoat — flannel vest
wyte — blame, reproach

Y

yad — mare, old horse
yard, yerd — garden

yealing — contemporary in age
yearn — eagle
yell — barren, milkless
yard — *see* yard
yerk — lash, stir up
ye'se — you shall
yestreen — yesterday evening
yet(t) — gate
yeuk (*v.*) — itch; **yeukin'** — it-
ching

yill — ale
yird, yirth — earth
yirr (*n.*) — bark
yokin — contest, turn
'yont — beyond, on the far side
of
youngkers — young folk
yoursel — yourself
yowe — ewe
Yule — Christmas

Л. М. Ариштин

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О РОБЕРТЕ БЕРНСЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Адалис А. **Народный поэт Шотландии.** — Октябрь, 1959, кн. 6, с. 132—138.

Бахтин Н. С. **Лермонтов и Роберт Бернс.** — Минувшие годы, 1908, № 9, с. 149—151.

Белашова Е. С. **Некоторые особенности языка и стиля поэзии Роберта Бернса.** — Ученые записки Черновицкого гос. университета. Сборник научных работ аспирантов, вып. 2. Черновцы, 1957, с. 69—82.

Белашова Е. С. **Переводы В. Д. Костомарова из Роберта Бернса.** — Научный ежегодник Черновицкого гос. университета за 1956 г. Черновцы, 1957, с. 371—379.

Белашова Е. С. **Переводы О. Чюминой из Роберта Бернса.** — Научный ежегодник Черновицкого гос. университета за 1957 г., т. I. Черновцы, 1958, с. 255—258.

Белашова Е. С. **Роберт Бернс в переводах С. Маршака.** — Ученые записки Черновицкого гос. университета, т. 30, серия филологических наук, вып. 6. Черновцы, 1958, с. 69—108.

Белашова Е. С. **Роберт Бернс в переводах С. Маршака.** — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Черновцы, 1959, 15 с.

Бобылева А. **Роберт Бернс в русских переводах.** — Первый сборник студенческих научных работ Северо-Осетинского педагогического института им. К. Л. Хетагурова. Вып. филологический. Орджоникидзе, 1959, с. 141—153.

Брандис Е. С. **Р. Бернс (К 150-летию со дня смерти шотландского народного поэта).** Гос. публ. биб-ка им. Салтыкова-Щедрина; Календарь знаменательных дат. 21. VII. 1946, с. 4.

Венок Роберту Бернсу. (Сост. Г. Фельдман.) М., 1964, 116 с.

Винтерих Дж. **Роберт Бернс и его «Стихотворения».** — В кн.: Джон Винтерих. **Приключения знаменитых книг.** М., 1975, с. 37—46; 2-е изд. М., 1979, с. 37—46.

Гутнер М. Н. **Бернс.** — В кн.: **История английской литературы**, т. I, вып. 2. М.—Л., 1945, с. 623—633.

Демурова Н. М. **Роберт Бернс в оценке первых пролетарских критиков Англии.** (Из истории чартистской критики 40-х годов XIX в.) — Ученые записки Московского гос. пед. института им. В. И. Ленина. Кафедра зарубежной литературы, вып. 4. М., 1959, с. 27—35.

Елистратова А. А. **Роберт Бернс.** Критико-биографический очерк. — М., 1957, 159 с.

Инковский М. **Вторая родина Бернса расширяет границы.** — Дружба народов, 1964, № 6, с. 225—230.

Клименко Е. И. **Вальтер Скотт и Роберт Бернс.** — Вестник Ленинградского университета, 1960, № 2, серия истории языка и литературы, вып. I, с. 83—93; то же в кн.: Е. И. Клименко. **Традиция и новаторство в английской литературе.** — Л., 1961, с. 3—15.

Колесников Б. И. **Роберт Бернс.** Очерк жизни и творчества. — М., 1967, 240 с. (Библиотека словесника).

Колесников Б. И. **Творчество Роберта Бернса и ранний английский романтизм (Вильям Блейк).** — В кн.: Б. И. Колесников. **Традиции и новаторство в шотландской поэзии XIV—XVIII вв.** — М., 1970, с. 190—206.

Коптелов А. **На родине великого шотландца.** К 200-летию со дня рождения Р. Бернса. — Сибирские огни, 1959, № 1, с. 159—162.

Куосайте Э. **Особенности поэтического образа у Бернса и Шекспира.** — В кн.: **Грузинская шекспириана**, 4. — Тбилиси, 1975, с. 200—208.

Левенсон А. З. **Бернс и Шевченко.** — Научные записки Харьковского пед. института иностранных языков, т. I. Харьков, 1939, с. 109—122.

Леокумович Т. **Мастерство С. Маршака — переводчика Бернса.** — Сборник студенческих научных работ Смоленского пед. института. Смоленск, 1960, с. 74—85.

Макарова Е. А. **О сатире в творчестве Бернса.** — Вопросы литературы, 1959, № 2, с. 111—130.

Макарова Е. А. **Социальная сатира в поэзии Бернса восьмидесятых годов.** — В кн.: Романо-германская филология, вып. 2. М., 1958, с. 183—202.

Маршак С. Я., Райт-Ковалева Р. Я. **Роберт Бернс (1759—1959).** Материалы к вечеру, посвященному 200-летию со дня рождения. — М., 1958, 7 с. (Всесоюзная гос. библиотека иностранной литературы).

Маршак С. Я. **Поэзия труда и мира.** К 200-летию со дня рождения Бернса. — Народное образование, 1959, № 1, с. 82—83.

Маршак С. Я. **Роберту Бернсу 200 лет.** — Культура и жизнь, 1959, № 6, с. 59—60.

Морозов М. М. **Роберт Бернс.** — В кн.: Роберт Бернс в переводе С. Маршака. М., 1950, с. 3—25; то же: М., 1954, с. 3—26; то же в кн.: М. М. Морозов **Избранные статьи и переводы.** — М., 1954, с. 311—330; М. Морозов. **Шекспир, Бернс, Шоу...** — М., 1967, с. 269—284; Михаил Морозов. **Избранное.** — М., 1979, с. 487—502.

Нечипорук О. Д. **Роберт Бернс в украинских переводах и литературоведении.** — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — Кисв, 1969, 21 с.

Орлов С. А. **Бернс в русских переводах.** — Ученые записки Ленинградского гос. пед. института им. А. И. Герцена, т. 26. Кафедра всеобщей литературы. Л., 1939, с. 225—255.

Орлов С. А. **Бернс и фольклор.** — Ученые записки Куйбышевского гос. пед. и учительского института им. В. В. Куйбышева, вып. 6. Куйбышев, 1942, с. 124—152.

Орлов С. А. **Вальтер Скотт и поэзия Роберта Бернса.** — Ученые записки Горьковского гос. университета им. Н. И. Лобачевского, вып. 52. Горький, 1961, с. 247—264.

Орлов С. А. **Крестьянский вопрос в поэзии Бернса.** — Ученые

записки Куйбышевского гос. пед. и учительского института им. В. В. Куйбышева, вып. 7. Куйбышев, 1943, с. 381—393.

Орлов С. А. **На языках народов нашей страны** (Бернс. «Джон Андерсон»). — В кн.: **Литературные связи и традиции**. Межвузовский сборник, вып. 3. Горький, 1972, с. 99—112.

Орлов С. А. **Народный поэт Шотландии**. (К 200-летию со дня рождения Р. Бернса.) — Горький, 1959, 37 с.

Орлов С. А. Т. Л. **Щепкина-Куперник** — переводчица Бернса. — В кн.: **Литературные связи и традиции**. Межвузовский сборник, вып. 5. Горький, 1974, с. 110—129.

Райт-Ковалева Р. Я. **Роберт Бернс**. М., 1959, 366 с. («Жизнь замечательных людей»); 2-е изд. — М., 1961, 366 с.; 3-е изд. — М., 1965, 352 с.

Райт-Ковалева Р. Я. **Роберт Бернс и шотландская народная поэзия**. — В кн.: Р. Бернс. **Стихотворения. Поэмы**. М., 1976, с. 5—24.

Роберт Бернс. 1759—1796. (К 200-летию со дня рождения.) — М., Знание, 1959, 32 с.

Рогова Е. В. **Творчество Роберта Бернса**. (Лекция-пособие для студентов-заочников по литературе XVIII в.). — Кишинев, 1969, 27 с.

Севрюгина Л. В. **Крестьянская тема в поэзии Роберта Бернса**. — Ученые записки Елецкого педагогического института, вып. 4, 1959, с. 173—198.

Севрюгина Л. В. **Роберт Бернс — великий шотландский поэт**. — Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. — М., 1955, 16 с.

Сурков А. А. **В краю Бернса**. — Огонек, 1953, № 33, с. 25; то же в кн.: А. А. Сурков. **Голоса времени**. — М., 1965, с. 65—70. А. А. Сурков. **Собрание сочинений в 4-х т., т. 3**. — М., 1966, с. 385—390.

Твардовский А. Т. **Роберт Бернс в переводах С. Маршака**. — Новый мир, 1951, № 4, с. 225—229; то же в кн.: А. Твардовский. **Статьи и заметки о литературе**. — М., 1961, с. 68—82; 2-е изд. — М., 1963, с. 84—97.

Роберт Бернс
СТИХОТВОРЕНИЯ
(На английском языке)

Составитель Инна Михайловна Левидова

ВЫШЛА В СВЕТ

МАРРИЕТ Ф. Мичман Тихий: Р о м а н

Английский писатель Фредерик Марриет (1792—1848) — автор произведений, посвященных морю, отличающихся не только увлекательной фабулой, но и точностью описания обычаев в британском флоте. Роман «Мичман Тихий» — наиболее полно представляет творчество Марриета, ставшего в Англии одним из популярнейших писателей для юношества.

Издание сопровождается комментариями.

ИБ № 10075

Редактор *Харлашина Е. А.*

Художник *Соловьев В. Б.*

Художественный редактор *Иващенко Т. В.*

Технические редакторы

Мишина Е. В. Кочеткова Г. Б., Колчина Е. В.

Корректоры *Данинбург Л. В., Солнцева Е. В.*

Сдано в набор 29.01.1982 г. Подписано в печать 13.09.1982 г. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура таймс. Печать офсетная. Условн. печ. л. 36,96. Уч.-изд. л. 28,45. Тираж 150 000 экз. Заказ № 949. Цена 2 р. 40 к. Изд. № 32897. Издательство «Радуга» Государственного комитета СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

